

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА

I. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА А. И. ГЕРЦЕНУ. ПУБЛИКАЦИЯ А. АСКАРЯНЦ и З. КЕМЕНОВОЙ. ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИЙ Ю. КРАСОВСКОГО. — II. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА П. Л. ЛАВРОВУ. ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИЙ Ю. КРАСОВСКОГО. — III. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Т. В. ПАССЕК. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА. — IV. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Е. П. ПЛАУТИНОЙ. ПУБЛИКАЦИЯ С. ПЕРЕСЕЛЕНКОВА. — V. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА РАЗНЫМ ЛИЦАМ. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА и С. ПЕРЕСЕЛЕНКОВА

I. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА А. И. ГЕРЦЕНУ

Публикация А. Аскарянц и З. Кеменовой

Предисловие и комментарий Ю. Красовского

Данная публикация писем Н. П. Огарева к А. И. Герцену является самой большой по объему и наиболее значительной по содержанию из появившихся за последние 15—20 лет. Самой большой — потому что она содержит 151 письмо Огарева, — до сих пор такого количества писем Огарева еще не публиковалось; значительной — потому что эти письма в основном относятся к шестидесятым годам, т. е. к периоду совместной работы Герцена и Огарева в «Колоколе» — наиболее важному и плодотворному периоду их общественной жизни. Эти письма говорят также о богатой внутренним драматизмом личной жизни лондонских изгнанников; они рассказывают историю личных взаимоотношений Герцена, Огарева и Н. А. Тучковой-Огаревой и многих других «личных конфликтов» семейного гнезда Герцена — Огарева. Естественно, что эти письма, являясь исключительно ценным материалом для понимания личности и литературно-общественной деятельности Огарева, в то же время не в меньшей степени важны и для характеристики Герцена, поскольку и совместная работа и жизнь, и личные переживания их тесно переплетены друг с другом; тот или иной факт или та или иная ситуация у Огарева всегда получала то или иное отражение и в жизни Герцена. Сопоставление этих писем с письмами Герцена к Огареву показывает исключительно тесную взаимосвязь двух друзей, удивительную в своем постоянстве и дружеской даже в минуты политических расхождений или в моменты личных столкновений. Никакое сцепление личных обстоятельств, никакие серьезные принципиальные разногласия не могли всерьез нарушить эту замечательную дружбу двух людей, продолжавшуюся 40 лет. «Чувство боли, которое оставил мне твой отъезд, превосходит мое ожидание», — признается Огарев в одном из своих позднейших писем. Поэтому никак нельзя переоценить большое историко-литературное значение этого материала.

Публикуемые письма Огарева охватывают довольно большой по времени период: первое письмо датируется 1856 г., т. е. годом приезда Огарева в Лондон, последнее помечено серединой января 1870 г., т. е. оно написано за несколько дней до смерти Герцена. Но в распределении их по годам надо отметить большую неравномерность: так к 1856 г. относится 1 письмо, к 1857 г. — 1, к 1859 г. — 3, к 1860 г. — 12, к 1861 г. — 1, к 1862 г. — 1, к 1864 г. — 2, к 1865 г. — 7, к 1866 г. — 6, к 1867 г. — 43, к 1868 г. — 15, к 1869 г. — 59 и к 1870 г. — 3. Из этого перечня видно, что иногда к одному году относятся одно, два, три письма, а к другому году — больше десятка. Но это имеет свое объяснение и свою закономерность. До 1859—1860 гг. Герцен и Огарев жили вместе, и, естественно, что их переписка могла иметь случайный, эпизодический характер. В 1859 г. Герцен, как известно, ездил на континент, а затем осенью 1860 г. жил в Борнмаусе отдельно от Огарева. Это совпадает и с «обострением» отношений Герцена и Огарева в личном плане: Н. А. Тучкова-Огарева становится женой Герцена, Огарев сходится с Мэри Сетерленд — совместная жизнь становится фактически невозможной. К этому периоду относится довольно значительное количество писем Огарева. Кроме 11 писем, опубликованных в 1917 г. М. О. Гершензоном в четвертом томе «Русских Пропилеев» и потому не вошедших в нашу публикацию, имеется еще 16 писем этих же годов, что в общей сумме дает 27 писем, которые, повидимому, и составляют всю

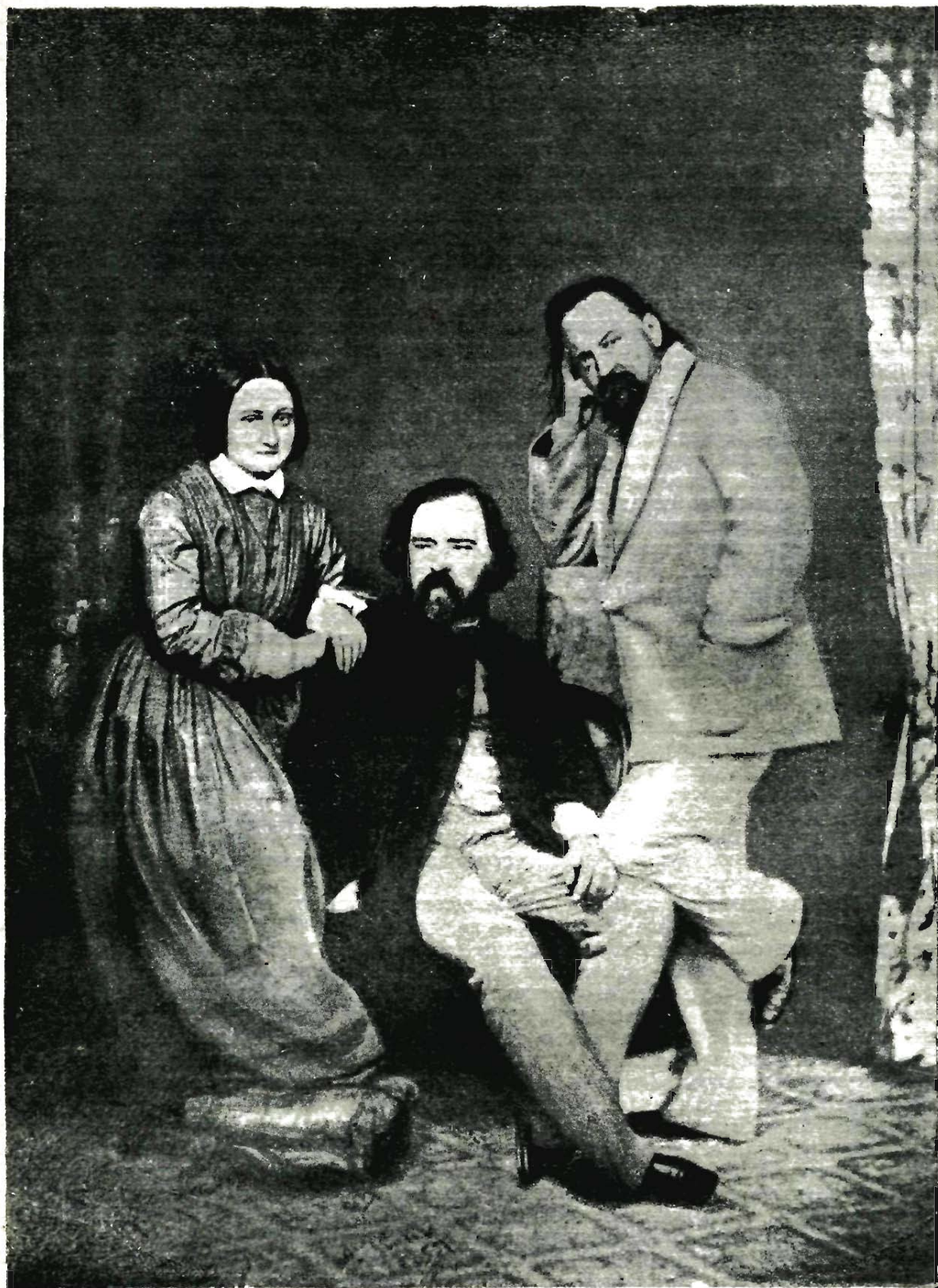
сохранившуюся переписку за этот период. Годы 1861—1864 мало отражены в письмах: жизнь с Герценом в одном городе, некоторое ослабление драматических коллизий в личной жизни, повидимому, не вызывали необходимости письменных сообщений. Зато резко повышается количество писем с момента переезда в Женеву в 1865 г. и особенно с 1867 г. Огарев постоянно живет в Женеве, а Герцен переезжает с места на место: то он в Ницце, то во Флоренции, то в Париже, а по скольку издательско-литературная деятельность Герцена и Огарева, хотя и сильно уменьшившаяся, все-таки продолжалась, то естественна и большая переписка, как по деловым, так и по личным вопросам. Эти годы (1867—1870) дают основную массу писем — более 76% общего их количества. Желание не нарушать общей картины этих лет продиктовало включение сюда 3 писем, в свое время опубликованных в «Архиве Огаревых». Но, конечно, едва ли можно сомневаться в том, что далеко не все письма Огарева 60-х годов оказались собранными в этой публикации: несомненно, существовали и другие, не дошедшие до нас письма (поскольку о них имеются упоминания и в письмах Герцена и в ответах Огарева), частично отправленные по почте, а частично с оказией, каковой большей частью являлся С. Тхоржевский; вполне возможно, что эти последние письма носили конспиративный характер, который не позволял доверить их почте.

В таком большом эпистолярном не может быть единой общей темы, если, конечно, не считать таковой всю совместную деятельность Герцена и Огарева; но, тем не менее, та или иная тема проходит по многим письмам, то исчезая, то снова появляясь; во всяком случае, намечаются они в публикуемых письмах достаточно четко и рельефно.

Наиболее интересной темой для нас, конечно, является тема совместной революционно-издательской деятельности Герцена и Огарева («Колокол», «Полярная Звезда», «Вольная Русская Типография» и т. п.), тема Огарева как верного соратника Герцена в их общей борьбе с русским самодержавием. Эта тема получила отражение в многочисленных указаниях и упоминаниях о подготовке того или иного номера «Колокола», о встречах и разговорах с теми или иными участниками лондонской эмиграции, в рассуждениях о тех или иных крупных политических событиях того времени (как, например, о т. н. «варшавском свидании трех императоров» в 1860 г. и т. п.). Мимо этих, иногда внешне, как будто, случайных, мимолетных упоминаний не может пройти ни один историк общественного движения 60-х годов, настолько они в общей сумме дают интересный и показательный итог. Но особенно подробно тема совместной работы над «Колоколом» проходит в женевских письмах Огарева. Когда в 1866—1867 гг. Герцен несколько «отошел» от редакторской работы над «Колоколом», Огарев писал ему 7 февраля 1867 г.: «...в твой такт для издания «Колокола» имею полную веру, а в свой такт ни на копейку... Я могу писать по известным вопросам и мог бы писать гораздо лучше, если б это было не в журнальной, а просто в диссертационной форме. Что я буду делать один?..» и усиленно звал Герцена снова с полной энергией взяться за издание «Колокола». Из огаревских писем видно, какую громадную работу проделали Герцен и Огарев в качестве редакторов, а потом, когда «Колокол» стал быстро клониться к упадку, и почти единственных сотрудников, целиком заполнявших страницы «Колокола» своими статьями и заметками.

Как известно, переезд в Женеву был вызван желанием поднять быстро падающую популярность «Колокола», «приблизиться» к новым революционным веяниям, новым революционным силам, которые, главным образом, сосредоточились в Женеве, ставшей к середине 60-х годов центром русской эмиграции. Но, как известно, этот переезд не возбудил «Колокол» к жизни, отношения с «молодой эмиграцией», возглавляемой А. А. Серно-Соловьевичем, сразу не наладились, а вскоре приняли острую форму: Герцен и Огарев оказались изолированными. И вот, теме «молодой эмиграции» довольно много места уделено в письмах Огарева: он усиленно настаивает на соглашении с ней, на «руководстве» ею, на выработке общей политической платформы. Уже в письме, относящемся к осени 1865 г., читаем:

«Как ты хочешь, но все же я не могу смотреть на здешнюю несчастную молодежь с твоей ригористической точки зрения. Я сам в себе не нахожу той чистоты, которая давала бы мне право на ригоризм... Заметь также, что большая доля из них способна трудиться. Об одном не стану спорить, что у них смысл ограничен. Следственно, что же нам оставалось делать относительно их — упорно воспитывать, а не отталкивать, не обижаться вздором — а вывести на настоящий путь...», на что Герцен отвечал саркастическими характеристиками низкого политического и интеллектуального уровня женевской «молодой эмиграции», заявляя, что ни в какую ее мало-мальски плодотворную работу он не верит. Отношения с «молодой эмиграцией», несмотря на примирительные тенденции Огарева, продолжали обостряться и закончились полным разрывом после известной брошюры Серно-Соловьевича. Мы не будем подробно касаться этой интереснейшей темы в письмах Огарева, поскольку ей посвящена специальная статья в № 41—42 «Литературного Наследства»; для нас важно отметить, что, в отличие от Герцена, Огарев с самого начала довольно твердо

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ И Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Фотография, 1850-е гг.

Институт литературы, Ленинград

взял курс на совместную работу с новыми революционными элементами, и эту свою направленность сохранил до конца. И в этом очень любопытная особенность политической физиономии Огарева. «Молодая эмиграция» была первым серьезным разногласием Герцена с Огаревым, разногласием, знаменующим дальнейшие расхождения их по целому ряду серьезных политических вопросов. Стремление Огарева к объединению выразилось, между прочим, и в участии в так называемой «Лиге мира и свободы», участвовать в которой Герцен категорически отказался. Правда, и Огарев в одном из своих писем, после подробного описания заседаний конгресса Лиги, вынужден был сознаться, что «конгресс все-таки не удался, были речи очень хорошие, но до дела не доходящие. Неопределенность конгресса навевала на меня скуку» (письмо от 12 сентября 1867 г.). Но эти расхождения с Герценом не имели в конечном счете серьезного характера, гораздо значительнее они стали позднее, когда в Женеву переехал М. А. Бакунин. Настроенный вначале крайне настороженно по отношению к последнему («от приезда Бакунина не жду ничего хорошего» — в письме от 28 августа 1867 г.), Огарев постепенно стал склоняться на его сторону, видя в нем, несмотря на его громкую фразеологию, серьезную революционную силу, силу, способную к активным действиям, о которых он всегда так мечтал и думал. Это сближение с Бакуниным вызывало, естественно, достаточно резкую критику Герцена. В результате создавалась тяжелая психологическая обстановка для Огарева: с одной стороны — Герцен, его многолетняя дружба, его требования, с другой стороны — Бакунин, как крупная революционная сила, обещающая, как будто, так много. Этот момент отражен в письме от 5 мая 1869 г.: «Мне приходится, — читаем там, — стоять как-то по середине между элементом шума (т. е. Бакуниным. — Ю. К.) и элементом консервативного социализма (т. е. Герценом. — Ю. К.). Как это тяжело, мой во всяком случае страстно любимый брат — ты себе этого представить не можешь...». Студенческие волнения 1868—1869 гг., появление новых революционных кружков и вообще наметившийся подъем революционного движения всколыхнул Огарева. Он «забунтовал» по выражению Герцена. Он написал статью-воззвание к студентам и потребовал, чтоб Герцен это воззвание подписал. «Вижу в этом необходимость — поднятие молодых сил и воскресение (в скором времени) заграничной типографии... Она [статья] с подписями дело необходимости — и только!» (письмо от 19 апреля 1869 г.). Отказ Герцена произвел очень тяжелое впечатление на Огарева и еще более приблизил его к Бакунину. Он отвечал Герцену, что если сил на новую борьбу у него нехватит, «то молодому поколению мешать все же не стану». Интересно отметить, что в то время как Герцен не видел никаких перспектив для дальнейшего существования заграничных изданий и обнадеженный помещением одной из своих статей в легальной «Неделе», предлагал и Огареву пойти по его следам, Огарев 30 марта 1869 г. писал: «... не верю я, caro mio, чтоб мы могли продержаться в русской печати под какой бы то ни было фирмой, а заграничная пресса остается необходимостью...».

В 1869 г. одним из основных лейтмотивов огаревских писем является мысль, что «заграничная пресса скоро понадобится», что настал новый период борьбы. Первое упоминание о С. Г. Нечаеве находим в письме от 7 апреля 1869 г. («русский юноша приехал...»), затем упоминания о «русском мужичке» «вою» становятся все чаще; чувствуется, что Огарев серьезно заинтересовался Нечаевым. Герцен, как известно, сразу же по отношению Нечаева занял отрицательную позицию. Но нам кажется, что письма Огарева и его некоторые критические высказывания о Бакунине дают основание считать, что союз с Бакуниным и Нечаевым не являлся для него союзом политическим в полном смысле этого слова, а скорее союзом стратегического порядка: в Бакунине и Нечаеве Огарев видел выразителей активной революционной силы, возможность новой революционной борьбы, противопоставляя их революционную «действенность» скептицизму и революционному пессимизму Герцена. Эту установку Огарева нельзя не расценить, с одной стороны, как глубоко положительную, в плане стремления Огарева к активной революционной деятельности, но в то же время, с другой стороны, несомненно, союз с Нечаевым и Бакуниным являлся серьезной политической ошибкой Огарева, и Герцен в своем отрицании бакунинско-нечаевских принципов был более прав и дальновиден, чем Огарев. Но этой теме должна быть посвящена отдельная статья, и мы не можем подробно разбирать ее здесь.

В письмах Огарева, помимо Бакунина, Нечаева и Серно-Соловьевича проходят и другие крупные представители тогдашней эмиграции, как-то: известный «князь-республиканец» П. В. Долгоруков, В. И. Кельсиев, Н. И. Жуковский, В. И. Касаткин, В. Ф. Лугинин и др.; встречаются отзывы о М. П. Погодине, И. С. Аксакове, М. Н. Каткове и других «вождях» противоположного лагеря, а также многочисленные отзывы о журналах, газетах, о некоторых литературных произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, Гл. Успенского и т. п., разбор различных экономических теорий. Кстати, надо указать, что вопросы экономики, в частности различные аграрные и финансовые теории, всегда очень интересовали Огарева, и это получило, конечно, достаточное отражение и в его письмах, и надо думать, что страницы, посвященные анализу той или иной экономической теории, дадут воз-

возможность подробно разработать вопрос об экономических взглядах Огарева, вопрос, до сих пор почти не затронутый в нашей литературе.

В письмах Огарева много материала, так или иначе характеризующего жизнь русской эмиграции 60-х годов: типография Л. Чернецкого и взаимоотношения с ним С. Тхоржевского, продажа долгоруковского литературного наследства III Отделению, в лице «издателя Постникова», забастовка женевских рабочих 1869 г. и т. п. Из обилия кажущихся мелочей и случайностей легко восстанавливается общая картина эпохи и на ее фоне — картина жизни двух замечательных русских людей, их замечательной деятельности.

Единственной темой, которая проходит почти через все письма Огарева, является тема личного порядка — тема взаимоотношений с Н. А. Тучковой-Огаревой и Герценом и связанная с этим тема детей, Мальвиды Мейзенбург, Мэри Сетерлэнд и т. п. Эта драматическая сторона жизни Герцена и Огарева достаточно полно была освещена как в опубликованных М. О. Гершензоном письмах Н. А. Тучковой-Огаревой, так и в письмах самого Герцена, т. е. другими словами по этому вопросу полностью высказались два участника; ныне же выступает и третий участник этой драмы — Огарев, письма которого в этом отношении имеют очень большое значение для окончательного выяснения всех деталей. Письма Огарева вносят необходимые коррективы, тем более ценные, что Огарев был единственным участником драмы, действительно оставшимся на высоте и показавшим образцы исключительно высокого человеческого-значительного отношения и к своему другу, и к той, которая стала его женой.

Собственно говоря, о самой драме личной жизни Герцена — Огарева и ее перипетиях непосредственно говорится мало, но почти все первые письма фактически полны ею, эта тема проходит в них хотя и скрыто, но в то же время и довольно явственно. В письме, приблизительно датированном 1857—1858 гг., Огарев говорит о своем желании уехать, скрыться в «пустыню», об ощущении надвигающейся гибели. Он молит, «чтоб мир сошел в наши в сущности необлеченные души...» (письмо от 17 августа 1859 г.). Повидимому, Герцен советовал своему другу как-то отойти, оставить их, из чувства самосохранения, на что Огарев отвечал: «Внутренняя потребность спасти Натали из любви к ней, из любви к Лизе, из любви к Алексею Алексеевичу [Тучкову, отцу Н. А. — Ю. К.] может быть безуспешна; но не иметь ее и не действовать по ее побуждению не придает мне никакой силы, кроме силы самопрезрения...». Эта мысль варьируется на разные лады в целом ряде писем. Принесение себя в жертву ради «спасения» другого человека, — является одной из самых характерных черт Огарева как идеалиста 40-х годов, как «кающегося дворянина». А с другой стороны, Огарев, который «не мог отстать от привычки любить Натали», хорошо видел и теневые стороны личной жизни Герцена. «От нее [Натали. — Ю. К.] я еще не получал писем, но из твоего мне сдается, что между тобой и ей лежит чувство ненависти, которое ты только иногда усиленно можешь победить, из чувства долга, гуманности», — читаем мы в письме от октября 1860 г. Сейчас личность Н. А. Тучковой-Огаревой обрисована в литературе достаточно для того, чтобы признать бесспорной ее резко отрицательную роль в жизни Герцена и Огарева. Человек больших страстей и пристрастий, человек «невыносимо-тяжелого характера» — по характеристике Н. А. Герцен, она внесла очень много тяжелого в их жизнь. Из писем Огарева мы видим, что даже у него, человека исключительно кроткого характера, измученного бесконечными терзаниями, иногда срываются резкие слова по отношению к Н. А. Тучковой-Огаревой, и он ставит ультимативное требование, чтобы она «приняла на себя всю ответственность» за свои поступки, угрожая отказать «от всякого участия в чем бы то ни было...». Смерть двух близнецов Лели-боу и Лели-girl в 1864 г., как известно, была новым осложняющим моментом в жизни семейного гнезда Герцена — Огарева; Н. А. Тучкова-Огарева восприняла это как кару за свои преступления перед богом и людьми, жизнь Герцена становится совершенно невозможной. «Жить эдак дальше нельзя, — пишет Огарев в одном из своих писем этого периода, — надо чем-нибудь разрешать». «Я старался все это время быть настолько мягким, чтоб как-нибудь был возможен серьезный разговор. Но он решительно невозможен», — пишет он в другом письме. Объяснить Н. А. — «что она разрушила семью и никто кроме нее не виноват в этом — и если другие поступают глупо или нехорошо, то это только последствия ее начала» — безнадежно, поскольку она «в своей добродетели уверена». И тут же рядом обычное огаревское самообвинение, самобичевание: «Это болезнь — и, не говоря уже о ней самой, я думаю, что мы оба виноваты в этой болезни, именно потому, что мы вели дело не терапевтически, не психиатрически, а страстно...». Ко всему этому прибавлялось и отрицательное отношение старших детей Герцена к Н. А. Тучковой-Огаревой, обусловившее такое положение, при котором никакой общей семьи создать было нельзя. Регулярно повторяемые попытки Н. А. Тучковой-Огаревой уехать в Россию, куда ее звала ее сестра Е. А. Сатина, крайне нервировали и Герцена и Огарева, поскольку Н. А. собиралась увезти в Россию и Лизу, которую страстно любили оба («Лиза составляет мое наслаждение», «такой привязанности к ребенку как к ней, у меня с роду не было», — признается Огарев), и письма Огарева, подобно письмам Герцена, полны

резких высказываний по поводу неуместного вмешательства Сатиных в их личную жизнь.

Особое место занимает тема детей — Саши, Таты и Ольги, не говоря уж о Лизе, тема их воспитания, и естественно, что Мальвида Мейзенбург, приглашенная Герценом в качестве воспитательницы, занимает также достаточно много места в письмах Огарева, как в связи с ее разногласиями с Н. А. Тучковой-Огаревой, так и в связи с Ольгой Герцен, из которой она целиком сделала иностранку, совершенно изолировав ее от остальной семьи Герцена, что очень было неприятно для последнего, точно так же, как и для Огарева. В письмах 1869 г. много об истории Пенизи — Таты, многими своими чертами напоминающей историю Н. А. Герцен с Гервегом.

И, наконец, еще одна большая тема — проходящая в письмах Огарева — это тема Мэри Сетерлэнд, долголетней подруги Огарева, с которой он сошелся в 1859 г. и прожил до последних дней своей жизни. Сближение Огарева с Мэри Сетерлэнд, его желание «спасти» ее, сделать из нее настоящего человека (Мэри Сетерлэнд, как известно, была обычной лондонской проституткой), встретило резкие возражения Герцена, видевшего в этом эпизоде просто слабование и мягкосердечие Огарева и, повидимому, даже на первых порах требовавшего прекращения этой связи. Но обычно кроткий и уступчивый Огарев в этом случае оказал упорное сопротивление, гневно обрушившись на своего друга. Огарев писал: «Итак, мало того, что я живу *sur le qui vive*, что вот не сегодня — завтра, являясь лугом перед женщиной, которую я выучил понимать по-человечески, я сведу ее на отношение девки на содержании и столкну ее в грязь и отчаяние, что не сегодня — завтра расшибу собственным кулаком существо, которое собственной дружеской рукой спас... Надо отказаться и от женской ласки, от ласки и наблюдения за развитием заброшенного ребенка [Генри — сына Мэри. — Ю. К.], который мне дорог, потому что я его спас — это все не для меня; я не имею права на личность — и должен отказаться от этого права, не ради земского дела, а ради хора [общественного мнения — Ю. К.]. О, Герцен, каких ты нечеловеческих усилий от меня требуешь!» (письмо от 2 октября 1861 г.). Письма Огарева дают очень любопытную картину этой борьбы за Мэри Сетерлэнд: несмотря на сильный напор Герцена, Огарев не отступает ни на шаг, твердо защищая свое право на личное счастье, на самопожертвование и «спасение» «погибшего, но милого создания». История с Мэри Сетерлэнд — для обрисовки психологического образа Огарева — по его письмам дает исключительно яркий материал. Но письма Огарева не дают разгадки, что же собственно представляла из себя Мэри Сетерлэнд. Отзывы о ней очень противоречивы. Целый ряд свидетелей (Н. А. Тучкова-Огарева, Герцен и др.) отзываются о ней весьма отрицательно и оценивают ее влияние на Огарева как погубное. В то же время мы знаем исключительно человеческое, заботливое отношение Огарева к ней. Его чувство к Мэри Сетерлэнд удивляет нас редкой чистотой и красотой человеческого отношения. История с Мэри Сетерлэнд — этот «последний акт... траги-комической жизни» Огарева, является в высшей степени показательной для всего духовного облика Огарева, в его удивительной законченности и цельности, — в смысле соответствия психологии раннего Огарева — мечтателя и идеалиста 40-х годов и позднего Огарева — революционера 60-х годов.

Еще одну тему стоит отметить, поскольку она занимает довольно значительное место в письмах Огарева — это его тяжелые материальные условия жизни, его зависимость от субсидий Герцена и присылок из России от Сатиных, которые часто задерживались, что создавало для Огарева иногда крайне затруднительное положение. Богатейший русский помещик, освободивший восемь тысяч крепостных, раздававший своим друзьям деньги направо и налево, под конец жизни сильно нуждался, был принужден напоминать своим «должникам» о денежной помощи.

Подводя итоги всему сказанному, мы хотели бы еще раз подчеркнуть большое историко-литературное значение этих писем, глубокую психологическую насыщенность, делающие их настоящими человеческими документами, рисующими Огарева как писателя, политического деятеля и человека замечательной нравственной высоты, сумевшего пронести ее через все испытания времени. Огарев в этих своих письмах встает перед нами удивительным образом мечтателя-гуманиста, плоть от плоти, кровь от крови замечательной плеяды людей 40-х годов, но в то же время не остановившегося в своем росте, не свернувшего вправо, как сделали многие из его спутников юности, а ставшего борцом-революционером, достойным соратником Герцена, по праву занимающим в истории России место рядом с ним.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, полностью, без каких-либо купюр, с приведением посылаемых Огаревым стихотворений. Основные особенности орфографии оригиналов соблюдены, за исключением явных описок и тех случаев, когда точное следование оригиналу затрудняет правильное понимание смысла. В комментариях часто встречаются ссылки на полное собрание сочинений А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке — причем в целях экономии места оговариваются только номер тома и страницы.

[Апрель 1856 г.]

Натали¹ потребовала карандаш, а я взял перо. Положим, что писать легче; я думаю, что это и правда, по крайней мере, для меня, плохо говорящего, и очень правда. —

Во-первых, для меня нет жертвы в отношении к тебе, я готов пожертвовать не только жизнью, но совестью. Да тут нечего говорить о жертвах, тут просто трагическое положение, потому что оставить тебя я не в силах, а оставить патера² одного, окруженного враждебно — холодно, — страшно больно. Но что бы то ни было раз навсегда: во мне не сомневайся. Натали, может, вдвое большее, но и в ней не сомневайся; она и для тебя и ради памяти нашей сестры³ готова на все.

Но теперь выйдем из страстной постановки вопроса и поставим его логично, рассудительно.

Мы хотим составить семью; но тут является чуждый элемент. Возможно ли при этом условии составить семью? — Ответ прост: невозможно, как ни старайся. Так же невозможно, как составить nitrate d'argent в присутствии водохлорноты.

Мы хотим делать для детей что-то будто доброе, будто хотим дать им home. Да разве мы его составим в присутствии разъединяющего начала? Разве и теперь уже Оленька⁴ не доведена, не знаю как, до того, что избегает здороваться и прощаться с Натали? Разве ты не видишь удвоенных стараний М[альвиды]⁵ привязать к себе исключительно детей и, таким образом, поставить преграду к сближению с нами? Разве ты не видишь, что о недавнего времени, в противоположность даже ее собственным принципиям не рассеивать Тату⁶, чтобы не мешать ученью, — она спешит окружить ее удовольствиями, хотя бы и были манкированы уроки? Разве, наконец, Оленька предназначена быть чужою в нашей семье, что ты отданием ее М[альвиде] хочешь задобрить М[альвида], чтоб не было никаких неприятностей? Разве ты думаешь, что с твоей стороны не благодарно сказать дружески и благородно, что тебе нельзя с целью составить семью раздвоить детей и навлечь на них самих все маленькие мученья домашней распри, ревности и противоположности стремлений в людях, от которых дети зависят? Она, т. е. М[альвида], конечно, настолько благородна, чтоб понять это и устраниваться, хотя не настолько благородна, чтоб начать самой с того, чтобы отойти и сделать это действительно, а не так, как в ее 1-м письме, которое только усложнило, а не упростило вопрос. — М[альвида] поступает страстно (а потому и дурно) из любви к тебе и к Оле. Да дети-то чем же тут виноваты? Им-то за что готовить страдания дуализма домашнего? Как Оля ни мала, в ней скоро можно развить отвращение к нам, а переделать это будет трудно.

По моему мнению, допускать чувство благодарности до таких пределов, т. е. вне всяких пределов, и ставить его выше спокойствия и счастья детей и семьи — грешно! Было бы грешно, хотя бы М[альвида] и вдвое больше для тебя сделала.

Ты боишься, что M-me Engelssohn⁷ и consortе обвинят тебя в неблагодарности? — Ты, который презираешь этих подлецов, ты хочешь жертвовать их мнению спокойствием семьи? — Не понимаю! Это безумие! Вдобавок хорошие люди из круга М[альвиды] — косо смотрят на ее поведение в этом случае, а тебя не обвинят в неблагодарности.

Ну! положим, что мы так все будем жить вместе. Ссор не будет, а двойство отзовется на детях. Натали пользы им принесет мало. Ре-

зультат был бы польза — вред, и, жертвуя спокойствием старика, Натали ничем не поможет ни тебе, ни детям. Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée.

Твое дело выйти из этого положения твердо, спокойно и благородно. Что за радость навести М[альвида] посредством ссоры, ou en la trouvant en défaut, к тому, к чему можно придти чистым человеческим словом и решением?

Прочитай, подумай, пойми мою мысль и любовь к тебе, и давай еще переговорим. Но, не переговоривши со мною, — ни слова М[альвида] — ни даже плечом. Не надо из чистого дела делать грязную сплетню. Не надо из важного вопроса семьи делать предмет праздноглагольствия.

Письма Н. П. Огарева и Герцена начала 60-х годов или так называемого «лондонского» периода их жизни довольно трудно поддаются точной датировке. Малое количество ответных писем Герцена, опубликованных в «Полном собрании сочинений» под ред. М. К. Лемке, и преобладание в письмах этого времени личных моментов и общеполитических тем, приводит к тому, что датировка производится часто на основании случайных фраз и данных, на основании созвучия психологической темы и т. п., что, конечно, не может служить абсолютно точным показателем. Поэтому в некоторых случаях приведенную датировку приходится считать условной, хотя указание на год, а в иных случаях и на месяц — дано с точностью, не вызывающей сомнений в ее правильности.

Первое письмо, которым начинается данная публикация, нужно ориентировочно датировать 1856 г., т. е. годом приезда Н. П. и Н. А. Огаревых в Лондон к Герцену. Оно целиком посвящено теме столкновения, возникшего в семье Герцена почти тотчас по приезде Огаревых. Это столкновение между Н. А. Тучковой-Огаревой и воспитательницей детей Герцена, — Мальвидой Мейзенбург.

¹ Тучкова-Огарева Наталия Алексеевна (1829—1913) — с 1849 г. жена Огарева; в марте 1856 г. выехала вместе с ним в Англию; с 1857 г. жена Герцена.

² Повидимому, Тучков Алексей Алексеевич (1800—1879) — отец Н. А. Огаревой. Всегда поддерживал тесные связи с Герценом и Н. П. Огаревым. В 1857 г. был в Лондоне, а в 1865 г. виделся с ними в Женеве; помогал транспортировке герценовских изданий в Россию. В «Былом и думах» и в своей переписке Герцен очень положительно отзывается об А. А. Тучкове.

³ Герцен (урожд. Захарьина) Наталия Александровна (1822—1852) — дочь старшего брата отца Герцена — А. А. Яковлева и Ксении Ивановны Захарьиной. С 1838 г. — жена Герцена.

⁴ Герцен Ольга Александровна (род. в 1850 г.) — вторая дочь Герцена, впоследствии замужем за французским историком Габриэлем Моно.

⁵ Мейзенбург Мальвида-Амалия (1816—1906) — немецкая писательница. В 1852 г. эмигрировала в Англию. В апреле 1853 г. познакомилась с Герценом и 9 ноября 1853 г. переехала в его дом, где стала воспитательницей дочерей Герцена — Наталии (Таты) и Ольги, и «руководительницей» всего дома.

После приезда Огаревых была вынуждена в мае 1856 г. оставить семью Герцена. В 1859 г. сделала попытку вернуться. В 60-х годах была воспитательницей младшей дочери Герцена, Ольги, с которой она жила в Италии; у нее часто гостила и старшая — Тата. Переводчица «Былого и дум» на немецкий язык (Ганновер, 1856 г.) и автор ряда художественных произведений. Наибольший интерес представляют ее «Мемуары идеалистки», ч. I, — 1869 г., ч. II — 1875 г., ч. III — 1876 г. В русском переводе со значительными сокращениями — издание «Academia», Л. 1933 г., в переводе Н. А. Макшеевой. Несомненно, Мейзенбург сыграла большую роль в жизни Герцена, хотя и не всегда положительную. Герцен высоко ценил Мейзенбург как воспитательницу, хотя иногда и очень резко отзывался об ее «идеалистическом тупомудрии». Высказывания Н. П. Огарева в комментируемом письме несомненно, находятся в большой зависимости от отрицательного мнения Н. А. Тучковой-Огаревой, которой Мейзенбург не понравилась с первого взгляда. В результате столкновения Н. А. Тучковой-Огаревой с Мейзенбург Герцену пришлось выбирать кого-то одного из двух. Конечно, выбор был ясен, тем более, как мы здесь видим, этого преобладал Н. П. Огарев.

⁶ Герцен Наталия Александровна (1844—1936) — старшая дочь Герцена.

⁷ Engelssohn — Энгельсон (урожд. Штевен) Александра Христофоровна — жена В. А. Энгельсона, одного из первых русских эмигрантов. В 1850 г. вместе с мужем выехала за границу, где встретила с Герценом. В ссоре Герцена с Энгельсоном сыграла хотя и маленькую, но достаточно неблагоприятную роль. После смерти Энгельсона в 1857 г. дальнейшая ее судьба неизвестна.

Le 2 Septembre [1857—1858 гг.]¹

Я эти дни думал о другом. Эподу для поэмы я сделаю в прозе, т. е. напишу — исключительно для тебя — не мемуары, а мою исповедь². Тяжелое дело, а я страстно в него вдумываюсь. Покончу две статьи и еду на неделю. Я чувствую, что здесь я не могу настроиться как следует. Помоги мне сделать это гладко, т. е. отъезд. Я глубоко сознаю, что он будет полезен, а то я как-то гибну, без внутренней *sausaе sufficiens* — а гибну. Я думаю, что тут что-то патологическое — в этом бессилии сладить с обстоятельствами и надо несколько дней одиночества, чтоб собраться с духом. Ведь и Моисей и Иисус — по-сильней меня — а уходили в пустыню.

Четверг. Сегодня ты, вероятно, приедешь. Погода чудесная; с утра, т. е. теперь, хорошенький туман, а к полудню и до ночи — настоящее лето. Вчера несколько слов мы говорили с Нат[али]. Я объяснял ей, что я требую, чтоб меня огорчает, а тебя раздражает — т. е. жестокость и непонимание и неуважение к людям и жизни; объяснял, что я требую сознания и любви. Она говорит — откуда же взять любви; я объяснял, что как любовь приводит к сознанию, так и сознание приводит к любви, что эти два элемента совпадают etc. . . Она очень кротко слушала; ей хочется что-то исправить; с детьми она лучше, даже терпелива, а внутренне каждому детскому проявлению дает значение совершеннолетнего преступления. Вот отчего так трудно. Еще раз умоляю — попробуй не употреблять иронии ни же в шутку, будь осторожен до учтивости, может это, давши и дней покоя, — наведет на настоящую дорогу, — и из внешнего мира вырастет внутренний союз. Может быть! — С Татой сегодня поговорю; в ней многое угловато.

Сейчас иду пить кофе, бьет 9 час[ов] с колокол[ьни]. Я встаю рано, погода лучше и здоровье лучше, а от какой-то нравственной тяжести я не могу избавиться и перейти к поэтической деятельности. Сомнение ли в себе — или вечная задняя мысль какого[-то] страха перед ежедневной жизнью — не знаю. Чувствую, что *sausaе sufficiens* — серьезно нет, а что-то мимоходно патологическое. Нужен отдых пустыни. Но надо прежде многое покончить для «Колокола». Под пустыней я понимаю не больше недели, и то, если бы это произвело дурное впечатление — не поеду, возьму всю внутреннюю силу и стану работать как случится.

Р. S. С Татой не говорил.

¹ Датируется условно — по содержанию. Начало письма не сохранилось.

Письмо, повидимому, написано в самый разгар личного конфликта Герцена — Огарева — Н. Тучковой-Огаревой. Как известно, к концу 1856 г. относится сближение Герцена и Н. Тучковой-Огаревой, закончившееся их браком.

² О какой поэме пишет Огарев, неясно; всего вероятнее, речь идет о поэме «Ночь», посвященной Герцену и Н. А. Тучковой-Огаревой, или же об «Исповеди лишнего человека». Обе они относятся к 1857—1858 гг.

Среда [17 августа 1859 г.]¹

Park House — Fulham
Герцену

Получил твое письмо утром. Как горячо хочется, чтоб мир сошел в наши в сущности неозлобленные души! Жду еще письма или тебя. Марко Вовчок² будет в понедельник, для «Колокола» ты мне необхо-

дим: я отдал половину моей статьи³, которая, кажется, займет вдвое более места, чем нужно. — Вчера обедали у меня Тхорж[евский]⁴ и Кал[ечковский]⁵, который славный человек, хотя мы в экономических началах с ним, очевидно, смотрим врозь. — Губернатор⁶ уехал в Париж вследствие амнистии. Сегодня в газетах амнистия всем существующим журнальным амандам⁷. Тассин[ари]⁸ очень сердится на все это. Я ему помогаю, но внутренне мне смешно. А ловкий господин император!⁹ Captain Cotton¹⁰ был у меня, убежден в честности садовника, но à contre sens соглашается, чтоб мы его с квартиры согнали. Поехал в Шотландию стрелять тетеревей и оттуда тебе напишет о мебели; из Шотландии, должно быть, оценка всего удобнее. Прощай! пора на почту.

Середа

Н а т а ш е

Кажется, моя Наташа, у тебя светлей на сердце. Тебе хотелось бы, чтоб и я приехал. И мне бы хотелось, но я думаю, что нам лучше всем съехаться в Лондоне. Право, работы гибель; нельзя разъезжать. Мне случается работать от 10 час[ов] утра до 7 вечера, и все не успеваешь. Статья, а тут три корректуры подъехали, насилу справился. О собственной работе (стихоплетной) и думать нечего. Вместо того, чтоб приехать мне, присылай мне Герцена, он для «Колокола» неизбежен. А порешим оный вопрос, может и рассудим съездить в Вентнор¹¹. Посмотрим. Пока об одном сплю и вижу — чтоб в твоём сердце был мир любви и в твоём уме — ясное и спокойное и теплое понимание людей, детей и вещей. Крепко целую тебя и Лизу¹². Что ж Б[лагосветлов]¹³ любит Лизу?

Детей и Сашу¹⁴ целую.

¹ Датируется по письмам Герцена к М. А. Маркович от 24 августа (т. X, стр. 84) и к Н. П. Огареву от 19 августа (т. X, стр. 79).

² Марко Вовчок (псевдоним Маркович Марии Александровны, 1834—1907) — известная писательница, в конце 50-х и начале 60-х годов жившая в Англии, Франции и Германии. В августе 1859 г. посетила Герцена. Об этом посещении см. «Воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой». Герцен, как известно, высоко ценил ее литературный талант.

³ Повидимому, статья Н. П. Огарева «Комиссии для составления положения о крестьянах», помещенная в «Колоколе» (51—54, 1859 г.).

⁴ Тхоржевский Станислав — польский эмигрант с 1845 г., участник революции 1848 г. В начале 50-х годов поселился в Лондоне, где открыл книжную лавку, обслуживающую польских эмигрантов. Ближайший сотрудник Герцена по изданию и распространению его изданий. В 1865 г. вместе с Герценом переехал в Женеву, поселившись в доме Герцена, и до его последних дней был одним из ближайших друзей семьи Герцена.

⁵ Калечковский — польский эмигрант.

⁶ Губернатор — не выяснено, повидимому, какой-то французский эмигрант.

⁷ В августе 1859 г. правительство Наполеона III, заигрывая с либеральной оппозицией, объявило амнистию журналистам, привлеченным по разным делам о печати.

⁸ Тассинари — итальянец-эмигрант, повар Герцена, рекомендованный ему Мадзини.

⁹ Наполеон III.

¹⁰ Captain Cotton — лондонский домовладелец.

¹¹ Вентнор — городок около Лондона, летнее местопребывание семьи Герцена.

¹² Лиза Герцен — дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой (1858—1875), окончившая жизнь самоубийством в 1875 г. См. «Архив Огаревых», ГИЗ, М. — Л., 1930 г., «Лиза Герцен и Летурно», стр. 129—247.

¹³ Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880) — известный публицист и издатель. В 1857 г. уехал за границу, где сблизился с Герценом и даже одно время преподавал его детям. Принимал участие в «Колоколе». Из Англии переехал в Париж, где слушал лекции в Сорбонне. По возвращении в Россию с 1860 г. редактор «Русского Слова». С 1866 г. по 1880 г. редактировал «Дело».

¹⁴ Герцен Александр Александрович (1839—1906), старший сын Герцена — известный физиолог, с 1877 г. — профессор физиологии во Флоренции, с 1881 г. — профессор в Лозанне.

Четверг вечером.

[Конец августа 1859 г.]¹

Надежды много, друг! так много, как я и не ожидал. Беру каждое жесткое слово назад. Наконец, я нашел опять то теплое, благородное и чистое существо², которое я знал прежде. Все усилия употреблю поддержать, поставить на настоящую высоту, на наш уровень — и надеюсь, может быть и верю. Прими эти строки к сердцу. —

Б[откин]³ здесь. И он скорбит о встрече с Гр[игоровичем]⁴. — Он очень хорошо все понял, и ты клепешь на него в последней записке. Давеча в 9-м часу утра на квартиру Натали (я забыл тебе написать) явился Куломз[ин]⁵ — я велел ему сказать: I am engaged. А он и прежде приходил к Натали спрашивать, когда придет К[ельсиев]⁶; на что Натали ему велела отвечать, что она никакого К[ельсиева] не знает. Он, говорят, рассердился, а все же явился искать меня в 9-м часу утра. И откуда это пронюхал, что я тут, я только успел переночевать! Экие наглецы!

Жду в субботу, остаюсь до понедельника.

¹ Письмо датируется концом августа 1859 г. из сопоставления писем Герцена и Н. П. Огарева этого времени.

² Речь идет, повидимому, о встрече Н. П. Огарева с Мэри Сетерлэнд, лондонской проституткой, которую Огарев решил «спасти» с лондонского дна. Эта попытка происходила вскоре после расхождения с Н. А. Тучковой-Огаревой. В письме к Герцену от двадцатых чисел августа 1859 г. (см. «Русские Пропилеи», в. 4, М., 1917 г., стр. 210—211), Огарев писал:

«Оскорбленный и измученный я не знал, куда деваться, и чем жестче были отношения N[atalie] к тебе, к детям и скоро ко мне, тем сильнее хотелось хоть минуту побыть в какой-нибудь кроткой обстановке жизни, чтобы вздохнуть свободно. Fancу — вероятно, в смысле ложного — помогла и куда же, ты думаешь, меня выперло? Я, как дурак или Мельгунов, врезался в погибшее, но милое создание. И стыдно и смешно за самого себя: и когда подумаешь о возможных последствиях для N[atalie], если бы она догадалась, то становится страшно и больно, что вот тебя и прихлещет трагический fatum. А между тем, мне хорошо: положим, что это все fancу и ложь, а у меня на сердце стало легче... на долго ли?». Далее Огарев подробно излагает историю своего знакомства с Мэри Сетерлэнд, анализируя свое отношение к ней и его перспективы. «Дал ли я погибшему, но милому созданию, — заканчивает он письмо, — моей нежностью повод к дружелюбному чувству, моим обращением с ней и с ее ребенком, которого она раз приводила мне показать, или дал ей этим повод думать, что я как-нибудь да пристрою ее с ребенком, и она ухватила за эту доску спасения, — я и сам не разберу. Знаю только, что мне и страшно, и больно, и хорошо, и стыдно. Между тем, мы стали видаться почти ежедневно; это сделалось для меня какой-то горько-сладкой необходимостью...». Мэри Сетерлэнд осталась подругой Н. П. Огарева до самой его смерти.

³ Боткин Василий Петрович (1810—1869) — литератор, автор «Писем из Испании», друг Белинского и Герцена в 40-х годах. В 50-х годах неоднократно приезжал в Лондон, где часто виделся с Герценом и Огаревым, но постепенно они расходились, и в 60-х годах всякие сношения между ними прекратились.

⁴ Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — известный писатель, в 1859 г. был в Лондоне. В письме к М. К. Рейхель от 4 августа 1859 г. Герцен писал: «Теперь здесь Бот[кин] и Григорович; последнего советую лучше читать, чем смотреть и слушать...» (т. X, стр. 63).

⁵ Куломзин — повидимому, Анатолий Николаевич (1838—1924), автор «Поземельной подати в Англии» (СПб., 1861 г.) и ряда статей по экономическим вопросам в «Вестнике Европы». Впоследствии товарищ министра государственных имуществ.

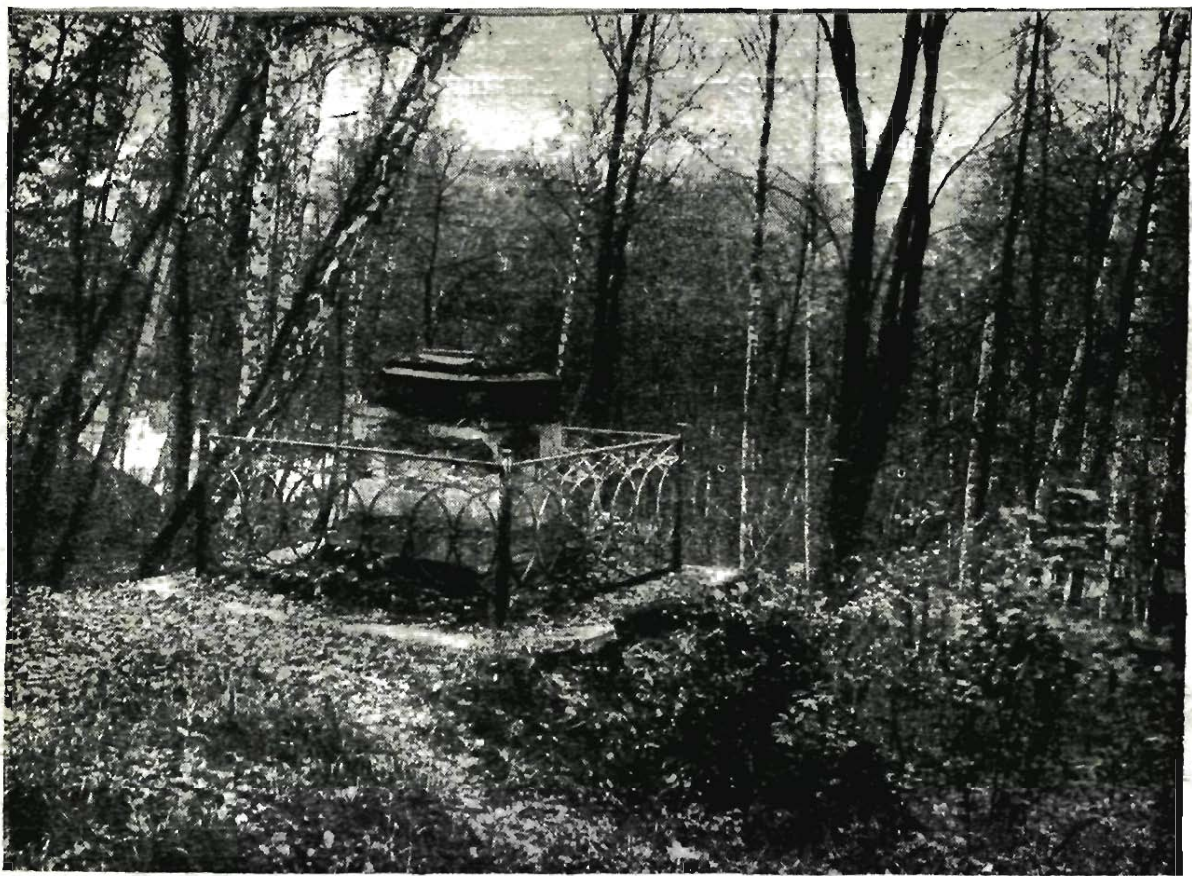
⁶ Кельсиев Василий Иванович (1835—1872) — литературный и общественный деятель 60-х годов. В мае 1859 г. приехал в Лондон и вскоре примкнул к Герцену; помогал ему в издании «Колокола», изучал русский раскол, предполагая использовать его в революционных целях; издал «Сборник правительственных сведений о расколе». В марте 1862 г. ездил в Россию с паспортом турецкого подданного Василия Яни для объединения всех революционных сил. Вернувшись в Лондон, стал

главным сотрудником «Общего Веча». Заочно приговорен к изгнанию из России навсегда. Разойдясь во взглядах с Герценом и Н. П. Огаревым, осенью 1862 г. уехал в Константинополь, а затем в Тульчу и в Яссы. В мае 1867 г. добровольно отдался в руки русских пограничных властей, был арестован, написал подробную «Исповедь» (см. ее в № 41—42 «Литературного Наследства») и получил полное прощение со стороны царского правительства.

5

[Начало октября 1859 г.]¹

Для чего я, лежа в постели, взял лист бумаги и пишу к тебе — сам не знаю. Во 1-х, неудобно. Но, во 2-х, совершенно не хочется спать, М[альвида] ушла домой давно. Я был с ней очень любезен, но — inter

МЕСТО КЛЯТВЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ

Фотография

Литературный музей, Москва

pos — ведь она набита не знаю чем, а в сущности глупа, как пробка. Но я ее люблю; она искреннее существо, заключившее свой кругозор в фразы, заученных от разных деятелей, но сердце у ней безыскусственное и немногосложное. Ольга — ничего себе — была весела; да ей, в самом деле, грустить не о чем, и отъезд Лизы уравнивается чувством свободы, роздыха, того нервного наслаждения, которое я чувствую, когда грозно-сырая туча проходит, и я начинаю дышать по-человечески. Наташа — другое дело. Она грустна. Мне самому по горло тяжело, от этого я с ней невольно был очень нежен, и я чувствую, что она это поняла, хотя, оставшись одни, мы говорили о равнодушных предметах. Нет! тут сердце, и хорошее сердце чувствует невольно. Из нее выйдет очень благородная и любящая женщина и далеко не глупая, несмотря на то, что формы еще не сложились, как у жеребенка.

Главная мысль у меня о Натали и о Лизе; но тут идет борьба: или я задушу эту мысль, или она меня задушит. У! как тяжело-то! А как она была мила на прощанье! Неужто Натали ничего не поймет? Что твое путешествие — надежда или каторга? Я в этом затерялся. Это одно из тех данных, вследствие которых мне не жалко умереть.

А, между тем, как я еще разбросанно юн. Сегодня я целую ночь видел во сне — кого бы ты думал? — Душеньку². Боже ты мой! сколько юного чувства и юной любви вызвал во мне этот давно промелькнувший образ, красивый до бесконечности, так что мне не раз приходит в голову идеалистическая мысль, что я, в сущности, окромя никого не любил, а любил также ни за что ни про что. А чего ни было в этом бесконечно красивом образе — и магнитический взгляд, и каждое движение полное магнетизма нежности, кротости, грации, такта, благоволения — а вышло, наверно, барыня и архи-барыня, т. е. архибестия, на что также виднелись задатки. Чего же требовать от остальных? Ведь изящнее — кроме Наташи, я, ей богу, ничего не знал.

Сколько глупостей вышло из меня, когда она окончательно вышла замуж — самому стыдно вспомнить. — А любила меня действительно в жизни, говорю по непосредственному убеждению, — одна женщина, и эта женщина была б, и ее я пожертвовал черт знает чему вместо того, чтоб помочь ей вздохнуть по-человечески. Фу! какая мерзость! — А теперь это все поздно. Тело, переходя в патологию старости, если и создает что-нибудь вроде любви, то это на минуту: страсть тотчас переходит в чувство очень тихой и светлой дружбы, может, с примесью самодовольствия нравственного покровительства. Это чувство, может, выше всего остального, но юности в этом нет. — Да я и не плачу о юности, бог с ней! Это только сон меня растревожил на эту тему. — А плачу я, как скоро перехожу на другую тему и вижу светлый образ ребенка, и чувствую, что его исказят до проклятия.

¹ Датируется условно, по совпадению темы с письмом Н. П. Огарева к Герцену от октября 1859 г. («Русские Пропилеи», в. 4, М., 1917 г., стр. 216).

Основная тема — взаимоотношения с Н. А. Тучковой-Огаревой и детьми Герцена: Ольгой, Татой (здесь Наташей) и Лизой, в связи с предполагаемой поездкой Н. А. Тучковой-Огаревой на континент. Повидимому, письмо адресовано в Брюссель, где тогда с 1 по 5 октября находился Герцен с сыном Александром.

² Сухово-Кобылина Евдокия Васильевна (ум. 1893 г.) — сестра известного драматурга А. В. Сухово-Кобылина и известной писательницы Евгении Тур; раннее увлечение Н. П. Огарева; впоследствии вышла замуж за Михаила Федоровича Петрово-Соловово.

Вот и Саша приехал и привез от тебя письмо. По твоему совету, что следует поправить в моей статье² сию минуту, и Колокол сегодня будет окончен. — Писем нет.

Что сказать тебе? Саша приехал — меня не было дома. Я ходил к Чернецкому, к Jozeau³ и, совершив огромное путешествие, пришел домой около 10 час[ов]. Саша явился вскоре. Мы говорили о Тате и решили, что 2 кварт[иры] и Miss Reeve представляют наиболее шансов. Решили... это не то слово, а полагаем. Вопрос воспитания больше всего ставит в гамлетовское положение, где думаешь много, а решаешься ни на что. Много мы не могли поговорить серьезно. В продолжение этих дней я постараюсь поговорить. Боже ты мой — не чуждость, а невозможность, с одной стороны, убедить, а с другой — принять живое участие с его точки зрения, — вот что мешает. Выходит

какая-то смесь военно-дипломатического отношения, через которое пересадить в искреннее и разумное не хватает ловкости, да и только. Наша публицистическая и логическая специальность — делает то, что мы способны только учить и проповедывать, а стать на место пациента, принять участие в его боли и радости и *aus ihm heraus* вести его к самостоятельному развитию — нет умения. Этого-то я боюсь и со стороны Miss Reeve. Проповедь надоест девочке, а она способна ли спуститься до жизни ребенка, чтоб вместе с ним развиваться до степени собственного штандпункта?.. вот в чем вопрос. Вся практическая задача воспитания в этом. Положим, что на 3 месяца куда ни шло. А потом?.. А потом надо приискивать соучастниц школы для 16-летних и 10-летн[их] девочек. Управлять школой — общим советом, каждая воспитательница должна иметь свою специальность, и предоставить ровесницам свободу саморазвития. По-моему, всякий другой выход более фантастический, чем этот.

Покой не возвращается к тебе. Ты боишься, что я толку воду и утрачу силы... На этот счет бабушка надвое сказала. Я вношу и сюда(?). Да не распушенность ли *sui generis* толковать об утрате сил, и не призрак ли это? Что я преследую мучительную задачу — может, невыполнимую, — быть может, а если б я ее не преследовал — это было бы подло и уронило бы мои силы в моих глазах. Да утрачиваю ли я силы? Тогда, когда я жил в большом покое — было ли их у меня больше? Факты говорят противное. Да возможен ли этот идеальный покой? Нет — стало, главное дело даже и из диссонантов жизни сделать элемент для деятельности, или употребляя их на усиление силы протеста, или принимая их в помощь. Равнодушное, или лучше — бездушное отталкивание личностей, с которыми судьба ставила близко, — скорее способна создать силу бессилия Печорина, чем действительную гуманную силу. Мне кажется, что собственно мои границы деятельности и труда — гораздо больше в организме, имеющем свои привычки и устали, — чем в трагедии жизни. Я не знаю, я не могу утвердительно сказать, чтобы я стал больше или лучше работать среди незыблемого покоя. По крайней мере — это больше остается в подозрении, чем на деле. Спроси себя — когда ты писал свои лучшие вещи? Подумай и отвечай сам себе. Это не значит, чтоб трагедия нужна была для развития силы; это значит только, что когда она есть, то от этого еще силы не пропадают, потому что, несмотря ни на что, сила убеждения и пропаганды поглощает все элементы, как здоровый желудок разрабатывает всякую лишнюю пищу, и нельзя сказать, чтоб особенная гигиена могла служить к развитию вкуса и живой деятельности человека. Да и в потребности покоя и равнодушия к личностям, яко к суете мирской, пожалуй, лежит такая доля устали, что от этого силы не поднимаются. Задача в том, чтоб уметь страдать, не теряя ни на волос бодрости.

Что касается до другой обузы⁴... Как знать, Герцен — страна на страну не приходится, и человек на человека не приходится. Может быть присутствие женской ласки для меня составляет одну из насущных потребностей, и отсутствие ее скорее бы уронило мои силы в грязь, чем бы подняло их. Мешать — до сих пор оно мне не мешало. Передвижению с места на место оно мне не помешает, потому что, когда будет нужно, я принесу эту жертву. Заброс же с моей стороны был бы равно подел и внутренне поставил бы меня в трагическое положение — бросить то, что любишь, и окончательно перестать уважать самого себя. Моя воля была бы неволей, если б я поступил противно желанию и убеждению. От отсутствия слепых и иных страстей до отсутствия сердечной жизни — еще бесконечно далеко.

Внутренняя потребность спасти Натали из любви к ней, из любви к Лизе, из любви к А[лексею] Ал[ексеевичу] — может быть безуспешна; но не иметь ее и не действовать по ее побуждению — не придаст мне никакой силы, кроме силы самопрезрения. В течение жизни этой силы накопилось довольно; иная сила заставляет меня прожевывать и проглатывать самопрезрение, бодрствовать и работать в общем деле; но придать еще величину к самопрезрению — это положить руки на самого себя. Я не отстану от Колокола, не отстану от выполнения затаенных планов по части искусства, — но я не отстану и от Лизы и Натали, ни от иной обузы, — и не верю, чтоб заброс их придал мне силу, и не верю, чтоб старание спасти и охранить их отняло у меня на волос — какой-нибудь человеческой силы.

Если что мне мешает и отнимает силу — это глубоко скрываемые мной дикие похоти, которые введены привычками жизни, мучат мысль и сны, и от которых не всегда хватает силы ускользнуть *de facto*. Я не аскетик — конечно, но есть доля во мне, которая исключительно грязь — и это действительно мешает. Это составляет безумие, смешное по возрасту и оскорбительное по пониманию...

А все, в чем есть сторона благородства, поверь — как бы оно трагично поставлено ни было — оно не мешает развитию, не мешает силе, а только расширяет понимание, потому что холодный скептик-мыслитель все же остается и работает.

¹ Датируется условно по сопоставлению с другими письмами 1860 г. (приглашение miss Reeve для воспитания детей и пр.).

² Повидимому, статья Н. П. Огарева — «Труды комиссии для устройства земских банков» (напечатана в «Колоколе», л. 81).

³ Jozeau (Жозо) — француз, содержавший в Лондоне не то кабинет для чтения, не то кафе, в котором можно было читать французские газеты.

⁴ Речь идет о Мэри Сетерлэнд.

7

Четверг [Сентябрь 1860 г.]¹

Час полудни. Чернецкий до сих пор не получил от тебя корректуры. Это плохо, как бы не задержать Колокола! — Твою окончательную смесь² послал с стариком. — Напрасно ты нападаешь на меня за милосердие к M-me Tassin[ari]³. — Немилосердие хорошо, где есть надежда на исправление, а глупость неисправима. Одно, что следовало бы — избегать столкновений с нею. А это не всегда возможно, стало, надо *subir*.

Да... насчет Б[иггсов]⁴ ты прав. Что же делать? Ума не приложу. Почему девочки⁵ не сближаются — тоже не знаю. Школу в месяц не заведешь. В Италию в месяц не уедешь. Я вчера был у Miss Reeve⁶ — показать ей стихи Агреньевой⁷ (*The book of my girlhood*), не застал. Да и она... не слепец, конечно; ум положительный, а едва ли практический. Целый день стану думать. Уйду куда-нибудь. Простуда лучше, но все не по себе.

Ты говоришь, отчего я теряюсь, что нет писем. Очень просто: 9-го они должны были уехать и разъехаться⁸. О чеке и посылках нет ответа. Для меня это довольно странно. Если ты хочешь меня этим утешить — то это лишнее, *saго mіо*. Я так не надеюсь на утешения, что совершенно не ищу их; иметь достаточно силы, чтоб жить и работать, а в иной час безумно посмеяться — и *sufficit*. А на то внутреннее утешение — на развитие близких, на гармонию жизни, я отлагаю попечение. Будет с меня — тебя.

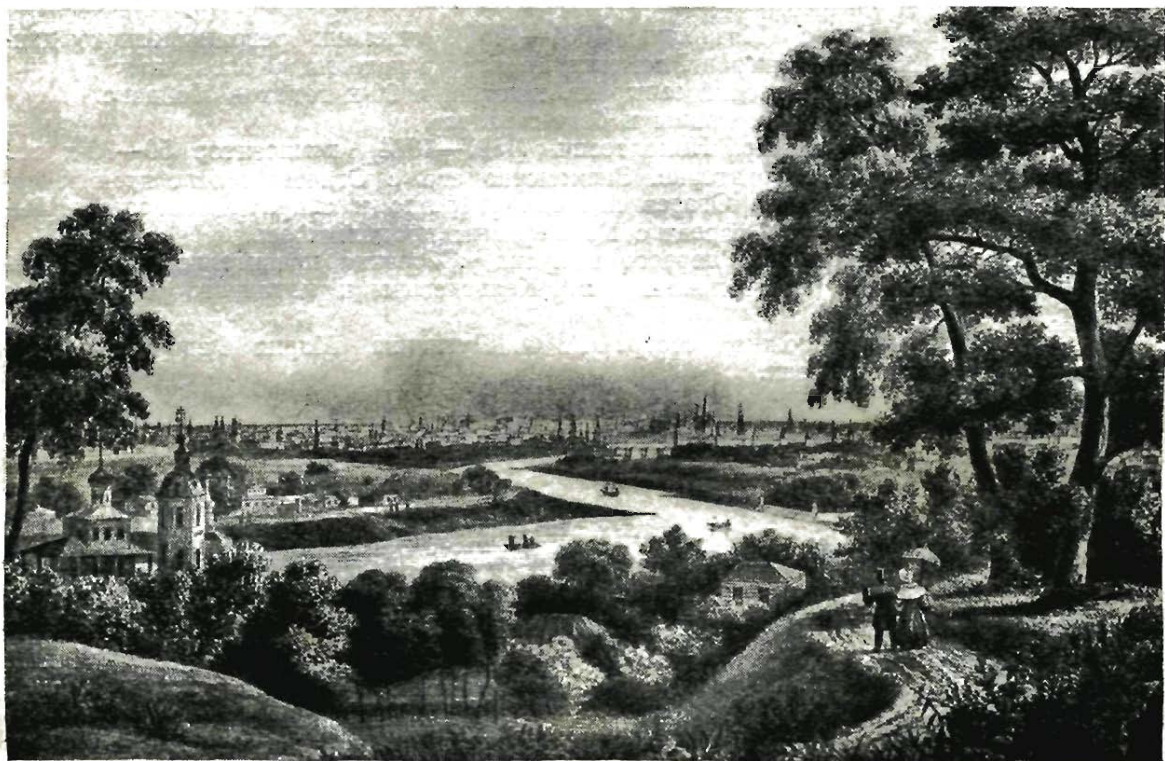
В этот «Колокол» об Австрии уже не поспеет⁹.

Русские, т. е. Кас[аткин]¹⁰, Ст[адницкий]¹¹, Чернец[кий] и Тхор[жевский] собираются к тебе на той неделе и меня зовут. Может, и съезжу, не знаю. Если вгрызусь в проект банка — едва ли. Если почувствую, что это не мешает — поеду.

«Петербургская [в оригинале рисунок] — саранча»¹².

Середнего слова я решительно не разобрал, копирую его с фотографической точностью, но понять не могу.

Писал к Тур[генову] и Кашп[ерову]¹³. — Прoderжу корректуру раскольников¹⁴ и пойду — *primo* к миленькой Лугининой¹⁵, а потом к поэтихе. Я хочу ее отговорить печататься; пусть созреет. Есть вещи

ВИД НА МОСКВУ С ВОРОБЬЕВЫХ ГОР

Литография по рисунку А. Дюрана, 1844 г.

Литературный музей, Москва

хорошие, а есть из рук вон плохие; надо побольше самокритики. Муж будет петь, а я послушаю.

Прощайте пока.

¹ Датируется условно по содержанию соответствующих писем Герцена 1860-го года (темы: приглашение miss Reeve и «австрийская» тема в «Колоколе»).

² «Смесь» — специальный отдел в «Колоколе», содержащий мелкие заметки и статьи.

³ M-me Tassinari — жена повара Герцена, с которой в 1860 г. возник ряд недоразумений, о чем, повидимому, и говорит здесь Огарев.

⁴ Биггсы — богатая английская аристократическая семья, которую хорошо знал Герцен и у которых до приезда Огаревых в Лондон часто жил Саша Герцен и другие дети Герцена. Позднее, в 60-е гг., Герцен продолжал поддерживать дружеские отношения с Биггсами. О Биггсах см. «Былое и думы», гл. 16 «Роберт Оуэн».

⁵ Девочки — Тата и Ольга Герцен.

⁶ Miss Reeve (Рив), Эмилия — знакомая М. Мейзенбург, рекомендованная ею Герцену в качестве воспитательницы Таты. В октябре, повидимому, вопрос был решен положительно — miss Reeve стала воспитательницей Таты. В письме Герцена к М. К. Рейхель от 6 сентября 1860 г. читаем: «При Тате, над Татой т. е., будет miss Reeve, женщина гениального ума» (т. X, стр. 411).

⁷ Возможно Агреньева З. А., сотрудница «Голоса» и др. петербургских газет 1863—1877 гг.

⁸ В мае 1860 г. Н. А. Тучкова-Огарева уехала из Лондона в Германию, вместе с Лизой и Татой, для свидания с приехавшими из России Н. М. Сатиным и его женой Еленой, родной сестрой Н. А. В Германии Н. А. пробыла вместе с Лизой до середины сентября, и только в декабре вернулась в Лондон. Это свидание знаменовало очень серьезный критический момент во взаимоотношениях Герцена, Огарева и Н. А. Тучковой-Огаревой. Это было одной из первых, серьезных попыток порвать с Герценом и уехать в Россию, попыток, неоднократно повторявшихся впоследствии. В «Русских Пропилениях» опубликован ряд писем Н. А. Тучковой-Огаревой к Е. А. Сатиной, подробно освещающих этот эпизод.

⁹ В 1860 г. происходит сближение России с Австрией, результатом чего явилось так называемое «Варшавское свидание» (см. дальше). Естественно, что «Австрийский вопрос» занял достаточно большое место в «Колоколе» и в переписке Герцена и Н. П. Огарева. В «Колоколе» (л. 82 от 1 октября 1860 г.) была помещена первая статья на «австрийскую» тему: «Последний удар». Повидимому, об этой статье и пишет Огарев.

¹⁰ Касаткин Виктор Иванович (1831—1867), участник революционного движения 60-х гг. С 1860 г. — эмигрант, помогал Герцену в издании «Колокола».

¹¹ Стадницкий — польский эмигрант, живший в 60-х годах в Лондоне.

¹² Статья Герцена «Бого-мокрицы и бого-саранча».

¹³ Кашперов Владимир Николаевич (1827—1894) композитор 50—70-х гг., профессор Московской Консерватории. Знакомство его с Огаревым относится к половине 40-х гг. В 1849—50 гг. Огарев написал либретто к опере Кашперова «Цыгане». В 60-х гг. знакомство Огарева с Кашперовым продолжалось.

¹⁴ Повидимому, корректура первого выпуска «Сборника правительственных сведений о раскольниках», составленного В. Кельсиевым и изданного в Лондоне в 1860 г.

¹⁵ Лугинина — возможно, сестра В. Ф. Лугинина, Мария Федоровна Лугинина, позднее по мужу Безак.

8

[Сентябрь 1860 г.]¹

...невольню на дне всего и заставляет шире и верней понимать свои и чужие страдания, оценивать коллизии и, становясь выше собственной боли, записывать всему *causa sufficiens* и выводить из наблюдения — формулу жизни.

Я простужен. Кашель не давал спать. Лепешки ли Жизо или просто исход болезни, — ну сегодня спал хорошо, и лихорадки почти нет. Стало, и это не мешает.

Писем нет. Если до четверга не будет, — я пошлю кого-нибудь на поиск. Напиши к Мар[ии] Касп[аровне]², видела ли она Елену³ при обратном проезде? В этой форме запрос сохранит тонкую дипломатичность, которая, если не скроет истины, то помешает неприглашенным расспрашивать о ней.

Вчера послал тебе предисловие к Голосам⁴. Жажду ответа. Если много надо поправлять — пришли не к Чернецкому⁵, а ко мне. Пора Голоса в свет. Сегодня милое письмо от Сер[но]-Сол[овьевича]⁶: кланяется тебе. Но милее всего письмо от Ан[ненкова]⁷, которое посылаю; а портрет пришлю в другой раз. Не могу с ним расстаться; он так смешон, что составляет мою отраду. Но не похож на Гарибальди, а, скорее, на Robert Macaire⁸, когда он говорит: *J'ai eu tort, mais je lui ai pardonné*. Дай еще взгляну — ну просто прелесть: голова кверху, руки в штанах, штаны в складках... Ай да немцы! Новый способ карикатуры посредством фотографии.

Что-то я больно расписался. Прощай пока, обними детей и себя. Мальвике посылаю Гернани⁹. Тебе Норд¹⁰.

Касат[кин] внизу работает над стихами, т. е. приводит рукописи в порядок. Можно будет издать книгу бесцензурных стихотворений разн[ых] автор[ов]¹¹ в хронологическом порядке.

Саша ушел по комиссиям и к Уриху¹².

Вечером пойду к Морд[винову?]¹³.

Лейпц[игские] книги посылаю. *Revue des 2 mondes* должно быть до понедельника. Библиотеку получил; с Сашей пришло. Приеду ли с К^о в субботу — сам не знаю.

Тассинари я выдал 3 лив[ра] для уплаты за уголь и 4 лив[ра] на дом. Посему взял у Тр[юбнера]¹⁴ еще 10 ливр[ов]. Чорт знает, кажется, никуда не тратил, а деньги уходят. Я не знаю, как смотреть за расходами; ревизию книг не хочется принять на себя, пожалуй, навру. Но все же постараюсь сокращать.

¹ Датируется условно по содержанию соответствующих писем Герцена 1860 г. Начало письма не сохранилось.

² Рейхель Мария Каспаровна (1823—1916) — дочь К. И. Эрна, близкий друг Герцена с детских лет. Вместе с Герценом выехала за границу, разделяла все его скитания до 1849 г., когда вышла замуж за композитора А. Рейхеля. До приезда Огаревых была наиболее близким другом Герцена. С 1857 г. по 1867 г. жила в Дрездене, а с 1867 г. — в Берне. Между Герценом и М. К. Рейхель все время происходила оживленная переписка. В 1909 г. вышли ее мемуары: «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней Герцена».

³ Сатина Елена Алексеевна — сестра Наталии Алексеевны Тучковой, вышедшая замуж за друга Огарева — Н. М. Сатина. В 1860 г., приехав в Германию, была у М. К. Рейхель, виделась с Н. А. Тучковой-Огаревой.

⁴ Голоса — «Голоса из России», неперiodическое издание, в котором Герценом публиковался различный материал, зачастую «дискуссионного» характера, присылаемый из России. Первый № вышел в 1856 г. Всего вышло девять книг. Огарев говорит о своем предисловии к VIII книге «Голосов», вышедшей в 1860 г.

⁵ Чернецкий Людвиг — польский эмигрант, участник революционного движения. С самого основания «Вольной Русской Типографии» — ее заведующий. Вместе с С. Тхоржевским — ближайший помощник Герцена по издательским делам. В апреле 1865 г. переехал в Женеву, где в середине 1866 г. Герцен передал ему в собственность всю типографию, которая с 1867 г. стала называться «Типографией Чернецкого». В этой типографии печатались все герценовские издания. После смерти Герцена, в 1872 г. Чернецкий принужден был продать свою типографию.

⁶ Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866) — участник революционного движения 60-х годов. В 1860 г. приезжал в Англию.

⁷ Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — известный литературный критик. В 1860 г. приезжал в Англию, где виделся с Герценом и Н. П. Огаревым.

⁸ Robert Masurel — персонаж мелодрамы «L'auberge de Adrety» (1826 г.) и пьесы «Роберт Макэр» Бенжамена Антьера и Фредерика Леметре (1834 г. — тип разбойника-джентльмена).

⁹ Гернани — «Эрнани» Виктора Гюго, одна из его ранних романтических драм (1829 г.).

¹⁰ «Nord» («Север») — полуофициозный орган русского правительства, издававшийся на французском языке в Брюсселе, под ред. Н. П. Поггенполя. В его субсидировании принимал участие и известный откупщик Кокорев. Полное название: «Le Nord, journal quotidien. Edition de la poste». Первый номер вышел 1 июля 1855 г.

¹¹ Повидимому, речь идет об изданном в 1861 г. сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» с предисловием Огарева.

¹² Урих — муж дочери Филиппа-Фридриха-Вельгельма Фогта (1789—1861), профессора медицины Бернского университета, к которому был очень близок Герцен в бытность свою в Швейцарии. В его дочь — Эмму Урих — был в 1860 г. влюблен А. А. Герцен и хотел на ней жениться. Но отъезд Эммы в Америку разрушил этот брак. Герцен был против столь раннего брака сына, что видно из его переписки этого периода. Об увлечении А. А. Герцена Эммой Урих см. воспоминания Т. П. Пассек и Н. А. Тучковой-Огаревой.

¹³ Морд[винов?] — не выяснено.

¹⁴ Трюбнер Николай (1817—1884) — английский издатель; был издателем и распространителем изданий Герцена.

Письма от тебя не было. Бени² хочет переводить Шервуда³ и придет сегодня советоваться. Вчера был господин из Якутска, старичок; он говорил, что дело Беклемишева⁴ у них понимают так, что,

вследствие публичных насмешек Неклюдова над связью Муравьева⁵ с актрисой Дунькой — было такое киванье головой или пожатие плечом, или иной знак, по которому самаритянка решила известить его во что бы ни стало. Петрашевский⁶, на которого Мур[авьев] был сердит также за libell, по отъезде Мур[авьева] в Петербург, стало, в его отлучку, был схвачен, возим разными путями и сослан на поселение за Красноярском в захолустье, в 40 верстах от города Минусинска. — Бак[унин] служит в частной компании, потому что Мур[авьев], покровительствующий ему и обещавший отцу его жены — совершенное освобождение Бакун[ина], еще не имел права поместить его в казенную службу.

Вот тебе и все.

Погода мерзейшая.

Думая и работая — я натываюсь на соображения по моему вопросу, которые в научных наименованиях сводят на очень простые формы, кажется мне, очень ясные в упрощенном виде. Все это ужасно увлекательно. Я думал помузицировать в уединении, но и к клавиру не подхожу. И слава богу, а то бы сам себе помешал.

Я отделяюсь от сатириазиса просто собственной решимостью. Как ты от импотенции?

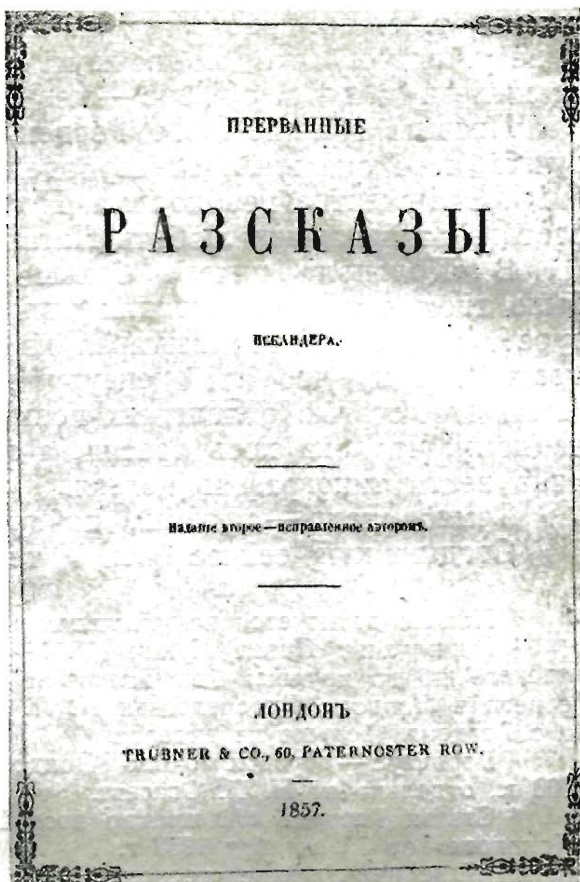
Вчера я заходил к одной женщине. Что это, Герцен! Комната в 2 ярда в подвале, с печью; темно и душно. Одна постель на полу и 2 стула. На постели сидят дети; старшей девочке лет 16, меньшей грудной мальчик. Всего 8 человек, мать 9-я. И все дети милы, и комната чиста. В тот день, когда М[эри]⁷ в 1-й раз к ним пришла, — семья была полтора дня не евши. Понимаю, отчего это называется у нас английской болезнью; у одной из девочек ноги согнуты, главная причина ее — недостаток пищи, стало, нищета, стало в Англии einheimisch⁸.

¹ Датируется по письму Н. П. Огарева к Герцену от 19 сентября 1860 г. («Русские Пропилеи», в. IV, стр. 240—246).

² Бен[н]и Артур-Вильям Иванович (1840—1867) — участник революционного движения 60-х годов. Поляк по национальности. В 1858 г. познакомился с Герценом. В 1861 г. выехал в Россию, как «эmissар» Герцена, разошелся там с членами местных революционных кружков, был обвинен в шпионаже; в 1864 г. выслан из пределов России, участвовал в походе Гарибальди и умер от ран 27 декабря 1867 г.

³ Шервуд Иван Васильевич (1798—1867) — провокатор в деле декабристов. В 1860 г. в Берлине у Ferdinand Schneider вышла книга «Шервуд — из записок генерал-майора Б. П.», принадлежащая перу И. П. Барк-Петровского. Бенни, повидимому, очень быстро перевел эту книгу на английский язык, так как в л. 83 «Колокола» от 15 октября 1860 г. имеется указание, что «Шервуд» переведен на английский язык и что издатель Трюбнер наметил его издать отдельной книгой.

⁴ «Делу Беклемишева» отведена большая часть № 2 «Под суд» (от 15 ноября 1859 г.). Здесь помещено письмо из Иркутска о дуэли члена совета главного управления Восточной Сибири Ф. А. Беклемишева с чиновником особых поручений Неклюдовым, кончившейся смертью последнего. Автор корреспонденции рисует эту дуэль, как замаскированное убийство, организованное чиновничьей камарильей во главе с Беклемишевым, и говорит о темной роли в этом деле генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. В защиту Беклемишева и Муравьева выступил М. А. Бакунин, находившийся тогда в Сибири и написавший длинное письмо к Герцену от 1 декабря 1860 г. (см. «Письма М. А. Бакунина к Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896 г.). «Колокол» неоднократно обращался к делу Беклемишева, так, например, в л. 82 от 1 октября 1860 г. в «Смеси» имеется специальная заметка «Тиранство сибирского Муравьева», в которой читаем: «Дело Беклемишева и Неклюдова открыло нам такое обилие поклонников Сибирского Муравьева, что мы даем им новый случай показать свою преданность и если можно объяснить человечески — почему по отъезде Муравьева Петрашевский был схвачен и сослан на поселение за Красноярск, верст 40 от Минусинска...» Герцен не имел твердого и устойчивого мнения о деле Беклемишева, и в № 6 «Под суд» в июле

ОБЛОЖКА КНИГИ ГЕРЦЕНА «ПРЕРВАННЫЕ
РАССКАЗЫ»

1860 г. появилось большое письмо в защиту Беклемишева. До сих пор дело Беклемишева полностью не выяснено, но, повидимому, точка зрения Н. А. Белоголового, доставившего Герцену обвинительный материал против Беклемишева и Муравьева, была более верна, чем мнение Бакунина.

⁵ Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — известный государственный деятель. С 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири. В 1854 г. присоединил к России левый берег Амура и заключил в 1858 г. Айгунский договор. Покровительствовал М. А. Бакунину.

⁶ Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866) — глава кружка «петрашевцев», находившийся тогда в ссылке в Иркутске.

⁷ Мэри — Мэри Сетерлэнд.

⁸ Об этом эпизоде упоминается в письме Н. П. Огарева к Герцену от 19 сентября 1860 г.: «Я перед вечером видел эту бедную женщину; она действительно образованная женщина, хотя с некоторым религиозным оттенком, выращенным страданием. У детей сегодня не было хлеба (что, впрочем, поправлено), живут они в подвальной кухне; обуви нет» и т. д. Эпизод крайне типичный для Н. П. Огарева.

10

Четверг [Начало октября 1860 г.]¹

Странное дело, ваше превосходительство, почему ж ты думаешь, что Пикулину² легко ехать в Борнмаус³, надо в расчет взять его здоровье и карман. Я думал, что ты сегодня приедешь. Если Пик[улин] поедет в Борнмаус — посмотрю, может и приеду, чтоб, наконец, покончить эти вызывания, происходящие от непонимания краеугольного основания нравственности: «Не делай для ближнего больше, чем он сам для себя желает». Но все же я посмотрю: если состояние Пик[улина] такое, что его параличное расстройство будет сильно реагировать на мои нервы и фантазию, то не поеду; эдак можно в 4-х часовой дороге дойти до обморока, и своим обмороком испугать больного человека до

смерти, т. е. до нового удара. Если ж ничего — то поеду. Вероятно, вынесу, потому что, во всяком случае, напьюсь в полпьяна, иначе я на железную дорогу и бус — не решусь.

Письмы N[atatie]... О! Герцен, Герцен, может и в самом деле лучше, чтоб она жила здесь отдельно, только чтоб не терять Лизы из виду. Эта жертва необходима. Но я еще надеюсь, потому что не могу отстать от привычки любить Натали.

В «Колокол» ничего больше не войдет. Чернец[кий] выбросил было твою статью о лошадях⁴ для того, чтоб поместить статью о цензуре⁵. Я уж кой-что вымарал из крестьянской статьи⁶, чтоб сделать место, потому что ты цензуру предписывал поместить непременно. А так как статью о лошадях позже печатать глупо, то я написал Чернецкому, что она хоть тресни, а полезай. Аминь, аминь глаголю — заочно вести типографию нельзя.

Темно стало — прощай; пойду погулять.

Стадниц[кий] сейчас был. У тебя статья Цебрикова?⁷ или нет?

¹ Письмо датируется по указаниям на «Колокол» (л. 83 от 15 октября 1860 г.).

² Пикулин Павел Лукич (1822—1885) — врач, близкий приятель Т. Н. Грановского и его кружка; был женат на сестре В. П. Боткина. В 1855 г. посетил Герцена в Лондоне. Впоследствии П. Л. Пикулин несколько раз бывал за границей, но с Герценом больше не виделся.

³ Борнмаус — городок около Лондона, в котором поселился Герцен, осенью 1860 г., отдельно от Н. П. Огарева.

⁴ Статья Герцена «Александр второй Наполеону третьему — четыре лошади» в «Колоколе» от 15 октября 1860 г.

⁵ «Еще цель и еще стеснение слова» (там же).

⁶ Статья «Разграбление крестьян Архангельской палатою государственных имуществ посредством введения незаконного налога».

⁷ О какой статье Цебрикова идет речь — неясно; но несомненно, что это Цебриков Николай Романович — декабрист, некролог которого был помещен в 1862 г. в л. 147 «Колокола».

8 окт[ября] 1860 г.]¹

Вот уже и «Норд» пришел, очень пустой, а писем из Лозанны нет². Чорт знает что такое. Как-то страшно, чтоб еще чего по дороге не подвернулось. Судьба так же глупа, как Иегова. Что-то завтра!

Вчера работал отлично и утром и вечером; проснулся в 7-м часу и, лежа в постели, мысленно продолжал работу и заснул опять. В 8 проснулся с такой тяжелой дурацкой головой, что вот до сих пор (12^{1/2}) не могу ничего делать да и только; пойду гулять и оставлю работу до после обеда. Пойду отыскивать Пикул[ина]. — Вот тебе записка, писанная внизу двумя господами, которые в 10 час[ов] приезжали в кабe. Что это его рука или нет? Квартиры не сказали. Глупо! Мне бы хотелось его видеть и обнять. Я привык его любить; ты его меньше знаешь, а я с ним с 47 года непрерывно был вместе. Записку мне Тас[синари] принес, когда они опять сели в каб и поехали. Ну! он не виноват. А я в окно не мог разглядеть, как ни старался. Что-то не похоже на Пикулина].

Вчера был де Азарт³. Человек очень милый, родившийся в Одессе, но с 48 г[ода] остался за границей, потому что его обвинили в участии в Феврал[ьской] революции и в республиканском образе мыслей, потому что он к отцу писал на бумаге с красной бордюшкой. Во избежание всех зол он и не поехал в Россию, имея достаточное состояние, чтоб жить всюду. А теперь уж отвык. Ему лет 30 с небольшим. Он, повидимому, принадлежит к фаланстеру. Не глуп и не Сологуб⁴, но русское рождение оставило одно хорошее — отвращение от француз-

ского гения централизации и фразерства. Дело Одесское⁵ приготавливаю «Под суд». Оно превосходно нелепостью.

Милую Тату целую и Ольгу милую. Да! вчера в 9 час[ов] утра приходил Боке⁶ и, поговорив с Тас[синари] об итальянских делах, ушел, уверенный, что мы оба не в Лондоне. — Пошел гулять, встретил Корвина сына⁷.

Вот и все.

Касат[кина] в субботу проводил, т. е. вечером был у него, посадил в каб и ушел.

Невыразимо я глуп сегодня. А досадно, потому что дело идет хорошо, т. е. работа. Прощай! —

Был еще Владим[ир] Шахов⁸, какой-то дворянск[ий] предводитель и жалел что нас нет, но дал Тас[синари] свое имя под величайшим секретом. Что это такое? Не помнишь ли ты это имя в каком-нибудь из губернских протестов? Или наоборот — из дворянских приязней?

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² В Лозанне в это время находилась Н. А. Тучкова-Огарева, приехавшая туда после свидания с сестрой Е. А. Сатиной.

³ Де-Азарт — лицо, впервые упоминающееся в переписке Герцена и Н. П. Огарева; никаких сведений о нем найти нам не удалось.

⁴ Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882) — известный писатель 40-х годов, автор «Тарантаса».

⁵ Несомненно, речь идет о помещенной в № 10 «Под суд» (от 1 ноября 1860 г.) статье «Дело Гамалея, президента одесского коммерческого суда».

⁶ Боке Жан Батист — участник революции 1848 г. в Париже, затем эмигрант в Лондоне; был близким человеком в семье Герцена, занимался с его детьми. Последний раз виделся с Герценом в Париже в 1870 г. за несколько дней до его смерти.

⁷ Корвин-Вербицкий Отто-Юлий Бернгард (1812—1896) — немецкий политический деятель, участник революции 1848 г. В 1855 г. поселился в Лондоне.

⁸ Кто такой Шахов — выяснить не удалось.

Окт[ября] 9-го [1860 г.] вечером¹

Пишу наскоро, днем не успел.

Письмо от Nat[alie] получил. Я им не так доволен, как бы хотелось. Но тут выздоровление борется с болезнью. Из приписки я вижу, что оно писано прежде, но прежде чего — не знаю. Может, завтра будет другое. Один результат есть — это повиновение ко мне, но, вообще не то, чего ждалось. От этого я не посылаю тебе письма. Не надо. Я все же предвижу победу и пошлю тебе то письмо, которое ее вполне скажет. Может она к тебе особо писала. Не знаю.

С домом ты фантазируешь². Кто ж его наймет? А между тем № 23 не годится; а хозяин 38 детей и себя выведет, только если ты возьмешь весь дом; иначе дети будут тут. — Разве в эти 4 комнаты поместить наших детей, а нам остаться в № 10? — Или решишь пожертвовать 20 фунт[ов] за ноябрь и с ноября переехать в новый дом. Тхоржевского не видал; думал, что он придет вечером; но нет. — У Чернец[кого] был и статью отдал, будет напечатана.

Приедешь ли ты к пятнице для свидания с этим Н. С.? Не понимаю, кто такой. Все глупо, что за мистерии; давно можно было написать, что едет, мол, такой-то. А то initiales — вишь, как их Николай Павлыч³ пробрал!

А между тем, министр финансов публично читал отчет о кредитных учреждениях за 1859 год.⁴ Вот и на Неккера⁵ сворачиваем, хотя и не совсем, потому что кредит[ные] финансы.

Шинель послана.

А Долгорукий⁶ сплетник и bornitr.

Статью об Овене⁷ жду.

Свою пишу⁸; но вот что. Чем дальше в лес, тем больше дров. Может я ее к 1 ноября не кончу. Я только знаю, что она необходима в возможно скором времени, и потому усердствую; но опять испортить спехом не хочу. Рассчитывай так — что 2 Колокола будут без моей статьи, и мешать мне другой работой тоже будет не честно.

Озяб. Голове лучше. Пойду чай пить. Прощай!

Да будет над всеми вами благословение во имя приятного сна.

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² В октябре 1860 г. Герцен и Н. П. Огарев усиленно искали новую квартиру в Лондоне.

³ Николай Павлыч — Николай I.

⁴ В октябре 1860 г. тогдашний министр финансов, А. М. Княжевич, впервые публично читал отчет о кредитных учреждениях за 1859 г.

⁵ Неккер Жан (1732—1804) — известный французский государственный деятель эпохи Людовика XVI; министр финансов, сторонник соглашения с «третьим сословием».

⁶ Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868) — публицист и историк-генеалог, эмигрант.

⁷ Оуэн Роберт (1771—1858) — английский экономист-утопист; в данном случае речь идет, несомненно, о главе «Былого и дум», озаглавленной «Роберт Оуэн», которая была написана в октябре — ноябре 1860 г.

⁸ Возможно, что Огарев говорит о статье «По поводу проекта положения о присяжных поверенных», помещенной в л. 93 «Колокола», а может быть, о статье «Финансовая реформа» — см. следующие письма.

13

Суббота [Октябрь 1860 г.]¹

4 часа. Никого не было. Зачем это Пик[улин] присылает таких скотов, которые боятся оставить имя и адрес! Эк их с детства жан-дарм пришиб, так что до сих пор пахнет дурью.

Посылаю письмо Бобор[ыкина]². Напиши прямо и я напишу прямо в Берлин... Или нет — пришли ко мне. Я спрошу у Стадни[ц]кого[го] адрес Касатк[ина] и тогда пошлю. Еще во вторник успеется.

Посылаю еще курьезное письмо — не письмо, а чорт знает что и без конца, присланное не знаю кем по городской почте. Это курьезно! Что случилось на этом месте с автором будущего трактата о Франц[узской] революции?

Посылаю курьезный приказ Игнатьева³, который я приготовил к будущему Колоколу. Если что придумаешь лучше — то обделай. Надо эдак обухом тресануть.

Колокол вышел и послан к тебе.

Получил кучу материалов с разных сторон, но не успел пересмотреть. Что нужно — пришло к понедельнику.

Собственную статью⁴ подвинул далеко. Ничего не читаю, чтоб не портить логической нити, а как кончу — примусь за чтение. Мне кажется, что я действительно наткнулся на действительный анализ кредита и ergo на экономические основания для данного времени и данной страны. Жажду кончить и показать тебе. Как это будет скоро — не знаю; кажется, близко...

От Н[атали] писем нет еще.

Всех вас цалую.

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² Боборыкин Николай Николаевич (1812—1883). — С 1843 г. жил за границей, изучал иностранную литературу. Герцен был знаком с ним в Москве. Впоследствии — цензор.

³ Игнатьев Павел Николаевич, граф (1797—1879) — петербургский генерал-губернатор с 1854 г. по 1861 г. Приказ № 169 от 19 сентября 1860 г. требовал ношения арестантами особых шапок, которые закрывали верхнюю часть лица — «для сбережения чувства стыда». Этот приказ Игнатьева высмеян Герценом в «Колоколе» от 1 ноября 1860 г. («Политические маскарады Игнатьева»).

⁴ Повидимому, статья Н. Огарева «Финансовая реформа», опубликованная лишь в 1862 г.

ГЕРЦЕН

Гравюра М. Леммеля, 1860-е гг.

Литературный музей, Москва

Воскресенье [14 октября 1860 г.]¹

Завтра тебе пошлется IX кн[ига] голосов². Я требую, чтоб ты как можно скорее и как можно с большим вниманием прочел ее и решил бы — с именем Унковск[ого]³ или без имени печатать обертку. Не глупо ли без имени, потому что слишком очевидно его; не опасно ли о именем? Но — очевидно, статью прислали в 2-х экзempl[ярах] не для секрета же. Подумай хорошенько, а я завтра же кришлю несколько слов: от редакции вместо предисловия, которые ты переправь как хочешь, сообразуясь с вопросом: с именем или без имени?

Я бы послал тебе многое из присланных вещей; но не успел пересмотреть. Вчера вечером такая головная боль поднялась, что едва мог справиться корректуру и прочесть присланное Благовосветл[овым], из которого посылаю его «Правда ли»⁴ — очень глупо, и записку генерала Павловского⁵ — прелесть! Потом он прислал стихи = 0. Остальных вещей не смотрел. Ходил сегодня к Девиллю⁶, но... он положительно за-

нят одним вопросом — руганьем англичан. Я к нему ходил и ради головы и ради ногтя; большие ногти на ногах принимают такое утолщение, что больно ходить. Ну! ногтю он помог. О голове поговорили — буду делать по его — до переписки с Фогтом⁷, т. е. принимать цинк, что по моему = 0 и пр. и пр. Но это чорт знает что за чувство раздробленья черепа, так что в зноб, т. е. в лихорадку бросает. Куда тут ехать по железн[ой] дороге, душа моя, когда и в кабе больно... и думать нечего. — Но сегодня все же лучше, и очень, очень лучше. Кроме головной боли, потому не читал рукописей, что занят своею. Так близко подошел к важнейшей задаче, что вот маленький дифференциал и выведу на решение ясное, как $2 \cdot 2 = 4$. Задача именно в отношении меновых знаков к массе товаров, или к числу обменов произведений. Я пришел к заключению, что когда одна серия, т. е. обмен товара на товар (непосредственно), начинается с одного случая, следст[венно], с 1, то меновой знак не существует, т. е. = 0. Следст[венно], мы имеем две серии, одна, начинающаяся с 1, другая — с 0 и его ergo отношение логарифмическое. Вот развитие этого страшно трудно, я прекращаю занятия и иду гулять, ибо без вдохновения не поймешь.

Кельсиев привез свое предисловие⁸: *n* страниц. Тоже еще не читал. Страшно начать. Он ужасно хвалит Дубровина⁹, говорит, что он очень умен и начитан, переводит с франц[узкого] превосходно, гораздо лучше, чем он, Кельсиев, и принадлежит к здоровому поколению, где есть жаж[да] дел без самолюбия. На днях пойду посмотреть его, но прежде надо прочесть предисловие.

Пикулинские скоты не были. Напиши к М[арии] Кас[паровне]¹⁰ — чтоб она известила Пук[улина], что, мол, за страм в Лондоне не давать ни имени ни адреса. — Еще кто-то подобный и многие подобные ходят. Тас[синари] не умнее Жюля¹¹ и своей жены в отношении приходящих. Я решился всех адресовать к Тхоржевск[ому] и оный приказ занатырю * Тас[синари] насколько могу, ибо он плохо понимает. — В № 38 дети будут иметь особый выход, стало, на 2 недели не велика важность нам ли, Тате ли там поместиться. Это ты реши, когда приедешь. Заранее нечего торговаться. —

Чтож еще — ничего. От N[atalie] ничего нет. Цалую вас всех и иду гулять. Ужо Черн[ецкий], вероятно, будет. Дьякон¹² дал статью о монастыр[ском] крепости[ом] праве. Это пойдет в дело.

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² IX книга «Голосов из России» вышла приблизительно 1 ноября 1860 г. В ней была помещена записка о крестьянской реформе, принадлежавшая А. М. Унковскому. В предисловии издателя сообщалось, что записку «приписывают Унковскому», и добавлялось: «Если это правда, то мы просим прощения у почтенного автора, что печатаем ее без его согласия».

³ Унковский Алексей Михайлович (1828—1893) — известный общественный деятель, стоявший во время крестьянской реформы во главе левого либерального крыла земцев.

⁴ Возможно, что это — заметка в «Смеси» («Колокол», л. 86, от 1 декабря 1860 г.) под заглавием «Круженштерн, Нолькин, плюхи, линьки, обязыяна и Анкудинов», говорящая об издевательствах над матросами и заканчивающаяся вопросом «правда ли», обращенным к великому князю Константину Николаевичу и другим руководителям морского ведомства.

⁵ Записка генерала Павловского была помещена в л. 84 «Колокола» — циркулярное распоряжение о порядке поздравления кадетами директора корпуса со днем рождения, подписанное генерал-майором Павловским. Дмитрий Михайлович Павловский — инспектор классов Константиновского кадетского корпуса.

⁶ Девиль — английский врач, лечивший Герцена и Н. П. Огарева.

⁷ Фогт — см. комментарий к письму № 8.

⁸ Повидимому, к уже упоминавшемуся «Сборнику правительственных сведений о расколе».

* Так в тексте.

⁹ Под этой фамилией в 1860 г. жил в Лондоне и работал в качестве наборщика в герценовской типографии участник революционного движения 60-х годов Михаил Степанович Бейдеман (ок. 1840—1887).

¹⁰ Мария Каспаровна Рейхель.

¹¹ Слуга Герцена.

¹² Агапий Гончаренко. Одна из колоритнейших фигур лондонской эмиграции. До 1860 г. был дьяконом при русской посольской церкви в Афинах; корреспондировал в «Колокол». В 1860 г. появился в Лондоне; работал наборщиком в Вольной Русской Типографии. В сентябре 1861 г. уехал на Восток, а в начале 70-х гг. появился в Америке. В Сан-Франциско издавал журнал «Свобода». Огарев посвятил ему стихотворение «Издателю «Свободы» в Сан-Франциско» («Хотя я стих переменял немного...»). Его статья «Монастырское крепостное право» напечатана в «Колоколе» от 1 октября 1860 г. (л. 86).

15

Понедельник [Середина октября 1860 г.]¹

Бессмертный Крупов, но не утешительный! Всего страшнее то, что, кроме безумных индивидов, есть безумная среда, подчиняясь которой, личные ненависти не могут разойтись, а личные привязанности иной раз не смеют сблизиться; эта безумная среда пародирует под названием долга, и что еще страшнее: отними это безумие, т. е. чувство долга, и безумие переходит в бред дикий, где все нипочем — нож и яд и т. д. От нее² я еще не получал писем, но из твоего мне сдается, что между тобой и ей — лежит чувство ненависти, которое ты только иногда усиленно можешь победить, из чувства долга, гуманности etc... А чувство ненависти, как и чувство любви (во всех видах, не исключая вида дружбы), гораздо глубже, чем просто разность или одинаковость образа мыслей, глубже, т. е. реальнее, — это физиологическое явление, которого пределы — радость поцелуя и отвращение от прикосновения. А побеждать физиологию трудно, или надо перейти в новое патологическое (физиологически) состояние безумия, чего достигали христиане, воздерживаясь от употребления женщин, несмотря на эрекцию, и евреи г.... во имя господне. Не будь этого реального физиологического чувства, ты бы подождал, что скажут следующие письма, и не призывал бы в воображении повторения сцен с детьми, чтоб тотчас разъехаться. С скорбью вижу из этого, что может лучше начать с какого-нибудь seven Oaks'a, чем подвергать разрушению даже возможный внешний мир; при физиологической основе он бессознательно разрушится. Только зачем же 7 Oaks? Надо выбрать место, куда бы мне было удобно ездить; я желаю следить за Лизой не столько из чувства долга, сколько из физиологического настроения любви. Бывают времена, когда мне легче, и я мог бы приехать даже в Борнмаус, и я этого не сделал просто потому, что моя работа была мне дороже поездки в Борнмаус; но иногда мне бывает так тяжело, что поездки становятся невозможными. Я у тебя просил прощенья, потому что писал записку с чувством рассерженности, а я это чувство считаю пошлым. Пожалуй, я зарублю, что надел на себя цепь, вероятно, моим образом жизни с раннего возраста, что обусловило известный вид болезни. Твои мигрени, напр[имер], наследственные, и ты не можешь сказать, что ты надел на себя цепь, — судьба надела. Но странно, что ты грубый патологический факт, как напр[имер], что человек без ног ходить не может, поймешь; а чуть патологическое явление потоньше, ты не можешь понять боли, которой сам не чувствуешь. Опять *du gleichst dem Geist den du begreifst!* Но милый мой мастер философии да *«on ne peut pas petter plus haut que le cu»* — тебе это уж стыдно; тем более, что спор наш об этом предмете может решиться только точ-

нейшим изучением патологических явлений нервной жизни, или вскрытием черепа, если б в нем нашелся экссудат между душой-матерью и сорокой-матерью, что не так невозможно, как с первого взгляда тебе покажется. А что я поеду на край света, если это для кого или для чего-нибудь нужно, да это не только в теперешнем положении болезни, но будь она в 40/т[ысяч] раз мучительнее, велю положить себя на носилки и нести куда нужно. — Теперь же болезнь если и не в 40/т[ысяч] раз, но порядком надоела. Эта постоянная ноша в мозгу, доходящая до положительной боли — скучна; но я пересилить ее могу, при всяком спокойном, не слишком быстром, движении и жить с ней можно, и думать можно, и работать с надлежащим отдыхом, что я наблюдаю, несмотря на то, что от этого много времени уходит даром.

Зачем ты мне прислал Игнат[ьева]³? — Я и своим и твоим недоволен; я затем и послал, чтоб ты подержавши придумал что-нибудь хорошее. Твоим я недоволен, потому что не знаю, зачем впутывать Австрию? Об Австрии придется говорить серьезно, или оставить ее в стороне. Результат конференций⁴ совершенно неизвестен, и я думаю, что они скорее делаются под влиянием Наполеона, чем что другое. Киселев⁵ и Штакельберг⁶ перед поездкой в Варшаву имели переговоры с Наполеоном; русские газеты бранят Австрию, а «Норд» опровергает даже известие об отозвании Штакельберга из Турина⁷, на том основании, что его в Турине давно нет и потому нельзя было его отозвать. Если же в виду какой-нибудь сент-альянец⁸, то надо тебе приготовить не мимоходную заметку, а еще статью. — А если этого нет? Что же за ридикюлитет сражаться с несуществующим? Теперь можно сражаться только с дипломатической методой, из которой немцы тоже сделали eine politische Wissenschaft, и которое составляет артистическое упражнение в подборе карт, когда гораздо выгодней играть не вскрыту.

Формулы моей еще не нашел. Может заключение a priori и слишком торопливо и серии представляют только две прогрессии с разным ratio. Но зато пришлось перечесть кой-кого из экономистов; я убедился, что даже и у Кери⁹ элоквенция заменяет логику, да еще как! Можно его книгу сократить в одну главу, и тогда все error'ы выйдут наружу. А уж Мак-Куллох¹⁰ — такой дребеденщик, что и боже упаси. Стюарт Милл, пожалуй, всех умнее; но я пришел к странной мысли, что, пожалуй, всех умнее, и потому всех менее понятый — Адам Смит!

Я все не понимаю, кто от Пан[аева]¹¹, что за люди?

Иллюстр[ации] посмотрю. — У Гоголя — есть и «дурак», есть и «осел В. П.»* Надо посмотреть.

Насчет квартир — дай же еще дождаться одного письма; чай, не сегодня — завтра придет, и потому о квартире когда приедешь. — Я думал, что Чернец[кий] вчера придет за коррект[урой], но он не приходил. Пойду сам к нему. Я думаю — просто задержу IX книжку до твоего приезда. Это viva voce легче решить.

Милая Тата меня ждала, милая Ольга мне кланяется, а я так таки сиднем и сижу. И самому жаль, но теперь не могу приехать. Сильно голова болит, только не так, как 3-го дня. Цалую вас обоих.

Дождь идет. — Голиц[ын]¹² выздоровел; он сделал некоторые новые вещи — прелесть! Талант-то все же замечательный. Посылаю «Nord» (письмо Маццини и указ о Павле 2-м¹³) и Espérance (статья Долгорукова).

* Так в тексте.

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² От Н. А. Тучковой-Огаревой.

³ Повидимому, речь идет о статье Герцена «Полицейские маскарады Игнатьева».

⁴ 10—14 октября 1860 г. в Варшаве состоялось свидание Александра II с австрийским императором и принцем регентом прусским. Целью «конференции» была выработка мер для предотвращения распространения революционной заразы. Опасаясь за Польшу, правительство Александра II выступило с предложением «всеобщего умиротворения», понимаемого как ликвидация революционных сил, как борьба с революционными настроениями. А с другой стороны — Варшавское свидание означало и охлаждение России к союзу с Францией, который стал намечаться в конце 50-х годов.

⁵ Киселев Николай Дмитриевич (1800—1869) — дипломат; с 1855 г. по 1869 г. — русский посол в Италии.

⁶ Штакельберг Эрнст-Густав, граф (1814—1870) — дипломат; после Восточной войны возглавлял специальную дипломатическую миссию в Турине до 1861 г., когда был послан в Мадрид.

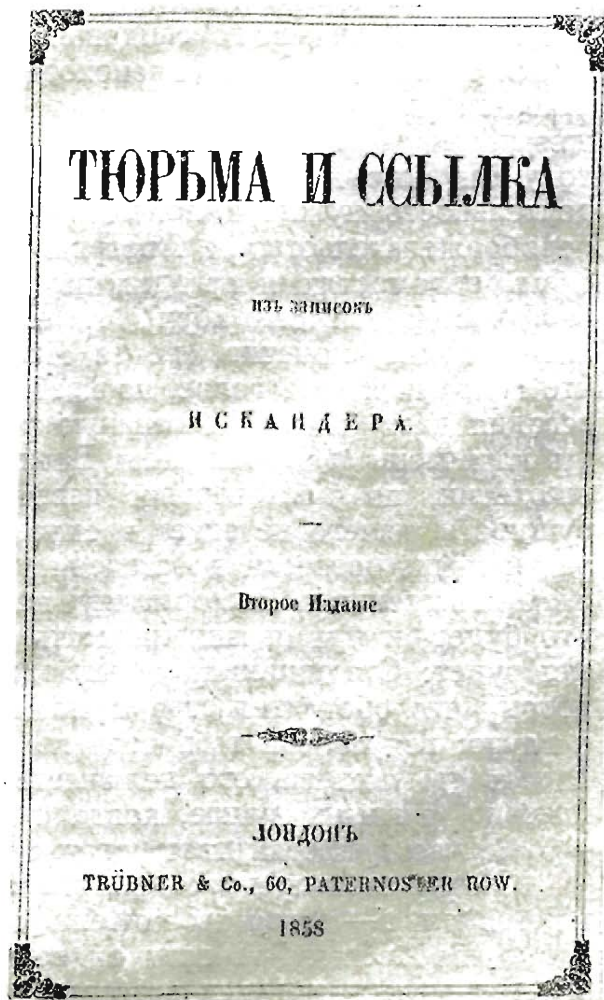
⁷ Крайне отрицательно относясь к революционному движению в Италии, к борьбе за освобождение Италии, правительство Александра II требовало от сардинского правительства (Кавура) прекращения какой-либо поддержки Гарибальди. Когда же сардинские войска вторглись в Церковную область и Неаполитанское королевство, то по приказу Александра II русская миссия покинула Турин. Это отражено в «Колоколе» (от 1 ноября 1860 г.) в заметке «Самодержавная демонстрация»: «Невско-австрийский посол упрекнул Кавура, что он не слушался петербургских советов, отряс прах с ног своих и отправился во-свояси. С этим успехом мы поздравляем и Кавура и Горчакова. Надеемся, что Виктор-Эммануил примет с равнодушнейшим презрением самодержавную дерзость татаро-австрийской дипломатии... и т. д.

⁸ Сент-альянец — «Священный союз».

⁹ Кери Генри-Шарль (1793—1879) — известный американский экономист и социолог.

¹⁰ Мак-Куллох Джон-Рамзай (1789—1864) — английский экономист, профессор политической экономии в Лондоне.

ОБЛОЖКА КНИГИ ГЕРЦЕНА «ТЮРЬМА И ССЫЛКА»

¹¹ Панаев Валериан Александрович (1824—1899) — инженер, автор ряда работ по железнодорожным и экономическим вопросам. В 1858, 1859, 1861 и 1863 гг. посещал Герцена и участвовал в его изданиях.

¹² Голицын Юрий Николаевич, князь (1823—1872) — музыкант и дирижер. В 1858 г., во время заграничной поездки, познакомился с Герценом и стал корреспондентом «Колокола». В ноябре 1858 г. выслан под надзор полиции в г. Козлов, откуда эмигрировал в 1860 г. за границу. Отказался вернуться в Россию и был объявлен изгнанным навсегда.

В Лондоне давал концерты, имевшие большой успех. В августе 1862 г. вернулся в Россию и прожил до 1866 г. под надзором в Ярославле. Написал до шестидесяти пьес. Автор мемуаров «Прошедшее и настоящее» (СПб., 1870 г.). Ю. Н. Голицыну посвящена специальная глава (XVI) в «Былом и думах».

¹³ Павел II — повидимому, П. Н. Игнатьев.

16

Вторник утром [16 октября 1860 г.]¹

Сейчас получаю твою записку и письмо к Боб[орыкину]². Это письмо останется у меня; я его не пошлю по 2-м причинам: 1) я боюсь, что поздно и что его как-нибудь скомпрометируешь; 2) если б это письмо, при совершенно удобных почтовых сношениях, попало мне в руки, я считал бы долгом честного деятеля перехватить его. — С чего ты выдумал измученную душу измучить до тла? Что случилось? С чего ты белены объелся? Боб[орыкин] мог писать письмо в припадке горечи, но это не значит, что из его политических предположений что-нибудь верно и что-нибудь имеет смысл. Что случилось? спрашиваю я: Варшавское свидание? Да разве ты знаешь, что на нем происходило? Что оно глупо и неоткровенно — это другой вопрос; но говорить о нем серьезно как будто там был возобновлен S-te Alliance — мальчишество; надо прежде подождать, чем оно кончится, да потом и говорить дело. Колокол выйдет после Варшавского свиданья; как же говорить в нем об этом свиданьи, не зная, что там происходило? Не то, чтоб я имел надежды на какой-нибудь +, но я думаю, что там произойдет + — = 0, что докажет нелепость процедуры, но не подвинет и не отодвинет России ни на иоту. Из чего ж посылать людей на бездействие и отчаяние, когда их деятельность нужна и полезна? — В Journal de St. Petersbourg видно недоброжелательство к Австрии по Турецкому вопросу; в Московск[их] ведомостях я сегодня нахожу следующую фразу (Моск[овские] вед[омости] 21 сент[ября], т. е. 3 окт[ября]): «И теперь голос нашей армии, конечно, не за Австрию. Имеем основания надеяться, что голос наш есть голос, по крайней мере, большинства». Норд еще раз сегодня дает démenti отозванию русского посла из Турина. С чего же ты начинаешь до окончания Варшавск[ого] свидания бесноваться, как школьник, по достоверным известиям от Боб[орыкина], который, в сущности, ничего не знает и склонен к ипохондрии; а ты эту ипохондрию хочешь возвести до степени л? Это ни в общем деле, ни в дружеском отношении к Боб[орыкину] нехорошо. Успеет ли через неделю увидеть, что будет, и при okazji написать к Боб[орыкину] — что делать (а оказия будет: Стадниц[кий]) не складывая рук и не запираясь в деревню, потому что обстоятельства пошли не по-нашему. Это было бы и гадко и глупо; вся соль в том, чтоб не терять сил, несмотря на препятствия. Ругать ты можешь его вел[ичество] как хочешь, оно хорошо; но ты, наверно, ругнешь лучше, когда будешь знать, за что именно ругаешь.

Сейчас принесли твою статью³. Набью трубку и стану читать.

Статья твоя превосходна. Но если б она явилась после Варшав[ского] свидания — тогда ты можешь сказать — Петербург так и так протянул руку Австрии. А если он ее не протянет? тогда это будет ридикульно, между тем, как все остальное в статье верно. Подумай об этом;

так как ты послезавтра приедешь, то, я думаю, тогда и пошли ее в типографию. Может ты на меня за это и рассердишься, но я думаю, что скорость нужна блох ловить. Тем более она тут не нужна: телеграммы из Варшавы придут не позже 27 октября.

Голова сегодня лучше, а погода ужас; дождь проливнейший.

Всех вас целую.

Мейзенбург отправляется в Варшаву. Не отправить ли Fräulein Meise[nbug] туда от редакции «Колокола»? Спроси ее.

Получены рукописи: о южн[ых] славянах Погодина⁴ и пр. и пр. по восточно-славянскому вопросу. Не посылаю, потому что ты сам собирался сюда. Получены книги...

А писем от N[atalie] нет. Страшно! — неужто опять пойдет прятанье? Не думаю. Но чем больше думаю, тем больше убежден, что ради Лизы надо выписать ее сюда, — и там в Семеродубке или Сиди на гамме*, где б то ни было поместить: но ребенка⁵ из виду выпускать нельзя.

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² Какое письмо Герцена к Н. Н. Боборыкину имеет в виду Огарев — неясно; оно не сохранилось, и никаких сведений о нем в переписке Герцена нет.

³ Статья Герцена, посвященная Варшавскому свиданию «Es reiten drei Reiter».

⁴ Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк и публицист реакционного направления, профессор Московского университета.

⁵ Лиза Герцен.

17

Вторник [Октябрь 1860 г.]¹

Пишу тебе самую короткую записку. Отчего же ты не остановишься у меня?² — У Тх[оржевского] даже нехорошо, он говорит, ибо там живут русские. В Rose Cottage не знаю, какая свобода. У меня ты имеешь мою спальню достаточно большую для занятий. Я сплю возле в маленькой спальне и работаю внизу (где тебе было бы и неловко — но это сам увидишь и выберешь). М[ери], Г[енри]³ и девочка, которая пришла, когда М[ери] была весьма страждуща, имеют три комнаты наверху и 2 кухни=гостиным. Чего же больше. Тревожить тебя никто не будет. Понравится — обедаем вместе дома вдвоем (что бывает и очень хорошо), — не понравится — пойдем, куда хочешь. Больше писать некогда. Писал Альтгаузу⁴ (от него письмо) и Ос[ипу] Ив[ановичу]⁵. — От Нат[али] и Лизы вчера письма, я вчера им писал.

Прощай пока. Ты что-то давно не пишешь.

¹ Датируется условно по октябрьским письмам Герцена 1860 г.

² В октябре 1860 г. Герцен должен был переехать из Борнмауса в Лондон, а квартира еще не была подыскана.

³ Генри — сын Мэри Сетерлэнд (родился в 1851 г.).

⁴ Вернее всего, что Огарев пишет о Фридрихе Альтгаузе, известном немецком публицисте, друге Герцена, авторе статьи «Герцен за границей». Семья Альтгаузов была очень близка к М. Мейзенбургу.

⁵ Осип Иванович — шутовское прозвище Мацкини (1805—1872).

18

2 окт[ября] 1861 г.

Решено — и я доволен и жду вас, и приготовлю вам поесть и Лизе шоколаду и игрушку. Спасибо, Натали, а за Астр[аковых] упрек¹.

Герцену секретно². — Твое письмо точно ножом в грудь ме-

* Так в тексте.

ня ударило. — «Соображая, что ты De Morgan видел через неделю, я сам вижу, что это было и странно и не нужно...». Итак, мало того, что я живу *sur le qui vive*, что вот не сегодня — завтра, являясь лгуном перед женщиной, которую я выучил понимать по-человечески, я сведу ее на отношение девки на содержании и столкну ее в грязь и отчаяние, что не сегодня — завтра расшибу собственным кулаком существо, которое собственной дружеской рукой спас, — мало этого, мне сверх того не надо свободы передвижения, мне нельзя пожелать заглянуть в угол, где я перестану быть публицистом, а делаюсь человеком со всеми человеческими слабостями и, след[ственно], отдыхаю; этот угол еще слишком светел, надо его сделать еще углее и темнее; надо отказаться и от женской ласки, от ласки и наблюдения за развитием заброшенного ребенка, который мне дорог, потому что я его спас — это все не для меня; я не имею права на личность — и должен отказаться от этого права, не ради земского дела, а ради хора.

О, Герцен, каких ты нечеловеческих усилий от меня требуешь!

Была не была — я к Шнейдеру³ пустил записку, которая мне возвратится, если Серна⁴ ускакала. Кажется, опасности нет. А мудроно! я думаю, это мечта; ему нельзя отказаться от возвращения, ибо подвиг закончился бы тем, что человек струсил. А куда бы хотелось, чтоб мечта осуществилась. Сколько работы можно бы пустить в ход, работы практичной, бьющей прямо по системе, по порядку вещей. Да мы бы его выучили писать вдвое лучше. У него есть только один недостаток, это отсутствие теоретического вопроса далее известного цикла предметов; есть предел, за которым у него вопроса нет. Может, это для практики и лучше. — Вот Ус[ов]⁵ дело другое — он идет до тла с совершенно положительным взглядом математика-натуралиста. Вчера я с ним простился и, несмотря на его холодную наружность, чувствовал, что он нас любит, чувствовал опять ту общественную связь с человеком, которая доходит, возвышается до личной привязанности. Без этого чувства было бы страшно жить. Я его имею и с Ус[овым] и с С[ерно]-С[оловьевичем]. Я их просто люблю. — Вечером был Панаев. Будет и сегодня; завтра едет в Ньюкастль, а там возвращается и, след[ственно], тебя увидит. Надо, чтоб он тебя видел. Над ним требуется работа, и определенно по одному предмету — привязать его к идее обществ. Он бессознательно на ней стоит и бессознательно ее отвергает; противуречие в его натуре чрезвычайно странно: резкая логичность до известного пункта, где он сворачивает в безумное непонимание. А над ним потрудиться стоит — ибо он способен сделаться фанатиком дела. Его обвиняют в излишнем самолюбии, — может быть — но и обвинители хромают на ту же ногу и, может, обвиняют потому, что в дорогом ему вопросе экономическом он глубже и логичнее их всех. Мы с ним просидели до 2-го часа над оным вопросом, и я не устал, даже головная боль от ужасной духоты дня прошла. Сегодня немногим лучше; но я держу себя крепко и не позволяю разбаливаться и изнеживаться в нервном страдании. У нас не дождь, а туман снедающий.

Тхор[жевский] уже хлопочет о Прудоне⁶. Чернец[кому] сообщу. Я Тхорж[евскому] вчера дал чек на 5 фунт[ов]. Из прежних десяти я дал 2 на расходы, да у меня еще около 3 остается. Стало, и этих 5 не потребуется, и твой чек останется нетронутым.

Колокол пошло. — Посылаю Тате Ус[ова] с тем, чтоб она сделала снимок и подарила мне. — Гиллер⁷ пристаёт. Увижу его завтра; он начинает быть для меня интересным. Славянофила-космополита⁸, слава богу, не видал. Голиц[ынский] адвокат⁹ говорит, что он ему подаст счет, от получения денег не отказывается, а сносит их по своему рас-

ходу, и страшает, что сделает ему процесс в 2 000 ф[унтов] за то, что Гол[ицын] считает его мошенником.

Сейчас телеграмма от Саша из Глазго¹⁰, будет в Лондоне около субботы.

¹ Это письмо является ответом на письмо Герцена от 1 октября 1861 г. (т. XI, стр. 242—243), в котором он писал: «Natalie едет в пятницу или в субботу; я провожу и потом возвращусь с Сашей в Devon и перевезу всех together». В этом же письме имеется и следующая фраза: «Nat[alie], несмотря на три соммации, не писала к Астр[акову]...» Астр[аковы] — друзья юности Н. П. Огарева и Герцена; особенно Сергей Иванович Астраков, ее брат Николай Иванович и его жена Татьяна Алексеевна. С Астраковым лондонские изгнанники поддерживали переписку. Т. А. Астракова — автор нескольких повестей, а также воспоминаний, вошедших во II том воспоминаний Т. П. Пассек — «Из дальних лет». О каком «упреке» идет речь — неясно.

² «Секретная» часть письма посвящена Мэри Сетерлэнд. Н. П. Огарев в это время отделился от Герцена, поселившись с Мэри в Ричмонде. В уже цитированном письме Герцена читаем: «В три или четыре месяца Ричмонда должно решиться, можно ли жить вместе или нет. Я сделал все, что мог, теперь делай и ты. Ричмонд может выйти очень полезен, только будь немного осторожнее с хором, т. е. с публикой. Мне Мейз[енбург] и Тата говорили: «как это странно, что О[гарев] так скоро уехал». Соображая, что ты di Torquay [так напечатано у М. Лемке. — Ю. К.] видел через неделю, я сам вижу что это было и странно и ненужно. Ты делаешь много, делай же и небольшую закраину для хора...». Ответом на это и является возмущенная тирада Огарева.

Ответное письмо Герцена от 3 октября 1861 г. (т. XI, стр. 245) тоже касалось главным образом отношений Н. П. Огарева к Мэри Сетерлэнд: «Письмо твое, — писал Герцен, — как ли больно было мне читать, но я потому не сержусь за него, что чувствую себя не виноватым. Мы à force понимания друг друга дошли до совершенных непониманий в частных случаях. Где же дальнейший намек на характер твоих отношений? Вольно выдумать чудовищность и рассердиться за нее... Помилуй, где же тень справедливости в твоих оскорбительных объяснениях? Тебе просто должно быть совестно. Я буду осторожнее выражаться, но не могу отречься от того, что сказал...»

³ Шнейдер Фердинанд — немецкий издатель, издававший в 1861—1862 гг. русскую литературу либерально-оппозиционного характера. Был связан с Л. П. Блюмером и издавал его «Свободное Слово».

⁴ Серна — уже упоминавшийся Н. А. Серно-Соловьевич, в 1861 г. издавший в Берлине брошюру «Окончательное решение крестьянского вопроса» и вскоре возвратившийся в Россию, где был арестован и сослан.

⁵ Усов Степан Александрович — см. статью Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и молодая эмиграция» в № 41—42 «Литературного Наследства».

⁶ В своем письме Герцен спрашивает: «что же за новое письмо Прудона в «Прессе»? Попроси Тхоржевского сыскать...»

⁷ Гиллер — член Центрального польского комитета, в 1861 г. находившийся в Лондоне.

⁸ Повидимому, здесь имеется в виду Н. А. Мельгунов (1804—1887) — писатель и публицист, друг П. Я. Чаадаева, пытавшийся «примирить» западничество и славянофильство; что речь идет именно о Н. А. Мельгунове, подтверждается и ответом Герцена. «Отдай мне Варавву на пропятие, и не жалея. Подари мне его... Кого? Мельгунова. Его письма в «Спб. Ведомостях» делаются плантаторской клеветой русского народа», — читаем мы там (т. XI, стр. 246).

⁹ Кн. Ю. Н. Голицын (см. комментарий к письму 15). В 1860—1861 гг. запутался в долгах и имел несколько судебных процессов, об одном из которых, повидимому, идет речь.

¹⁰ В 1861 г. А. А. Герцен вместе с известным натуралистом К. Фогтом ездил в экспедицию в Исландию. Телеграмма из Глазго (Шотландия) извещала о возвращении А. А. Герцена в Лондон.

Герцену.

Вероятно, это письмо ты получишь, когда приедешь. Я теперь совсем не знаю, когда ты приедешь. Это письмо мало коснется до личных предметов, хотя и близко касается. Сегодня я написал предлинное

письмо Луи Блану² об эмансипации, потому что он мне прислал мою статью с похвалою. Главное дело — мне хочется во французские умы вдохнуть истину, что социализм начинается с земельной собственности. Я иногда в внутреннем безумии, думаю, что я могу об этом держать *speech* перед английскими работниками; но тотчас чувствую, что это фантазия, и молчу. А на Луи Блана, пожалуй, и подействуешь! Он честный человек, — толкнуть его — и чорт знает куда он выпрет.

Но дело не в том: я пошел домой и нелегкая меня подстрекнула идти в *Gremorne garden* часов около 9. В одной из плющевых буточек я спросил содовой воды с вином и сидел долго, наслаждаясь проходящими. Я пришел к чрезвычайно общему заключению: дикое животное стремится все уничтожить ради своей выгоды, а социальное животное, необходимо втолкнутое в некоторые границы, стремится, по внутреннему дикому органическому (едущему) элементу, — к власти. Это так ясно, что только беспристрастно посмотри: Проходит мужчина и женщина, гордый мужчина и тихая женщина; ты тотчас скажешь: он ее притесняет. Проходит тихонький мужчина и женщина так себе на уме, я, дескать, всё. Ты видишь, что женщина готова задушить целую семью ради своей личной власти. Проходят господа ни то ни сё, и ты чувствуешь: вот скоты!.. они не могут обуздать друг друга и живут в наипечальнейшей неопределенности. Кроме юношей, желающих за деньги п. . . ., и стариков *idem*, — нет иных казусов. Ты ясно видишь, что индивидуальное стремление — жажда власти. Границы власти, т. е. объем определяется обстоятельствами, но жажда одна и та же. Спроси себя откровенно: что же из этого может выйти?... $+$ — $= 0$, или еще больше шансов, что $+$ $\times$ — $= -$. Что ты там ни говори, а это ясно, и роль человеческого рода хуже обезьянной, хотя совершенно подобна на иной степени мозгового развития.

Сколько откровенно злющих; сколько злобно-хитрых физиономий я встретил в обоих полах — это страшно! Сколько просто глупых, которые не знают как и на сколько употребить власть и от этого страдают!.. Нет, *саго mio*, физиология и патология так совпадают, что тут нет и демаркационной линии, да нет и надежды на будущее преуспевание рода человеческого. Один процесс и есть — от зародыша к смерти, где зародыш произведен смертью и разложением известных элементов, а смерть произведена тем же разложением жизни. Мир — есть *cercle vicieux*. Вслух я не решусь этого сказать, а оно так правда, что если застрелиться — то не пожалеешь. Страх смерти одно спасение. А этот страх есть у всего живого. В разумных границах жертва жизнью — цивический поступок; в дуэли — это безумный поступок. Свести личный интерес на цивический опять дело социализма. — Но что бы ни было — не работать невозможно, так как Пушкин говорит, что он любит, потому что ему не любить невозможно.

¹ Письмо условно датируется 1862 г., исходя из предположения, что статья, посланная Н. П. Огаревым Луи Блану, повидимому, была его «*Essai sur la situation Russe*» (Лондон 1862 г.).

² Блан Луи-Жан-Жозеф (1811—1882) — известный французский историк, политический деятель, член временного правительства в 1848 г. С 1848 г. по 1870 г. в эмиграции.

Герцен.

Понедельник день, в который решено решить будущее. Я требую (и обращаюсь к тебе), чтоб вопрос был поставлен так:

1) Хочет Натали ехать в ноябре, рíмо ехать нельзя иначе, как вам всем вместе, ибо иначе это одно из тех безобразий, которых я просто не допускаю. Но, кроме того, я замечу, что прежде Натали в Швейцарии не показала таланта жить одной, и мне достаточно одного доказательства, что Сер[но]-Сол[овьевич], после свиданья с ней², приезжал обвинять меня в том, что я ее преследую; достаточно этого, чтоб смотреть на ее поездку с очень скорбным взглядом. Я, по крайней мере, требую, чтоб она — если хочет ехать, чтоб приняла на себя всю ответственность и не сваливала бы с больной головы на здоровую. Не потому я этого требую, чтоб мне было больно вытерпеть что бы то ни было, а потому что я презираю неправду.

РИМ, АРЕНА КОЛИЗЕЯ

Акварель А. Брюллова из альбома Самариных

Литературный музей, Москва

2) Если же она не берет на себя человеческой ответственности прожить человечески от 3 до 6 месяцев, но надо остаться в Лондоне и нанять дом.

Я требую немедленно категорического ответа и иначе отказываюсь от всякого участия в чем бы то ни было.

¹ Датируется условно 1864 г., годом отъезда Н. А. Тучковой-Огаревой из Лондона в Швейцарию.

² В 1860 г. Н. А. Серно-Соловьевич, встретившись с Н. А. Тучковой-Огаревой во время ее путешествия на континенте, узнал от нее историю ее взаимоотношений к Н. П. Огареву и Герцену, и написал даже особое письмо Огареву на эту тему. В письме Н. А. Тучковой-Огаревой к Герцену от 3 декабря 1860 г. читаем: «Сер[но]-Сол[овьевич] будет у вас на-днях или он уже с вами, — не честно было бы с моей стороны не переслать его письма; вот оно, но, пожалуйста, прочти один; если бы ты знал, как мне больно печалить Огарева... Вмешательство Сер[но]-Сол[овьевича]

мне больно, но все-таки с ним нельзя поступать, как с посторонним...» («Русские Пропилеи», в. IV, стр. 261). См. также письмо Н. А. Серно-Соловьевича Огареву в № 41—42 «Литературного Наследства».

21

26 декабря [1864 г.]¹

Письмо от 23 получил. — Я уже тебе писал в Женеву к Фогту² (адресуя — profes[sor] à Genève). — Письмом Натали я глубоко доволен; но я в Женеву не стану тебе писать ничего, кроме делового, разве буду иметь положительный адрес. — 600 фр[анков] я получил, но еще д. с. п. не менял, ибо в Лондон не ездил. Тх[оржевского] не видел, а писать эти 2 дня нельзя за прекращением почт. На французском золоте потеря 3 пенсов (а по-настоящему 7-ми, ибо 20 фр[анков] = 16 ш[иллингам] 4 пенс[ам], а дают 15 ш[иллингов] 9 п[енсов]), а на бумаж[ные] деньги потеря будет больше. Чек был бы выгодней, но денег у Ротш[ильда]³ не получали. — 660-ю фр[анками] я распорядюсь сообразно твоей программе, т. е. пропорциональную долю отдам Чернец[кому] и Ш[арлотте] и пропорционально возьму себе⁴. — Ты на Петр[а] Вл[адимировича], кажется, напрасно сердись⁵; видно, у него в самом деле свободных, не помещенных денег нет, а продать фонды ему невыгодно или надо было бы убыток взвалить на тебя. Он ужасно участлив со мной, насколько его натура способна, так что, пожалуй, он и взаправду не мог дать денег, а не то что не хотел. Но мне приходит в голову: если у тебя есть фонды, которые можно бы продать с выгодой, то не всего ли проще тебе без всякого залога занять у самого себя и самому себе заплатить, купивши потом выгодно другие фонды? Подумай-ка да поговори с Фази⁶, напр[имер], который в этих делах очень практичен. Да поговори с ним и об Америке; английские журналы тут такую дичь порют, что ничего не поймешь. — Пиши что и как в Женеве. Не забудь справиться и о школах для Г[енри]. —

Не могу одного не сказать: я в натуру Лизы слишком верю⁷, чтоб сомневаться, что она crescendo будет исправляться под влиянием терпеливой любви.

Кол[окол] полон, но надо статейку твою⁸ поместить, исправивши, ибо ты в скорости много не дописал так, что смысла нет, а вообще-то она очень хороша и полезна. Затрудняюсь я придумыванием заглавия и фразы в смеси. Это бы твоего ума дело. Но я еще надеюсь на собственное вдохновение злобы и жду его; авось, слажу.

Чтоб утешить тебя, расскажу вот что: корректовал я твою статью противнику и нахожу в наборе следующее: «... может у вас это чувство дер[е]я...» Чорт знает что такое! Смотрю в рукопись — тоже. Сроду не слыхивал — уж не латинское ли слово? Я в лексикон — нет! — Через 2 часа догадался, что это «чувство dépit»...!!

Ради бога — где Саша и куда к нему писать?⁹

Я лечусь пристально.

Обнимаю тебя. Прощай пока — дела куча. Жду письма из Женевы.

На л. 2 об.

Для немедленной передачи Александру Ивановичу.

¹ Это письмо Н. А. Огарева — первое, направленное им из Парижа в Женеву, куда в конце 1864 г. переехал Герцен, а в начале 1865 г. последовал за ним и сам Огарев.

Датируется по письму Герцена к Н. П. Огареву от 23 декабря 1864 г. (т. XVII, стр. 429).

² Фогт Карл (1817—1895) — известный немецкий естествоиспытатель и философ. Участник революции 1848 г., заочно приговоренный к смертной казни и эмигрировавший в Швейцарию, где и прожил почти всю свою жизнь. Автор «Физиологических писем» и ряда работ по философии, зоологии, астрономии, геологии; профессор в Женеве и Лозанне. Идеи К. Фогта имели сильное влияние на наших шестидесятников, в частности на Д. И. Писарева. Фогт выступал против Маркса. Энгельс характеризовал Фогта и его последователей как «разносчиков дешевого материализма». Познакомившись с Герценом в 1847 г. в Париже, Фогт стал впоследствии его большим другом.

³ Ротшильд Джеймс, барон (1792—1868) — сын известного европейского банкира, крупнейший финансовый деятель Франции. Герцен держал свои деньги в конторе Ротшильда и пользовался его адресом для своей переписки.

⁴ В конце 50-х годов А. А. Герцен сошелся с Шарлоттой Гетсон и имел от нее ребенка — сына Александра (Тутса). Вскоре они разошлись, и Шарлотта с Тутсом стала жить у Огарева, получая небольшое пособие от Герцена.

⁵ Это ответ на фразу Герцена, что «дрянной принц поддел меня», повидимому, в смысле какого-то денежного займа, как можно судить по контексту письма. Петр Владимирович — Долгоруков.

⁶ Фази Джеймс (1796—1878) — швейцарский политический деятель, участник революции 1830 г. в Париже. Преследуемый полицией Луи-Филиппа, эмигрировал в Женеву, где в 1846 г. стал главой временного правительства и в течение 15 лет был руководителем Женевского правительства. Отказавшись от революционных воззрений юности, скоро стал откровенным реакционером и политическим демагогом. В 1853 г. был свергнут, а с 1855 г. снова занял президентское кресло. В 60-х годах политическое влияние Фази быстро падает, и вскоре он совсем сходит с политической арены.

⁷ В своем письме Герцен писал: «Nat[alie] много мученья с Лизой (хоть она и поменьше шалит); ...Надобен труд, выдержка. Все дурное в Buognemouth'e и в Tunstall House в Лизе раздулось. Что за казнь, что за казнь!..».

⁸ Повидимому, речь идет о № 193 «Колокола» от 1 января 1865 г., где имеется статья Герцена — «Письмо к противнику».

⁹ А. А. Герцен жил в это время в Италии.

22

4 февраля [1865 г.]¹

Сегодня суббота, ergo, необходимо писать к тебе. П[етр] В[ладимирович]² прислал индипенденцию³ от 2 февр[аля], где французск[ий] текст адреса москов[ского] дворянств[ва]⁴. Да! я уж об этом тебя извещал. Но хотя la glace est rompue, а адрес их показывает, что они скоты-олигархи; что — если б К[онстантин] Н[иколаевич]⁵ возымел намерение в пику им дать конституцию общую с бессловными выборами? выборами по-общинно? — Но некогда теперь обо всем этом; жду Нефтеля⁶. Здоровье хорошо, но ручаться за отсутствие припадка завтра или послезавтра — не могу. Хинину возобновил. Нефтель, говорят, тебе писал. Но и об этом после. — Вот и Ш[арлотта] пришла, а Нефтеля еще нет; наверно на train опоздает или забудет денег взять на дорогу и т. п. Удивительный человек! — Расскажу тебе о Тх[оржевском] и дам 2 комиссии. Тх[оржевский] вчера мне рассказывал свою встречу с Блюммером⁷, в которой он сказал Блюммеру: «извините, я рефюжье, имею свои правила; я знаю, что про вас писано, что вы агент и мерзавец, и не могу иметь с вами дела, пока вы не очистились от обвинения». Блюммер пробормотал какое-то извинение, но несмотря на то, что Тх[оржевский] ему моего адреса не дал и сказал, что я болен и не принимаю, Блюммер все-таки мне прислал запрос о посещении. Но подумав, что 3 т[ысячи] фр[анков] ему дали на дело против П[етра] В[ладимировича] — дали — кто? не частный же человек, дали как? — 500 фр[анков] в руки съездить в Лондон, посмотреть можно ли начать дело — тогда пришлют остальные... Хорошо? — А он приехал в надежде сорвать с П[етра] В[ладимировича] 20 т[ысяч] фр[анков]. Подумав все это — я не отвечаю. — Чернец[кий] вчера не был; «Колок[ол]» еще не получал. — Теперь комиссии.

1) По прилагаемому диаметру возьми у Шарьера⁸ штуки четыре каттров (у меня этого калибра не осталось), с тем чтоб концы были очень коничны и не искривлены; начало катерации для меня всего важнее, ибо оперированное место (вероятно) осталось очень раздражительно и искривленный или толстый конец мне не только не приятны, но вредны; а далее, чем скорей конус подходит к досто[до]лжному диаметру цилиндра, тем лучше. Ты не присылай, а привези с собой.

2) Ты, однако, привези мне Курно⁹ приложение математики к политич[еской] экономии. Этого мне нельзя не знать; он мог не понять где фокус (foyer) всего дела в полит[ической] экономии, рассматриваемой с этого штандпункта, но попытку эту видеть я хочу и чем скорей, тем лучше. В приложении алгебр[ы] к геом[етрии] — Курно один из самых симпатичных умов, как редко француз бывает. Он, должно быть, отведал Конта¹⁰.

К Нат[али] вчера коротенькое письмо писал. Сегодня, очевидно, некогда и это письмо пишу при криках Ал[ександра] III¹¹. — А Неф[те]ля все еще нет.

Что твой дом и когда ты сюда собираешься? Письмо это отправляю теперь, ибо М[эри] должна идти: а до почты, т. е. до твоего письма, боюсь оставлять, еще опоздаешь, а сегодня суббота. — Addio пока.

¹ Датируется по февральским письмам Герцена 1865 г.

² Долгоруков Петр Владимирович — см. письмо № 12.

³ Индепенденция — газета «Indépendance Belge».

⁴ 11 января 1865 г. московское дворянство большинством 270 против 36 приняло адрес, в котором ходатайствовало о созыве «Общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Это выступление московского дворянства носило явно выраженный сословно-дворянский характер и сопровождалось пожеланиями об «укреплении дарованных прав дворянству». Указом Сената Московское дворянское собрание было закрыто.

⁵ Константин Николаевич, великий князь (1827 — 1892) — второй сын Николая I, с 1853 г. по 1881 г. управлял морским министерством. С 1865 г. — председатель Государственного совета; сторонник «реформ».

⁶ Нефта[е]ль — врач, еврей по происхождению, в 1861 г. приехавший с женой из России в Лондон. В 1864 г. уехал в Америку.

⁷ Блюммер Леонид Петрович (1840—1888) — журналист. В ноябре 1861 г. выехал за границу. В 1862—1864 гг. издавал «Свободное Слово», «Весть», «Европеец» в Берлине, Брюсселе, Дрездене. Скоро возникли подозрения в том, что Блюммер — агент русского правительства, а в 1864 г. об этом громко было заявлено П. В. Долгоруковым. В июле 1865 г. вернулся в Россию, выразив «раскаяние», и, после непродолжительной ссылки в Томскую губернию, целиком отдался журналистской и адвокатской деятельности.

⁸ Шар[р]ер — парижская фирма, изготавливающая хирургические инструменты.

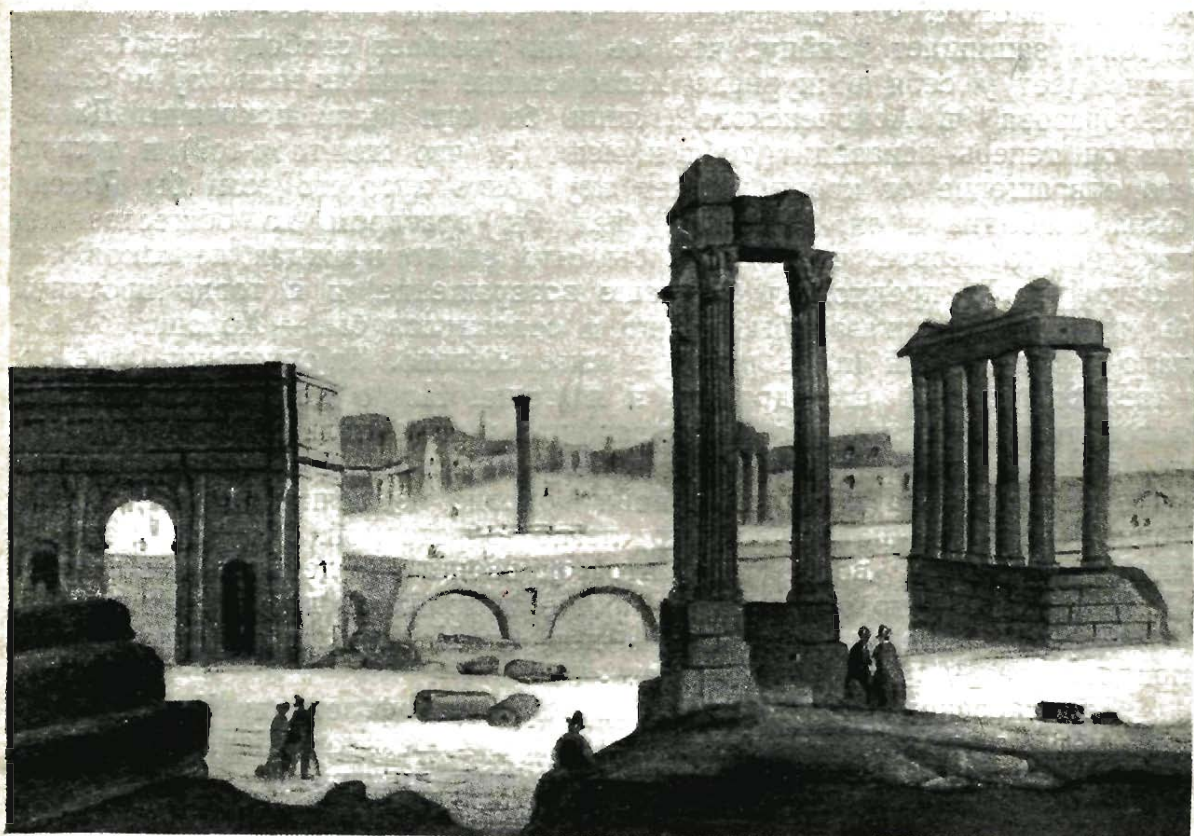
⁹ Курно Антуан (1801—1877) — известный французский экономист, родоначальник математического направления в политической экономии. Ректор академий в Гренобле и Дижоне.

¹⁰ Конт Огюст (1798—1857) — известный французский философ и математик.

¹¹ Александр III — шутовское прозвище сына А. А. Герцена от Шарлотты Гетсон — Тутса.

Опять плохо дело, Герцен! В субботу я говорил Нефтелю, что я гораздо крепче, но что все же чувствую помаргивания, которые приготавливают припадок²; но так как они слабее и реже, то, вероятно, не к воскресенью, а к понедельнику или вторнику. Я ошибся. Припадок пришел в воскресенье из часу в час как в предыдущее воскресенье. Точно так же, я вставал и умывался... Генри шел вверх и услышал мой

припадок и позвал мать. Она рассказывает, что, отстранив вещи, о которые я мог ушибиться, она положила подушку под голову и покрыла меня одеялами. Я не вдруг очнулся и начал храпеть или хрипеть так, что внизу в кухне было слышно; где был конец обморока и начало сна — неизвестно. Может обморок был и дольше обычного; я совсем очнулся не ближе как через полчаса. Но в продолжение этого времени, М[эри] так была испугана необычным явлением, что послала девочку за Тх[оржевским], которого, разумеется, нельзя было найти и, если бы я не был в обмороке, я помешал бы посылать. Потом я очнулся совершенно свежо и ходил к П[етру] В[ладимировичу] обедать, где был уверен,

РИМСКИЙ ФОРУМ

Гуашь из альбома Ховриных
Литературный музей, Москва

что встречу Тх[оржевского] и Дав[ыдова]³ и еще встретил гр[афа] Ильинского⁴. — Но, возвращаясь к припадку: вот и хинин, не в той небольшой дозе, как я писал, а в очень большой дозе, а, равно, и железо — все болезнь ни с места, и только больше входит в характер своей аккуратной периодичности. На другой день, напр[имер], сегодня, я всегда очень слаб, ушибы начинают болеть и пр.; завтра я буду чувствовать себя крепким, после завтра *idem*, но начнутся изредка помаргивания, в следующее воскресенье это будет помаргивание *n* = припадку. Потом сызнова то же. Замечательно, что периодичности еженедельной (вообще никакой) у меня не было до возвращения из Парижа⁵.

Теперь еще плохая штука. Кол[окол] пришел сегодня. В пятницу я посылал нарочного, чтоб вычеркнуть рештучку и напечатать на маленьком *alinea* (для большого места не было) «А почему им так кручиниться и пр.» — Что ж ты думаешь? Черн[ецкий] рештучку вычеркнул, а то поместил внизу под Прудоном!⁶ Хотя бы уж он приезжал показы-

вать, если ничего не может (*entre nous soit dit*). Меня это ужасно оскорбляет. Мне больно видеть людей, которых я уважаю за их добро-совестность и преданность своей вере (не скажу убеждению, а вере), не останавливающихся не то что перед глупостью или увлечением необдуманного поступка, а ни перед какой абракадаброй, как Громор⁷ в переводах. Браниться — совестно, потому что браниться можно только за сознательное зло, а бешенство охватывает при корректурах ужас какое.

Я тебе писал, что Блюммер просил у меня свиданья, на что я не отвечал; вследствие этого получил письмо на 4-х страницах *in folio*. Это саро d'opera! Прочтешь, когда приедешь. Теперь скажу только два удивительные места, что мы не поняли различия между адвокатом и шпионом, что он правительство защищал не как шпион, а как адвокат защищает убийцу; что он так уважает свободу печати, что равно дает у себя в журнале место статье Черныш[евского] и статье Безобразова⁸ и Аскоченского⁹, лишь бы они были искренни. Далее, что он теперь ненавидит тебя и меня (за что же тебя-то?) и только его отвращение от крови мешает ему убить нас; что если бы Россия была свободна и он, Блюммер, был бы оратором на общественной трибуне, то первое, что сделал бы (что он во враждах не таков как Долгор[уков]), предложил бы наше возвращение, и я тогда протянул бы руку, но он сказал бы поздно и отвернулся бы. — Хорошо? А начало его действий *in re principis* мизерабельно. Тх[оржевский], действительно, считает его дрянью и я тоже. Но о деньгах *en principe* я говорить не стану, ибо он сказал, что у него наличных не в достаче, а из фонда продавать убыток, *ergo*, идти на 2-й отказ — значит идти на ссору, на которую я пойду охотно из всякой другой достачной причины не личной, но легко обретаемой. Мы с Тх[оржевским] условились вот о чем, что он начнет о деньгах говорить с Дав[ыдовым] и что тут гораздо проще и приятнее достать их можно.

От тебя еще сегодня письма нет; от Нат[али] и подавно. Почта придет через 1/2 часа. Посмотрим.

Тх[оржевскому] 5 ф. отдал, Ш[арлотте] 5 ф. отдал; Черн[ецкому] еще нет, отдам сегодня или завтра; у него есть от Шап.¹⁰ 16 + 6 = 22 ф. Стало, он не в затруднении на сию минуту.

Сейчас письмо твое и Нат[али]: но мне уж некогда — на почту!

¹ Датируется по февральским письмам Герцена.

² Как известно, Н. П. Огарев страдал эпилепсией, особенно обострившейся и принявший регулярный характер в 1864—1865 гг. В письме Герцена к сыну (от 24 января 1865 г.) читаем: «Здоровье Огарева все плохо, слабость, усталость и каждую неделю припадок...» (т. XVIII, стр. 21).

³ Давыдов — знакомый Герцена, с которым последний имел какие-то денежные расчеты.

⁴ Возможно, Ильинский Иван Августович, граф, член I департамента Сена-та, крупный польский магнат. Его имя встречается в герценовских изданиях, так на-пример, в № 7 «Под суд!» (от 15 июля 1860 г.) в «Деле Лихачева» приводится его «особое мнение» в Сенате по этому делу.

⁵ В конце 1864 г. Н. П. Огарев ездил в Париж, к Герцену, остановившемуся там со всей своей семьей, а затем вернулся в Англию.

⁶ «Колокол», л. 194 от 1 февраля 1865 г., в котором помещен некролог Прудона и под ним заметка: «А от чего императрица так кручинится?..»

⁷ Громор — французский анархист, друг и последователь Прудона; писатель и переводчик. Переводил, в частности, и с русского языка.

⁸ Безобразов Николай Александрович (1816—1867) — лидер дворянской оппозиции в 60-х годах. В 1858—1863 гг. выпустил за границей ряд памфлетов, на-правленных в защиту интересов дворянства («Две записки по вотчинному вопросу», «О старом и новом порядке», «Предложения дворянству» и др.).

⁹ Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — редактор журнала «До-машняя Беседа»; клерикал и реакционер.

¹⁰ Кто такой Шап. — выяснить не удалось.

Понедельник [5 июня 1865 г.]¹

Дождь с утра прошел. Теперь яркое солнце. Бродил по окрестности и сел в древесной тени. Больно хорошо — но и просто больно на сердце в то же время. Пришли сегодня утром все твои юмористические письма. Я рад, что тебе весело и что ты отдыхаешь, хотя я с этим «Колоколом» не уверен, а с будущим совершенно не знаю, как сладить. У Н[иколадзе]² есть статья или начало брошюры или книги, которое требует выработки и нейдет в «Колоколе», а разве в какой-нибудь сборник. Я начну статью о судебной реформе, но мне торопиться в этой статье — все то же, что ее испортить, между тем как я ее содержанию придаю большое значение. А для нее чтения и работы чертова пропасть. Что касается до ныне выходящего «Колокола» — мне в статье и в смеси без тебя очень скверно, ибо я в этом случае к собственному такту не имею никакого доверия, а к твоему большое. Но об этом речь еще после.

Твоя маленькая записка меня очень удивила. Неужто ты думаешь, что я хотел именно намекнуть на трагедию, в которой я, может быть, больше виноват, чем кто-нибудь? Если я нахожу, что все образованные женщины от Швабины³ до Мейзенбургаты⁴ вселяют в меня отвращение, потому что все-таки в них самолюбие играет гораздо большую роль, чем понимание, которого, собственно, нет, то я в этом едва ли виноват. Почему ты вздумал меня тыкать сравнением покойной Наташи⁵, к которой я имел религиозное уважение и любовь перенесенную мною на ее детей, — с m-me S[alias]⁶, которая относится к той категории, с m-me S[alias], к которой я мог иметь пристрастие во время оно, пристрастие, обусловленное разными внутренними обстоятельствами жизни — этого я с твоей стороны не понимаю. Неужели и твое самолюбие способно раздражаться всяким словом? Я начинаю полагать, что ты в чем-нибудь чувствуешь себя неправым, иначе бы ты не сердился. Потом же я и твой перспексикет относительно m-me S[alias] не совсем признаю. В ней много благородства и преданности. Относительно меня она это доказала и своим отношением после того как я с ней мерзко поступил, и своим отношением к Лизе⁷. К Лизе теперь — ибо у ней к Лизе большая любовь. Мало ли дураков ты терпишь и уважаешь за преданность к тебе. Позволь же и мне иметь это право относительно себя. А потом вспомни поведение m-m S[alias] в Луденгенской истории! Что касается до моего последнего отношения к женщине то — хотя бы и лучше было, вообще, вести жизнь монашествующую науки ради (мысль, которая мне была бы всего ближе к сердцу) — но я ее все же не исполню по стечению обстоятельств. — А тут я не хочу оставить женщины, которую поднял — сколько потому, что просто не хочу, столько потому, что не хочу завершить последний акт моей траги-комической жизни аристократической подлостью.

Теперь перехожу к письмам Мейз[енбург] и к моему отношению к Нат[али] в твое отсутствие.

Однако, я должен идти домой к обеду. Ergo, продолжение уже ночью.

Ночь

Не много сегодня напишется — поздно. Ходил провожать в Raquis m-me S[alias], которая у нас обедала. Ходил провожать ее по двум причинам: во 1-х, потому что это ей сделало большое удовольствие, человеческое удовольствие; во 2-х, потому что ты ее в записочке ко мне разругал каким-то грубым слогом и мне хотелось перед собой за-

гладить это. — В первый раз я шел по Женеве в полночь один. Почти ни живой души на улицах. Все дома темны. Опрокинутый полумесяц вставал. Это очень хорошо и очень симпатично с моим собственным настроением, потому что ужасно безотраднo. Может быть, я любил это впечатление в иные года, когда я мог передавать его стихами, когда безотрадность вертелась около других мотивов, более музыкальных. Теперь это как-то тяжелее. Обстоятельства ли просто надоели, или чувство недалекой смерти иначе настраивает — не знаю, только тяжесть гуще, а поэтическая струнка жиже, но все же лучше, чем ничего, и все же эта ночная прогулка мне больше по сердцу, чем вся жизнь вообще. Но что же это я так разболтался о себе — ну меня к черту!

У меня лежит письмо к тебе от Мальвиды в 11 листов. Я его читал с большим вниманием и не послал к тебе, боясь чтоб как-нибудь не затерялось. В нем есть много правды, подмеченной обиженным самолюбием, и много основной лжи, происходящей из того же источника. Уверенная, что она может воспитывать, она сердится на неудачу и обвиняет тебя в разных колебаниях и нерешительностях. Последнее имеет свою долю правды, потому что несмотря на кажущуюся решительность, в тебе много нерешительности, мешающей и тебе и другим, но она не может заметить, что большая доля в неудачах воспитания относится к отсутствию у ней практического такта и таланта воспитательницы — и этого ты ей никогда не объяснишь. Но сверх того, мне кажется, что у ней в каждой строке или лучше сказать в каждой ее мысли — звучит обиженное чувство женщины, которую никогда никто не любил специальной любовью, а она этого до сих пор ищет. Поэтому она имеет зуб на Тату, а долею на Сашу за Грегориуса⁸ и в письме к тебе обвиняет их в поверхностности. В этом обвинении тоже есть своя доля правды, а между тем основное побуждение дает этому вид, который скорее восстанавливает против нее, потому что основное побуждение — обиженное самолюбие. Говорят, что она теперь написала к Тате чрезвычайно нежное письмо, в котором, однако, замечает, что Ольга теперь слишком много учится; а Ольга своей школой ужасно довольна и, кажется, чувствует себя совершенно в родной атмосфере.

Из всего этого возникает другой вопрос, на который обратить внимание я молю тебя коленопреклоненно. После истории с Грегориусом отправить Мальvidу с Татой в Италию как-то очень нестройно. Отправить в Италию Тату с одним Сашей — тоже как-то нестройно. Если ты поедешь с Татой в Италию, положим на 3 или 4 месяца — хорошо ли это для твоей деятельности? В общих обстоятельствах есть некоторое движение. Ну — ты уедешь и оставишь меня одного? Повторяю: я в твой такт для издания «Колокола» и пр. имею полную веру, а в свой такт — ни на копейку. Я могу писать по известным вопросам, и мог бы писать гораздо лучше, если б это не в журнальной, а просто в диссертационной форме. Что ж я буду один делать? А столкновения с людьми, к которым я также мало, способен, — что ж я буду один делать? А работы, кажется, будет во всех отношениях больше. Один приезд Д[олгорукова] доказал мне это. — Оставить Тату в Женеве? Боже ты мой, милая моя, бедная моя Тата! Да где ж она найдет какое-нибудь удовлетворение? Если все вместе — то постоянная смесь желчевых отношений с одиночеством; если втроем — то только одиночество. Будешь ли ты уметь создать ей кружок ровесниц — девушек, без чего девушке жить — тоска? Едва ли тебя на это хватит, особенно в Женеве. Я сам уж тут представляю не только О[гарева]. — Ведь кончится тем, что она к отеческому дому возымеет — любовь за-

творника в тюрьме. А между тем, если у ней есть еще кой-какая поверхностность, то это потому, что она долго складывается, а в сущности это натура, в которой все человечески изящно. И эту-то натуру в лучшие годы жизни осудить на какое-то пассивное страдание — это черт знает что такое! Это преступление! Я об этом думаю, может, больше, чем о чем-нибудь; но проекта никакого не могу представить; а почему всего больше не могу, увидишь дальше. Теперь прошу, молю тебя коленопреклоненно обратить на этот вопрос все твои мозги. — Об остальном завтра. — Теперь устал, покурю и пойду спать. —

Вторник, ночь

Я тем более оставил вчера мое писанье, что мне сегодня хотелось выведать от Натали впечатление твоего письма к ней, которого я не знаю. Но она мне ничего о нем и не сказала, а повела ту же канитель обвинений на детей, т. е. С[ашу] и Т[ату], обвинений, где — если у них подчас встречаются бестактности, то они обращены в преступления, и мое несогласие, которое даже по моему специальному характеру выражать очень трудно (ибо я середины между молчанием и совершенной грубостью не могу схватить да и только) — мое несогласие вызвало с ее стороны объявление мне презрения. Ergo, вот на чем останавливаются наши отношения. Caro mio! что ж я могу тут сделать? Я старался все это время быть настолько мягким, чтоб как-нибудь был возможен серьезный разговор. Но он решительно невозможен. Ей объяснить, что она разрушила семью и никто кроме нее не виноват в этом — и если другие поступают глупо или нехорошо, то это только последствия ее начала — это ей объяснить еще труднее, чем Мальвиде объяснить, что у ней нет таланта воспитания. — На днях у меня с Нат[али] была такая встреча: она мне рассказывала историю Грегориуса (где Мальвида играет, конечно, глупейшую и нехорошую роль) и высказывала свое презрение к Мальвиде. Я молчал — я ждал, что она скажет о своем отношении к Мальвиде — ни слова! А она обиделась тем, что я молчал. Что ж мне делать? Я поставлен в положение, что я не могу — без твоего разрешения сказать: «а это вот мол что? и как и почему?» Ну! я и принужден молчать. Злобы и ненависти Нат[али] до такой степени бессознательны (физи- или патологические), что она притом в своей добродетели уверена и ее положение тоже страшное страдание. Жить эдак дальше нельзя, друг мой, надо чем-нибудь разрешать⁹.

Остановился над этим и думаю — дай еще пройдуся по комнате — в голове трещит — я думаю тут никакие мышьяки не спасут. Но буду стараться превозмочь мои боли, тем больше, что все это время мне гораздо лучше было. Как ни трещи в голове от какого-то отчаяния, все же надо выдумать хоть проект развязки, который бы можно было потом обдумать и исправить.

Нат[али] все говорит о России. Признаюсь, прочитавши третьего дня продолжение «Трудного времени» Слепцова¹⁰, где мне так и пахнуло отечеством, да еще вспомнив различные частные обстоятельства — мне страшно за Лизу; а Нат[али] — страшно ее оставить здесь, ибо она считает Сашу и Тату ее врагами. Как она ни бредь, но ведь она в свой бред верит как в правду — что ж с этим делать? Мне кажется, что тут поможет только скорость. Дай мне сбегать сейчас в Лозанну, отыскать школу и квартиру и перевести туда Натали¹¹. Это разом и вдруг изменит направление и даже может через некоторое время допустить сожитие, где Лиза останется на твоих глазах. Я надеюсь, что ты проживешь долго и что Лиза успеет вырасти под твоим надзором. Поверь мне, что я тут все сделаю, чтоб практически было

Нат[али] с Лизой удобно. Если б оказалось в Лозанне нехорошо — я пойду в другое место, о котором ты можешь подумать, ибо я Швейцарию недостаточно знаю. Но только это надо сделать сейчас. Иначе мы придем к такому результату, что надо будет отпускать в Россию да еще в невозможный сезон. Как приедешь тотчас и решай. Я даже рад бы был, чтоб у меня был припадок до твоего приезда, чтоб не заботиться его ожиданием впоследствии... Я думаю, что даже держать в настоящей совокупности Натали — род преступления, потому что урезонить ее нельзя, а это значит ставить ее в невероятное страдальчество, которое — как оно ни ложно и ни безумно — а все же страдальчество — для всех бесполезное.

Больше я ничего не могу придумать.

Жду тебя с невероятным нетерпением. Верю тебе, что передвижение вещь превосходная (сколько бы оно ни мешало переписке — не так как поездка, в определенное место), но склонности к ней никакой не чувствую и не вижу резона, чтоб у всех людей желания были на один лад. Если я желаю твоего приезда, то это вовсе не для того, чтоб мешать твоему передвижению, а просто потому, что считаю твое присутствие здесь нравственной обязанностью.

Главным вопросом, который должен теперь быть между нами — это мое свидание с Домб[ровским]¹². — Это касается общего дела (которое для меня все же стоит на вершине) и касается так, что времени терять нельзя.

Не надеюсь на свою память — записываю, чтоб ты потребовал от меня тотчас же: 1) разговора о мисс Турнер¹³ и 2) письма Долгорукова, с которым тоже надо порешить; 3) есть еще кое-какие письма, которые передать тебе нужно, но дело не так важно; 4) также есть статья.

Сегодня был Саффи¹⁴, а я заболтался с Майором¹⁵ и последней корректурой «Колокола». Саффи обедал у нас. Он очень симпатичен, но Натали его ставит как противоположность «чужого» занимающегося ее горем, с своими (особенно С[ашей] и Т[атой]), которые не имеют сердца и на ее горе не обращают внимания. Что у ней выйдет с Саффи — не знаю. Мне бы уж хотелось, чтоб конфиденции шли этим благородным путем, чтоб не пошли иначе.

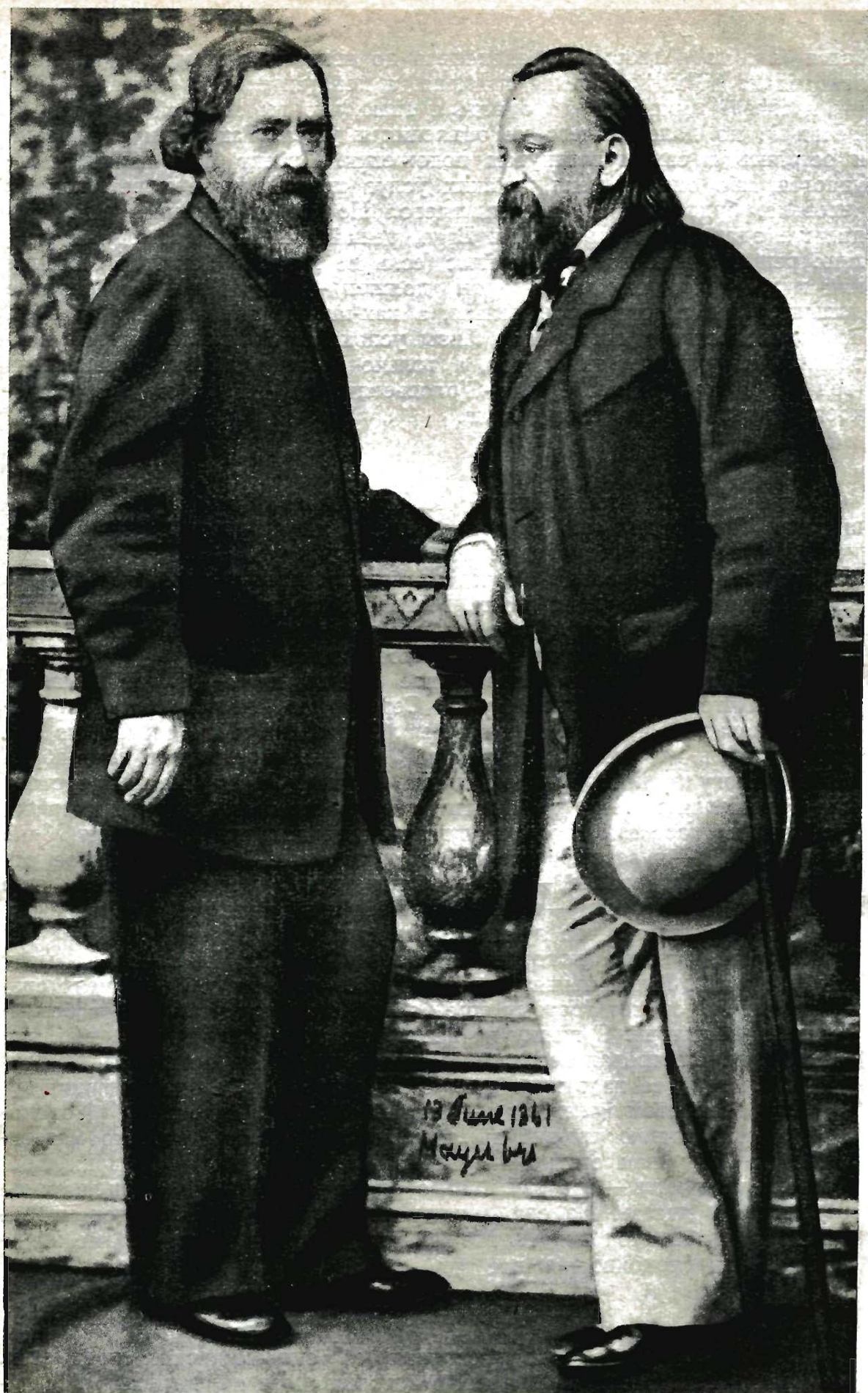
Ну! прощай, напишу ли еще — не знаю. Вероятно!

Сегодня встретился с Фогтом и обрадовались друг другу.

Еще напомни мне поговорить с тобой, личных дел ради, о Палерме и о России.

Среда

Не могу не написать еще. Сегодня еще хуже. Счастливо только, что я здоров как бык, несмотря на гнет жарко-дождливой погоды и внутреннюю разорванность. (Боюсь что это долго не продолжится.) Сегодня Нат[али] на меня в бешенстве, а, право, — если я что говорил, то слишком мало, больше молчал. Главное бешенство по делу с Касат[киным], о котором сказалось мимоходное слово. Я об одном умоляю тебя: не вырази ниже движением плеча, что я тебе о наших разговорах что-нибудь говорил, ибо она хочет с тобой говорить, а думает, что я имею на ваши разговоры дурное влияние. Я не давал слова не говорить тебе, но все же лучше, если ты не покажешь виду об этом. Меня внутренне сильно оскорбляли все переговоры, хотя не долгие, сегодня, и главное ее гнев на то, что будто бы я не имею к ней доверия и, след[ственно], думаю, что она лжет, и потому она имеет презрение ко мне, тем более, что я весь век мой в людях оши-

ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН
Фотография, 1861 г.
Литературный музей, Москва

бался (это твоя теория, справедливая до известной границы); но меня оскорбляла не точка зрения на меня, а действительная неправда, так что я сказал мимоходом, «да ведь я знаю, что ты со мной неоткровенна», но далее ничего не объяснил и ушел. Так наши отношения и остались в самом натянутом положении. Проект мой, пожалуй, не удастся, ибо она от меня никаких услуг принимать не хочет, как от человека, будто бы ее ненавидящего. Но ты понимаешь сам, что дольше эдак дня жить нельзя. Ergo, решай же. Но я об одном умоляю: решишься на переселение сейчас (если не я пойду искать в Лозанну или куда бы то ни было, то ты должен) — щади ее, ибо безумие дольше тоже преследовать нельзя, а как-нибудь успокоить. Я думаю, что одиночество и школа для Лизы успокоят. Но далее нечего употреблять ни упреков, ни споров, а только пощаду и факт переселения (ведь щадим же мы С[ерно]-С[оловьевича]¹⁶). — Будь же сам спокоен, мягок, но решителен в деле.

Ночь

Сегодня была дочь Пав[ла] Ал[ексеевича] Тучкова¹⁷ — кн. Мещерская. Я не видел ее. Она в последнем градусе чахотки. Была с сыном. Нат[али] говорит, что похож совершенно на Лелю-boy¹⁸. Была Нат[али] у меня в полночь, страдает, плачет. Говорила о Лизе и о ее воспоминаниях о мертвых детях. Меня это самого растрогало. Но далее не было разговоров, о моем обвинении ее в неоткровенности — ни слова. След[ственнo], не поняла на что я намекал.

Но на меня это произвело иное впечатление. — Я все думаю о Лизе. Да что же это такое будет? Сердце надрывается. Тоска страшная! Признаюсь, что сам не пожелел бы умереть хоть сейчас, но все еще кажется, что может чем-нибудь Лизе помочь, может чем-нибудь Генри помочь (о котором тоже думаю с ужасом; как же иначе стоят мои отношения к нему, но бывши столько времени близко поставлен, несмотря на рассказы столь заслуживающей доверия дамы, как М-те Черн[ецкая]¹⁹ — чувствую, что все же без меня — это потерянное отроческое существование) — да, вдобавок, все кажется, что есть еще силы на общую работу — и потому умереть не хотелось бы; а между тем, жить так гадко, что лучше бы не жить.

Вообще, чувство, которое во мне возбуждает Лиза, — я не могу тебе выразить. Такой привязанности к ребенку как к ней — у меня сроду не бывало; может поэтому еще больше меня пугает какая-то безвыходность ее жизни. Я гляжу на нее и мне становится так тяжело, что если б я не чувствовал необходимости все что во мне скрывать от других, я бы взял ее на руки и стал бы плакать как нервная женщина.

При всем этом настроении — писать статью к будущему «Колоколу»! Я придумываю что-нибудь, что бы не требовало столько материальной работы, как статья о судебной реформе. Может и придумаю! Должен придумать — ну! так и надо сделать. — Прощай, Герцен, больше не стану писать. На сию минуту мне просто тебя хочется видеть для того, чтобы тебя видеть. Может мне без тебя тоска. Но все же — прощай. Спи спокойно — и все тут.

Пятница ночью

Сегодня был у Фогта. Говорили об экономических предметах. Страшно много мыслей вызывает, о которых Фогт и не думает, а написать их сейчас для «Колокола» нет возможности. — Есть еще господин, которого можно заставить работать. Жду тебя с нетерпением для испытания о нем. — Напомни мне рассказать тебе анекдот о Лизе и ниги-

листах. — Письмо твое и коррект[ура] пришли; но разговора с Нат[али] из этого у меня никакого не было. Я думаю, что это лучше — Addio! — Смешного ради напомни мне рассказать анекдот о Тхорж[евском] и Жюле.

Суббота ночью

Еще немножко припишу. Сегодня встал совершенно здоровый, несмотря на зубную боль, которая мешает хорошо спать. Напился кофею и хотел подумать о статье. Вдруг Касатк[ин] прислал запрос — может ли он придти с другим господином. Конечно — да! — Ну — и пришел с Мечниковым²⁰ и еще одним господином очень интересным²¹ (не могу упомянуть его фамилии) — не думаю, чтоб он был очень умен, но бежал от каторги, добродушен и я думаю с твердым характером. Сидели они — но мне что-то становилось не весело, я думаю и на них это сделало дурное впечатление. Почему мне становилось не весело — понять не мог. А вскоре, после того как они ушли — был у меня припадок. Ну! теперь я на 20 дней свободен. Но вот что худо — я ушибаюсь — и мне без существа, которое следит за мной утром дома (ибо после завтрака уже ничего не бывает), что[бы] спасти меня от ушиба — без такого существа мне будет очень плохо. А здесь никого нет кто бы хотел и кого бы я хотел. — Все это не утешительно. — Обедала m-me S[alias] — ужасно много говорит, а все-таки честный и благородный человек. —

Ну — addio! Авось ли ты завтра приедешь.

¹ Датируется по письму Герцена от 15 июня 1865 г.

² Николадзе Николай Яковлевич (1843—1928) — журналист и общественный деятель, в начале 60-х годов сотрудничал в «Колоколе». В 1864 г. выехал за границу, где принял деятельное участие в эмигрантских изданиях. Вернулся в Россию в 70-х годах и продолжал журналистскую деятельность. Принимал в 1882 г. участие в переговорах «священной дружины» с народолюбцами. Статья Николадзе, о которой пишет Огарев, по всей вероятности «Освобождение крестьян в Грузии», помещенная под псевдонимом Рио Нелли в л. 198 «Колокола».

³ Швабе, вдова богатого банкира, друг Мальвиды Мейзенбург.

⁴ Мейзенбургата — шуточное прозвище Мальвиды Мейзенбург.

⁵ Н. А. Захарьина-Герцен.

⁶ Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур) Елизавета Васильевна, урож. Сухово-Кобылина (1815—1892) — известная писательница, родственница Огарева. Встречалась с Огаревым в начале 40-х гг. в Москве; гостила в Акшено в 1848 г. Ее разрыв с Огаревым послужил одним из поводов к разногласиям Огарева с его московскими друзьями (см. переписку Огарева с Грановским 1847—49 гг., «Звенья», сб. I, 1932). В 60-е гг. часто приезжала за границу, и их знакомство возобновилось. В 1865 г. посетила Огарева в Женеве.

⁷ Е. В. Салиас была в Париже, когда неожиданно в декабре 1864 г. умерли дети Герцена Леля-girl и Леля-boy; она проявила очень большую заботу и внимание ко всей семье Герцена, в частности взяла к себе заболевшую Лизу Герцен и усиленно ухаживала за ней.

⁸ Грегоровиус Фердинанд (1821—1891) — выдающийся немецкий историк, специализировавшийся преимущественно по истории Рима, хорошо знакомый М. Мейзенбург. «История Грегоровиуса», о которой дальше пишет Огарев, носила «личный» характер.

⁹ В 1865 г. разногласия между Герценом и Н. А. Тучковой-Огаревой особенно обострились. Н. А. хотела уехать в Россию, разойтись с Герценом, взять с собой Лизу. В письме от 5 июня 1865 г. Герцен писал Огареву: «Я не понимаю, что мне делать? Чего она хочет?.. Я кончу тем, что скажу: делай как знаешь. Двое погибли, бери третье дитя на твою ответственность...» С другой стороны, Н. А. Тучкова-Огарева писала Герцену 2 сентября 1865 г. «Дай же мне идти спокойно, по другой дороге, — здесь жизнь невозможна. ...Остаток жизни мы проведем в внутренней дали; я искренно тебе говорю, я не верю в твою любовь и не желаю никаких сближений...» («Русские Пропилеи», в IV, 290—292).

¹⁰ Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878) — известный писатель; его лучшая вещь «Трудное время» печаталась в «Современнике» в майской, июньской и июльской книжках 1865 г.

¹¹ На это Герцен отвечал: «беглец с воинственной Женевы, не верится мне, чтоб ты дошел до Лозанны, да и не очень нужно...»

¹² Домбровский Ярослав Викторович — член Народного Центрального Комитета в Польше, русский офицер, арестован в Москве в августе 1862 г., бежал за границу в декабре 1864 г. В 1865 г. сотрудничал в «Колоколе». Впоследствии видный участник Парижской Коммуны.

¹³ Мисс Турнер — англичанка, гувернантка дочерей Герцена: Таты и Ольги.

¹⁴ Саффи Марк Аврелий (1819—1890) — участник итальянского революционного движения, публицист и историк литературы. Был министром внутренних дел первого республиканского правительства в Риме в 1848 г., затем вместе с Маццини и Армеллини — членом «Триумvirата». Впоследствии эмигрант в Лондоне, близкий друг Герцена. В 1865 г. жил в Швейцарии и в 1867 г. вернулся в Италию.

¹⁵ Маёр — врач, лечивший Герцена и Огарева, фигурирующий в их переписке под шутистым прозвищем «Майора».

¹⁶ Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838—1869) — участник революционного движения 60-х годов. В 1865 г. психически заболел.

¹⁷ Тучков Павел Алексеевич (1803—1864) — брат отца Н. А. Тучковой-Огаревой; его дочь — Александра Павловна (1837—1881) была замужем за кн. Николаем Николаевичем Мещерским. В 1865—1866 гг. жила в Швейцарии.

¹⁸ Деля-воу — сын Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой Алексей, умерший вместе с сестрой Еленой в декабре 1864 г. в Париже. Неожданная смерть этих двух близнецов очень сильно повлияла на Н. А.

¹⁹ М-ме Чернецкая — жена Л. Чернецкого.

²⁰ Мечников Лев Ильич (1838—1888) — известный публицист, социолог и географ. Сначала служил в качестве переводчика в русских заграничных дипломатических миссиях. После увольнения за дуэль, жил в Италии, где сблизился с Гарибальди, став его адъютантом. Участвовал в войне за освобождение Италии и в октябре 1860 г. ранен. Переехав в Швейцарию, примкнул к Герцену и Н. П. Огареву, позднее был близок к М. А. Бакунину. В 1868 г. совместно с Николадзе издавал журнал «Современность». Один из ближайших сотрудников Элизе Реклю, которым и написана лучшая биография Л. И. Мечникова, помещенная в виде предисловия к книге «Цивилизация и великие исторические реки».

²¹ Повидимому, с М. К. Эллидиным, летом 1865 г. приехавшим в Женеву.

25

Суббота, 24 [июня 1865 г.]¹

(Вчера ошибся написал четверг вместо пятницы)

4 часа[а] пополуд[ни]

Твои письма сегодня меня чрезвычайно обрадовали известиями о школе, об Ольге,² и ее детское письмо к Лизе меня усладило; но день принес иные результаты. Нет, Герцен, не под силу мне эта задача и эта жизнь — тут никакие мышьяки не помогут, потому специальный мышьяк уничтожает мозги. Дети сделали глупость, т. е. не только вчера вечером, но и сегодня утром не приехали. Разумеется жду их через полчаса или с пароходом в 7 час[ов] — но Нат[али] furiosa и ненависти к Тате и (долею) к Саше конца нет, больше, чем бывало к Ольге, к которой теперь дружба. Итак, только я успел наладить вопрос на диапазон, в котором звучали благородные струны, — как в минуту все опрокинуто и куда это поведет, не знаю. — Нат[али] пошла на желез[ую] дорогу (Тхор[жевский] пошел с ней) и собирается ехать в Вёве. Я ей заметил, что если она хочет наделать беспокойства Лизе и отомстить за невольную неприятность другим — она может делать что хочет, но... и пр. — Я остался дома и с нетерпением жду результата к 6-ти час[ам]. Сердце трепещет, мозги дрожат, поре и зло охватывает все нервы. Нет! это становится невозможным.

А тут Кас[аткин] укоряет за то, что оставили фразу о «Будущности»³, что это поведет к разрыву, что будь он Кас[аткин] на месте Дол[горукова], он бы побранился. Впрочем, у него и дней печень болит и он все сердится.

Надоели мне все.

Простодушный Тх[оржевский], несмотря на то, что подозревает в себе sui generis хитрость, ухаживает за злобами с преданностью пса. Может, это счастливо — а смотреть жалостно.

Пошлю ли я тебе это письмо — не знаю. Я написал от того, что сказать хотелось, может это кальмирует — и достаточно — а посылать не нужно.

¹ Датируется условно по содержанию письма (пребывание Герцена в Веве, а Н. А. Тучковой-Огаревой в Женеве, приезд детей и т. п.).

² В 1865 г. Ольга Герцен была помещена в пансион Фрелиха, но пробыла там недолго.

³ «Будущность» — журнал П. В. Долгорукова.

26

Четверток [осень 1865 г.]¹

Сажу на скамейке в саду и пишу хотя оно и очень неловко. Бранись, как хочешь, Герцен, но я не могу сладить с моим неумением говорить, которое мне страшная помеха в жизни, и потому должен прибегнуть к письму — иначе не смогу. Сегодня же хорошо должно писаться, тепло как летом, даже трава и листья ароматичны и несмотря на некоторую грозовую тяжесть в воздухе, все-таки хорошо живется, и на память приходят стихи:

Когда б оставили меня
На воле — как бы резво я
Пустился в темный лес,
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез...

Но не в том дело. С ума все еще не сошел, хотя, вероятно и сойду (как Мальвида²) и потому перейдем к предметам, нас занимающим. Я начну с личных отношений и перейду постепенно к общим вопросам.

Личным делом первой важности, я считаю, что, несмотря на письмо Натали, надо съездить посмотреть эту барышню³. Тут может быть спасенье для Лизы и для самой оной барышни. Я это записываю тебе, потому что записанное больше помнится, чем сказанное. Суслову⁴ же я не считаю великим талантом, а так неопределенным, но экзальтированным пониманием.

За сим перехожу к другим, долею общим, но все же личным вопросам, или вопросам личностей. Как ты хочешь, но все же я не могу смотреть на здешнюю несчастную молодежь с твоей ригористической точки зрения⁵. Я сам в себе не нахожу той чистоты, которая давала бы мне право на ригоризм. Кто же из них делал больше нечистого — хотя бы игранием относительно самого себя и относительно женщины, чем я дельвал в их и не их возрасте? Заметь также, что большая доля из них способна трудиться. Об одном не стану спорить, что у них смысл ограничен. Следственно, что же нам оставалось делать относительно их — упорно воспитывать, а не отталкивать, не обижаться вздором — а вывести на настоящий путь. Не могу я не считать этого положения за правду, от этого меня твое отношение к ним только глубоко печалит, доводит до неловкости в жизни и до всякой внутренней скорби.

Если между ними есть дурные люди, то не все же они дурные люди, и, следственно, есть люди, которым можно растолковать вещи, но которых нельзя топтать в грязь и прибавлять новый элемент к их гибели. По-моему, это не великодушно и ложно.

Теперь перейду к совсем общим вопросам. Читал и читал сегодня статью Соловьева⁶ и чем больше читал, тем больше думаю, что это одно из самых вредных литературных произведений, которое бьет в руку правительству и реакции, ни чуть не уясняя какого бы то ни было научного пути, а притязание на это имеет сильное. Старо-воздвиженская

философия! Она хочет отделить способность понимания (разум) от способности чувствования, т. е. разного рода страстей, которые она возводит в теорию нравственности, сердца и принципов — как будто может быть принцип вне понимания. Сам не замечая, этот господин доходит до чего ему вовсе не хочется, что в природе есть степени (извини за выражение, но я думаю она нагляднее: a^2 , a^3 , a^m , a^n и так далее) есть *sui generis* серии, но из этого не следует, чтоб именно не нашлось корня, который только повышает в степени, но нисколько не приводит к особым эссенциальным основам, в роде принципов нравственности. Вся штука, в каких бы сериях и степенях ни находилась, все же имеет корнем равновесие или стремление к равновесию, к эквilibрации равно в мире физическом и мире историческом или общественном.

Отсюда только и можно вывести и физиологически человеческое стремление к гармонии, и необходимость ее; но, при неумняемости уклонений, все же нельзя вывести общественное право на кару, на жестокость, а только на устранение мешающих личностей и то только тогда, когда общество могло бы сказать, что оно достигло до равновесия, достигло до гармонии. А тогда и мешающие личности, кроме совершенно патологических, требующих медицинской помощи — немыслимы. К чему же приводит это, что общество во 1-х), должно само найти свое равновесие, а во 2-х), что общество на преступления имеет право смотреть только как на патологические явления, которым нужно искать медицинской помощи — а не виселицы.

Затем довольно. Посердись на это письмо, потом вникни в его правду — и прости.

Завтра, т. е. в пятницу, в 5 час[ов] загляну в post-café и в глобус и, если не найду тебя, то прямо отправлюсь к тебе.

¹ Письмо датируется условно по содержанию.

² М а л ь в и д а — М. Мейзенбург.

³ О какой «барышне» идет речь, не выяснено, но в 1865 г. Герцен как раз усиленно искал воспитательницу для Лизы.

⁴ Несомненно, что Огарев пишет об Апполинарии Прокофьевне Сусловой (род. 1840) «цюрихской нигилистке», имя которой связано с Ф. М. Достоевским. Первая встреча А. П. Сусловой с Герценом, описанная ею в своих записках, была в феврале 1865 г., вторая — в июне 1865 г. В письме к дочерям от 17 июня Герцен писал: «была... нигилистка из Цюриха Суслова с сестрой, доктором медицины...», т. е. с Надеждой Прокофьевной Сусловой (1842—1910) — первой русской женщиной-врачом. В статье А. С. Долинина, Достоевский и Суслова (Сб. «Ф. М. Достоевский», Статьи и материалы, вып. II, Л. — М., 1924 г.) напечатано 5 писем Н. А. Тучковой-Огаревой к А. П. Сусловой, относящихся к марту — августу 1865 г., в которых как раз много говорится о воспитании Лизы. По сопоставлении этих писем с письмом Огарева, ясно, что А. П. Суслова намечалась воспитательницей Лизы, видимо, по предложению Натальи Алексеевны.

⁵ Речь идет о разногласиях Герцена с «молодой эмиграцией».

⁶ Соловьев Николай Иванович (1831—1874) — литературный критик 60-х гг. Выступал в «Отечественных Записках» и «Всемирном Труде» с статьями против Чернышевского и Писарева. Все его критические статьи были собраны в 1869 г. в трех томах и изданы под заглавием «Искусство и жизнь». О какой статье Н. Соловьева идет здесь речь, неясно, но всего вероятнее, что или о «Труде и наслаждении» или «Об отношении искусствоведения к искусству».

Что за день, Герцен! что за странный, убийственный день! Если это мои нервы вынесут, то есть еще надежда на выздоровление.

Твое письмо, после которого я принимал трех давно знакомых юношей и, не умея быть разговорчивым, старался быть разговорчивым и, вероятно, был ужасно глуп. Это я только тебе предисловие строчу; стало, видишь, начал с нравственных усилий. — Тата целый день лежит с головной болью до тошноты и все насморк сильный. — Проводил гостей, сходил взглянуть на нее, пошел пройтись, в голове все твое письмо... Прихожу в 7 час[ов]. — Луг[инин]². — Сели мы обедать, (т. е. он так посидел) — Тата осталась наверху лежать. — Сели мы обедать — Тх[оржевский] мне дает письмо от Кельсиева. Руки у меня задрожали. Читаю... Если первое письмо было страшно, то это еще страшнее. Варвара Тим[офеевна]³ умерла. Он пишет о ее смерти и похоронах.

ЛИВОРНО

Гравюра

Литературный музей, Москва

Он в состоянии безумия, но которое я понимаю или уважаю лучше этих дрянных безумий, которыми мы окружены. Но меня холод пробрал до мозга костей. — А ведь его надо спасти — это не С[ерно]-С[оловьевич]!! — С Луг[ининым] я не пробовал говорить серьезно. Он завтра придет. Но он хочет тебя видеть с разными совещаниями и если ты не раньше четверга приедешь, то он, вероятно, в среду будет у тебя в Монтрё, ибо он спешит в Париж застать У[тина]⁴, который едет в Россию. Что сегодня говорил с Луг[ининым] и что завтра буду — успеешь узнать. — Но под ударом кельсиевского письма — мне ничего не хотелось говорить. А тут явилось приглашение от Кас[аткина] непременно прийти — день рожденья Лиз[аветы] Ал[ексеевны?]⁵. — Луг[инин] ушел, я пошел к Кас[аткину] и сказал, чтоб мне приготовили чаю и затопили камин, который уже утром топили. — У Кас[аткина] — Долг[оруков] и еще один очень хороший господин, — да, Данич⁶. Но мне, признаться, было не до них. Насилу отсидел с час и пошел домой. Ну! думаю — satis, sufficit, отдохну сколько-нибудь сам с собой, заставлю себя читать.

об Америке, сверну мысль на другой предмет и полегче станет. — Дома Тату уже не видал, она велела мне сказать, что легла в постель, а я только хотел наблюдать, чтоб не было шуму. — Франсуа⁷ топил камин, огонь разгорелся, — немножко дыму... ну, думаю, ничего, пройдет. Чаю принес Франсуа и наслаждался, что камин хорошо горит. — Да, чорт возьми, что это за шум в камине? — Глядь, а из трубы уже искры, сажка в камине загорелась (трубы не чищены, Стувенель⁸ хотел прислать сегодня трубочистов и не присылал; мне об этом ничего не сказывали, иначе я бы нигде не велел топить, не только у себя). Хорошо, что Жюль догадался засыпать трубу золой и залить потом, хорошо, что у него были в это время трое соседей приятелей, — а не будь этого — чорт знает, что бы вышло. Трубы не только не чищены, но, кажется, и не прочны — и опоздай затушить это четверть часа — труба треснула бы и пошел бы чесать пожар. Все это продолжалось больше часа, т. е. за полночь. Я жюлевых друзей велел угостить, но сам уже совершенно разбит от всего накопления тревог. Счастливо только то, что Тата* — [не]смотря на шум, не проснулась и, след[ственно], не была испугана со сна.

Вот и день прошел... Хорош день! — Но ergo — от пожара мы избавились — и то хорошо!

Две вещи у меня гвоздем сидят в мозгу — это смерть В[арвары] Т[имофеевны] и состояние Кельсиева, и ответ С[атиных]⁹ с приглашением в Россию. Что же было писано, чтоб вызвать этот ответ! Боже ты мой — how sad seem to me all the uses of this world.

Жду от тебя послание завтра. Если не будет — то ты сам будешь. А если будет, то пусть Луг[инин] к тебе съездит. Я его остановить не вправе.

На обороте:

Герцену

Милый Папочка, вчера у меня была необыкновенная головная боль, целый день. Пора тебе вернуться. Лугинин приехал вечером, завтра опять уезжает. Прощай, всех цалую, Тхор[жевский] кланяется.

Ваша Тата

¹ Датируется по ответным письмам Герцена этого периода и по содержанию.

² Лугинин Владимир Федорович (1834—1911) — участник революционного движения 60-х годов. В 1861 г. член «Великорусса». В 1862 г. уехал за границу, сначала в Гейдельберг, где явился одним из организаторов русской читальни. Сблизился с Герценом и Н. П. Огаревым; одно время существовал проект его женитьбы на Тате. В 1865—1866 гг. жил в Париже. В августе 1867 г., получив разрешение, вернулся в Россию, где занялся научной работой. В 1890 г. — профессор химии Московского университета.

³ Варвара Тимофеевна — жена В. И. Кельсиева; была вместе с ним в Лондоне, а затем переехала в Турцию. Умерла в Тульче в конце 1865 г. В статье «Две кончины», напечатанной в «Колоколе» л. 208 (15 ноября 1865 г.), Герцен писал: «В прошедшем месяце скончалась на границах Турции Варвара Тимофеевна Кельсиева, супруга известного В. И. Кельсиева. Безропотно, самоотверженно, кротко, без фраз вынесла эта твердая превосходная женщина добровольную ссылку, страшную бедность и всевозможные лишения... Ей едва ли было двадцать пять лет» (т. XVIII, стр. 249).

⁴ Утин Евгений Исаакович (1843—1894) — известный адвокат и публицист.

⁵ Лизавета Алексеевна — жена В. И. Касаткина.

⁶ Данич — рабочий в типографии Герцена, поляк, эмигрант, ранее сидевший в австрийской тюрьме.

⁷ Франсуа — слуга Герцена.

* Ключок с текстом оторван.

⁸ Стувенель — владделец дома в Женеве, где жил Герцен со своей семьей и Огарев.

⁹ Н. М. Сатин (1814—1873) — поэт и переводчик, член герценовского кружка; его жена Елена — сестра Н. А. Тучковой-Огаревой. В 1865 г., когда разногласия между Натальей Алексеевной и Герценом были особенно остры (см. их письма у М. Лемке и в «Новых Пропилеях», в. IV), Н. А. стала выражать желание возвратиться в Россию. В ответ на письма Н. А. Сатины стали усиленно приглашать ее приехать к ним.

28

Четверг, вечером [ноябрь 1865 г.]¹

Я хотел писать тебе сегодня поутру, но никак не успел — а это письмо не пойдет ближе завтра 2-х часов; к тем порам я успею осмотреть квартиры (на которые надежда плоха, потому что на горе для Нат[али] нельзя брать квартиру — это было бы доканать последнюю гигиену какая есть).

С чего же мне начать мою повесть? Да уже лучше с того, что я и сдержал себя, потому что так хотел, и сдержал себя потому, что мне ее страшно жаль. Во всяком случае, мы остаемся в самых дружеских отношениях. Я думаю, что это необходимо, потому что если теперь еще не удастся ничего поправить, то после, при дружеских отношениях, может удастся, а иначе — совсем нельзя ни на что рассчитывать. И эти дружеские отношения должны быть с моей стороны и еще более с твоей. Я убеждаюсь, что они необходимы для общего спасения и в особенности ее спасения — как гигиена или лекарство в болезни. Это болезнь — и, не говоря уже о ней самой, я думаю, что мы оба виноваты в этой болезни, именно потому, что мы вели дело не терапевтически, не психиатрически, а страстно.

Большую часть я расскажу тебе при свидании; теперь и поздно, и я устал с вчерашнего страшно. Все что я теперь скажу тебе — это то, что она меня выслушивает, но объяснить что-нибудь, втолковать что-нибудь, я еще не в состоянии. Что будет со временем — не знаю, я не отчаиваюсь. Теперь знаю только то, что она страдает нравственно невероятно — и это болезненно, а не преднамеренно. Я одно рассчитывал, что мне надо являться, когда чувствительно нужно, т. е. в месяц или в неделю раз, и может я буду весьма полезен. Но тебе надо много работать — не только над ней, но даже над самим собой. Решительно в письме ничего не хочу писать определенно — и оставляю до свидания.

Вчера я пришел домой поздно, измученный внутренне, думал, что лягу и усну, но лег и не спал, чувствую большую усталость. Вечером нарочно говорил только о посторонних предметах. Но утром разговор шел о детях. Боже ты мой — как она страдает воспоминанием о Леле — и чего не фантазирует о ее бывших отношениях к большим детям! Плачет, мучится... Я останавливал мягко-жестоко, т. е. говорил все, что думаю, но обидно — и разладу никакого не вышло. Впрочем, она все же была лучше, чем обычно.

Итак — сущность до свидания. С Татой мне также много хочется потолковать.

Но что меня глубоко оскорбляет, волнует, сверх всей сущности дела, это то, что я прихожу к убеждению, что все люди бессознательно (когда не преднамеренно) лгут, у каждого первая задача быть правым — и той глубокой честности (которая может быть положена задачей в христианской морали) — ни в ком, даже в нас нет. И разговор мне становится тем труднее, что я фактически не могу никому (может и не себе — у меня, впрочем, есть привычка таить, а не то что лгать) не

могу доказать, что он лжет. Одна и та же вещь способна быть рассказана разное двумя людьми — и у обоих с совершенной искренностью. Все это удручитель[но], Герцен; для меня, по крайней мере, так же удручительно, как самая злая физическая болезнь — и оно отнимает у меня возможный покой. Может и это с моей стороны безумие — а может и любовь? — Что бы то ни было, но я прихожу к такой неопределенности во взгляде на индивидуальные отношения, что у меня внутренний покой исчезает.

Лиза составляет мое наслаждение, несмотря на ее капризные стороны, и она меня детски ужасно любит. Она немножко гуляла с нами и все со мной, и читал я ей, и вместе мы с ней читали. У ней десны немножко болят, но я думаю, что это какая-нибудь случайная царапина. Были мы у английских детей (которых родители очень довольны продажей «Колокола» и других вещей и требуется Кельсиевск[ий] сборник)². Дети очень милы, мальчик особенно ко мне привязался. Английская старуха, кажется, нашла кому сдать квартиру Натали.

Русская старуха была при смерти, но, кажется, ей лучше. А может она только продолжительно умирает. Афрос[инья] Мих[айловна], как мне с первого разу показалось, так и теперь оказывается — шельма. — Сходи сейчас к Винограду³ и спроси его: когда иностранец умирает, без особенно засвидетельствованного завещания и без близких около себя, — что делается с имуществом? Опечатывается, отдается ли под надзор какой-нибудь инстанции и на какое время и кто может его требовать? А если есть завещание нигде не засвидетельствованное, какой оно имеет ход? Кто может адресоваться в инстанцию с объяснением или прошением? И сейчас меня извести. Это нужно. — Я уеду отсюда в воскресенье. — Я еще ничего не работал, только прочел Конта⁴ в «Совр[еменнике]». — Статья превосходная, лучше всех. — В «Моск[овских] Ведом[остях]» не нашел еще дело Потоц[кого]⁵ — не отыщешь ли в каком № он означен.

Прилагаемую записку отдай Мери. Не могу вспомнить № 484 ten, или 482 Rue du petit [слово не разобрано]. Если она больна и ей что нужно — помоги. Она без языка.

Чтоб не запоздать и не смешить — что скажет Raisin⁶ — напиши Натали.

Погода удивительная сегодня. Озеро при закате и при луне — превосходно.

¹ Датируется условно по ноябрьским письмам Герцена 1865 г.

² «Кельсиевский сборник» — повидимому, его известный «Сборник правительственных сведений о раскольниках», выпущенный еще в Лондоне.

³ Виноград — шутивное прозвище какого-то женевского юриста или старожилы (может быть, Фази?). Кто такие «русская старуха», «Афросинья Михайловна» — не выяснено.

⁴ Статья Э. Ватсона «Огюст Конт и позитивная философия» в № 8 «Современника» за 1865 г.

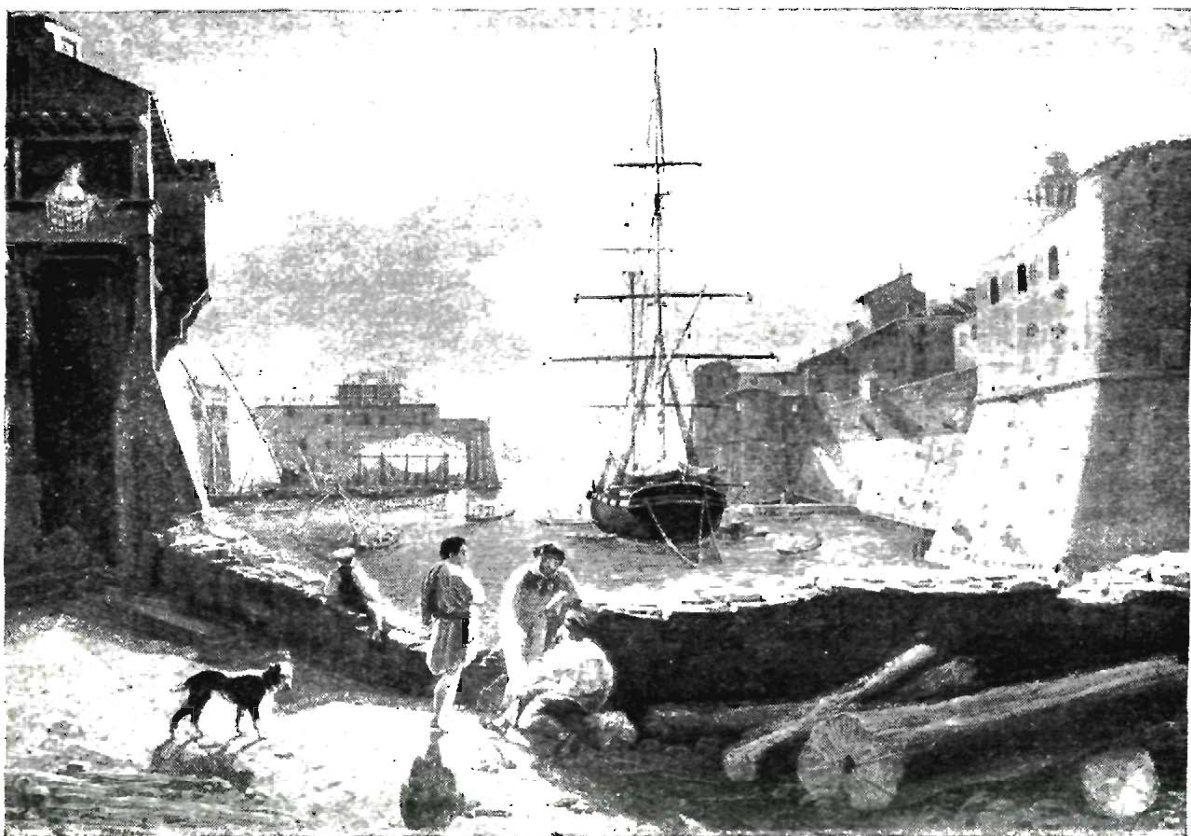
⁵ Повидимому, так называемое дело Синегуба и братьев Виктора и Леонида Андреевичей Потоцких по обвинению в возбуждении крестьян Киевской и Полтавской губерний к «возмутительным действиям» и в распространении среди них «золотой грамоты». Начавшееся еще в 1863 г. дело Потоцких-Синегуба окончилось в июне 1866 г.; братьям Потоцким было вменено в наказание двухлетнее содержание под стражей.

⁶ Кто такой Raisin — не он же ли «Виноград» — не выяснено, повидимому опять-таки какой-то швейцарский юрист. В письме Герцена к Н. А. Тучковой-Огаревой от 28 ноября 1885 г. читаем: «у Raisin был; он говорит, что те, кто принимает участие в старушке, должны перед ее кончиной известить juge de paix (мирового судью) и объяснить ему, что, как родных нет налицо, то чтоб запечатали имущество и бумаги...» и т. д. (т. XVIII, стр. 255).

[26 февраля 1866 г.]¹

Письма еще от тебя нет. Но вот тебе письмо от Карла², которое, т. е. проект расписки — мне кажется удовлетворительным; но так как дело во всяком случае надо протянуть до известий, то тебе не худо дать ответ эвазивный, а между тем, поговорить с кем из здешних юристов, ибо, если что не так, то оборвется же по здешнему суду и закону.

Еще письмо от М-ме Л[еон]³. — Но я тебе один вопрос сделаю: Якоб[ий]⁴, может быть, весьма противный человек private, но при уроках она, вероятно, боится, что он сыну ее преподаст теолого-политические правила опасные, а что же он тут в самом деле может сде-

ЛИВОРНО

Акварель Морица, 1829 г.

Эрмитаж, Ленинград

лать человечески дурного? Сомнительно! Ведь это бы следовало ей уяснить.

Еще корреспонденция. Если можно из нее почерпнуть что по части бюджета... и то с трудом за недостатком ясности, а то обличения очень обыкновенные. Я решился не посылать ее к тебе, ибо успеешь и здесь увидеть.

Тата здорова и поет, Линда⁵ чешется и воет, Тхорж[евского] дома нет.

Жюль поговаривает о необходимости привести дом в порядок за несколько дней до сдачи.

Тата и Тх[оржевский] вчера смотрели два дома на Арве⁶, говорят что хороши, но дороги.

У Огар[ева] плечо еще болит, усталость продолжается, но работать можно.

За сим обнимаю вас и перехожу к работе.

Р. S. Еще письмо Б[акста]⁷, — Тх[оржевский] пришел от Стув[ене-ля], который дальше 1-го апр[еля] не может оставить дом, но оставляет сарай для складки вещей даром. — Портос укусил руку сербу, который табаком торгует и нес табак К[асаткину?]⁸. — К[асаткин?] еще не знает. Тх[оржевский] отправляется бунтовать ему печень.

¹ Датируется по ответному письму А. И. Герцена от 27 февраля 1866 г. из Монтрё (т. XVIII, стр. 337).

² Карл — К. Фогт, см. комментарий к письму 21. В письме к сыну от 10 февраля 1866 г. А. И. Герцен писал: «...К. Фогт хлопочет (и очень дельно) о наших деньгах в России (это секрет)...» (т. XVIII, стр. 329). Письмо К. Фогта, которое датировано 22 февраля 1866 г. и на обороте которого было написано настоящее письмо Н. П. Огарева, и явилось до некоторой степени первым отчетом об этих хлопотах и о его переговорах с Сатиными, которые, может быть, в связи с этим и собирались как раз в это время приехать за границу. Кроме того, в письме говорилось об издании в России повести Герцена «Кто виноват?».

«Кто виноват?» было издано В. О. Ковалевским в 1866 г. в Петербурге в количестве 22 000 экз. Об этом Герцен писал сыну еще 10 февраля 1866 г. «...Ты знаешь или нет, что в Петербурге вышло новое издание «Кто виноват?» и, говорят, было нарасхват куплено?» (т. XVIII, стр. 329). О русском издании «Кто виноват?» пишет он и в последующих письмах к сыну от 15 февраля и 2 марта 1866 г. (т. XVIII, 334—335 и 355—356).

³ М-те Леон — знакомая Герцена, жившая в Берне, через которую, между прочим, шла переписка Герцена с Сатиным.

⁴ Повидимому, Якобий Павел Иванович, эмигрант. См. комментарий к письму № 35.

⁵ Линда — собака А. И. Герцена.

⁶ Арва — река, протекающая через Женеву.

⁷ Бакст Владимир Игнатьевич (1835—1894) — русский эмигрант; о нем см. в статье Б. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».

⁸ К. — не выяснено; может быть Касаткин В. И., живший в это время в Женеве.

30

[Февраль 1866 г.]¹

Вот тебе письмо Фогта. — «Москов[ские] Вед[омости]» 4 дня не приходили, сегодня пришли 2 №; посмотрю и уже отправлю к тебе. — Тх[оржевский] обещается дом найти на этой неделе непременно. Я вчера ходил и не попал в виллу Мальцов². — День был вчера светлый. Сегодня скверно. — Я пойду искать между Колоньи³ и городом. Мне кажется, что все представляемое до сих пор лишено настоящего вида и путей сообщения, так что не меня, а тебя приведет в уныние. Но соединить пути, удобства, вид и цену едва ли возможно, Villa Maltzoff — 5 000 фр[анков]. — Цалую Лизу. Прощай! — Тх[оржевский] идет на почту. — У Таты вчера голова болела.

¹ Датируется условно по связи с содержанием предыдущего письма, с которым настоящее непосредственно связано.

² Villa Maltzoff — вилла в окрестностях Женевы.

³ Колоньи — местность около Женевы.

31

Пятница [6 апреля 1866 г.]. Утро.

... даже полдень. Ты уже, вероятно, в Монтрё. И тебе сегодня 54 года. Несмотря на все скорби, сил в тебе много, и ты увидишь полное совершеннолетие детей и лизин лучший возраст... и обо мне им помянешь. Дай покамест обнять тебя как водится... — Я чувствую себя не на пути долговечности, а на пути выздоровления¹. Может и в этом оши-

баюсь, но не думаю. Мое выздоровление меня очень занимает: меня занимает определение доли, которую отнести ко льду, доли — которую отнести к гигиене и доли — которую отнести к внутреннему самоотрабатыванию организма в старость (твои мигрени уменьшились же!). Вообще, развитие последней со всеми абнормальностями страшно интересно и именно потому должно дать результаты, что самонаблюдение в полной силе, а развитие организма выходит из равновесия средних лет в те сальянтности, которые наводят на понимание явлений. Над этой задачей я рад похлопотать остальное время и, поправившись в довольно мощную старость, покончить ударом; этого я лучше бы желал, чем долговременного ослабления до невозможности самонаблюдения. Связь апоплексии и эпилепсии вопрос тоже не безынтересный. Одну штуку у тебя попрошу: чорт знает, куда я девал мой Handbuch анатомии, который мне (как все книги) был бы чрезвычайно важен для справок и облегчения памяти (а я еще мечтаю подправить её трудом не утомительным, но постоянным). Когда будешь у Георга², возьми, на мой счет, новейший, однотомный, с политипажами в тексте — Handbuch анатомии — иначе это будет для меня сильный недостаток.

Кстати (или нет) — вы не заметили в 78 № «Голоса», на 3-й стр[анице] 1 колон[ка] явления из эпидемических сумасшествий — дело самопризнания мещанина Железневского в поджогах³. Это один из самых сильных фактов.

Чтоб не забыть — сколько раз хочу спросить — как же решишь вопрос «Колокола» и Чернецк[ого] относительно меня. Сегодня 6-апреля, ergo к 15-му я статьи не приготовлю⁴, ибо нет возможности и написать и набрать; а к 1-му могу приготовить хоть две. А остальное решай сам, потому что мне одному решение равно импоссибилитету. В понедельник реши.

Теперь о самом близком: подумай еще раз о предстоящих разговорах с S.⁵ Что ты намерен выказать мне — чем больше думаю, тем больше странно и чуждо. Чем же ты поправишь Л[изу] между п детьми, также избалованными? Иногда мне казалось, что отвращение отпустить ее туда — эгоизм. Но какой же тут с моей стороны эгоизм? Если б я думал о долголетию — может быть, было бы тут много и эгоизма; а иначе — это просто недоверие к тамошнему люду, след[ственно], опасение втолкнуть ее именно под влияние, подобное тому, которое тебя пугает. Подумай!.. Подумай и о том, что надо будет в предстоящих разговорах распорядиться материальным достоянием и привести в ясность, сколько моего может перейти к Л[изе] и может ли? Вопрос очень неприятный, но я думаю, что не говорить о нем нельзя.

Сегодня день полусеренький. Сажу один в своей комнате и смотрю в окно с наслаждением, которого не могу тебе описать: 1°) Я не вижу города, 2°) Я здесь узнаю деревню, и мне как-то шире дышится. Я думаю, опять начну писать стихи. За сим прощай. Хочу письмо отправить сегодня.

¹ В феврале и марте 1866 г. у Н. П. Огарева было несколько сильных припадков эпилепсии.

² Георг — женеvский книгопродавец, участвовавший в распространении герценоvских изданий.

³ В № 78 «Голосов» (от 19 марта 1866 г.) было напечатно: «Егорьевский, Рязанской губернии мещанин Кирилл Степанов Железневский, явсь в Дедиковское во-достное правление Зарайского уезда, заявил, что он желает очистить совесть свою сожалением в преступлении издавна терзавшим его... с полной откровенностью показал: в течение времени, с 1860 по 1865 год им было сделано четыре поджога в селе Дедикове... поджигал из любви к огню и тешился, бывало, когда поджог удавался...».

⁴ Повидимому, Огарев имеет в виду свою статью «Частные письма об общем вопросе».

⁵ S. — несомненно, Сатины. Из письма Герцена к сыну от 21 апреля 1866 г. (т. XVIII, стр. 371) узнаем, что «в мае будут Сатины, пробудут два месяца, июнь и, вероятно, часть июля...». В связи с приездом Сатиных снова встал, повидимому, вопрос о возвращении Н. А. Тучковой-Огаревой с Лизой в Россию. Приезд Сатиных должен был разрешить и другой не менее важный вопрос — о материальных ресурсах Н. П. Огарева и денежных расчетах его с Сатиным.

5 мая [1866 г.]¹

Я тебе говорил, что мне хотелось писать к тебе; вчера даже хотелось говорить с тобой, но это было невозможно. Добрейший пан² хотел, чтоб я шел с ним ночевать — это было бы уже решительно бесплодное отнятие ночного сна и утренней работы; а тут я все-таки был в одиннадцать часов в постели, натерт льдом, и спал до 7 часов, опять употребил лед и вот, несмотря на серую и мокрую погоду, свежее, чем бы даже ожидал. — Но к делу: во 1-х, частные предметы. Мне было вчера очень больно, когда получил твое письмо, что ты не напомнил мне 2-е мая...³. Отчего же такое жестокосердие к моей бедной памяти? А может и теперь ошибаюсь?.. Право, я, кроме моего дня рождения втиснутого в мозг с детства, ничего не помню. Я уверен в некоем расслаблении мозга, но, к сожалению, не только его патология, но и физиология неизвестны; в иных случаях мой мозг еще очень жив, а память замирает и путает впечатления былого... Я чувствую из твоего письма, что ты говоришь о дне смерти Наташи! Отчего же ты мне его не напомнил? Я не верю, чтоб я еще не мог отпраздновать с тобой печальной годовщины. Теперь я требую от тебя назначения дня и места — для перечтения ее писем и журнала. Сколько бы зла я ни принес тебе в жизни — но этот день воспоминаний ты мне подари. — В Лозанну я поеду когда хочешь⁴ после 8-го мая; 8-го мая, если я останусь здоров, будет моему здоровью три недели с днем — и я не столько стану бояться припадка, которого приближение все же очень удручительно, — и поеду не только не один, а с тобой. Если я доведу здоровье до 3-х месяцев, только тогда разве этот внутренний, неодолимый испуг перед припадком пройдет; а до тех пор дайте мне то, что с виду может быть принято за каприз, а, в сущности, не лишено расчета *quasi* ипохондрического. — Но день, которого я требую, подари мне прежде всякой поездки; ведь можем же мы а *duo* сойтись от 3-х до 6 или 7 часов где бы то ни было. — Теперь далее: говорить я совершенно не умею; во мне сидит яд *timidité*, доходящий до трусости или до подлости. Следя прошлое, я нахожу, что я преодолевал это только выпивкой — когда она не переходила меру; поэтому мне на себя смотреть мучительно — и поэтому мое пристрастие к письму преимущественно перед живой речью. И не падение это у меня с горы, а штука, проходящая через всю жизнь. Есть стороны, прикрывающие этот элемент ничтожности, хорошие стороны — но что этот элемент есть — да чорт возьми — есть, и я им страдаю не меньше, как страхом перед припадками. Это мне нужно было тебе сказать, потому что ты мой духовник. Но теперь главное я хочу говорить о тебе; я еще имею утешение, а ты нет. Я с глубоким горем смотрю на возрастание твоей раздражительности. Может и она элемент, где натура помножена на обстоятельства, и он приходит в неодолимое состояние. Но мне кажется что ты возрастания в себе этого элемента не замечаешь, а оно в глаза бросается. Мне кажется, что своей раздражительностью ты много теряешь влияния кругом себя. Например — ты Тате не посвящаешь ни одного ласкового объяснения ее недостатков, а

сердишься и бранишься. Ведь ты этим ничего не достигнешь, а испортишь многое; через это она приходит к смирению перед тобой, а к пониманию не приходит, — а, между тем, иным путем ты мог бы привести ее к пониманию. Если ты можешь сделать над собой усилие, вопреки моей теории (впрочем, дурно объясненной) — сделай его. Я знаю, что в отношении к Натали раздражительность естественнее, и потому еще менее для самого тебя заметна; а может и тут надо попробовать другой путь — и этот путь — воскресить в ней все трагические воспоминания и ими поставить ее на другой диапазон, а действительные споры устранить. И это сделать можешь ты — я едва ли могу; мое подлое неумение говорить как бы не привело к противоположному результату! Подумай об этом. Общие вопросы также сильно возводят твою раздражительность в ту степень, где ты страдаешь всем — и современной нелепостью, и подлостью, и бедностью мозга молодого поколения (что, может быть, является только в частных случаях, которые слишком близко перед глазами), и собственным временным неуспехом — и страдаешь до того, что самая задача как будто теряется из виду, является каким-то делом отчаянным, потерянным, и ты только иногда натягиваешь в себе веру в нее, а, в сущности, всего больше звучит раздражительность. Твоя способность часто обращает ее в пользу и поэтическую борьбу с современным злом; но лично она опять усиливает раздражительность во всем. Я вижу тебя страдающим, мне хочется смягчить это страдание — словом, взглядом, рукожатием — и я чувствую в себе неспособность, и мне самому становится больно до взрыду. Да еще, пожалуй, вместо смягчения, я тебе прибавил раздражения и страдания — моим уходом в глушь! Может ты, помимо леченья, видишь в этом мое падение. Я на это смотрю немного иначе: я, кроме мезальянсов, ничего не вижу нигде, но думаю, что единственная поправка им, — это взаимное добродушное и потому преданное отношение, под влиянием которого может войти в жизнь элемент покоя, и этим полная воля роста той потребности, которая составляет утешение.

Для М[эри] это утешение business дома, которое иногда доходит до смешного, но занимает ее постоянно, хотя она, вообще, не так глупа, чтоб не понять и общего вопроса и не заинтересоваться им, но на втором плане. — Теперь я прихожу к моему утешению, которое здесь (по моему ли действительному сознанию или это мне только кажется?) — пошло в рост. Это утешение — в искании разрешения самых внутренних, самых любимых задач моего мозга. И в этом, мне кажется, мозг мой еще не замирает, а, скорее, оживает, несмотря на всю трудность, вносимую в работу бедностью памяти и страхом перед припадками, который часто заставляет меня прерывать самую работу — и мне все кажется слишком мало времени. Однако, я теперь безнаказанно могу работать от 7 или 8 часов утра до 12, потом час или два после обеда и долею во время прогулки, — я перестаю, скорее, из необходимости отдыха, чем по желанию. Об этом утешении — я хочу специально написать, и это переход моего письма к общим вопросам. На этот раз скажу очень сжато. Первое, что мне попало в экономических вопросах, это старание Курно⁵ поставить на ноги, яко истину, все существующее посредством объяснения его непрерывными функциями. Тут вводится формализм, который куда бы ни вышел, им можно все подтвердить, что хочется, потому что он направлен с целью и исковеркан; да если б и не был исковеркан, то можно всякое явление представить в его непрерывной нити, нисколько не объяснив его, а только предположив такую-то точку отправления. Мне кажется, что тут есть разом извращение математики и извращение самих явлений. Действительно, непрерывную функцию явлений производительности можно искать только в ее физико-

химических отношениях, как напр[имер], отношение почвы к растительности, питания к скотоводству, тех и других органических и неорганических материалов к фабричной производительности; тут одна функция другого в таком же дифференциальном (непрерывном) развитии, как и самая жизнь. Но как скоро мы входим в общественный мир, та же производительность или промышленность является нам в законченных группах, годных для обмена, т. е. представляет ряд определенных целых величин и их так или иначе прогрессивных отношений. Я разумею слово прогрессивный в смысле прогрессии, а не прогресса. Idem, в истории ты можешь проследить непрерывную функцию, но как скоро ты берешь известное общественное устройство в данный момент или его, положим, предполагаемую реформу — ты опять приходишь к постановке законченных групп, целых величин и их *sui generis* ряда прогрессий, к которому теория бесконечно малых если с другой целью, с другой точки зрения, и приложима, — но в данном случае не приложима и не нужна. Явление обменов в мире общественном или промышленном естественно, по своему смыслу и *de facto*, представляет ряд предложений и сочетаний законченных, целых величин (*nombres entiers*). На этом останавлиюсь в этой постановке задачи. Математически я тут доработался покамест только до того, что ряд предложений представляет не что иное, как произведение членов нисходящей (как обычно пишется) арифметической прогрессии, которой разность = 1; а сочетания представляют произведение членов этой прогрессии, разделенное на произведение членов арифметической прогрессии в восходящем порядке, где 1-й член = 1, разность равна единице, а число членов = показателю переложений (т. е. по сколько вещей входит в каждое переложение; например, если p переложений по x , то число членов сочетаний = x). Из этого составления выводов предвидится много, о которых я теперь еще не в силах говорить, но самое приравнение переложений и сочетаний 2-м арифметическим прогрессиям в обратном порядке, с разностью = 1, и разделенным 1-я на 2-ю (разумеется, без всякого повода к остатку) — я готов математически доказать и теперь. Может, оно дело и известное, но я-то только теперь дошел и то с ужасным трудом. Но все это до другого раза. — Далее — немного уклоняясь от этих вопросов — Жуковский⁶ намерен мне наговорил несколько социальных вопросов (доказывающих мне, что он серьезно занят ими и много работает) — так что я чуть не написал собственно ему целого письма к нему, а теперь оно меня преследует до глубины души. Но как ты думаешь — к нему писать или про себя писать? Пожалуй, я опять не увлекся ли им на этом основании? Скажи твое мнение.

Ну будет. Оставляю письмо без настоящего конца и отдохну; да пора идти к тебе.

¹ Датируется условно по содержанию письма.

² Тхоржевский.

³ 2 мая 1852 г. день смерти Н. А. Герцен-Захарьиной.

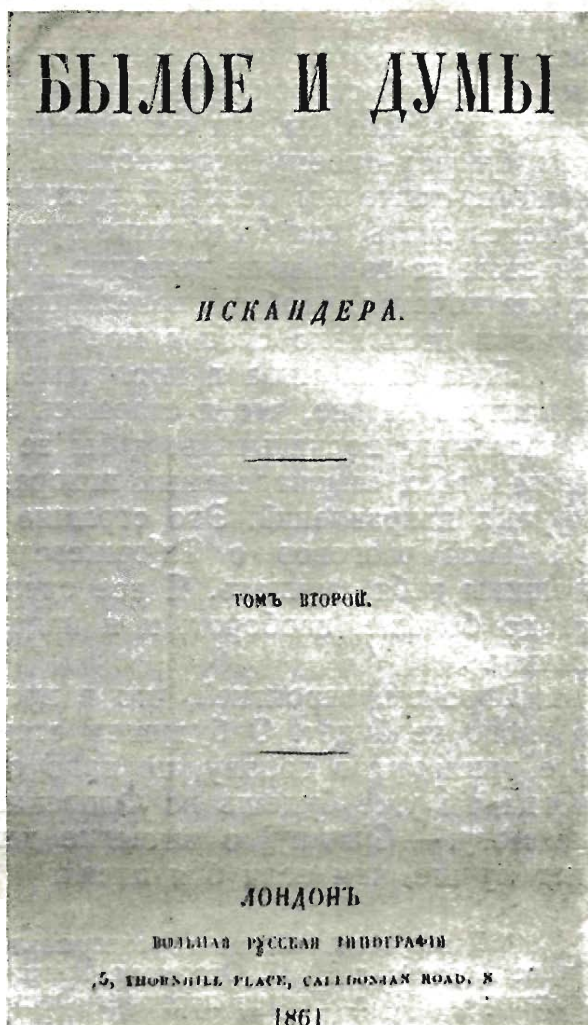
⁴ В 1866 г. Герцен несколько раз бывал в Лозанне и, повидимому, усиленно звал туда Н. П. Огарева.

⁵ К у р н о — см. комментарий к письму 22.

⁶ Жуковский Николай Иванович (1833—1895) — участник революционного движения 60-х годов. См. о нем в статье Б. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».

Вчера я во сне видел предвечный нуль, проснулся и продолжал следующее рассуждение: в мире существует вещество, которого форма — пространство, а функция движение, обусловленное отсутствием равно-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ТОМА
«БЫЛОГО И ДУМ»

весия (ибо всякое движение есть не что иное как отсутствие равновесия). Каждое место в бесконечном пространстве есть конец какого-нибудь пространства или (что совершенно одно и то же) начало другого, есть математическая точка, равная нулю; таким образом, пространство и вещество составлены из ряда нулей. Движение, или нарушение равновесия, в мгновение начала этого нарушения также представляет границу покоя и движения и равно нулю. Всякое продолжительное движение разлагается на ряд таких нулей; толчок, как бы силен ни бы[л], выходит из границы покоя, и точка отправления равна нулю. Таким образом, все движение в мире есть ряд нулей. Таким образом, мир по всем направлениям, в форме и в функции, в пространстве и движении есть ряд нулей и формула вселенной $= 0 \times \infty$

Что же ты хочешь найти в жизни утешительного?

¹ Помещается вслед за письмом № 32 по некоторой созвучности темы, так как точной датировке не поддается.

Du bist fort, mein Raphael! Что за светлое воспоминание в этих словах! Дай повторить их перед концом — и сказать тебе, что они остались такими же; может их оживила боль этого расставанья. Чувство боли, которое оставил мне твой отъезд, превосходит мое ожидание. В этом отъезде было что-то такое дикое, что я и выразить не могу. Его не-

нужность, безумство, обуявшее всех, начиная с меня и не исключая тебя, — все это так накапливается, что я не могу думать о твоём отъезде без глубокой скорби. Это совсем не то, если б ты просто съездил к детям; это было бы так естественно и так хорошо, что я, может быть, был бы рад твоему путешествию. Теперь это не то, теперь это мне все кажется тяжелым делом и праздным поступком. Пиши поскорей. Мне хочется знать, как было ваше путешествие, как и что устроится. Вопрос об этом из головы не выходит. У меня дома не было почтовой бумаги, а мне хочется, чтоб ты приехавши нашел мою записку; поэтому я и пишу эти несколько слов в моей книге и пошлю их сегодня.

Лиза была мила в последние минуты, мне так жаль, что не могу взглянуть на нее, что я стараюсь забыть это, но не могу. Зачем у меня нет таланта воспитывать, я бы ее отнял из-под всех жестких влияний, из-под всех самонадеянных игноранций, из-под всех праздных учений и крутых направлений. Это страшно больно.

Твой разговор о Тх[оржевском] и возможность его смерти не должны тебя смущать. Я все сделаю, что нужно. Но вероятностей гораздо больше, наоборот, и я надеюсь, что он сделает все, что я ему скажу.

Впрочем, вероятней, что в продолжение этого времени ничего особенного не будет. О будущем стану писать в следующем письме; многое приходит в голову, но надо обдумать и чуть ли не лучше писать, когда ты уже будешь во Флоренции. — Теперь прощай. Больше писать не могу. — С[атину] о высылке денег напиши ты непременно; это будет лучше, чем если б я писал.

¹ Датируется условно по содержанию письма. В конце 1866 г. происходит свидание Герцена с Н. П. Огаревым, кончившееся быстрым отъездом первого в Ниццу. В январе 1867 г. Герцен посещает Флоренцию.

35

25 января [1867 г.]¹

Твое сегодняшнее письмо опять обдало меня горем. Dio Santo! какой же я могу подать совет? Возвращаться на родину, по моему мнению, по многим причинам нелепо; даже подумай и ей напиши подумать об *acte de naissance*. — Школа?.. Да тут нужен капитал, который, по моему мнению, лучше же вытребовать оттуда. Но чем же виноваты дети, которые поступят в школу? — Что сказать на все это, друг мой? я теряюсь — это столкновение с темным царством, которое непроницаемо для понимания, как темное тело непроницаемо для луча света, который от него отскакивает в сторону. Дай еще дня два подумать. Случая писать здесь я решительно не найду, ибо кто знаком — тот не едет, а кто едет — тот незнаком.

Кол[окол] пришел к концу. Больше уже нет и места. — Поляков в смесь вставил² простой выпиской из Моск[овских] Вед[омостей]. — Одно место, которое ты выпустил в Б[елом] Т[ерроре]³, приславший умоляет оставить. Это чисто личное и лишнее рассуждение; но им кажется оно необходимым поучением для товарищей, и они настаивают. Спорить из этого не стоит того, место есть, а я даже не знаю, можно ли употреблять столько цензуры? Пускай их — оно никому не мешает.

Ш[ербаков]⁴ пишет из Берна, что встретился с Як[обием]⁵ и разошелся так, что больше не выдаются.

Мер[чинский]⁶ предупреждал С[ерно]-С[оловьевича], что его объявление тупоумие и гадость⁷ — и они тоже не выдаются.

Даже несчастный Гул[евич]⁸ взволнован негодованием от этого объявления. Он опять очень плох, и я сейчас иду к нему. Жена его также совсем с ног сбита — ибо ночей не спит.

Они живут в одном доме с надиной матерью, которая, кажется, должна ужасно надоедать им.

После иду править корректуру, а потом обедать к Долг[орукову]. Обнимаю вас всех.

Присылай остальные корректуры.

Газеты пошлю завтра, при оном замечательный фельетон Ив[ана] Жел[удкова]⁹.

¹ Письмо является ответом на письмо А. И. Герцена от 19 января (т. XIX, стр. 191) и 22 января (т. XIX, стр. 193), в которых Герцен писал о желании Н. А. Тучковой-Огаревой ехать в Россию. Еще в письмах от начала января — тема возвращения Натальи Алексеевны, вместе с Лизой, на родину занимает достаточно большое место. «N[atalie] сегодня мне объявила, что она летом везет Лизу в Россию, что я — со стороны ее врагов» (письмо к Н. П. Огареву от 8 января 1867 г., т. XIX, стр. 183). «Дома так было мрачно, безвыходно и страшно; я сам начинаю себе ставить вопрос, не отдать ли Сат[иным] Лизу года на два? Все же лучше. Наднях N[atalie] сказала мне, что она была бы готова отдать Лизу в Кольмар (пансион. — Ю. К.), и, когда я согласился, она решительно объявила, что никогда не даст своего согласия, а уедет в Россию. Я напомнил обещание, клятву. «Вы все изменили обещаниям, так и я могу»... и т. д. (от 11 января, т. XIX, стр. 187). И, наконец, в письме 22 января: «N[atalie] пишет, чтобы я категорически решил, и притом сейчас, вопрос, ехать ли ей в Россию или начать покупку пансиона в Ницце, что она считает равняющимся поступлению в монастырь. Что я могу отвечать? Если бы был уверен, что она сладит с пансионом, я не сказал бы ни слова, но, ведь, это больше чем сомнительно... Я смотрю с бесконечной грустью на свирепые результаты безумия и эгоизма...» (т. XIX, стр. 193—194).

² В «Колоколе» от 1 февраля 1867 г. в отделе «Смесь» была помещена заметка о военно-полевом суде в Иркутске над ссыльными поляками.

³ Белый террор — большая статья, напечатанная в «Колоколе» в №№ 231—232, 233—234, 235—236 от 1 января—1 марта 1867 г.; в основном посвящена каракозовскому делу.

⁴ Щербakov Алексей Яковлевич (род. ок. 1842) — студент Казанского университета, участник казанского заговора, эмигрант. О нем см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».

⁵ Якобий Павел Иванович — врач, русский эмигрант. О нем см. там же.

⁶ Мерчинский — эмигрант, живший в Женеве в 1867—1868 гг.; был близок к Герцену, участвовал в «Колоколе».

⁷ А. А. Серно-Соловьевич, как известно, возглавил оппозицию «молодой эмиграции» против Герцена, являясь его «главным противником», резко выступая против революционного панславизма Герцена. В 1867 г., когда отношения Герцена с «молодой эмиграцией» особенно обострились, Серно-Соловьевич выступил с брошюрой «Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует», а затем и против огаревской статьи «Продажа имений в Западном крае» (помещенной в л. 229 «Колокола»), с брошюрой «Question polonaise. Protestation d'un Russe Contre le Kolokol» (печатается в № 41—42 «Литературного Наследства»). В письме Огарева говорится о первой брошюре. Высказывание Огарева по этому вопросу — ответ на письмо Герцена от 19 января, где читаем: «С[ерно]-С[оловьевич] печатает, как ты видишь, брошюру против нас. Что же сделают остальные «эмигранты» и приятели? Это интересно для будущих сношений. Предложи-ка Мерч[инскому] протестовать и Мечникову. Не благодущничай. Я, с своей стороны, их молчание приму за согласие с С[ерно]-С[оловьевичем] и раззнакомлюсь. Ты можешь это сказать Мерчинс[кому]: быть с нами знакомым и пускать этого мошенника к себе в дом — двуличность. Якобий поступает лучше...»

⁸ Гулевич Михаил Семенович, — участник революционного движения 60-х годов. Арестован в 1861 г. в связи со студенческими беспорядками, был членом петербургского общества «Земля и Воля», в 1863 г. обыскан по делу Утина и эмигрировал в Швейцарию. В апреле 1866 г. подал всеподданнейшее прошение о разрешении возвратиться в Россию, но такового не получил. В январе ездил в Италию, как «агент Герцена», как сообщали агентурные сведения. По тем же сведениям, вел переговоры с Н. П. Огаревым об организации революционной партии в России. Находился вместе с женой Марией Ардалионовной в очень тяжелом материальном положении. 2 мая 1874 г. окончил жизнь самоубийством. О нем см. в статье Б. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».

⁹ Иван Желудков — псевдоним В. И. Кельсиева, в 1867 г. напечатавшего несколько фельетонов и статей в петербургских газетах.

28 января [1867 г.]¹

Сегодня от тебя письмо, такое же печальное внутренне и такое же нерешительное в жизнь. Мы можем обвинять себя в эгоизме и замене его трудом по общим вопросам — я об этом спорить не стану; еще, скорей, с тобой за тебя поспорю, чем за себя, потому что я, несмотря на телячью кротость, ничего не делал всю жизнь, кроме того, что хотел под влиянием такого или иного увлечения. Но к чему поможет, Герцен, вся наша гуманная гамлетовщина? Дело в деле. Я даже не хочу жаловаться на замену эгоизма работой по общим вопросам, потому что вся общественная юстиция может только выйти из эквилибрации эгоизмов. До достижения этой эквилибрации — выходы, при частных столкновениях, мудрены, как частные случаи нерешенного общего дела.

Но как же я благодарен Шиффу² за заклание *libre arbitre*, который и ты часто поддерживаешь, не замечая, что я его желал бы втоптать в грязь — не ради самообвинения или самооправдания — а ради того, что пока этот несчастный принцип станет поддерживаться — воспитание лица и рода будет отталкиваемо на 2-й план, а при заклании одного принципа — оно становится на 1-й план, как единственная возможность регулировать поступки и как главная общественная потребность; далее — при этом принципе играет роль недостижимая преданность, а эквилибрация эгоизмов (как единственно возможная цель) теряется из виду; и, таким образом, с принципом *libre arbitre* — поддерживаются все (хотя бы красивенькие) абсурды и устраняются все созидательные элементы общественности.

Ну! «Кол[окол]» готов. Но я об нем тебе припишу ужò, по свидании с Черн[ецким]. — На мой взгляд — «Кол[окол]» превосходен, даже и 2 статейки в Смеси его сиятельства³.

Теперь пойду к Гул[евичу]. Если ему еще можно читать, то на день оставляю ему газеты и пошлю их тебе только завтра; если же ему очень плохо — газеты пошлю тебе сегодня, а для него схожу за Майором.

Один из № Москвы, где указ о сокращении Минист[ерства] госуд[арственных] имуществ, оставляю себе дня на два.

Вечером.

Газеты отдал до завтра Гул[евичу], который немного поспокойнее, ночь не спит и читает сам или жена ему читает; а спит с 7 час[ов] утра, т. е. дремлет, а на вид все же плох.

«Кол[окол]» сейчас еще поправлял, но решительно теперь об этом писать поздно и оставляю до завтра.

Посылаю тебе взглянуть записку Нат[али] ко мне; она меня сильно оскорбляет. — Всех обнимаю.

¹ Датируется по письму Герцена к Н. П. Огареву от 25 января 1867 г. (т. XIX, стр. 194), в котором Герцен писал: «...Впрочем, я, вообще, в хандре... Меня мучит неумение устроить жизнь для себя, для нас, для некоторых близких лиц. Мне иногда сдается, что мы оба — ты и я — страшные эгоисты: ты с нежными, я с жесткими велентетами, и оттого постоянно губим все около себя, себя и выкупаем нашу психическую антропофагию общими интересами... и талантом»... и т. д.

² Шифф Мориц (1798—1867) — известный немецкий ученый, физиолог, с 1863 г. профессор во Флоренции. В конце цитированного письма Герцен пишет несколько слов о том, что «вчера у Шиффа был rendez-vous для спора о *libre arbitre* с Доманже. Шифф был сплендиден; да, он — большой талант и большой логик. Разумеется он Доманже победил, и тот сдался, что в спорах бывает редко. Итак, *libre arbitre* принесен на заклание...».

³ В февральском номере «Колокола» отдел «Смесь» был составлен П. В. Долгоруковым.

37

30 янв[аря] 1867 г.¹

Татенька, отдай
Папашеньке.

Вчера не успел приписать, ибо торопился на почту. Да и сегодня не успею, потому что не всё договорилось, о чем хотелось к тебе писать. — Но «Кол[окол]» готов — и даже не опоздает (разве одним днем). Ошибок, кажется, нет, и помощник в корректуре нашелся порядочный. Надеюсь, что ты не рассердишься за то, что бонатире уже я просто решил, ибо иначе, пожалуй, больше недели опоздалось бы. Надеюсь также, что тебе нечем будет остаться недовольным. — Сегодня только пишу тебе для того, чтоб послать сейчас полученный от Долг[орукова] отрывок из Индепенденции. Addio до послезавтра.

¹ Датируется по связи содержания с предыдущим письмом.

38

6 февраля [1867 г.]. Четверг¹

Вчера получил твое письмо и хотел тотчас же отвечать обо всем, но твой запрос о тезисах насчет *libre arbitre* меня взорвал, как электрическая искра, и я уже ничего не мог делать окромя. Поэтому я вчера написал их по-русски в своей книжке, сегодня переработал по-французски и посылаю тебе. Насчет «Кол[окола]», войны и пр. напишу завтра, теперь поздно и устал. Погода ужасная, так что одно время свету божьего не было видно из-за мокрой метели. Теперь опять она метель поднимается. Что твоя простуда? I hope — nothing.

Ergo — до завтра.

¹ Датируется по письмам Герцена от 3 и 13 февраля 1867 г. (т. XIX, стр. 201 и 210). День недели Н. П. Огаревым указан ошибочно. В письме от 3 февраля 1867 г. Герцен передавал свое впечатление от выступления известного немецкого физиолога Шиффа: «Второй коллоквиум Шиффа не был так удовлетворен, как первый...» и дальше излагал основные положения Шиффа, а в заключение предлагал Н. П. Огареву: «Попробуй написать, чего нет, — тезисы другого тона с некоторым различием...». В своем ответном письме от 13 февраля Герцен признавался, что «тезисы твои хороши, и я их всем прочел и читаю, но вполне они меня не удовлетворили...».

39

7 февраля [1867 г.]. (Пятница)¹

Сегодня начинаю не тезисами, не ответом — а новостью, вчера полученною: Крузе² и кого-то другого (должно быть Платон[ова])³ или Корфа⁴) ссылают в Оренбург, а гр[афу] Шувалову⁵ предложен выбор — ехать в Уфу или убираться за границу. Говорят, он принял последнее. Вот тебе и земские учреждения! Известие идет от аристократических путешественников и совершенно верно. (Писано со слов пана, который, к сожалению, забыл имя второго ссыльного.)

Не знаю, война или не война⁶ — если тебе виднее, то пусть разрешится на первое — но я знаю одно, что теперь требование на заграничную прессу поднимется, потому что многого нельзя будет сказать дома, а сказать или видеть в печати будет хотеться. Поэтому, мне кажется, что, отказавшись от сборника, мы сделали большую ошибку и что продолжать ее было бы не только глупо, но дурно. Чем больше будет вселенских происшествий и домашних колебаний, тем больше «Кол[окол]» должен войти в надлежащую роль газеты с политическими статьями и обличительной смесью, и тем нужнее станет «Review»⁷ с научно-социальным направлением.

В образе мыслей нам мудрено разойтись и с оными юношами (я говорю о Мечн[икове]⁸ и Ут[ине]⁹), так как они еще явились с предложением и желанием не выходить из-под нашего флага — то чего же еще? Для них является возможность работать, для нас является возможность издавать. И заметь, что «Revue» не в пику «Колоколу» пойдет, а, напротив того, поставит его как газету, а сам сосредоточит учение, т. е. тут является газета и книга. Я при этой мысли чувствую прибавление силы. — С каким же нетерпением я жду твоего ответа и думаю to be or not to be.

Ай да Мар[ия] К[аспаровна]¹⁰! — а я думал, что она уже в Берне, и без того собирался писать ей мой привет.

А вообрази, что я со времени записочки Нат[али], которую послал тебе, ни строки от Лизы и об Лизе не имею.

Твоя статейка об Акс[акове]¹¹ набирается; она очень мила и в этом отношении справедлива; но смотри, Герцен, не промахнись — под этой риторикой, или лучше сказать возле этой риторики, идет правильная оппозиция, которую бить не годится.

Что за погода — это чорт знает что такое! Постоянная буря — дождь, град и снег. Дивлюсь, как я все же цел и прошел через время припадка без всяких страданий.

12 часов — postman — набор твоей статьи об Ак[сакове], куча газет и приглашение отк у ш а т ь в воскресенье. Больше ничего. Однако, разделение труда вещь не бесполезная; для меня прочесть за раз такую кучу газет — значит положить себя в лоск так, что я уже все под конец перестаю понимать и точно дурману объелся. От этого я на них смотрю с чувством любопытства и страха и боюсь прикоснуться, а посмотреть хочется.

Мне кажется, я вчера пропустил один из моих тезисов. На всякий случай вот он:... *

...Прощай. Иду есть.

Всех вас цалую.

А что же ольгин портрет?

Получил Былое и думы т. IV¹².

Аксаковой «Москве»¹³ первое предостережение. Это напечатано в «Вести», которую завтра тебе пошлю. И за что? Будто за вызов вражды между духовн[ым] и граждан[ским] ведомством.

Черн[ецкий] переделал «камни плачут» в «калеки плачут», я опять поставил «камни». Так ли?

¹ Ответ на письмо Герцена от 3 февраля 1867 г. (т. XIX, стр. 201). День недели Огаревым указан ошибочно.

² Ф он К ру зе Николай Федорович (1823—1901) — с 1855 г. по 1859 г. цензор, затем уволенный за либерализм. В 1868 г. — председатель земской управы Петербургской губернии. Довольно известный в 60-х и 70-х годах публицист.

³ П л а т о н о в А. Н. — петербургский земец.

⁴ К о р ф П. Л. — петербургский земец.

⁵ Ш у в а л о в Андрей Павлович, граф (1816—1876) — петербургский губернский предводитель дворянства, автор нескольких работ по сельскому хозяйству.

Высылка Н. Ф. Крузе и А. П. Шувалова связана с известной резолюцией петербургского земства 10 января 1867 г. о желательности созыва выборных от земств для решения некоторых государственных вопросов. Эта «конституционная» попытка либеральных земцев немедленно вызвала правительственные репрессии. В л. 235—236 «Колокола» от 1 марта 1867 г. читаем такую характеристику Н. Ф. Крузе: «Председатель губернской управы Ник[олай] Фед[орович] Крузе — человек очень умный и вполне почтенный. Он был цензором лет десять тому назад, и уволен за то, что не притеснял писателей и не давил мысль человеческую... Это человек замечательный и по уму своему и по высоким качествам души...». По повелению Александра II земские учреждения в Петербургской губернии были временно упразднены, а Крузе и Оболянинов высланы на 3 года в Оренбургскую губернию; А. П. Шу-

* Пропуск; из текста вырезано несколько строк.

валов выслан за границу. Об этом эпизоде земского движения упоминает и В. И. Ленин в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» (Сочинения, т. IV, стр. 132).

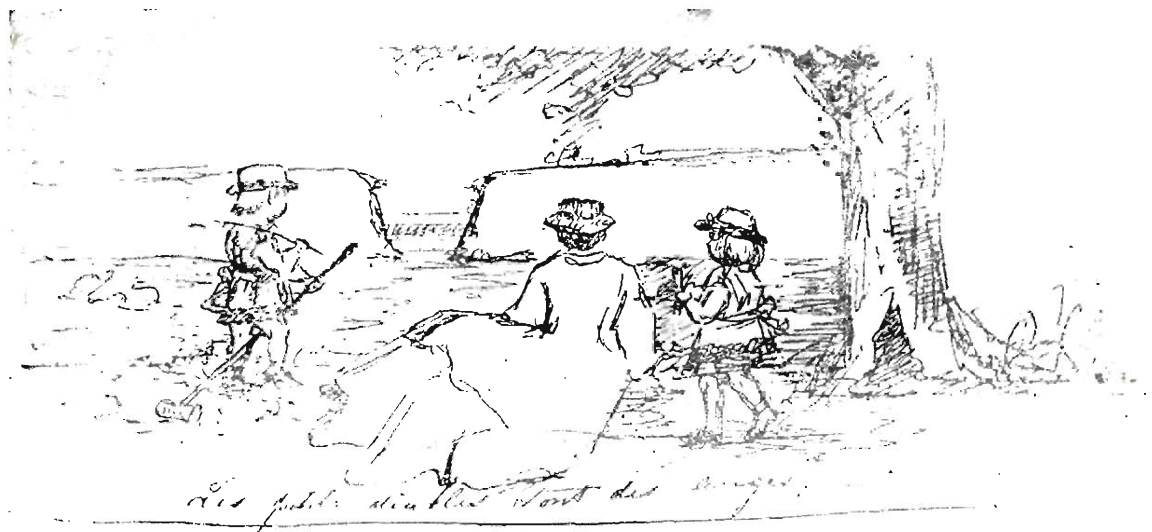
⁶ «Войну натягивает Франция, — писал Герцен, — в этом не сомневайся. Дела Запада я здесь могу лучше знать, чем вы в Женеве. Если не в нынешнем, то в будущем году весной — sauf иных перемен — будет война...» (т. XIX, стр. 201). Как известно, Герцен ошибся на 3 года. Франко-прусская война вспыхнула в 1870 г.

⁷ Это первое отражение в письмах Огарева возникшего в этот период проекта организации совместного (Герцена и «молодой эмиграции») журнала («Revue»). Н. П. Огарев явился одним из наиболее убежденных сторонников такого союза и такого журнала, в то время как Герцен отнесся к этому достаточно отрицательно.

⁸ Мечников Л. И. — см. комментарии к письму 26.

⁹ Утин Николай Исаакович (1845—1883) — участник революционного движения 60—70-х годов. О нем см. в статье «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».

¹⁰ Рейхель Мария Каспаровна. Это восклицание относится к следующему абзацу в письме Герцена: «Вот тебе хорошая весть. Пока мы с тобой рассуждали насчет Сат[ина] и придумывали средства, все сделано. Что за славная m-me Reichel.

Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С БЛИЗНЕЦАМИ НА ОСТРОВЕ УАЙТ

Рисунок пером из семейного альбома Герценов

Местонахождение оригинала неизвестно

Я ей писал месяца полтора тому назад: «найдите мне случай передать С[ати]ну слова два — здоровье От[арева] и в особенности болезненное состояние духа N[atatie] после смерти детей делают необходимым свидание». Мар[ия] Кас[паровна] отвечала, что на сию минуту нет ничего в виду, а вчера пишет: «случай имела, записочку написала сама и сегодня получила весть о том, что она доставлена». Молодец! Они через месяц (т. е. Рейхели) будут в Берне, если случится fatatua cortesia».

¹¹ «Об Аксак[ове] примите в «смесь» строк несколько, — читаем у Герцена, — что за бомбист, что за риторика времени Вадима Пассека и супруги его!» (т. XIX, стр. 201). В ответ на описания Огарева Герцен в письме от 18 февраля 1867 г. писал: «Аксакова не жалею, в нем надобно добиться до совести, двойство его безобразно...».

¹² IV том «Былого и дум» был напечатан отдельным изданием в начале 1867 г. в «Вольной Русской Типографии» в Женеве.

¹³ «Москва» — газета, издаваемая И. С. Аксаковым в 1867—1868 гг., получившая в 1867 г. предостережение.

Вчера получил твое письмо от 6-го. Написал Нат[али] записку рифмованную и пошел в Женеву, где передал Тх[оржевскому] его половину. Тх[оржевский] просил меня написать тебе, что он уверен, что банк

даст 2 т[ысячи] и больше на твой чек, но что все же не может отвечать тебе прежде понедельника (11 февраля), ибо вчера было уже поздно справляться в банке, а сегодня банки закупорены во имя господне.

Вчера же видел Черн[ецкого], который сильно болеет биением сердца и просил меня дать ему записку к Майору, которую я сегодня передам Тх[оржевскому] за обедом у Долг[орукова], у которого мы сегодня только двое.

Ссылка Крузе и Обольянинова² в Оренбург и высылка Шувалова за границу помечены в «Норде» и Индепенденции.

Твое письмо, где ты говоришь о Пьянчани³, разумеется, я получил. Даже хотел писать и об этом, да как-то забыл. Сейчас перечел твоё письмо, и что же тебе сказать? Я не знаю, почему ты видишь во мне какого-то особого защитника присутствия женщины. Что я во всю жизнь не мог обойтись без одного — это ничего не доказывает. Может теперь мне было бы всего мудренее обойтись по *n* условиям; счастливо только то, что ни я ни возле стоящее — не ощущают никакого давления, ибо М[эри] на него неспособна. Но я тут сделаю другой вопрос: почему Пьянч[ани] наказан, а я нет (в оном казусе, взятом отдельно)? Почему он наказан стыдом и горем — а я нет? Вот тут поди и суди связь причин и следствий и, переходя к другому, уже нераздельному вопросу нашей жизни, объясни мне, почему мы несчастны и почему это поделом? Нет, Герцен, не согласен я с этим. Такого уголовного кодекса, где было бы наказание поделом — не существует, а филиация обстоятельств идет себе без всякого притязания на нравственную закваску. Иногда становится еще оскорбительнее, что помилование или наказание именно не поделом... Но если б оно было и поделом — то was hilft uns das?

Я вчера перечитывал твоё по поводу одной драмы. Оно меня глубоко заняло всей жизнью прошедшего. Как бы мне хотелось, чтоб ты сам перечел эту статью и переделал бы, устранив всю немецкую метафизику, с которой ты уже и тогда боролся, но победить еще не мог.

А кстати — ты все на меня взводишь какие-то поклепы: что такое значит математические фантазии и что за теория преданности в 1861 году? ⁴ Не понимаю, что ты хочешь сказать. Первое еще меньше понимаю, чем второе, потому что все же меня наименее оскорбляет человек развившийся (научно ли или инстинктивно) настолько, что не хочет есть все окружающее в свою пользу и скорее уступит свою пользу на долю другого, видя, что еще общее равноправство не достигнуто и что иначе не пособишь, как уступкой.

12½ часов. Postman'a не было. Стало, я имел полное право вчера послать стихи Нат[али]⁵. — Ни единой строчки ни о Лизиней болезни⁶, ни о выздоровлении! Я только через твоё посредство могу знать что-нибудь. Не забудь же написать мне сейчас, какие вести получишь. Поверь мне, что как бы поездка ни была тяжела, все же мне тяжелее оставаться, если б она была действительно больна, и что в таком случае я поехал бы в Ниццу. А что меня оскорбляет молчание Нат[али], несмотря на мою защиту отсутствия libr[e] arb[itre], — это не должно еще удивлять тебя. Все злое, все недоведенное до уравнивания эгоизмов, до безобидности должно оскорблять и в частной и в общей жизни.

Еще одну вещь напиши, пожалуйста: когда ты думаешь вернуться? Как и где и что делать, когда вернешься. Кроме разных помышлений по случаю этого, — меня хозяин вчера спрашивал, остаюсь ли я после 1 апреля, ибо у него в марте есть наёмщик.

Что за удивительная погода сегодня. Солнце, блеск снегов на Юре

и тепло, как летом. Дочту кое-что и пойду гулять, прежде чем попаду к Долг[орукову]. А вдобавок ночи лунные.

Я рад, что Тата принялась за живопись, а жаль, если она бросит пение и не дойдет до *ré forte*.⁷

Addio, mii carissimi.

Вчера послали тебе кучу газет. Пожалуйста, пришли мне назад 20 и 21 № «Голоса», где отчет мин[истра] финансов. Долг[оруков], кажется, тебе предоставляет право вырезок для «Кол[окола]». Впрочем, сегодня спрошу еще.

¹ Письмо — ответ на ряд писем Герцена от 29—31 января (XIX, стр. 196), от 3 и 6 февраля (т. XIX, стр. 201 и 204).

² Обольянинов Л. Н. — петербургский земец.

³ Пьянчани или, вернее, Пианчани — итальянский революционер, эмигрант. В письме от 29 января Герцен писал: «О, карейший защитник прибавки женщин в жизнь, какой новый комментарий я нашел здесь в подтверждение моего взгляда. Пьянчани (отличившийся в последнюю войну, в которую пошел простым волонтером) изнемогает под бременем домашних пакостей, делаемых дрянной и состарившейся француженкой, которая еще жила у него в Лондоне. Он стареет, падает, стыдится и не может вынуть ноги из постромки. И эта женщина без образования, без ума, без детей давит его и все возле стоящее!..» (т. XIX, стр. 196).

⁴ В письме от 31 января Герцен, касаясь своих отношений с Н. А. Тучковой-Огаревой, упоминает «теорию о преданности», которую усиленно выдвигал Огарев в 1861 г.

⁵ Несомненно речь идет о стихотворении «Она была больна, а я не знал об этом» («Стихотворения», Л. 1937, т. I, стр. 255. Редактор этого издания С. А. Рейсер неверно датировал это стихотворение ноябрем 1867 года).

⁶ «Дней пять я провел в несказанном ужасе, — писал Герцен 6 февраля, — не хотел тебе писать до окончания и именно потому и пишу теперь. В конце прошлой недели я получил от Н[атали] письмо, в котором она писала, что в Ницце круп, и дети мрут. Вслед затем, — что у Лизы лихорадка, дальше, — что у нее железы распухли. Я сказал, чтоб тотчас телеграфировали, и был готов с первым train после телеграммы скакать в Livorno и на первом пароходе ехать в Ниццу. ...Наконец, сегодня получил письмо, что никакой опасности нет, и что все это, кажется, легкая простуда...» (т. XIX, стр. 204).

⁷ В письме Герцена от 7 февраля есть следующие строки: «Сегодня же известный живописец Ге приходил с требованием делать мой портрет «для потомства»... Завтра начнем, и Тата начала...» (т. XIX, стр. 205). Работы Таты по живописи долго сохранялись в семье Герцена.

41

3 марта [1867 г.]. Воскресенье

Сегодня пришло твое письмо от 28-го¹. Первое, что меня поражает — это смерть С[ергея] И[вановича]. — Как долго мы были близки и как давно не переписывались! Как, чем он умер? Что Т[атьяна] Ал[ексеевна]²? — Был он сердит на меня или что? Ведь никто ничего не скажет. Грустно прошла его жизнь; он на всех смотрел с сомнением и негодованием... Да и действительно верить было мудрено, встречаясь постоянно с pseudo-социализмом и настоящим консерватизмом (под вуальчиком). Но что его согнало в раннюю могилу — бедность, скорбь или особого рода болезнь. Напиши мне, если что знаешь. Не забуду я этого долго... А впрочем, может и пора перестать.

Я сегодня собирался писать Тате, но получивши твое письмо — могу писать только к тебе.

Чтож это Сат[ин] ровно ничего не понимает?³ Что же тут делать? Сегодня не придумаю.

Жду сейчас Тх[оржевского] обедать. После обеда допишу и снесу на почту.

После обеда. Нет, решительно не хочу сегодня оканчивать письма, потому что так о многом надо писать подумавши, что на скорую руку делать этого не хочется.

Тх[оржевский] у меня и занят будущим приемом на станции желез[ной] дороги — М-lle Бердушек⁴, приемом по словесному описанию!!

Я покамест здоров.

Постарайся вычеркнуть в последней статье Долг[орукова]⁵ намек на его супругу и, вообще, этот *alinea*. Я и сам с ним об этом поговорю, но, я думаю, он сильно будет держаться за эту сплётню.

¹ В письме от 28 февраля 1867 г. (т. XIX, стр. 227) Герцен пишет: «Письмо получил здесь дурное, т. е. если не злое, то, действительно, помешанное и страшно дурное по вестям: бедный С. И. Астраков умер».

Астраков Сергей Иванович (умер 24 декабря 1866 г.) друг юности Н. П. Огарева, «человек замечательно умный и знающий, очень хороший математик». Преподавал математику в Александровском институте и других московских учебных заведениях. Н. П. Огарев посвятил ему стихотворение «Студент» («Он родился в бедной доле...»).

² Астракова Татьяна Алексеевна (1814—1892) — жена брата предыдущего — Николая Ивановича Астракова. Подруга Н. А. Герцен-Захарьиной.

³ В том же письме Герцен пишет: «Сатины в Москве и сильно подбивают N[atalie] ехать в Россию». Ответом на что и является реплика Н. П. Огарева о Сатинных.

⁴ М-lle Бердушек — знакомая М. Мейзенбург.

⁵ Статья П. В. Долгорукова «Письма из Петербурга», помещенная в очередном номере «Колокола».

42

4 марта [1867 г.]. Понедельник¹

Даже еще во сне думал о том, что хотел тебе писать, и как бы чего не забыть.

1) Пришлешь ли ты какую смесь (не забывая свиньи с гусем). В Кол[околе] 15 март[а] места три колонны.

2) Объявлять ли о выходе за оным «Кол[околом]» 1-го апр[еля] или 15-го² (как ты писал)? У меня к апрелю хоть и 1-му будет готово окончание статьи³, которое поллиста займет наверно; да ты что дашь.

3) Теперь, *sans philosopho teoretico*, объясню тебе, в чем ты ошибаешься в вопросе о «Revue»⁴. Я не могу считать, чтобы я попался в старую ловушку, потому что того, что я тебе предлагал, мне никто не предлагал. Напротив того, Меч[ников] хлопочет о добытии денег от кого-то, кто обещал. Дела в таком состоянии, что капиталист *in spe*, почти ничего не получая от родителя, меньше надеется на получение, чем двое остальных, т. е. Меч[ников] и Жук[овский]⁵. Вообще же, они имеют в предмете, чтоб каждый платил за напечатание своей статьи. Мне, при этом, показалось, что время уходит и, может, когда они найдут деньги — тогда будет поздно, ибо и выставка⁶ и все покончится; на этом основании я тебе и предложил дать им взаймы (из Бах[метевских] денег⁷, хотя и не говоря этого) 1 000 фр[анков] (что, вероятно, было бы достаточно), и если Ут[ин] тебе даст вексель или кому другому за твоим поручительством, то, я думаю, это совершенно равнозначительно. Одно только, что я хочу сказать — когда они были виноваты, тогда можно было взваливать на них грех; но когда во всем предложении виноват только я, делал я его только тебе, а не им, то я считаю обязанностью оправдать их перед тобою, что и делаю. Я знаю, что ты меня обвинишь в раздражительности, но и это будет несправедливо, потому что если меня огорчает твоя раздражительность относительно меня, да еще в таком казусе, где ни я, ни казус не заслуживают раздражительности, то мое огорчение слишком выходит естественно, чтоб принять его за пустую раздражительность характера. Мне просто больно, глубоко на сердце больно — и только.

Далее, так как я считаю самое дело вопросом, заслуживающим полного внимания, то мне хочется окончательно рассмотреть его. Да, я думаю, что издание «Revue» поднимет значение «Колокола». Потом, несмотря на уверение твоего соотечественника, о неполучении «Кол[окола]» в России — отсюда, по словам Тх[оржевского], посылается и там получается «Кол[окол]» sous bande. След[ственно], кто хочет выписывать — получает; а так, без заказа, книгопродавцы, действительно, не выписывают. Потом вот что: «Revue» внесет некоторую систематичность в изложение социологии, а «Колок[ол]» примет совершенно ежедневные вопросы в свое заведывание — и я думаю, да — это поднимет оба издания, особенно, во время выставки, и след[ственно] огромной миграции русских читателей. Должны мы сами хлопотать не о бессмертии, а о пропаганде, и если мы кому пособим, хоть не на даровых, но на кредитных прогонах — проехаться до бессмертия, лишь бы это было в помощь пропаганде — я думаю, беда не велика. Ведь и кредит важен для немущих и тогда, когда приходит кстати. Меня ты дружбы ради вывез на даровых прогонах; я еще раз имею на это претензию, потому что мне кажется, что это мои последние прогоны. Если же те выедут на кредитных прогонах почти в первый раз — то ведь риску тут нет: или издание окупится, или они свое заплатят; или издание окупится частью, и неокупленное (т. е. свое) они приплатят, во всяком случае, я не предполагаю, чтоб платеж вышел слишком тяжел, ибо в это время бóльшая доля не может не окупиться. Потом я и не предлагал тебе тревожить твои ходячие деньги, а только лежащие, которые, таким образом, и вернутся в кассу снова. Пожалуйста отвечай мне на все это без сердцов. Дело в деле, а не в раздражительности.

4) Извини меня также, что я начал писать не на надлежащей странице — совершенно ненарочно, и что пишу некрасиво: насилу пальцы двигаются — такой холод. Впрочем, это едва ли продержится, ибо сегодня биза решительно упала. Я рад твоему свиданию с Гар[ибальди]⁸ и впечатлению, которое на тебя сделала Венеция. Из газет мне кажется, что он сильно действует на выборы.

5) Не попробовать ли через М-те L[eon] переслать Сат[иным] записку с некоторого рода надлежащим упреком? Я думаю, что это всего бы возможней. — Куплен сбор «Кол[окола]» за все годы и все Былое и Думы.

6) За сим я пойду в город и допишу к тебе вечером, а Тате напишу послезавтра. Окончание моей статьи меня сильно занимает. К тебе во Флоренцию писать, стало, до 8-го?

7) Одно очень прискорбное — это что W. просил меня, нельзя ли ему за статью назначить гонорарий, ибо он получил из дому такие печальные известия, что он через два месяца останется без копейки. Я ему сказал, что он права не имеет, но что я напишу к тебе, да что ты еще прежде того сам приедешь; теперь он решительно ничего не хочет ни из фонда, ни в гонорарий, а говорит, что ему только через два месяца будет плохо. Его же к тому времени доктора посылают на воды. Что тут сказать — я не знаю.

8) Посылаю кучу газет. Заметь все отмеченное X.

¹ Датируется по письму Герцена от 27 февраля 1867 г. (т. XIX, стр. 226).

² В начале 1867 г. было выпущено 3 «двоенных» номера «Колокола» (январь, февраль, март), с апреля «Колокол» снова стал выходить каждые две недели.

³ Повидимому, «Частные письма об общем вопросе» в л. 239 «Колокола» от 15 апреля 1867 г.

⁴ Здесь речь идет о попытке организации совместного журнала Герцена—Огарева и «молодой эмиграции», о чем уже упоминалось в комментарии к письму № 39. Герцен в своем письме писал: «...так саго philosopho prattico, старая шутка повторяется: revue будут издавать общими силами, но так, что деньги и статья бу-»

дут наши. Да ведь если бы мы хотели издавать, зачем же нам было спрашивать или ждать Утина?... Где доказательства яростного желания читать заграничные издания? И если оно есть, как же не найдут капиталисты *in spe*, как Утин, кредиту помимо нас? Может и грех, но денег я не могу дать... Я всегда найду сотню человек, которые на даровых прогонах проедут в храм бессмертия и лавров, обернутые «Полярной Звездой»... См. статью «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».

⁵ Мечников, Жуковский, Утин — см. комментарии к предыдущим письмам.

⁶ Речь идет о 4-й Всемирной выставке в Париже в 1867 г., имевшей большой успех.

⁷ Бахметевские деньги — капитал в 20 000 франков, пожертвованный П. А. Бахметевым А. И. Герцену в 1857 г. См. публикацию П. Анциферова в № 41/42 «Литературного Наследства».

⁸ 27 февраля 1867 г. состоялась, третья по счету, встреча Герцена с Гарибальди. В письме от 26 февраля Герцен сообщал: «Сегодня в 4 часа придет Гарибальди, и я остался единственно для него до завтра» (т. XIX, стр. 224). «Сегодня в шестом утра был у Гарибальди, — читаем в письме от 27 февраля, — он обрадовался мне и одного меня расцеловал. Он здоров, но не весел...».

43

7 марта [1867 г.]. Четверг¹

Снег. Вчера затмение плохо можно было видеть минуты две — остальное все исчезло за облаками.

Экая досада — всю бумагу исписал, а хочется к вам писать; насилу отыскал остаточки, а купить вчера забыл. А как пальцы зябнут — это тоже чорт знает что такое, едва можно буквы формировать.

Итак, Астраков умер, позвав меня. Признаюсь, что это меня кольнуло и болью и удовлетворением. А почему же он умер, а я жив? Где тут юстиция и польза?

Жду от тебя как можно скорее смесей — пообстоятельнее, чем в письме от 3 марта. Ведь я уповаю на твой громадный талант, не надеюсь на свой и боюсь смесей долг[оруковск]их. Пойми ты это. Ты мой лучший сатирик, да еще вдобавок я согласен с венецианскими масками, что ты знаменитый русский поэт²; хотя стихов и не писал; но для меня уже одно «С того берега» поэма.

12 час[ов]. Сейчас получил твое письмо от 4-го и корректуру корреспонденции. С этим совершенно согласен; ведь я поэтому и заставил Черн[ецкого] как можно скорее послать к тебе корректуру и тебе писал чтоб вымарать хотя бы штуку про княжескую супругу³. Я сегодня обедаю у Долг[орукова] один с Тх[оржевским] и потому отстою твои поправки с удовольствием, ибо я совершенно за них. Если я сам не вычеркивал, то это только потому, что я на твой такт больше полагаюсь, чем на свой.

Продолжаю далее начатое письмо.

С трепетом я жду твоего нового путешествия в Ниццу⁴. Ничего не могу сообразить и только чувствую, что это раздрачительно. Пиши мне скорей по приезде. И на кой-чорт ты едешь морем — теперь должно быть скверно, ибо всё переменчивые бури.

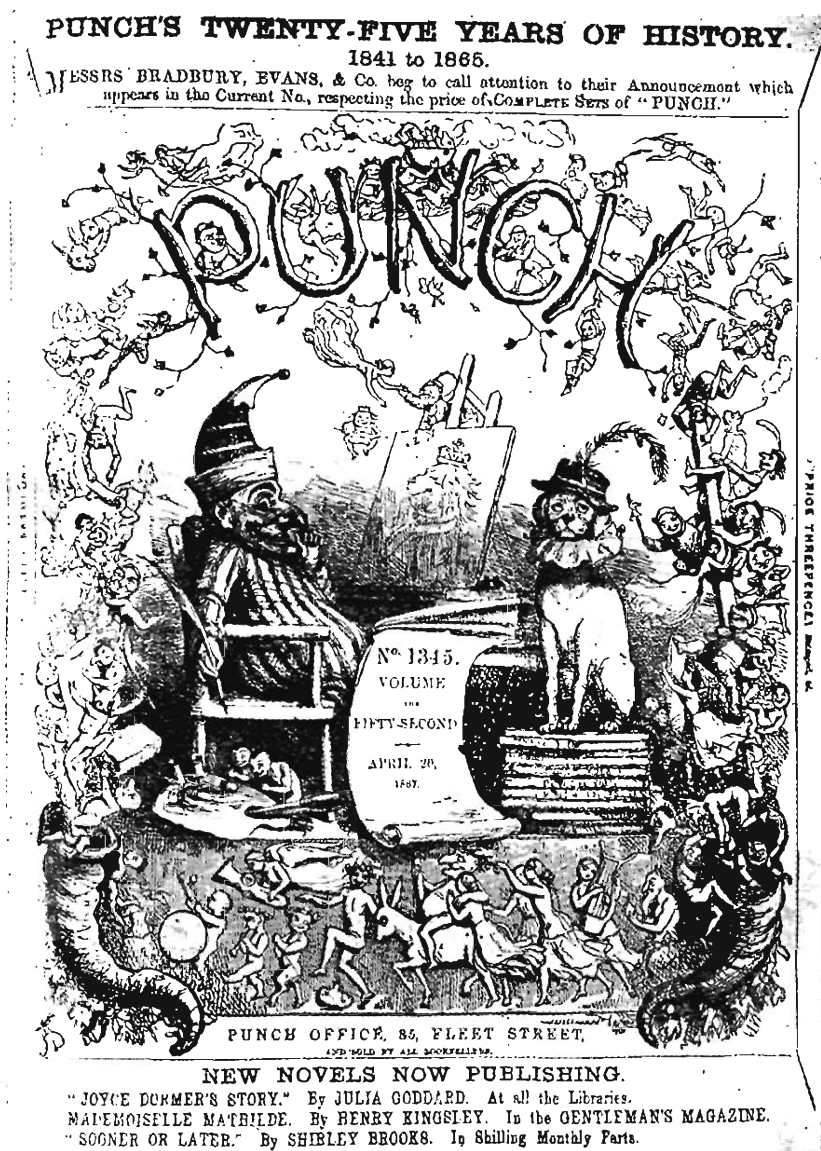
С нетерпением жду твоего ответа на мое предложение о «Пол[ярной] Зв[езде]»⁵, ибо прежде твоего ответа я не могу ни уговориться, ни начать работать хотя бы с *non possumus*.

О чем же вы с Б[акстом]⁶ поспорили?

Мысль о физиологическом основании Истории принадлежит Конту. Я теперь недостаточно помню, как она у него проведена, но пересмотрю. Мое понятие о безнаказанности сводится вот на что (я даже, кажется, этим Долг[орукова] убедил): «общество имеет право защищать себя, но права наказания за грех и преступление не имеет; поэтому никакого иного наказания не может быть, как экстрадиция на

новое поселение, ибо тут граница самозащиты». Впрочем, и это не ново, — был же у греков острацизм; есть же у нас Сибирь, которую можно совершенно приспособить к этому тезису.

Время — координата движения. Поступок для сознательно-животной природы — название того, что для бессознательно-животной природы, вообще, называется — событием, происшествием, фактом. Неужто можно факт рассматривать, как координату

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА «PUNCH»

природы, а не просто видеть тут слово, имя, название, способ выражения?

Бедный Тур[генев]⁷ — что ж это его кондрашка что ли хватил? Жаль его, а ведь, кажется, уже как смотрел за своим здоровьем!

Статья моя будет длинновата, но едва ли иначе возможно. Вот и это скорее бы дело «Пол[ярной] Зв[езды]», т. е. revue, а не газеты.

Из новостей только скажу тебе, что Деларов⁸ ходил к Озерову⁹ объяснять, что женевское общество очень жалеет, что не имеет законного права уничтожить «Кол[окол]» и выгнать нас. Сам Оз[еров] удивился. Не напечатать ли это? Впрочем, можно и в апреле.

Шув[аловские] речи¹⁰ также теперь еще нельзя печатать, а после, вероятно, должно.

Твое письмо от 4-го пришло сегодня утром, ergo, мое письмо, отправившись завтра (т. е. положенное на почту сегодня), придет к тебе в воскресенье утром. Поэтому еще пишу во Флоренцию.

Прощай пока.

¹ Датируется по письмам Герцена от 26 февраля, 4 и 10 марта 1867 г.

² В письме от 26 февраля 1867 г. (т. XIX, стр. 225) Герцен писал о венецианском карнавале: «Карнавал во всем разгаре. Он дошел до таких колоссальных размеров, что, в самом деле, сделалось хороше и оригинально. Все шутки и шалости времени республики возобновились; такого карнавала не было 71 год. Меня фетируют, как гостя, знакомого по наслышке. За одним обедом в ресторане масок двести потребовали меня налицо и прокричали мне три раза «eviva» с шампанским в руках, и до того уже зарапортовались, что кричали «all'illustro poeta russo». Я боялся попасть в pittore и scultore и потому ушел...».

³ В письме от 4 марта (т. XIX, стр. 232) Герцен резко протестовал против статьи П. В. Долгорукова «Письма из Петербурга» и потребовал выбросить из нее ряд мест.

⁴ В Ницце жила Н. А. Тучкова-Огарева с Лизой.

⁵ Это продолжение тех же попыток Н. И. Утина и Л. И. Мечникова — издавать журнал при поддержке Н. П. Огарева. Герцен в письме от 10 марта 1867 г. (т. XIX, стр. 239) кратко отвечал: «В успех «Полярной Звезды» не верю: никто не будет читать гисториографию Мечникова и comico Утина...».

⁶ Бакст Владимир Игнатьевич — эмигрант. В письме Герцена от 3 марта читаем: «Вчера Бакст уехал в Венецию. Он положительно зимой умнее, чем летом, хотя такой же охотник до спора и спорит самым бестолковым образом...».

⁷ В марте 1867 г. разнеслись слухи о серьезном смертельном заболевании И. С. Тургенева, оказавшиеся ложными.

⁸ Деларов или Деляров — эмигрант в Женеве, примыкавший к А. А. Серно-Соловьевичу и другим противникам Герцена из «молодой эмиграции».

⁹ Озеров Владимир Александрович — офицер, участник польского восстания 1863 г., эмигрировавший в Швейцарию и примкнувший к М. А. Бакунину. Одно время занимался с Лизой Герцен математикой.

¹⁰ Две речи петербургского земского деятеля графа А. П. Шувалова, произнесенные им в Петербургском земском собрании (см. комментарии к письму 39), были изданы отдельной брошюрой в 1867 г. в Берлине, откуда и были перепечатаны в л. 238 «Колокола» от 1 апреля 1867 г.

12 марта [1867 г.]. Кампания¹

Ну! где ты мой милый квасочек, на какой дороге? Я к тебе не писал три дня, потому что все не знаю куда. Теперь, вероятно, это письмо тебя найдет в Ницце. Ну! как, ну что? Что Лиза, что Натали? С нетерпением жду ответа.

Тх[оржевский] сговорился с банком, как тебе желалось. Мебель всегда может переехать наверх за 9 фр[анков] в месяц. Сундук поедет к Черн[ецкому]. — Я к тебе приеду с удовольствием, но скажи пожалуйста — как ты сладишь без прислуги? Как я слажу без ухода?² А я теперь, хотя в две и в три недели раз болен, но все же болен, и не смотри за мной никто — плохо было бы. (Вот и вчера — в страшно душный день, только облился холодн[ой] водою, как из пистолета выстрелил припадок, и до сих пор устал от него, как давно не бывало. — Меч[ников] говорит, что ему доктора запретили обливаться водой, а велели только отираться губкой. — Черн[ецкому] Майор запретил тоже. Попробую и я губку). Далее вот что: постели только две. Что делать с Тх[оржевским], если я приду?

Я удивляюсь в твоей статье: почему ты выбрасываешь в статье Долг[орукова] бранные слова, а сам употребляешь в n раз хуже? Но мне она все же нравится³.

Благодарю тебя *de profundis* — за «Поляр[ную] Звезду». Опыт тебе покажет, что я не вру. А до тех пор я стану молчать, ибо на словах тут ничего доказать нельзя.

Больше сегодня решительно писать не хочется. Кажется, будет гроза. И ветрено и душно. Дышать непомерно тяжело. Этот тот же широко, ни сколько не уже, но видоизмененный*.

Обнимаю тебя, цалую Лизу и Нат[али]. Но обстоятельно писать стану, только получивши от тебя письмо из Ниццы.

Насчет 35 п^о «Моск[овских] вед[омостей]» ничего не мог сыскать. Завтра обедаю у Долг[орукова].

Ольгин портрет меня в восторг приводит⁴.

Прощай пока.

¹ Датируется по письму Герцена от 8 марта 1867 г. (т. XIX, стр. 257).

² «...скажи Тхор[жевскому], — читаем там, — что письмо его получил. На весь апрель мне бы не хотелось оставлять квартиру, но если иначе нельзя, делать нечего. Куда же перевезет он мебель и, главное, железный сундук? Последний развек Чернецкому?.. Если б ты на неделю времени переехал туда же, можно бы рискнуть до мая...».

³ Повидимому, статья Герцена «Общество поджигателей», напечатанная в «Колоколе» от 15 марта (л. 237) — ответ на клевету об участии в известных петербургских поджогах. В письме от 15 марта Герцен отвечал Огареву: «Долгоруков» ругается с посторонними и без причины; я хочу оскорбить клеветников, пусть делают процесс, я же отвечаю сам...» (т. XIX, стр. 242).

⁴ В письме Герцена к С. Тхоржевскому от 5 марта 1867 г. (т. XIX, стр. 233) — находим несколько строк на эту тему: «...Вам, любезнейший Тхоржевский, посылаю первые удачные оттиски Ольги; портрет этот хорош, — она очень переменялась. Вы отдайте Ога[реву], себе...».

45

14 мар[та 1867 г.]. Типография¹

Пишу несколько слов.

Твое письмо из Ниццы получил. Ну! слава богу! Даже рад, что старуха развеселила тебя на пароходе в 1-м часу ночи.

Ну ж — Черн[ецкий] задал мне таску своим впечатлением *ad libitum* без спросу — что и как. И я задал ему таску переменами.

Долг[оруков] посердился на твои поправки, но и пришел в милость. Говорит, что тебе всего лучше ехать в Лозанну, потому что там так скучно, что ты не выдержишь и будешь всякий день в Женеве, и, след[ственно], он тебя будет видеть каждый день; а если ты остановишься в Женеве, то спрячешься так, что он тебя не увидит.

Но он и все желают, чтоб «Кол[окол]» вышел 1-го апр[еля] и с шувал[овскими] речами. Поэтому я всякое объявление вычеркнул и жду твоего приказа. Я внутренне с ним согласен, и думаю, что именно это поднимет «Кол[окол]» на сию минуту. Подробно же напишу об этом завтра. «Кол[окол]» к 1-му апр[еля] я берусь приготовить отлично (даже без моей статьи, ибо ей не будет места).

Цверц[якевич]² мне вчера надоел до крайности. О Стелле³ известий нет.

От Таты сейчас получил милое письмо.

Нат[али] и Лизе тоже стану писать завтра. Сегодня совершенно некогда, и мозг переверочен корректурами.

Ergo, прощай.

Погода отвратительная, но я здоров, как больной бык.

Тх[оржевский] тебе в Ниццу писал.

Ольг[ин] портрет производит восторг.

* Так в тексте.

¹ Датируется по письму Герцена от 12 марта 1867 г. из Ниццы (т. XIX, стр. 240), где имеется рассказ о старухе, забывшей закрыть иллюминатор в каюте во время бури.

² Цверцьякевич Иосиф — польский эмигрант. В 1862—1863 гг. — представитель польского революционного правительства в Париже и Лондоне. Во второй половине 60-х годов жил в Женеве.

³ Стелла — псевдоним Ивана Михайловича Савицкого, полковника генерального штаба, участника польского восстания 1863 г., командовавшего отрядом повстанцев. В конце 60-х годов жил в Страсбурге, где виделся с Герценом. Сотрудничал в «Колоколе».

15 мар[та] 1867 г.]. Пятница ¹

Надо дописать тебе несколько вещей.

1) В последнем «Revue des 2 mondes» кроме Долг[оруки]м рекомендованной статьи о Пруссии и пр. — есть статья Jamín ² о метеорологии (Pluies et vents), которой изложение и понимание так хороши, как я давно не встречал. У вас, верно, найдется. Прочти.

2) Долг[оруков] звал еще завтра меня одного, хочет говорить о «Кол[околе]». Он из кожи вон лезет, требуя, чтоб к 1 апр[еля] еще № был — с шувал[овскими] статьями. Я считаю этот вопрос очень серьезным — и пойду на совещание. Тх[оржевский] говорит, что «Кол[окол]» идет несравненно лучше. Я берусь составить № к 1 апрелю. Я уже писал это, но repetitio studiorum.

3) Ты напрасно думаешь, что я Шарл[отту] ³ возьму в свою квартиру. Квартира есть в доме, которую она может занять — или я один могу занять. Но мне ни в каком случае никто мешать не будет. Впрочем, в низшем слое общества я не нахожу привычки мешать. Напротив того — привычка помогать, только когда нужно. А для мальчика переезд будет очень полезен. Шарл[отта] не умеет его держать, т. е. главное — аккуратно кормить, что для него всего нужнее (заметь, что он постоянно болен). За это Мери берется с полнейшей дружбой к ней и к ребенку. (А кроме того, дистракция — знакомый диалект). Если же ты хочешь остаться (что для «Кол[окола]» страшно нужно) и чтоб я к тебе переехал — они могут остаться на одной квартире.

4) Сегодня день был получше; я сей[час] плутал в лесу и выпачкался как пёс. А все же хорошо было.

5) Завтра или послезавтра (ибо надо кое-что списать) pošлю тебе «Голос», где статья В[асилия] Ив[ановича] Жел[удкова] ⁴. — Талант писателя развивается, но мысль не развивается и многое нехорошо.

6) Вчера с «Кол[околом]» я насилу сладил, хотел после зайти к Черн[ецкому], но, узнав, что там Цверцьяк[евич] — ушел — так как он мне намедня у Долг[орукова] надоел, что я его видеть не могу без раздражения. Это величайший дурак.

7) От Ут[ина] еще не имею известий, кроме того, что он в Vevey читал лекцию с большим успехом.

8) Вот, кажется, и всё. Прощай пока.

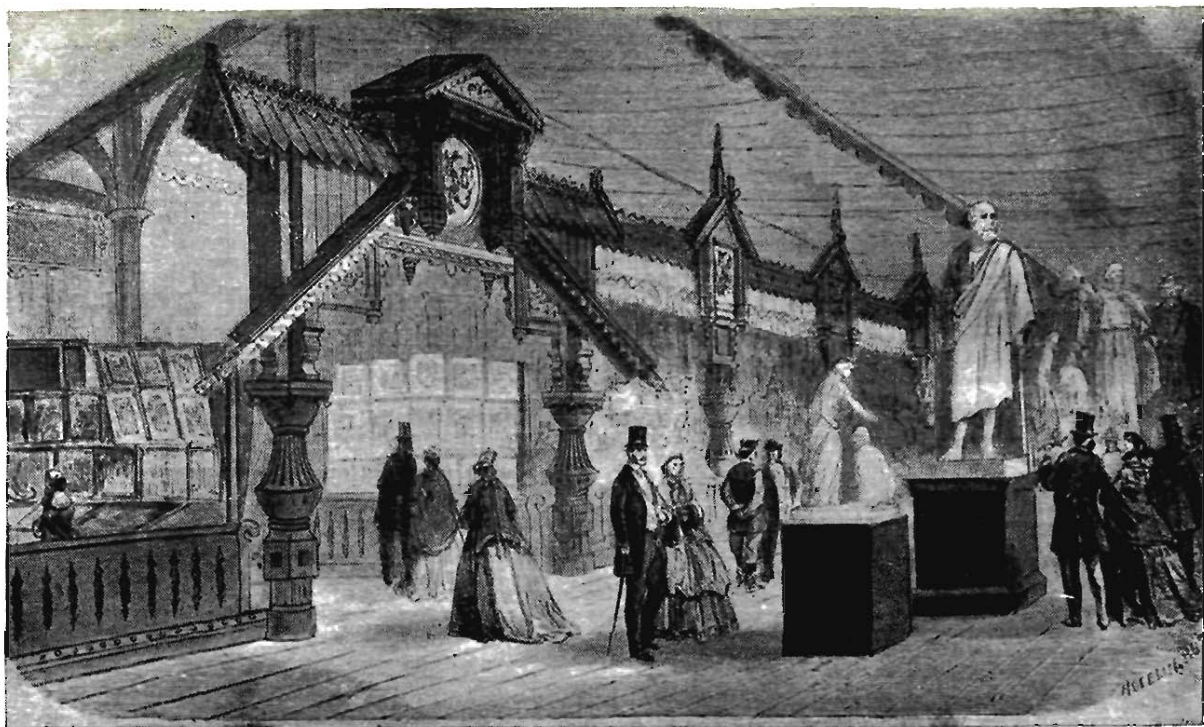
9) «Кол[окол]» сегодня вышел и, вероятно, тебе послан, я еще не получал.

10) Погода опять становится хуже. Вероятно, будет дождь. Прочти Jamín.

¹ Датируется по письму Герцена от 10 марта 1867 г. (т. XIX, стр. 239).

² Jamín (Жамён Юлий 1818—1886) — известный французский физик. С 1863 г. профессор Сорбонны, где преподавал более 20 лет. В 1858 г. избран в Академию.

³ Шарлотта Гетсон — первая жена А. А. Герцена. В половине 1867 г. приехала в Женеву вместе с сыном Александром (Гутсом), чтобы быть поближе

РУССКИЙ ПАВИЛЬОН НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1867 г.
Гравюра из журнала «Illustration»

к А. А. Герцену, на возвращение которого к ней она все время надеялась. Шарлотта поселилась у Огарева. Накануне ее приезда Герцен писал Огареву — «Насчет Шарлотты делай как знаешь. Жить с двумя женщинами [М. Сетерлэнд и Ш. Гетсон. — Ю. К.], ребенком [Тутсом. — Ю. К.] и полуребенком [Генри. — Ю. К.] — это такой андреевский крест при небольших деньгах и крошечной квартире, который нести я бы себя не считал способным...» (т. XIX, стр. 239).

⁴ Желудков — псевдоним В. И. Кельсиева, под которым он поместил несколько статей в «Голосе» А. А. Краевского. Первая его статья «Наблюдение над Яссами (к восточному вопросу)» появилась в № 54 «Голоса» от 23 февраля 1867 г. Затем была напечатана (в № 62) статья «К путешествию по Галичине (польские эмигранты)» и др. Огарев имеет в виду одну из этих статей. В 1868 г. все статьи и очерки В. И. Кельсиева были собраны в две книги: «Пережитое и продуманное» и «Галичина и Молдавия».

47

18 мар[та] 1867 г. Вторник ¹

Оба твои письма получил 3-го дня и очень ими растревожился, а все же вчера писать к тебе не успел, потому что утро проработал, потом ходил на минуту к принцу ², а потом было поздно.

Начну мою тревогу с «Колокола»:

1) Твое письмо к Ак[сакову] ³ дело возможное, но ты забыл упомянуть, что и в «Москве» (этот № должен быть у тебя) напечатана та же штука из Варшав[ского] днев[ника], только перед твоим именем стоит (?), а перед именем Бак[унина] — ничего. Долг[оруков] говорит: Б[акунин] может сам за себя отвечать, но что ручаться за него нельзя. Но в чем и я с Дол[горуковым] согласен — это в том, что в «Колоколе» нельзя печатать твоего письма, прежде нежели уяснится: поместил его Ак[саков] или нет; в первом случае тогда надо будет в «Кол[околе]» напечатать с похвалой, а во втором с нахлобучкой. Мне это кажется совершенно справедливо — и потом не больше 15 дней разницы.

2) «Кол[окол]» идет лучше. Я решился издать 1-го апреля; мне кажется иначе опять подкузьмишь его.

3) Не забудь, что с июня (или июля?) надо выписывать газеты, без которых существовать нельзя, а Долг[оруков] уезжает.

4) О греческом вопросе⁴ сказать надо; но что же ты не присылаешь? Ты хорошо знаешь, Герцен, что я на эти высказывания ужасно неспособен. Я вот и теперь весь предан смеси, надеюсь, что она будет лучше прошлой; но в смеси, кроме иностранных вопросов — вопросы народные и обличения весьма нужные. Я исключительно работаю в одной по части земства; Долг[оруков] даст статейку об Алексее Столыпине⁵, которого русские газеты оклеветали, что он после лермонтовск[ой] дуэли с Барант[ом], где был секундантом, принес повинную шефу жандармов. — Долг[оруков], зная всю подноготную, объясняет, как и что было. — Я Ал[ексея] Стол[ыпина] знал порядочно, и за одно ручаюсь, что он повинной никакому шефу, а еще менее Бенкендор[фу] не принес бы. Теперь он в могиле, ergo, восстановить это следует. Кстати, в последнем «Кол[околе»] выписка о Меншик[ове] делает большой эффект (ай да Долгоруков!); а объявление о «Былом и думах» — указано т. VI вместо IV (ай да Черн[ецкий!]).

5) 1-я статья следующего № будут речи графа⁶. Затем присылай о греческом вопросе поскорее. Все остальное может быть и в этом и в другом №. Мне моей статьи⁷ в этот №, собственно, не хотелось бы помещать, ибо придется разделить, да надо много переработать; но если был бы недостаток в материалах, то разделю и помешу. А мне кажется, особенно, если ты вернешься, то дважды в месяц издавать необходимо. Как это ты мое письмо получил так поздно, а послано оно днем раньше?

6) В В[е]в[е] с ума сошли. Ут[ин] не отвечает. — Мечн[иков] приходит в отчаяние, ибо он работает много и по всякому вопросу⁸.

7) 3-го дня я корректировал евангелие Иоан[на], печатаемое у Черн[ецкого] Трюбнером — для ради парижск[ой] выставки, в числе 20.000 экземпляров, с переплетом.⁹ (Каково!) Но что это за сумбур, сарго mio! Давно не перечитывал и рад, что перечитал; это припадок С[ерно-]С[оловьевича]. — Давно не читал такого поронья дичи. — А Матвея Трюбнер хочет печатать в числе 60.000 экзempl[яров]. — Вчера же я приготовил для «Кол[окола]» долю смеси; от этого газет не могу еще тебе послать, ибо вырезаю и отдаю Черн[ецкому]. Но на днях все покончу. Только, пожалуйста, о гречес[ком] огне — присылай скорее.

— Цверц[якевич] отдал мне вчера некий пакет послать Натали, что и посылаю.

Теперь о моей тревоге о твоих письмах: в письме от 14-го — у тебя вернулись такие строки, что меня испугом обдало¹⁰. Писать дальше об этом не хочу, жду от тебя дальнейшего.

Лизин идеал — прелесть¹¹. Цалую ее за это 40 раз.

Насчет квартиры я тебе уже писал, что так как в доме квартиры различные, то Шар[лотта] и Тутс мне ничем не мешают. Моя комната все же останется sanctus sanctorum, куда вход имеют по приглашению, или только М[эри], чтоб взглянуть, какой я имею вид больной или нет и затопить [печку] камин. А там будь я Вишну или Кириш¹², или Христос или [апостол]* — это все равно. Для Тутса (который постоянно болен) это будет хорошо. Погода уже сворачивает на весну; жаворонки высоко поют.

М-lle Роша¹³ играла мне 7-ю симфонию. Очень хорошо! Меня опять утянуло в иные фантазии. Но некогда, и надо приниматься за смесь. — Старик, ее отец, славный человек; не везет ему что-то в жизни, а мастер своего дела... Вот тут и разбирай юстицию.

Далее — прощай, разве уж что припишу, а теперь за газеты...

* В подлинном письме нарисован ребус.

¹ Датируется по письмам Герцена от 14 и 15 марта 1867 г. (т. XIX, стр. 241—242). День недели указан неверно.

² Прынц — П. В. Долгоруков.

³ Письмо к Аксакову по поводу обвинения Герцена и М. Бакунина в участии в «поджигательстве» (большие пожары в Петербурге). Ряд русских газет поместил вздорные сообщения, перепечатанные И. С. Аксаковым в «Москве». В письме к сыну от 19 марта (т. XIX, стр. 247) Герцен писал: «...Аксаков, у которого остался ко мне фебль, поместил о зажигательстве, но у моей фамилии поставил большой ? в скобках, а у Бакунина нет. Я Аксакову прежде послал письмо и уверен, что он его напечатает. То же следует сделать Бакунину...». В письме к Н. П. Огареву от 17 марта (т. XIX, стр. 245) аксаковскому письму посвящен следующий абзац: «Посылаю прибавку к письму к Аксакову. Он напечатает мое письмо, это ясно, но теперь дело вышло неладно. Я не имел понятия, что и «Москва» повторила, да еще in extenso ту же новость, но при моем имени поставила сильный вопросительный знак. Таким образом, дело падает все на Бакунина. Неужели он в самом деле участвовал?» В ответ на данное письмо Н. П. Огарева, Герцен отвечал: «Я с тобой не согласен и прошу письмо к Аксакову напечатать в след[ующем] номере (т. е. 1 апреля). 25—26 мар[та] ты увидишь, будет у него или нет. Если будет, прибавь в скобках: «было помещено»; если нет, пусть знают. Это ясно. К Бакун[ину] писал; я сам его на свой страх не беру...». Само письмо Герцена к И. С. Аксакову, помеченное: «Флоренция, 10 марта 1867 г. (т. XIX, стр. 268) было напечатано в № 58 «Москвы» с незначительными купюрами, с примечанием от редакции.

⁴ В 1867 г. произошло восстание на острове Крите против турок. В письме от 15 марта Герцен писал: «Я считаю необходимым заявить сочувствие «Колокола» к греческому делу и прошу сейчас написать твоё мнение. Я сегодня же попробую написать». 17 марта Герцен извещал, что он посылает свой «манифест о греках». Это была статья «На площади св. Марка», напечатанная в «Колоколе» от 1 апреля (л. 238). В этой статье Герцен писал: «Мы вполне, безусловно, за греков, хотящих слиться с греками, за славян, стремящихся освободиться от чужого ярма. Мы также горячо и искренно желаем им успеха, как желали для католической не русской Польши отделения ее от России».

⁵ Столыпин Алексей Аркадьевич (1816—1858) — родственник и друг М. Ю. Лермонтова, его секундант в 1840 г. в дуэли с Барантом.

⁶ Две речи графа А. П. Шувалова.

⁷ Статьи Н. П. Огарева «Частные письма об общем вопросе».

⁸ Повидимому, речь идет о продолжающихся попытках организации «Revue» и каких-то задержках со стороны Утина, предполагавшего субсидировать это предприятие.

⁹ В 1867 г., в связи с Парижской всемирной выставкой, типографией Чернецкого по заказу Трюбнера было напечатано евангелие большим тиражом.

¹⁰ Строки касались Н. А. Тучковой-Огаревой и ее с новой силой вспыхнувшего желания ехать в Россию к Сатинным. «В два дня, проведенных здесь, было много говорено. Вообще, настроение лучше, но с порывами отчаяния. Хотелось бы сближения с детьми, но ни шагу для этого, потом — одна невозможность за другой...» (от 14 марта 1867 г., т. XIX, стр. 241). «Из России постоянно зовут Н[атали] с Лизой. Были минуты готовности с ее стороны все бросить и ехать...» (там же). «...От диких порывов любви до свирепых слов ненависти — все сумбур. Сегодня ужас и желание, чтобы я спас ее и Лизу, готовность звать детей, ехать в Кольмар, Лозанну..., а завтра неуважение ко мне, наискорейшие сборы в Россию, распоряжение, как быть с Лизой в случае смерти и обвинение во всем меня, тебя...» (от 15 марта 1867, т. XIX, стр. 243). «...Пришло опять письмо от Сат[инной]. Она просто приступает к горлу, чтоб N[atalie] ехала и везла Лизу; говорит, что все будет улажено, требует сейчас ответа, хочет прислать Ал[ексея] Ал[ексеевича] и деньги на дорогу, умоляет решиться. О нас ни полслова. Ясно, что Сат[ин]а знает все, и что она считает меня слабым человеком, а детей извергами (это не сказано)» (от 20 марта 1867 г., т. XIX, стр. 248). Эта тема проходит и в позднейших письмах Герцена.

¹¹ «Лизой я опять доволен, — писал Герцен 15 марта — очень умна и дивит меня памятью. Она говорит: «я, как Тата, не буду торопиться идти замуж, — tu comprends, — я буду три года смотреть, что за человек мой жених. Он должен быть хорош и заниматься большими делами, как ты и папа Ага; у него должна быть новая карета». Вот тебе и идеал» (т. XIX, стр. 243).

¹² В своем письме от 15 марта Герцен шутливо восклицает: «Ах, ты, Вишну, да и только!»

¹³ М-ле Роша — знакомая пианистка Н. П. Огарева в Женеве.

Du bist fort mein Rayoul! Дай вспомнить эти былые годы, все же как-то легче становится на сердце. Чувствуется, что в жизни было пережито много хорошего. — Но сегодня все же длинно писать не буду.

Стану рассказывать только положительные вещи. Вчера Верезов² приходил к Виноград[ову] с этим дураком и мошенником Ридигером³. Начало продолжалось долго и глупо, а наконец, они съехали на то, чтоб предложить Чернец[кому] печатать за известную цену журнал — с переездом или без переезда и с его работниками. Это будет разочтено к завтраму, ergo, я завтра отправляюсь в Женеву. Это яснее и может прийти к концу, лишь бы плата была гарантирована (годовая плата). Прежнее все было невозможно, несмотря на то, что сам Raisin ими на минуту увлекся. — Потом ходил к Петру Рыжему⁴ — хороший, но жалкий господин. Ничего утешительного о нем сказать не могу, кроме того, что принял он меня с радушием бесконечным. —

Сейчас (5 час[ов]) был у Саффи⁵ в Lancy. Он, мне кажется, сильно болен грудью; его вид, его голос совершенно подозрительны. Видел Катерину и все остальное. Детей водят босыми, и они все ходят в нашу речку мочить ноги, купаться там нельзя — мелко. У Отиллио были нарывы на шее, которые прорезаны. Вид у него тоже плох. Лечат их гомеопатически. Мне кажется, что они, кроме нелепостей, ничего не делают. — Тутс взял мою палку и переставил стенные часы. — «Вот теперь», говорит, «они совсем верны». Картами очень доволен. — Саше стану писать завтра, а тебе послезавтра. — Тате тоже послезавтра. Сегодня только цалую ее и благодарю за письмо. — Лизу поцалуй за меня и Натали тоже. — Погода удивительная, пойду ближе к Салеву. — Мр[очковскому]⁶ пишу теперь же и несусь письма в Каруж⁷. — Теперь прощай, пойду на почту и к горам.

На л. 2 об.:

Тата, передай папе.

¹ Датируется условно по содержанию письма.

² Верезов или Вересов — владелец книгопродавческой фирмы в Женеве. Речь идет о переговорах между Чернецким и некоторыми женевцами о легализации его типографии, об издании журнала и т. п. Эти переговоры затянулись на очень длительный период и в последующих письмах неоднократно будут встречаться упоминания о «деле Чернецкого», о переговорах Чернецкого с женевскими городскими властями и т. п.

³ Ридигер — какой-то женевский знакомый Огарева.

⁴ Петр Рыжий — Пьер Леру (1797—1871) — французский писатель, в молодости находился под сильным влиянием Сен-Симона. В 1848 г. — член Национального собрания, затем эмигрант. Вернулся на родину после амнистии 1869 г.

⁵ Саффи — итальянский революционер, см. комментарии к письму 24. Катерина — его жена. Отиллио — повидимому, сын.

⁶ Мрочковский Валериан, по прозвищу Острога (1840—1889) — эмигрант, бывший киевский студент, участник польского восстания 1863 г., соратник М. А. Бакунина, с которым познакомился в 1865 г., после приезда из Польши, где отбыл тюремное заключение.

⁷ Каруж — предместье Женевы.

Твое печальное письмо от 17-го и две превосходных статейки сегодня получил². Как бы я желал, чтоб Кольмар был правдою! Но на каких же это основаниях — напиши подробно. Кто там будет с Лизой? Будет ли она только ходить в школу или жить там? Напиши мне также — что же делает Тата? Поёт ли, рисует ли, учится ли? И как собственно поставлены отношения?

Статью я кончил³. Сегодня отдам набирать Черн[ецкому], который тебе корректуру тотчас же по наборе и вышлет. И ты, разумеется, поправь, как хочешь. В смесь завтра приготавливаю кое-что. Выписываю из «Голоса» в Café du Nord, ибо Долгор[уков] хотя и поставил меня в

члены писового конгресса⁴, а газет мне не присылает. На писовом конгрессе я с ним обошелся учтиво, но холодно. Говорили с ним о том о сём, словом, вражды ему не показал. Но дело в том, что он понял как и что — и внутренне озлоблен, хотя и скрывает. Конгресс покамест ужасно скучен, а, пожалуй, он дойдет не до мира, а до основания многочленной котерии вроде масонства, но с другим содержанием, и не тайной, а явной.

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В КРУГУ ИХ СЕМЬИ

Слева направо: Герцен, его дочь Наталья Александровна (Тата), Н. А. Тучкова-Огарева с Ольгой Герцен на руках, сын Герцена Александр Александрович, Огарев

Фотография, 1860-е гг.

Сейчас жду Саффи, который у меня был уже 2 раза и я у него. Я пойду с ним к нему в Лансу, где он целый день у брата. Пойду проститься с М-те Саффи. Они завтра уезжают.

Мерч[инский]⁵ у меня был и Чернец[кий] у меня был. Дело Черн[ецкого] медленно идет к концу. В условиях они согласились, но теперь город не позволяет заводить в доме импримерию, так что ему придется взять квартиру где-нибудь возле, ибо иначе этого журнала печатать нельзя. Впрочем, письмо dokonчу уже в Женеве, где увижу Черн[ецкого] и Тх[оржевского].

Стихов еще не поправил, больно мудрено.

Тутс сделал прогресс — понял, что 1 и 1 два.

Г[енри] не совсем здоров у меня.

М[эри] кланяется тебе и Тате.

Я вас всех обнимаю.

Ergo — до вечера.

Вечером в Женеве.

Саффи у меня был, но их сегодня дома нет, уезжают в понедельник, и мой визит отложен до завтра.

Дело Черн[ецкого] тянется. Он был у президента муниципального совета, который обещал прислать инженера для обследования — сегодня, но сегодня не прислал. Черн[ецкий] тебя просит, по обещанию, прислать чек в 500 фр[анков] Тх[оржевскому], тогда он может и переехать, если дело покончится, и покончить французские работы и получить за них деньги.

Все это как-то нескладно, а может и пойдет в гору. Вероятности есть.

Твои статьи и мою отдал. В газетах ничего нет, кроме интересных судебных дел. Черн[ецкий] обещался мне прислать выписку из Днев[ника] Позн[анского], где говорится о слухах о возобновлении барщины в Польше, т. е. о даровании шляхетству права взимать подать и употреблять крестьян в зачет на работу. Это необходимо напечатать.

На л. 2 об.:

Милая моя Тата — передай папе (но не римскому).

¹ Письмо датируется по письму Герцена от 17 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 400), в котором говорится о разногласиях с Н. А. Тучковой-Огаревой в вопросе о воспитании Лизы и предположении отдать Лизу в пансион в Кольмаре.

² Статьи Герцена: «Заметка о прекращении «Колокола» и «Суд в Париже и убийство в Петербурге».

³ Повидимому, речь идет о статье Н. П. Огарева «Письмо к читателю «Колокола», напечатанная в «Прибавочном листе к первому десятилетию «Колокола» (1 августа 1867 г.).

⁴ «Писс» — мир. 1-й конгресс «Лиги мира и свободы» собрался по инициативе главным образом итальянских демократов в сентябре 1867 г. в Женеве. В нем приняли участие представители самых разнообразных партий и направлений. В июле-августе шла подготовка конгресса, к участию в которой был привлечен и Н. П. Огарев.

⁵ Польский эмигрант, имя которого часто фигурирует в переписке Герцена. Позднее бакунист.

Вчера получил твое письмо от 19-го и портрет Сергея², за который благодарю Натали из глубины сердца. Грановск[ий] для меня уже одно из тех воспоминаний, которые меня волнуют до мозга костей; а Сергей еще больше. С Гр[ановским] мы, может, разошлись бы, а с Сергеем никогда.

Сегодня у меня утро просидел Тхор[жевский], но я и без того ничего не мог бы работать, потому что вчера, несмотря на все старания, не мог встретить ни его ни Чернец[кого] и потому не знаю, что еще нужно для «Кол[окола]». — Дело Чернец[кого], кажется, окончится благополучно, но я припишу об нем в Женеве вечером, ибо узнаю от Тх[оржевского] подробно.

О твоём мрачном взгляде на все наши отношения — я тебе напишу³ особо, ибо я на него смотрю иначе — и не из самозащиты, до которой мне дела нет, а из простого чувства правды. Но теперь мне еще не хочется писать об этом; я это сделаю совсем на просторе, когда покончу «Колокол».

Гуляя встретил Барни⁴ с новым журналом, который меня заинтересовал. Поэтому я у него вчера был и взял первые №. Это недельное Revue под заглавием «Le Pensée nouvelle». Советую тебе достать ее. Издается в Париже. Предшественники были приговорены к тюрьме, а это продолжение, и, право, оно весьма недурно, совершенно популярно и разумно. Пожалуй, вкрадется и вздор, но это уже судьба человеческая. Кстати, напиши мне — какие журналы русские ты там имеешь? Из последних ничего нет для «Кол[окола]», не знаю что сегодня. — Итак, покончу ужю.

Женева

Дело Черн[ецкого] официально еще не пришло к концу, но кажется, что придет. — Газеты читать в кафе решительно невозможно, ибо нельзя выписывать большие статьи, а есть интересные. Касат[кин] завладел Café du Nord и не хочет давать мне. Каково? — Хочешь ли за полцены получать «Весть» и «Моск[овские] Вед[омости]» из Café de la Couronne? Он на этом основании выпишет. Отвечай сейчас. Тх[оржевский] тебе и всем кланяется и спрашивает, получил ли ты его письма и вещи.

Addio.

¹ Ответ на письмо Герцена от 19 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 401).

² Портрет С. И. Астракова, см. комментарий к письму 41.

³ Это ответ на следующие слова Герцена: «Безобразная triada наша или три-расщепление, делает все невозможным... Может, всего досаднее, что и наша-то жизнь, т. е. твоя и моя, не может идти вместе и сурово разведена так, что концов не свяжешь. Жаль, очень жаль, что все стало мечтой...» (т. XIX, стр. 401).

⁴ Барни Жюль (1818—1878) — французский философ-кантианец и политический деятель; в 40-х годах доцент философии в Реймсе, Париже и Руане. После переворота Луи-Наполеона эмигрировал в Женеву. Один из организаторов конгресса «Лиги мира и свободы» в 1867 г. В 1870 г. вернулся во Францию. С 1876 г. депутат.

51

24 июля [1867 г.]. Середа¹

Вот и еще пишу несколько слов. Получил сегодня корректуру моей статьи, вероятно, и ты ее получил; там есть такие бессмысленные ошибки, перед которыми и ты остановишься. Я не имею к ней большого уважения, но она все-таки выйдет полезна. Что и доказать надлежало.

Остается еще для «Приб[авлений]» к «Кол[околу]» — шесть колонн. В газетах ничего нет, а если что и есть — то только такие большие статьи о административных мерах, что переписывать их невозможно, а надо иметь на дому. Обивать пороги его сиятельства² я для этого не намерен; Кас[аткин] берет из «Норда» на другой день, поэтому «Норд» мне давать не может, а Кас[аткин] по злобе не хочет. Это положение невозможно. С Café de la Couronne можно сделаться на две газеты за полцены, ergo, это надо сделать; это будет стоить 60 фр[анков] на полгода.

Я хочу об статье в «Всемирном труде»³ поместить статью весьма сжатую, колонны на две или три. Если у тебя есть еще что, присылай. Очень трудно пополнить этот №. Во всяком случае, он раньше 5 августа не выйдет. Может я и найду что в русских газетах; но какие же у тебя есть в Ницце и что ты можешь сделать?

Тх[оржевский] мне сегодня принес размен твоего чека к 1-му августу. Я прожил бы и без этого, но с трудом, ибо было слишком много оплачива~~ть~~. Теперь мне весьма легко. Но написала ли Нат[али] кому следует о ~~высылке~~ денег? Около 15 августа они там будут.

иметься, а без их присылки туго придется. Я думаю, что это короче просто совершить по почте, чем через какое посредство. Поэтому ни к кому для передачи не писал. Надо это повторить немедленно.

Писал ли я адрес Саффи? Если нет, то напишу в следующий раз, ибо теперь на прогулке его не имею. Но m-me Саффи велела сказать Нат[али], что она к ней писала недавно, а если прежде долго не писала, то потому, что были слишком трудные обстоятельства.

Она и он — хорошие, но скучные люди, так скучные — что это чорт знает что такое.

Завтра пойду на последнюю лекцию Петра Рыжего⁴, желая его не обидеть. Но как же его отделал новый журнал «La Pensée nouvelle» — это просто прелесть. Нет — этот журнал (т. е. revu каждую неделю) — возрождение французской мысли. Я им ужасно доволен. Выпиши его себе.

А за сим прощай.

Всех обнимаю.

Пиши лучше на имя Мэри, я думаю скорей будет доходить.

Тутс удивительно мил и забавен, но часто шалит невыносимо. Напр[имер], бросил в нужник шляпу хозяйского мальчика и пр. Но сегодня объяснял, что когда он будет класть яйца, то никак не позволит их брать хозяйке; а класть яйца он будет как скоро будет курицей, а это будет очень скоро.

На л. 2 об.:

Милая моя, передай Папе.

¹ Датируется по письму Герцена от 22 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 403).

² П. В. Долгоруков.

³ Статья во «Всемирном труде» — см. комментарий к следующему письму.

⁴ Петр Рыжий — Пьер Леру. См. комментарий к письму 48.

И я тоже начну с общего. В своде я не отыскал оных статей. Может он и в 1-м томе, который у меня пропал при переезде из Лондона. А может они прибавлены в новом издании, которого у меня нет; но в издании части Николаевского свода 1857 г. оных статей нет. Решился же их перевести и поместить, потому что вчера нашел в Петерб[ургских] Вед[омостях] вскользь поминание о них, при довольно скверной статье о речи Араго².

А без газет нельзя жить, Герцен. Напр[имер], новый устав военного суда. Переписывать его в Café du Nord — это три-четыре часа. Ведь я не стенограф. Что же тут делать? Рад бы сказать что об этом уставе, но для этого надо иметь газеты в полном своем распоряжении. А все же я ни Долг[орукову] ни Кас[аткину] кланяться не пойду. Они же, по моему мнению, становятся все хуже и хуже. Напр[имер], Кас[аткин] отвечал Черн[ецкому] за уплату французского издания, взял с издателя книг на 700 фр[анков], а теперь ни издатель не платит Черн[ецкому], ни Кас[аткин] не хочет платить, говорят, что нет денег. Все же это мерзко.

В смесь набрал не мало статей, даже статью о принципах жизни Соловьева³, которая займет колонны полторы.

О заглавии и об Nicse Черн[ецкому] объяснил. Письмо Тх[оржевскому] передал.

Вчера был на лекции у Петра Рыжего. Что за челуху он порол — просто позор. Было человек сто + Цверцякевич; иные аплодировали.

Но я все же смотрю на него не с отвращением, а с глубоким сожалением, как на помешанного.

Теперь о частных делах.

Мое предположение, которое хочет сбыться — обдает меня ужасом. Неужели же и Лизу увезут туда? ⁴ С какой радостью я бы ее передал Тате! Неужли Нат[али] не поймет, что лучше прыгать в пучину морскую, чем быть под влиянием пяти нянек из холопства и Нат[алии] Ап[оллоновны] ⁵?

Ал[ександр] III чрезвычайно забавен, хотя и пошаливает. Отношением М[эри] к нему и его к ней и ко мне — остаюсь попрежнему доволен. И с Тх[оржевским] он в величайшей дружбе.

Л[угинин] действительно с ума сошел. Как можно отодрать такую штуку, чтоб посылать тебе деньги для С[ерно]-С[оловьевича]? ⁶ Уж лучше бы прислал мне или Тх[оржевскому], хотя и то было бы нехорошо. Да разве нельзя было послать прямо? Но все же распорядись как следует, иначе это примется за маленькую мстительность.

Напрасно ты жалуешься на нейдение нашей переписки. Я даже дня бы не пропустил и только пропускал потому, что приходилось больно много читать и писать.

А вот надо поехать, да и опять идти в этот нелюбимый мною Генф, ибо надо там кой с кем повидаться. Если что будет нужно или интересно, то в Генфе припишу. — А сколько я ни не люблю Генф, мне кажется, что все же из него переезжать некуда. Надо привыкнуть — вот и все.

КОЛОКОЛЬЧИК ГЕРЦЕНА
Литературный музей, Москва

Нет ничего нового. Тх[оржевский] кланяется и вчера послал роман Черныше[вского]⁷. — Ответа от города по делу типографии еще нет, хотя и ожидается удовлетворительный.

Всех вас цалую.

На л. 2 об.:

Милая Тата, передай папе. —

Guide de Paris 2-я часть еще не пришла.

¹ Ответ на письмо Герцена от 22 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 403).

² Араго Франсуа-Виктор-Эммануил (1812—1896) — известный французский адвокат и политический деятель. Активный участник революции 1848 г., член Национального собрания и генеральный комиссар в Лионе. Убежденный противник Третьей империи. В 1867 г. выступил защитником по делу польского эмигранта А. И. Березовского, 6 июня 1867 г. совершившего в Париже неудачное покушение на убийство Александра II, и добился смягчения приговора. В своей речи цитировал некоторые статьи русского свода законов, о чем и пишет Н. П. Огарев в начале своего письма. В 1870 г. — министр юстиции.

³ В «Колоколе» от 1 августа был помещен разбор статьи Н. И. Соловьева «О принципах жизни», напечатанной во «Всемирном Труде».

⁴ Герцен сообщал Огареву, что А. А. Тучков «узнал, что никаких препятствий на возвращение N[atalie] нет, и он зовет ее с Лизой на два года в Яхонтово за ним походить. Вот твоё предположение-то и сбылось бы» (т. XIX, стр. 404).

⁵ Тучкова Наталия Аполлоновна (ур. Жемчужникова) — мать Н. А. Тучковой-Огаревой.

⁶ Это ответ на фразу Герцена: «Лугин[ин] сошел с ума: получил от Черкес[ова] 150 руб[лей] для Сер[но] Сол[овьевича] и пишет, что послал мне в Ниццу. 1-е ошибся в адресе, и я денег не получил, 2. Зачем же он меня мешает в эту грязь. Я его разругал как следует».

⁷ Роман Чернышевского «Что делать?», отзывы о котором см. в августовских письмах Герцена. Первое впечатление, произведенное на Герцена этим романом, было двойственно: резко осуждая литературную манеру Чернышевского, Герцен отмечал всё же в романе «мысли... прекрасные, даже положения». Эта двойственность сохранилась и в позднейших герценовских оценках «Что делать?».

31 июля P[etit]. L[aney] [1867 г.]¹

Еще два письма от тебя. Я два дня не писал по многим причинам.

1) В понедельник...

(Нет-с — позвольте-с — пришел Тх[оржевский], принес даже «Голос» и «Весть». Идём есть. — Из «Голоса» составляю конец для «Кол[окола]», а «Весть» сегодня же отправлю к тебе, ибо с этим я не совладаю, и мне кажется, что на это лучше плюнуть безответно, разве сказать, что в son ton, где с почётом упоминается имя Скар[ятина]², нашим именам было бы позорно, или что в этом роде — но это ты лучше придумаешь, если будешь действовать скоро — может и поспеешь. Может, послать прямо Черн[ецкому] для набора. — После 31 июля ст[арого] ст[илия] его сиятельство тебе «Голоса» посылать не будет, ибо он нужен Стелле, который составляет корреспонденции и этим живет). —

Продолжаю:

1) В понедельник я был болен (17-й день) и так неожиданно, ибо чувствовал себя perfect (может и болен был с испугу, отнявши у Тутса тяжелейший топор, которым он рубил себе между ног — у меня с полчаса колени дрожали — чувствовал себя так perfect, как даже давно не бывало. Но дело в том, что, отворяя дверь из моей комнаты — упал и стукнулся о замок так, что на верхней веке есть подкожное кровоизлияние. Однако, через четверть часа после этого я написал 2-е длинное письмо к Саше, ибо он желал ответа на свое длинное idem.

2) Вчера был в Женеве, о которой скажу, когда будет интереснее. Видел и Черн[ецкого], которого дело, кажется, кончено; инженер только хочет смерить машину, но и тут не может быть остановки. Но хотя и был в Женеве, но чувствовал себя усталым от понедельника.

Впрочем, вот и всё. Сегодня совсем отдох[нул], только глаза еще не выздоровели, но и не болят — колорит нехорош — не больше. А кстати, намерен у Генри на рожденьи был у нас его товарищ, лет 14-ти. Прихрамывает. Штука вот в чем: он маленький упал и ушиб колено. Пять докторов, из которых один Бине, а другой Майор — сказали, что это внутренняя болезнь и что надо ставить фонтанель на колено. Один только неизвестный Dumier (или Doumier) сказал, что это ушиб и что лечить не надо. Но совет пяти одолел — и с тех пор у этого мальчика нога сохнет. Что за мерзость, caro mio! Я не могу равнодушно смотреть на это.

Теперь о твоём письме: — Черн[ецкому] я тотчас же сказал, что такое заглавие на задней странице невозможно. Но он мне сказал, что ты так приказал, а что страница так пришлась и иначе нельзя. Я и смолкнул до сегодня. А сегодня послал все твои приказания (переписав, конечно) с Тх[оржевским] в типографию. «Колок[ол]» не выйдет прежде 5-го, а если и 10-го, то, я думаю, не беда.

Ах да! чтоб не забыть. М-ме [Бессо]³ преследует меня тем, что она писала к Нат[али] и не имеет ответа. А дело в том, кажется, что она сама хочет ехать в Ниццу или детей послать — все это было бы очень глупо. — Да еще вот что: вчера читаю «Голос» в Кафе дю нор — подъезжает коляска; в коляске кн. Сашенька Мещ[ерская]я.⁴ «Не можете ли вы мне дать фр[анков] 30, у меня нечем с кучером расплатиться». — «Винovat, у меня со мной 10 нет. Хотите завтра принесу». — «О нет, мы живем в Вернее. Стало, делать нечего. Прощайте». — «Прощайте». — Засим shakehands и конец.

О деньгах С[ерно]-С[оловьевича] ничего не знаю. Я и не думал, что ты мне деньги дал до сентября⁵. Я думал и думаю, что С[атин] мне пришлет, ибо иначе это совсем мерзко.

Черн[ецкий] все хочет, чтоб я или Тх[оржевский] от тебя ему денег достали, а сам об этом тебе писать не хочет. Станный характер — чисто панский, где панство даже выше отношений приязни.

Что сказать о твоих внутренних делах? Успокоить они меня не могли. Надежд не подают. Хорошо, что Лиза в море бросается, но это все хорошо, как детскость или гимнастика⁶. Я бы хотел un peu во взрослых. Но это до взгляда и нечто, который пришлю только по окончании «Кол[окола]».

Посылаю тебе письмо, переданное его сиятельством Тх[оржевско]му. —

Роман Черныш[евского] я еще не перечитывал, но не помню так, чтоб говорить о нем⁷. Это тоже после «Кол[окола]».

Что за дело пермского Боборыкина?⁸ Я его не читал, а Долг[оруков] прислал все имена.

За сим addio, вероятно, до завтра. Обнимаю всех.

Al padre tuo.

¹ Письмо датируется по письмам Герцена от 27 июля (т. XIX, стр. 405) и от 29 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 408).

² Скарятин Владимир Дмитриевич — реакционный публицист, с 1863 г. по 1870 г. редактор газеты «Весть».

³ Бессо — хозяйка дома, где жила Н. А. Тучкова-Огарева.

⁴ Мещерская Александра Павловна — дочь П. А. Тучкова, жена кн. Н. Н. Мещерского. В 1867 г. жила в Женеве, училась в консерватории.

⁵ В своем письме от 27 июля Герцен подробно писал о финансовом положении Огарева и предлагал последнему «наблюдать строгий бюджет».

⁶ «Лиза сегодня первый раз бросилась с помоста в море одна, совершенно одна и очень гордится», — писал Герцен.

⁷ В письме от 29 июля Герцен резко отрицательно отзывался о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и упрекал Огарева, что тот хвалил его.

⁸ Боборыкин Константин Николаевич — пермский губернатор; его делу посвящена заметка Огарева в «Колоколе» от 1 августа 1867 г.

1 августа [1867 г.]¹

Взгляд и нечто². Постараюсь сказать все как можно короче. Мысль моя не новость и не открытие — ни для тебя ни для меня. Только я с каждым днем больше и больше убеждался в ней и, наконец, при обвинении тебя в компрометации совершенно убедился. Наша мораль могла быть только искренность — равно при сознании ошибок, как и в высказывании правды. Скрывать ошибки, поступки, правду — это трусость перед общественным мнением, при которой можно приобрести врагов, а друзей приобрести нельзя. Искренность в жизни равна гласности в печати. Другой морали — нет. «Свет не карает заблуждений, но тайны требует для них» — пора бросить в хлам кладовых. Если нас что губит — это постоянная ложь. Иначе мы могли бы, хотя бы при разных хозяйствах, жить в одном доме, т. е. быть вместе. Без этого — не могу же я придти к тому, чтоб их бросить (не исключая Тутса). Это было бы подло. Раскаиваться я тоже не могу, потому что в этом отношении не чувствую за собою ничего ни дурного ни удручительного. Стало, что остается — это устроиться. А этого без искренности и свободы жизни — нельзя. Подумай — и вникни в это. Я думаю, что для твоего понимания не нужно ничего прибавлять.

— Сегодня небо серое, ни жарко ни холодно. Какая-то свинцовая щетка на голове. Вдобавок лихорадочное чувство и даже губа обмела. (Виноват — сидел в саду — дождь пошел — маленький, но мочит бумагу, ergo иду под крышу). — Впрочем, это мне не помешало составить из «Голоса», который теперь же тебе посылаю, дополнительные статьи для «Кол[окола]», а именно: приказ воен[ного] министр[а], циркуляр мин[истра] вн[утренних] дел и уфимское омерзительное происшествие, где Боборыкин отличился (в скверном смысле, разумеется). Сейчас несу их к Черн[ецкому]. Таким образом, дело будет кончено, если ты ничего не пришлешь о «Вести».

Впрочем в Женеве припишу.

Женева. Café du Nord. Наконец с Черн[ецким] сладили — белого листа вовсе не будет. «Благо есть место» начнется со 2-го листа просто. Промежуток будет беленькая полстраница; дело в расстановке. Видишь, что корректура твоя получена. Газеты еще могли бы служить, но теперь все полно (разве твои строки о «Вести»). Посмотри в mise en page «Письмо в ред[акцию] о Берге». Не поместить было нельзя, а оно мне не нравится. Впрочем я на Боб[орыкина] сам донос написал, нельзя эту шельму не приковать к позорному столбу. — При сем тебе письмо от кого-то. За сим addio. Иду на почту. Обнимаю всех. Лучше завтра напишу.

¹ Датируется по письму Герцена от 30 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 409).

² Ответ на рассуждение Герцена о личном кризисе: «Не бойся отпора и пиши, — читаем в письме Герцена. — Я отнесусь без des arrières pensées и с уважением (внутреннего честного разбора) к твоей философии жизни. Не верю в нее, потому что знаю твою реконструкцию жизни и распространение амнистии на нас самих. Мы поступали, вообще, бесхарактерно и распушенно, в силу чего также распустили все вокруг. За это нас бьют следствия, и мы к концу жизни ведем дрянную,

узкую, неустроенную жизнь. Мы даже не умели устроить своей жизни вместе, а обстоятельства нас развели еще дальше: что ж, Огарев, можно сказать кроме этого?..».

В своем ответе на данное письмо Н. П. Огарева Герцен снова возвращается к этой теме: «Совершенно дружески прочел твою утопию и отвечаю сейчас. Я не того ожидал. Я говорил о законности или консеквентности Немезиды, а ты делаешь план будущему. Не знаю, что возможно через год, или годы, но теперь наша артель вряд возможна ли. Она даст место новым столкновениям и еще раз сгнетет и сузит нашу жизнь... Насчет раскаяний — ты и не можешь их иметь, ты и до сих пор сохранил юность и чистоту. Все зло в твоей жизни произошло от пьянства... Далее ты говоришь «Не бросить же мне их». А кто же это предлагает? Если бы я не знал, что тебя заставляет так говорить раздражительный фамилизм, я бы рассердился... И что ты говоришь о лжи и истине? Если ты говоришь о прежнем времени, это — панихида, а теперь и так все ясно...» (т. XIX, стр. 423, 424).

55

3 августа [1867 г.]¹

Пишу дорогой, возвращаясь из Женевы, где был с раннего утра (по делу о Шар[лотте]², которую все-таки отыскать нельзя), обедал с Тх[оржевским], потом встретил большого доктора Л.³, которого ты, верно, помнишь. Он ужасно жалеет, что тебя не застал; он очень хороший человек. Я его еще увижу и многое тогда напишу. — Потом мы ходили встречать на железн[ую] дорогу — ...Нефтеля⁴, который, как кровно русский, разумеется, не приехал во-время. Ergo, я возвращаюсь домой, расставшись, наконец, даже с Цверц[якевичем]. — Твоя встреча с К[овалевским]⁵ меня удивляет. На кой чорт он в Ницце? Но все же я заключения никакого не могу вывести. На это надо доказательства, а не предположения. — «Кол[окол]» выйдет не прежде середины, т. е. 7 ав[густа] — так сообщил мне Тх[оржевский], видевший Чер[нецкого]. — Дело Черн[ецкого] с Вер[есовым] уладилось, но городское правление так медлит положительным ответом, что я перестаю верить в превосходство здешней администрации над русской.

Вот и все внешнее.

Насчет внутреннего начну с моих собственных произведений. Перечитывая мою франц[узскую] брошюру,⁶ я признаюсь, что остаюсь ею доволен и даже доволен тем, что я от моей цели, от моей задачи — не отступил ни на шаг и проповедывал в разных видах те же основы, которые нашел в моей книге. Но дополнения необходимы. Теперь вот тебе запрос: как их сделать — изменением в тексте или прибавлением? Последнее, по моему мнению, легче и яснее; но если по каким-нибудь, даже книгопродавческим, причинам затруднительно, то я готов переделывать текст. Это займет много врем[ени] и не улучшит книги. Во всяком случае — мне было бы нужно несколько новых изданий, напр[имер], свод законов 1864 года, дополнительные узаконения до сего дня, кой-какие статистические издания нового времени и пр. Могу ли я распорядиться на этот счет, хотя бы он вошел в счет ожидаемой присылки от С[атина]? На это отвечай немедленно. Я готов все подготовить в самом непродолжительном времени. — Что же касается до моей той статьи — я настаиваю на ее напечатании, ибо это mon enfant de prédilection.

Что ты возишься с Жирарденом⁷, почему не выпишешь «La pensée nouvelle»? Для меня более симпатичного явления нет.

Завтра после встречи с Нефтел[ем] еще напишу.

Взгляд и нечто (продолжение). Нат[али] трусит перед Ал[ексеем] Ал[ексеевичем]⁸, а не перед обществен[ным] мнением, хотя ни то ни другое не в ее характере. — Почему же она не трусила, когда мы ездили в Крым? И кто же в обществе тогда нас преследовал?.. Никто! — Преследовало правительство — с своей точки зрения и по

интригам губернатора — и только. В нынешней компрометации — даже и последнее преследование невозможно, а преследование обществ[енного] мнения немыслимо. Где же тут какой-нибудь грунт? Один каприз и злоба. — Ты боишься обществен[ного] мнения, несмотря на всю свою юркость. Я этому не могу сочувствовать. Пусть я останусь «христолюбивым человеком», но быть «христолюбивым воином» я не согласен, потому что это нелепость. Ergo, в чем же дело? — дело в искренности поступков. Дальше я ничего не могу сказать. В этом для меня завершение морального кодекса, будь он основан на «принципах» или просто на физиологии.

На л. 2 об.:

Виноват, что 3-го дня послал лишний штамп, ошибся цветом, а распечатывать не хотелось.

Милая моя Тата, передай патеру.

¹ Ответ на письмо Герцена от 30 июля 1867 г. (т. XIX, стр. 409).

² Шарлотта Гетсон с весны 1867 г. жила в Женеве у Огарева. В начале июня 1867 г. исчезла из дома и, как выяснилось впоследствии, утопилась в Женевском озере. Только через три года в июне 1870 г. ее труп был найден на берегу Роны.

³ Кто такой «большой доктор Л.» — выяснить не удалось.

⁴ Нефтель. См. комментарий к письму 22.

⁵ Ковалевский Владимир Онуфриевич (1843—1883) — известный палеонтолог. В 1866—1867 гг. упорно ходили слухи о прикосновенности В. О. Ковалевского к III отделению. Об этом писал М. А. Бакунин к Герцену в письме от 28 сентября 1866 г., хотя никаких убедительных фактов не привел. В своем письме к Н. П. Огареву Герцен писал: «Отвратительная встреча... в дверях нос с носом встретился с Ковалевским, так что и разойтись нельзя было. Я руки не подал, но поклонился, сказал несколько слов. Глуп он был и дерзок, и сконфужен. Я очень недоволен. И зачем же этот человек в Ницце?..». В действительности же это были только слухи. В архиве III отделения не оказалось никаких данных, подтверждающих это подозрение.

⁶ «Essai sur la situation russe». London, 1862. В 1867 г. предполагалось ее переиздание.

⁷ Жирарден Эмиль (1806—1881) — французский журналист. Основал в 1836 г. газету «La Presse», имевшую большой успех. Часто менял свою политическую ориентацию, в зависимости от обстановки. После переворота 2 декабря 1852 г. некоторое время находился в эмиграции, но вскоре вернулся, и в своей журналистской деятельности начал поддерживать бонапартистский режим, окончательно став в ряды его защитников накануне франко-прусской войны.

⁸ Алексей Алексеевич — Тучков.

[5 августа 1867 г.]. Понедельник¹

Разные известия. — Неф[тель], как следует русскому человеку, написавши, что придет 1-го августа — до сих пор не приехал и о причине задержки ничего не написал. — Тх[оржевский] даже не хочет больше ходить встречать его по 2 раза в день на железн[ую] дорогу. — Долг[оруков], как следует его сиятельству, узнавши о приезде Неф[теля], зовет его тотчас же обедать. На этом обеде и, вообще, на обедах его сия[ельства] я не буду. Он понял, в чем дело. Сегодня у него обедают Тх[оржевский] и Барни. — Тх[оржевский] у меня завтракал сегодня и показывал твое письмо к нему. Он пошел справиться в банк и потом переговорить с Черн[ецким]. — Но не ошибся ли ты? Не просит ли Черн[ецкий] поручительства в 1000 фр[анков] вместо 500, а не то чтоб 1500? — Во всяком случае, мы с Тх[оржевским] одинакового мнения, чтобы помочь ему поручительством в 1000 фр[анков], а 500 оставить до издания сборника (как плату), ибо иначе затруднит и тебя и его². — 500 фр[анков] ему после могут быть гораздо полезнее. Ведь ему все же надо с Ге³ или с Кас[аткина] по-

лучить 700 фр[анков] в конце августа. — Тх[оржевский] тебе завтра об этом подробно напишет. — Но Тх[оржевский] очень беспокоится о том — получил ли ты все его письма, 4 «Пунша», газеты и пр. Все послано на имя Нат[али]. — «Весть» я тебе отправил, помнится, в тот же день (а, может, накануне) письмо Стеллы. Как же ты письмо получил, а «Вести» нет? «Голос» тоже тебе послал. — С Café de la Couronne сладились, пока с меня будет довольно, ибо маленькие вещи я могу выписывать, в Норде из Голоса и Петерб[ургских] Вед[омостей], а больше — все те же, могу вырезать из «Вести» и Моск[овских] Вед[омостей]. — Кас[аткин] боится ходить в писсовый конгресс, потому что это его компрометирует! — Фази, которого там во 2-й раз президентом не выбрали, пишет в радикальной «Швейцарии»⁴, что он отказался от президентства, потому что бóльшая часть членов масоны. —

СЫН ГЕРЦЕНА АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Фотография, 1860-е гг.

Институт литературы, Ленинград

Не забудь же выписать себе «La pensée nouvelle»; там между слабыми вещами есть и весьма хорошие, а, главное, хорошо — это целость, чистота и определенность направления. Стоит 1½ фр[анка] три месяца + почтовый расход, т. е. 20 сант[имов], ибо 4 раза в месяц. Мне бы хотелось написать им мою симпатию. Напиши мне — как ты думаешь — хорошо это будет или нет? — И Реклю⁵ там участвует, но плохо. — Ты писал Тх[оржевскому], что во всем со мной согласен; жду от тебя письма более определенного. — Черн[ецкий] мне внутренний лист прислал, а 1-го листа только корректуры, а не поправку. Он, кажется, все ждет городского ответа и ради своего объявления — отпечатает «Кол[окол]» позже. А дело застряло, потому что идет выбор нового правительственного члена, и до окончания оно — ничего решить нельзя. — В России, по рассказам и по газетам, самая живая струна судебные учреждения⁶. Мир[овые] суды и высшие суды — полны народа всех сословий — во время присутствий; направле-

ние судов превосходно. Прочти дело генерала Арбузова — в «Голосе»¹ или в другой газете — все равно — оно будет везде. — у Тх[оржевского] тоже понос.

Сегодня мое письмо все вертится на разных известиях. Жду твоих писем. А теперь пойду гулять. Погода двусмысленная и ужасно тяжелая. Я не болен. Глаза поправляются.

Лизу целую в шейку, а Тату в лоб. Нат[али] жму руку.

За сим addio — до завтра. Завтра увижу большого доктора и, вероятно, наконец, Нефтеля.

¹ Датируется по ответному письму Герцена от 8 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 426); «Письмо от понедельника пришло».

² Речь идет о «деле Чернецкого» с городским управлением Женевы. В заключительной стадии возник вопрос о денежном и политическом поручительстве. В письме к С. Тхоржевскому от 10 августа Герцен сообщал о том, что он подписал поручительство за Чернецкого в 3 000 франков.

³ Возможно, Ге Николай Николаевич — известный художник, часто встречавшийся с Герценом в 1867 г.

⁴ «Швейцария» — женевская газета.

⁵ Реклю Элизе (1830—1905) — известный французский географ, анархист. Член I Интернационала, участник Парижской Коммуны.

⁶ Так называемая «судебная реформа» началась с указа 20 ноября 1864 г. об обнародовании новых судебных уставов. 17 апреля 1866 г. открылись новые суды в Петербурге, а затем и повсеместно.

⁷ В № 210 «Голоса» от 1 августа 1867 г. помещено сообщение о деле «отставного контр-адмирала Арбузова», подавшего жалобу на мирового судью за то, что тот оскорбил его, поставив на одну доску с мещанином.

57

7 августа [1867 г.] Середа¹

Патеру.

Дело Черн[ецкого] кончилось благополучно, т. е. город разрешил. О деньгах Тх[оржевский] тебе писал вчера, что Черн[ецкому] нужно поручительство в 1000 фр[анков] и тогда 500 уже не нужно; банк согласен на 3 года 3000.

Неф[тель], наконец, приехал; вчера был у него. Мальчик удивительный — 6 лет, больше Лизы, говорит на 4-х языках совершенно. Неф[тель] в Цинцинати разбогател, работая без устали. Сейчас жду его с Тх[оржевским] ко мне. Он непременно хочет видеть Тутса, ибо уверен, что во время оно спас ему жизнь. Княгиня² — ничего — так себе. Но жена Л. мне очень нравится, как (вероятно) очень добрая женщина. — Неф[тель] привез из Берлина № новой «Крейцейтунг» с статьей о тебе, которую тебе и посылаю для любопытства, но, право, отвечать не стоит. Плевать на них!

Теперь обращаюсь к более близкому. Читаю и перечитываю твои два последние письма и не вдруг могу сообразить, в чем и как мы расходимся. Ведь и ты говоришь о будущем, и я говорю о Немезиде. Только я немножко сержусь на причину этой Немезиды, которую также полагаю в бесхарактерности. А бесхарактерность я полагаю в неумении поставить уравнение между убеждением и жизнью. Это-то уравнение я и называю искренностью. Если хочешь — неумение поставить это уравнение и есть основание распушенности, бесхарактерности — моей без-юркости, твоей при-юркости. Конечно, если я сержусь, то это не на самую Немезиду, которая просто необходимость последствия, а сержусь на причину и потому отнесся к прошедшему. Поставь вышесказанное уравнение спервоначала — и Нат[али] шла бы с нами, а не по капризу. Но мы все чего-то боялись, так что выучились и ее бояться.

(Тут пришел Неф[тель] и Тх[оржевский] — Неф[тель] очень мил и в восторге от Тутса, который в самом деле, выправляется и очень, т. е. даже чрезвычайно мил. — Неф[тель] меня осматривал и нашел, что мое здоровье весьма вожделенно. Говорит, что, даже несмотря на подкожное кровоизлияние век, вид у меня гораздо здоровее).

Возвращаюсь к теме. Мы умели чистое дело свести на запутанное. Я в моей связи ничего не вижу нечистого. Ты приписываешь это раздражительному фамилизму, а я приписываю тому, что женщина умела стать порядочной женщиной, несмотря на необразование — и участию ребенка в жизни, которое все же возбуждает самые лучшие движения человеческого чувства, и с моей стороны дает отношение человека к юноше, что я ставлю чуть ли не выше чувства *pater familias*. Бросить — я называю не денежно бросить, а развестись, и мне этого по многим внутренним и внешним причинам не хочется. С М[эри] я, конечно, обо всем этом никогда не говорил и надеюсь, что ты не заподозришь ее влияния. Лавочку заводить трудно; для этого надо капитал и какое-нибудь знание бухгалтерии. Праздности с ее стороны я не нахожу, ибо чистить комнаты, чистить платье, готовить обед и ужин, мыть белье и пр. и пр. — не значит праздность, тут весь день поглощен работой и довольно тяжелой, при весьма трудной болезни. Да еще теперь ходить за маленьким ребенком, мыть его, одевать, забавлять, останавливать и пр. — это работа довольно гуманная и не весьма легкая. А справляется она отлично. Что же еще тебе сказать? Что же мешало бы (положим, через год) жить под одной крышей — если все могли бы соединиться — хотя бы в разных этажах? — Я не понимаю. Для этого нужно только, чтоб Нат[али] сменила гнев на милость. Если это возможно — то все возможно. В Немезиде меня бесит моя бесхарактерность и твой призрачный характер. Испытать внешние преследования я всегда готов, но последствия каких-то колебаний — меня бесят³. О Генри и его школе — в другой раз.

Завтра иду с Неф[телем] снимать свою фотографию.

Очень мудро рефондировать брошюру⁴, ибо она имеет историческое содержание, а прибавление можно сделать (может, не меньше самой брошюры) весьма легко. Подумай еще раз об этом. — У Черн[ецкого] было напечатано «*Almanach en russe*». Я *en russe* вычеркнул, ибо не уверен, на каком языке, и вычеркнувши становится равнодушно. Я скорее же статью пошлю в «*Pensée nouvelle*» чем [неразобр.].

Тх[оржевский] тебе писал о деньгах Черн[ецкого], *ergo*, довольно. — Обнимаю вас всех. Addio.

Пишу на лавочке, очень неловко.

Неф[тель] обедает сегодня у Долг[орукова]. — Пакет взял у знакомых, *ergo*, и печать.

¹ Ответ на письмо Герцена от 4 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 423).

² Княгиня — возможно А. П. Мещерская.

³ В письме от 10 августа Герцен возражал на ряд положений, выдвинутых Н. П. Огаревым. «...Что касается твоих планов, *saго mio*, думаю, что все это — мечты. Подумай сам о всех столкновениях даже в двух этажах, и о характерах, и о всем остальном. В двух домах в одном городе — и довольно близко — это всего возможнее. Можно ли делать семью из таких гетерогенных экземпляров? Я написал N[atalie], но что-то толку не добился; ни отпора, ни симпатии к твоему плану. Теперь скажи мне, когда же мы с тобой договоримся до ясности во взгляде на жизнь и дойдем до общего одного убеждения? Я настоящее зло вижу в несчастном характере N[atalie] и его-то, а вовсе не фальшивое положение, и принимаю за последствия опрометчивого поступка... Я опять скажу, что как только речь доходит до твоих семейных отношений, ты теряешь понимание. Неужели это не печальный фамилизм? Послушай, я говорю: жить надобно тебе с нами (буде было бы воз-

можно), а для М[эри] нанять квартиру. Ты отвечаешь: «бросить их я считаю подлостью». Безумие — я тебе объясняю. Ты поясняешь мне, что «бросить» по-твоему, значит удалиться в другой дом. Второе, далее: тебя опыт мало учит и ты имел пример, что воспитывать юношей ты не можешь. В чем истина твоего отношения к молод[ому] человеку? Ты его портил и, может, не только распущенностью, но и примером (о чем не раз говорил М[эри]) нетрезвого поведения. Итак, говори просто, ты не можешь и не хочешь жить врозь. Это будет ясно» (т. XIX, стр. 429).

* В 1867 г., по инициативе Герцена, возник проект переработать и переиздать уже упоминавшуюся французскую брошюру Н. П. Огарева 1862 г. «Книжку твою «Situation» надобно очень и очень переделать, — писал Герцен 4 августа, — *refondre et repouvdeller, rafraichir et colorier...*» 6 августа: «Мысль моя та: издать франц[узскую] брошюру, не замыкая её, а оставляя себе право издать 2, 3 и т. д.» (т. XIX, стр. 425).

9 августа [1867 г.]¹

Писем от тебя нет. Сердишься ты что ли за какие-нибудь резкие слова — нет — этому не верю, думаю, что между нами подобные гневны невозможны. А жду от тебя письма с нетерпением, с тем чувством — как будто бы ты на время без вести пропал (хотя и без Скарятинской).

Сегодня пишу только разные известия — или глупости.

Эти дни я провел в какой-то суете, хотя очень дружеской, но я не мог бы жить эдак долго. Вчера день провел наполовину с Неф[телем], наполовину у М[эри] с большим доктором, который славный человек. Известий из дома хороших нет. Все ретроградно. Даже Мелюк² поступил в совершенные ретрограды. Есть вещи, которые я запишу для памяти и покажу тебе, когда ты приедешь. Утешительно только научное работанье молодого поколения, т. е. чисто научное и прилежное. А, между тем, кухарка говорит про Кар[акозова]³ — «ведь это из ученых стрелял, а не наш брат».

У Неф[теля] вчера встретился с Долг[оруковым] — Ничего. — «От чего это, — говорит М-ме Неф[тель], — он был очень любезен, а ужасно утомительно?» И прибавляет: «Я его боюсь».

Маленький принц⁴ едет поступить в Медицин[скую] академию. — (Я только одним и потешил старого принца, что сказал, что Тх[оржевский] получил Станислава при рождении).

Неф[тель] был сегодня у меня около 12 час[ов] — это мне уже совсем расстроило работу, — но он сегодня же уезжает в Париж. Ergo, мы простились. Но он нам искренно предан; это одна из тех дружб, на которую я всегда готов положиться. К тебе он будет писать из Парижа, но все же просил написать тебе, что Северо-американ[ский] заем в 5/20, (5/20 bond), за который платится 6% з о л о т о м (во всякое время) так хорошо идет, что если-б у него был миллион, он весь бы на него употребил — и добавляет, что Европа может разориться, а Сев[ерные] Шт[аты] никогда. Ergo, если-б ты променял остальные америк[анские] бумаги на этот bond, или купил его променом европейских бумаг, то остался бы в чистом барыше⁵. — Для моих ног, на которых он нашел psoriasis (lepra vulgaris) прописал huile de Cade, нечто, имеющее вид и запах дегтя. Отлично! Так вот родной телегой и отзывается. — Неф[тель] мне советует остаться в Petit Lancy для здоровья, находя, что все условия климата и похода в Женеву для меня полезны.

«Кол[окол]» вышел вчера. Мне кажется, он очень недурен.

За сим прощай. Обнимаю тебя.

Жму руку Нат[али].

Тутс, как натуралист, рассматривая мертвую мышь под хвостом, говорит М[эри]: Mrss! Why has she this [неразоб.] for?

В «Jour[nal] de Genève» отрывок из статьи Шульца-Делича⁶ против *pease society* — страшно и оскорбительно в немецко-прусском направлении.

¹ Датируется по связи с предыдущими письмами.

² Мелюк — может быть Милюков Александр Петрович (1817—1897) — критик и публицист, близкий к кружку петрашевцев.

³ Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866) — студент Московского университета, неудачно покушавшийся на убийство Александра II 4 апреля 1866 г. и казненный 3 сентября 1866 г.

⁴ Сын кн. П. В. Долгорукова — В. П. Долгоруков, приехавший в августе 1867 г. в Женеву.

⁵ Герцен в это время усиленно интересовался помещением своих денежных средств в надежном месте.

⁶ Шульц[е]-Делич Франц (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист, пропагандист производственно-ремесленной кооперации.

59

11 августа [1867 г.]¹

Письмецо самое коротенькое. Второй день невралгия надглазного нерва, так что тяжело что-нибудь делать, смотреть тяжело. С утра обрабатывает часов до 6 вечера. Даже 15 гран хинины еще не оказали помощи. Но все же пишу, несмотря на боль, стало, это еще ничего.

Твое письмо от 8 получил вчера вечером. Жду Тх[оржевского]. — Покамест записываю, что в голову придет.

Долг[оруков] уехал провожать сына.

Адрес «La pensée nouvelle» (если я еще его не послал тебе): à Paris, rue des Noyers, 31 (boulevard S-t Germain) или bureau central de vente, Madre, 10, rue du Croissant. — Un an — 6 francs; 6 mois — 3 fr; 3 mois — 1,50 fr., l'étranger le port en sus. Adresser toutes les communications et correspondances à Mr Mulheim, administrateur.

Нет! Никакой возможности нет. Ужо припишу. Теперь больно.

Вечером, дорогой. Наконец, после обеда отлегло и к 5 час[ам] успокоилось. Продолжаю.

Барни «Новую мысль» присылают издатели — право, не знаю почему; он их не знает и совсем с ними не согласен. Он говорит, что он кантист. Что он под этим разумеет — это уже его дело. «Новая мысль» — наследница «Свободной мысли», которая была прекращена. — К Петру Рыжему² ужасно не хотелось бы идти. Он сумасшедший, и у нас ничего нет общего.

Тх[оржевскому] твои комиссии передал. Но с одной он так не согласен, что спорит. А, может, он и прав. Ergo, пишу к тебе. Он говорит, что уж если рассылать книгопродавцам аннонсе, то надо включить объявления и об альманахе, и о выходе «Колокола» на франц[узском] языке³, и о книгах. Тогда это составит четвертушку и можно ее разослать sous band — экземпляров сто и повторять ежемесячно. А теперь надо напеча[та]ть аннонса в «Jour[nal] de Genève» и в радикальной «Швейцарии»⁴. Это мы сделаем завтра, а на остальное жду еще раз твоего решения.

Брошюру мою Тх[оржевский] вышлет тебе завтра. Мне бы хотелось сделать два отдела: avant les réformes и après les réformes. Если ты согласен, тотчас же начну переписывать старую и писать новую. Но не лучше ли ее просто поместить в Альманахе⁵, если он на франц[узском] языке? Почему моя сцентифич[еская] брошюра⁶ не может войти в Альманах — не понимаю. Она порядочный Grund для борьбы?

Серьезного ничего писать не в силах. Поэтому прощай — и пойду на маленькую почту.

Спасибо Лизе за письмо. Напишу ей завтра.

Да!.. получил на твое имя стихи хорошего направления, но плохотые. И где же их теперь печатать?

А в Альманах почему же стихи не войдут?

Ну! Addio. Всех вас обнимаю.

На л. 2 об.:

Патеру.

¹ Датируется по письмам Герцена от 8 и 14 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 426, 433).

² Петр Рыжий — Пьер Леру, см. прим. к письму 48.

³ Последний номер «Колокола» датирован 1 июля 1867 г. — С начала 1868 г. — предполагалось и было выпущено несколько номеров «Колокола» на французском языке и с русскими приложениями.

⁴ В письме от 14 августа Герцен признает, что «Тхоржевский прав насчет объявления о типографии».

⁵ «Полярной Звезде».

⁶ Повидимому, речь идет о той же французской брошюре Н. Огарева, 1862 г.

60

15 августа [1867 г.]¹

И то дорогой, дома был не в силах писать. Погода все время чудесная, а мне тоска смертная, потому что исключительно занят невралгией. Сегодня 8-й день, с утра и часов до 4 или до 5 боль такая, что — бабочка летает — и это производит на глаз такое впечатление, что все идет ходнем в голове. Ни читать, ни писать, ни думать — невозможно. Но отчет о боли и лечении — после. Теперь только вещи нужные.

Посылаю тебе первые два № «Русского»², присланные на твое имя Георгу³. Я их прочел вскользь — потому что не мог читать (теперь четвертый час и мне получше, поэтому я и пишу). Но все же мне кажется, в этих 2-х № толку мало.

После твоего письма от 10-го, которое пришло 12 вечером, я на другой день решил, что все равно страдать, дома или на улице — и пошел к Чернец[кому]. — Там узнал, что ты напрасно беспокоился, что банк не воображал такой штуки и что прежнее ручательство было уничтожено; а Тх[оржевский] вчера мне говорил, что не только возвращено и уничтожено, но что даже в новом ручательстве помянуто, что $2 + 1 = 3$ всего-на-все. Пришедши вчера домой, нашел твое письмо от 12-го.

Я твои статьи в «Figar[o]» и «Temps» не застал в Женеве⁴. Дюшозаль говорил мне, что видел в «Figaro». А я не видал. Пришли хотя черновую.

На почте «Колок[ол]» в Россию не принимают, ибо русский почтамт прислал сведения, что он женевских газет под бандой принимать не станет. (Сведения Тх[оржевского]).

Об остальном в другой раз. Доля боли и усталь от нее кладут в лоск. Не могу писать.

Обнимаю всех.

Addio!

Сегодня письмо от Саши⁵.

¹ Датируется по августовским письмам Герцена.

² В 1867 г. М. П. Погодин начал издавать свой новый журнал «Русский», который издавался им около двух лет (1867—1868).

³ Георг — женевский книгопродавец.

⁴ В письме Герцена от 18 августа 1867 г. читаем: «Мое письмо в «Фигаро» и в «Zukunft» ничтожно, а также и строки в «Temps». О каких письмах Герцена идет речь, до сих пор не выяснено. Кто такой Дюшозаль — установить не удалось.

⁵ Саша — А. А. Герцен.

21 августа [1867 г.]. Дорогой¹

Сегодня пароксизм пришел слишком часом позже, т. е. в одиннадцать часов и ослабел в 2 часа вместо 5-ти. Стало, поправляется. Я оказываюсь холодной водою. До 11-ти час[ов] я мог читать, но в 2 часа уже так устал, что оделся и ушел ходить — не в Женеву. Погода все чудесная. Жарко — но это мне не мешает. Только сегодня пасмурно при жаре — это немножко тяжеловесно, но и то нипочем. Если кто умеет выносить невралгию — для того все остальное нипочем. Вообрази себе свою головную боль, продолжающуюся по 7 часов в день, каждый день, 15 дней сряду. Не только о работе нечего было думать, но письма к тебе не мог написать. А сегодня читал и пишу письмо.

ФЛОРЕНЦИЯ, «СТАРЫЙ МОСТ» ЧЕРЕЗ РЕКУ АРНО

Акварель из альбома Бутурлиных

Литературный музей, Москва

Что же я читал? А читал книгу, присланную на твое имя не знаю кем: «Мнение Московского купеческого съезда о предложении Немецкого купеческого съезда об уничтожении тарифа между Россией и Немецким таможенным союзом». Книга эта для меня страшно интересна, но для того, чтоб дать тебе отчет об ней — надо дочесть и очень добросовестно продумать. Ergo, это до другого раза.

Два письма от тебя имею.

Первое, что скажу, да уезжай же с ними из Ниццы!² И всего бы лучше приехать на холерное время в Женеву, потому что холера постоянно минует Женеву. Причина, как водится, не известна — но о факте все в Женеве говорят. А таким образом, мы бы все встретились. Если-б можно было и Ольгу и Сашу выписать — вот моя утопия-то!

А я все же Нат[али] прошу написать еще и поскорее о высылке денег (minimum 1500 фр[анков]). Чем же я виноват в этом случае.

И Вешн[яков]³, по моему мнению, не виноват, он сделал все, что мог. Он весьма небогатый человек, да к тому же честный, следст[венно], не грабит, а пробивается кое-как. Если я в нем что уважаю — это огромное развитие мозга, — может, и не производительное; но тут вина и среды и обстоятельств. Во всяком случае, я не хочу на него нападать. Если он с тех пор испакостился — я этого еще не знаю, а верить этому не могу.

Объявление в «Temps» — плохოდыровато. Может, Хоецкий⁴ прав, и я становлюсь врагом Польши. Да как же быть иначе, когда все мозги съжжены — не то что на национальный — а просто на шляхетский принцип. Кроме ненависти, это во мне ничего не возбуждает.

Но тут я прекращаю письмо или записку, боюсь раздражить глаз и протраждать еще часов несколько, а может быть и больше.

Поздравляю тебя и Лизу с бросаньем в воду и цалую ее в шейку, а Тату в лоб.

Жму руку Нат[али] и обнимаю тебя. Addio!

У Черн[ецкого] все еще что-то не ладно. Пусть уже Тх[оржевский] тебе напишет.

Тутс действительно чрезвычайно мил. Тх[оржевский] его балует донельзя, находя в нем свой парадиз.

¹ Датируется по письму Герцена от 18 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 438).

² В августе 1867 г. эпидемия холеры быстро распространилась по всей Италии и угрожала Ницце, о чем сообщал Герцен в своем письме, высказывая предположение, что придется уехать из Ниццы.

³ Вешняков Федор Владимирович (род. 1828) — друг семьи Тучковых. Был связан с Сатинными; одно время был чем-то вроде управляющего их именными.

⁴ В своем письме от 18 августа 1867 г. Герцен пишет: «...Хоецкий пишет ко мне (геперь-то!) о твоей статье (об отдаче земель в Западном крае крестьянам) и считает тебя заклятым врагом Польши...». Хоецкий Карл-Эдмунд (1822—1899) — польский эмигрант (с 1844 г.). В 1851 г. жил в Ницце, одновременно с Герценом. В 1861 г. и в 1864 г. встречался с Герценом в Лондоне и Париже. В 60-х годах окончательно натурализовался во Франции, где в 1861 г. явился одним из основателей газеты «Temps». Впоследствии — директор библиотеки французского сената. 11 писем Герцена к Хоецкому опубликованы в сб. «Звенья», вып. 2, М.—Л., 1943 г., стр. 369—382.

Еще раз коротенькая записочка. Трудно проходит моя невралгия. Хинина оказалась недействительной (а по мнению Serge Botkin², лекарства следует менять, ибо они перестают действовать, даже такое сильное средство, как arg[entum] nitr[icum] внутрь). Холодная вода, т. е. обливания, будто бы помогают, т. е. пароксизм начинается часом позже ежедневно и уменьшается в продолжительности часом и даже больше. К сожалению, я не приписываю этого влияния холодной воде; а просто: около месяца тому назад был припадок, при чем я может ушибся, а может без всякого ушиба (мнение Нефтеля) произошло подкожное кровоизлияние век. 8 дней (около) началась невралгия nervi supra orbitalia с интермитентным характером — и проходит по мере того, как проходит (всасывается) подкожное кровоизлияние век. Пройдет одно — пройдет и другое. Лекарство — время. А болезнь, бывши привычною, является от разных причин — равно, от простуды, от ушиба, от кровоизлияния и пр. — и приходит с своею новою причиною. Извини за диссертацию — не могу воздержаться.

Но о наших вопросах еще не стану писать. Одно только спрошу — почему ты думаешь, что в Путнее дела хорошо шли? ³ Я этого не думаю.

Барни посылает тебе глупость, которая в этом пакете.

На «Моск[овские] Вед[омости]» с Café de la Couronne подписались с 1-го августа. Но два первые № кто-то украл. Ergo, посылаю тебе 1-й, который в моей власти.

Кто прислал «Русского»⁴, я не знаю — и как же быть, если дальнейших № не присылают? Подписаться что ли? По одному выписывать нельзя.

Земским учреждениям дозволено печатать отчеты только с разрешения губернаторов.

Но вот тебе №: Носятся слухи, что, вследствие наветов Кель[сиева], производятся в России многочисленные аресты⁵.

За сим обнимаю вас всех и кончаю, ибо все-таки еще трудно, хотя вот три дня читаю.

Addio!

Мер[чинский] пишет превосходную арифметику, которую я переведу на француз[ский] язык.

Дело Черн[ецкого] все не ладится. Разин наврал.

Женева. Бак[унин] едет в Женеву⁶.

«Москов[ские] Вед[омости]» в Café de la Couronne кто-то постоянно крадет. Дело Черн[ецкого] еще не кончено.

¹ Датируется по письмам Герцена к Н. П. Огареву от 10, 14, 18, 23, 24, 27 августа 1867 г.

² Serge Botkin — Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — выдающийся клиницист по внутренним болезням. С 1862 г. профессор Медико-хирургической академии.

³ Путней — город в Англии, где жил Герцен в начале 60-х гг.

⁴ В письме Герцена от 27 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 445) находим ответ: «Русский» прислал Погодин, об этом я раза два писал...». В августе 1867 г. М. П. Погодин был за границей и обменялся с Герценом письмами.

⁵ В. И. Кельсиев, добровольно отдавшийся в руки царских властей в 1867 г., написал свою известную «Исповедь», что дало повод обвинять его в даче «откровенных показаний».

⁶ М. А. Бакунин выехал в Женеву в августе 1867 г. для того, чтобы выступить на первом конгрессе «Лиги мира и свободы», который должен был открыться в начале сентября 1867 г.

Твое вчера полученное письмо глубоко оцарапало меня. Что же это такая за злая белиберда?² Что за отношение ко мне и к детям, которое никто не заслужил? Что за жалкое отношение к Тате? Что за жалкий взгляд на Лизу? С нетерпением жду вести о последствиях твоего письма. Но мне кажется, что мы всё воду толчем. — Нашествие на Дрезден³, даже с Десп[отом]-Зен[овичем]⁴, который давно свой бедный мозг поворотил на службу — вызвано оно что ли, или совершается не нарочно? That is the question. Я хочу это знать. — В Москве, вероятно, Ел[ена]⁵ с детьми, а С[атин] должен быть на торговле. Но его молчание и его оставление меня, без всякой нужды, на твои средства — меня сильно коробят. Мне только все еще не хочется говорить, все кажется не сегодня-завтра, придет известие. — Одно мне по сердцу, что ты с Татой сюда приедешь.

Ну, а в здешнем мире тоже не лучше. Я уже писал тебе, что Б[акунин] будет здесь в начале сент[ября], с женою, хотел даже остановиться у тебя на квартире, но, стало, нельзя — если ты с Татой приедешь. — Долг[оруков], узнав, что Б[акунин] едет на писсовую конгрессовку, вскочил со стула и начал бегать по комнате в припадке бешенства и решил, что он сам уедет из Женевы до сентября (рассказ Тх[оржевского]). —

Я очень рад, что фюрст⁶, наконец, убирается; но от приезда Б[а-

кунина] не жду ничего хорошего. Тем более не жду, что из писем Ст.⁷ к фюрсту видно желание поднять меч, да еще чуть ли не под знаменем Австр[ии] и Турц[ии]. — Если и Б[акунин] туда же потянет, несмотря на писсовую конгрессовку, то я стану спорить — до разрыва. Не могу иначе; мне противоположное мнение дорого — и дорого досталось, потому что пришло через ряд ошибок и фразистых увлечений до простоты и ясности взгляда. Даже с Тх[оржевским] приходится немножко спорить, но у него взамен понимания есть чистота любви к народу — и это помогает. А вообще, я предчувствую тяжелое время трудной и прискорбной полемики. Но ничего — приступаю к ней может прямее и чище чем когда-нибудь.

Дело Черн[ецкого] все еще не пришло к концу. Да и он хорош! говорит не только мне, но даже им — приду тогда-то и не приходит.

О своем приезде напиши Тх[оржевскому] гораздо заранее, ибо надо, чтоб была кухарка и etc.

Вот как: скоро час, погода грозная и тяжелая, а у меня невралгия едва начинается. Проходит медленно и небывалой манерою, т. е. все отодвигается часом и продолжается все менее сильно и более короткое время. Вчера я уже мог почти до часу работать, idem, сегодня, вероятно, поработаю дольше. Один вопрос из русской жизни и идущий к продолжению книги, меня очень занял и своротил на алгебру, где я вчера проштудировал зады, да еще и сегодня придется. Но прежде пойду поесть, что обычно на коротенькое время, но все отводит невралгию.

Вчера посланы тебе 2 № «Моск[овских] Вед[омостей】. Сегодня pošлю тебе «Совр[еменную] Лет[опись】.

— Поел. Теперь скоро два часа. Невралгии нет.

Addio, обнимаю всех и перехожу к работе.

P. S. Боль, вместо часу, началась в половине третьего. Пойду ходить — все же легче.

Еще P. S., 6 час[ов]. Женева. Боль прошла. О деле Черн[ецкого] ничего еще не знаю. Тх[оржевский] твое письмо получил и сегодня посылает тебе с «Совр[еменной] Лет[описью】 — «Весть», которую для тебя дал Долг[оруков]. — А вот еще aviso: лучше все американ[ские] дела вести через Ротшильда и по его совету. — Холеры ни в Женеве ни в окрестностях нет.

¹ Датируется по письму Герцена от 23 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 441).

² В своем письме Герцен писал: «У нас тоже своя невралгия. Недели три тихой жизни надоели... Что это за нелепейшее существо, забивающее себе иголки под ногти, чтоб обвинять других в боли! Вчера говорил с Татой — вижу, что ей уже не очень втерпел, она сильно обижена непрерывными намеками, что «она чужая мне», что «у Лизы семья Сатины и больше ничего» — и я исключен... И все это чорт знает зачем... N[atalie] объявила мне, что везет Лизу в Кольмар — и это в половине сентября; хочет Лизу в пансион... я предложил ехать Женевой; ни под каким видом. Я заметил, что это озлобление против тебя и детей страшно безнравственно. Но это — предложение разрываю на том основании, что она, 1-е — не может примириться с тобой, 2, — полюбить детей, 3, — потому, что не может принципиально признать нашу жизнь и сказать Лизе, что она — дочь. Я считаю, что это душевредительство ребенка... Я написал письмо, строго и серьезно хочу попробовать *сюр d'état*. Не знаю что будет» (т. XIX, стр. 441).

³ Предполагаемый приезд в Германию Сатиных.

⁴ Деспот-Зенович — Александр Иванович, троюродный брат Н. А. Тучковой-Огаревой. В 1867—1868 гг. ездил за границу в Дрезден с семьей и А. А. Тучковым.

⁵ Елена — Е. А. Сатина, сестра Н. А. Тучковой-Огаревой.

⁶ Фюрст — П. В. Долгоруков.

⁷ Ст. — может быть Стелла (Иван Михайлович Савицкий) — см. комментарий к письму 45.

64

30 августа [1867 г.]. Дорогой¹

Благодарю тебя за твое письмо и крепко цалую Тату за ее письмо с картинкой. Но писать ей и Лизе стану в воскресенье, ибо сегодня и завтра едва ли успею. Примо: сегодня утром был у меня Левье²-сын с Тх[оржевским] — Признаюсь, что я им остался очень доволен; у него мозг светлый. А он остался очень доволен Тутсом, даже нашел в нем сходство с Ольгой. Но Тутс все-таки похварывает — катар,

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Фотография, 1872 г.

Собрание С. Бернацкой, Москва

ушной нарыв. За сим и Мэри немножко похварывает, вероятно, оттого, что не спит с ним ночей: он все ночью кашляет. Тх[оржевский] страдает зубами. Моя невралгия проходит так, что остается только Nachweh; но есть маленькое чувство общей простуды (malaise). Это ничего. Мне кажется, в Женеве все простужены от перемен температуры. Зато сегодня день совершенно изящный.—Secondo: завтра иду рано обедать к старому знакомому в Паки, у которого мы обедали с Фогтом³. Расходиться мне с ним не хочется, а и сходитья близко не стану.

Далее—благодарю тебя за предложение 500 р[ублей]. Если можно,

пришли. Мне в сентябре надо заплатить за квартиру 250 фр[анков] и может быть перееду. Да хотелось бы очень расщаститься с Сорде⁴ и переместить Генри. Нет — это рекомендация Патека⁵ из своих расчетов.

Дело Черн[ецкого] не кончено; они, очевидно, хотят надуть, а он упирается — и прав.

Третьего дня встретил Барни, который непременно требует, чтобы приезжал на писсовую конгрессовку (она имеет быть 9 сентября) — говорит, что все твои друзья будут, даже Гарибальди⁶.

Петр Вл[адимирович] прислал тебе вырезку из «Вести», которую прилагаю. Но он едва ли останется на конгрессовку и уезжает от Бак[унина].

История Лизы меня тронула до глубины сердца⁷.

За сим перестаю писать. Хочется походить. Компания сегодня блистательна.

«Моск[овские] Вед[омости]» посылаю сегодня же под бандой. Что за дураки, с одной стороны, и что за подлецы, с другой — это черт знает что такое.

Роман Черн[ышевского] прочту, но не теперь, теперь занят другим⁸.

Addio, друг мой. Когда же ты в Женеву заедешь?

А как Бак[унину] предложить квартиру? Ведь он приезжает с женой. Надо прислугу, надо корм. Всякий пансион лучше.

Всех вас обнимаю.

¹ Датируется по письмам Герцена от 27 августа 1867 г. (т. XIX, стр. 443) и от 3 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 1).

² Левье — врач, лечивший Тутса в Женеве.

³ Фогт — см. комментарий к письму 22.

⁴ Сорде — вернее Сордей — содержатель пансиона-школы в Женеве.

⁵ Патека — не выяснено.

⁶ Открытие I конгресса «Лиги мира и свободы» состоялось 9 сентября 1867 г., в присутствии Гарибальди. С самого начала отношение Герцена к «Лиге» было очень настороженным. Он уклонился от участия в ней, и то же советовал сделать и Огареву. Так, в письме от 3 сентября Герцен писал: «Твое положение в «писсовке» не из приятнейших. Если Бакун[ин] с тобой согласен — ничего, если же вы будете не одного мнения, что ты сделаешь публично? Если Долг[оруков] будет от имени русских говорить вздор? ... Не занемочь ли тебе? Молчать нельзя, а публично собачиться ты не привык...» (т. XX, стр. 2).

⁷ Повидимому, это ответ на сообщение Герцена о том, что Лиза, очень несдержанная последнее время с Татой, вдруг сделалась с ней «большим другом», что «она ведет себя очень мило» и т. п.

⁸ В ряде своих писем Герцен настоятельно советует Огареву прочесть «Что делать?» Чернышевского. «Чернышевского роман читай — много хорошего. Он похож на Бакста: урод и мил...» (т. XIX, стр. 425). «Когда ты начнешь роман Чернышевского? Это очень замечательная вещь. В нем бездна отгадок и хорошей и дурной стороны ультра-нигилистов...» (т. XIX, стр. 427). «В нем много хорошего. Это — удивительный комментарий ко всему, что было в 66—67, и зачатки зла также тут. Прочти же его» (т. XIX, стр. 445) и т. д.

[2 сентября 1867 г.]¹

Герцену.

Статейка в будущий суплемент

Современная заметка

Если ты эпитаф
не позволишь, то
поправь глупое.

Б. вертит зад[ом] и пер[едом].
А дело идет своим чередом.

Русская печать полна обрусения Западного края, обрусением Западного края дышит правительство; а история, т. е. направление общественного движения из сложившихся обстоятельств, — тянет в дру-

гую сторону, она тянет к обездворянию Западного края. Действительно, польских панов удаляют, а русское «товарищество приобретения имений в Западном крае» закрыли, передав дело и даже миллионы не процветающему «Обществу взаимного поземельного кредита».

Да не подумает юный читатель, чтобы нам тут было чего-нибудь жалъ. Мы только одно думаем, что, начавшись с Западного края — обездворяние должно перейти в восточную Россию и дать земству бессословную постановку. Мы никак не можем понять — почему люди смотрят свысока на шляхту и с уважением на дворянство? Где же тут такое огромное различие? Мы не знаем. А в чью пользу различие — это еще вопрос.

Шляхта служит — и дворянство служит (да еще в лице представителей древнейших родов — служит по третьему отделению). Шляхта теснит крестьян — и дворянство теснит их, конечно, не меньше тяжело. Шляхта верит в католичество — дворянство верит в православие; тут больше разницы обрядностей, чем различия понимания. Шляхта имеет идеал: национальность, и иногда умеет действовать в смысле своих совокупных побуждений и выгод; дворянство — самый идеал национальности свело на службу и никогда не умело действовать в смысле своих совокупных побуждений и выгод (в доказательство чего мы приведем, хотя бы, хромающий взаимный поземельный кредит и даже то, что дворянство не выступало вперед на защиту земских учреждений от цензурных притязаний правительства Александра II-го, руководимого Валуевым).

Но не в этом безразличии шляхты и дворянства — дело. Положим, что «Московские Ведомости» свое уважение к дворянству вывели из изучения латинского языка; положим, что «Вестъ» вывела его из мира феодального, — всё же едва ли можно найти сходство между нашим дворянством и римской или прирейнской аристократиями. Зато мы еще даже в «Голосе» найдем, как русский дворянин вешает мужика за палец до содрания мяса. Но все не в этом дело. Дело в том, что польское панство в Западном крае пропадает; товарищество русского панства для приобретения там имений — не состоялось. А теперь — всего возможнее то, что общество взаимного поземельного кредита — лопнет. Тогда что? Тогда великорусское дворянство само собой лопнуло и ему придется искать других средств, новых условий для труда и жизни.

Только это и доказать надлежало. По нашему убеждению, достаточно, чтобы оно лопнуло — для того, чтобы создалась новая жизнь в русском общественном мире.

СТИХИ (ЗАГЛАВИЯ НЕ ПРИДУМАЛ)

Возвышенный дом на верху крутизны,
В раскрытые окны все залы видны,
Из окон огонь многосвечный блеснит,
И музыка дружно и громко звучит.
И в залах танцует народ молодой
И старый любитесь резвой толпой.
И там, между юношей, виден один —
Красивый и ловкий, лихой господин.
Без устали в пляске до бела утра,
Он знает, что юности мчится пора,
И так ему нужно веселым пробыть —
Как будто б искал он о чём то забыть.
Внизу под горою — шумна и бойка,

Волна за волною катится река,
 И звезд отдаленных средь темной ночи
 По волнам скользят золотые лучи.
 Волнами уносится труп молодой,
 В одежде убогой, с размытой косой.
 Погибла ты, женщина, в юности дней —
 Под гнётом его мимоходных любвей.
 Плыви, бездыханная, быстрым путем
 С зародышем мертвым, во чреве твоём —
 Пока не разбилась о груды камней,
 Пока не исчезла в пучине морей.
 Обоим на все будет тот же ответ:
 Забвенье людское, исчезнувший след.

Нет, Герцен, письмо оставляю до завтра. Решительно наскоро не могу писать. Посылаем тебе 3 № «Моск[овских] Вед[омостей]» и 2 «Русского». Что за религиозный бред! — О Бакун[ине] ничего не знаем; он, вероятно, остановится у Клапареда². — Скарят[ин]³ приехал. До завтра.

¹ Датируется по ответному письму Герцена от 5 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 2), где читаем отзыв о «Современной заметке» и стихах: «Эпиграф этот был употреблен нами несколько раз. Пожалуй, второй стих и можно... Тема твоей баллады больно допотопна. От «Бедной Лизы» Карамз[ина] до Ниобы и Шарлотты она была высказана во всех формах. Но это не резон, и все вместе недурно».

² Клапаред Эдуард (1832—1871) — известный швейцарский ученый, зоолог, с 1862 г. профессор Женевского университета, хороший знакомый М. А. Бакунина.

³ Скарятин — редактор газеты «Весть».

66

3 сентября [1867 г.]¹. Вторник. Дома

Прежде чем стану что говорить о твоих письмах, мой Герцен, скажу тебе, что как проснулся и до обеда все читал «Русского»². Не мог остановиться. Но посылать ли его тебе, или оставить до приезда? Связка порядочная. Пошлю № два. Что это за дребедень! Мих[аил] Петр[ович] или дурак или подлец, или оба вместе. Направление бедного Мартьянова³ в глупом виде, в каком-то юродивом виде. Мне кажется, он просто дурак, потому что много честных вещей, так что он вреден только бессознательно. И если его слушают и читают, то он страшно вреден — и тебе следует его отхлестать хоть в новом прибавлении. Кроме того, что он в этих 2-х № нас мимоходом задел, но различие, проведенное им между собой и Аксаков[ым] — гениально до безумия.

О твоих письмах большею частью не пишется, саго тіо, потому что ужасно трудно что-нибудь сказать, так оно пришло к какой-то безвыходности⁴. Хорошо, если согласится на Кольмар, но я в этом сомневаюсь. Что же я могу предложить? Ничего. Тяжелым камнем это ложится на сердце, думаешь, думаешь, даже во сне думаешь, а выходит не только зего, но тіnus. От этого мне и пришло в голову: ну! если им написано — приезжайте, возьмите меня и Лизу в Россию? Что ж тут невозможного, и почему это комплот? Я нахожу, что это было бы скверно, а невозможности — не вижу. Если ошибаюсь — виноват! И тем лучше.

Сегодня пойду к Пьянжани⁵.

Что меня чрезвычайно занимает — это спор москов[ского] купечества с новым тарифом. Меня занимает тут самый коренной экономический вопрос, и я ставлю только вопросительный знак — и не могу

решить его. Даже, переводя его на методу переложений и сочетаний, которая всего ближе подходит — мудроно решить в либеральном смысле, судя по общему положению вещей. Но это заставило меня отверживать алгебру. Не скажу, чтоб это не приносило мне удовольствия, но всё же придаточная работа, и всё же я не пришел еще к ясному результату. Но надеюсь, что приду, и это пригодится для продолжения моей русской ситуации.

Трюбнер⁶ — скот. Георгу на комиссию изданий не присылает, а здесь постоянно спрашивают, и их нет, а в Лондоне никто не спрашивает, и они валяются в подвалах. Разве мыши требуют.

Заметь в «Русском» статью С. Колошиной о Маццини. Что за чепуха со всех сторон? Грустно! Неужели это Софья Кол[ошина], жена слепого декабриста?⁷ Меня так и подернуло каким-то воздухом из давнопрошедшего.

А я во сне видел вчера, что на станции железной дороги ко мне подходит русский купец и говорит, что я потерял вещи и что он отдаст мне их, если я заплачу! Я ему говорю — откуда же он их достал? и повел его к тебе. А он говорит — ну! смотрите, там 1800 листов вашей рукописи. А ты говоришь: «1800 листов! И человек удивляется, что у него бывает 48 обмор[о]ков!» На этом я проснулся и вещей не достал.

Затем припишу в Женеве, после свидания с Пианж[ани] и с Тх[оржевским].

4 сентября. Середа. Не удалось вчера отправить письма. Пьянж[ани] застал поздно, и когда мы с Тх[оржевским] от него пошли, он непременно хотел меня проводить до мосту, так что приписать к тебе я отложил до другого дня. А он очень хороший человек Г-н полковник. Я им вполне остался доволен — и за дружбу его к тебе и даже ко мне и за верность и простоту взгляда. Нового он, однако, ничего не сказал, и сам только здесь узнал, что Гар[ибальди] сюда едет, ибо его адъютант уже готовит квартиру и находится в большом затруднении: многие из кафегаузников предлагают генералу квартиру, и никак не разберешь — из уважения и даром, или за деньги и за какие.

Бак[унин] приезжает завтра. Телеграфировал Чернец[кому], чтоб сказать одному господину о приискании квартиры, а господина этого год никто не видал, и никто не знает, где он.

Дело Чернец[кого], кажется, разойдется. Они хотят его надуть — это верно. Лучше же пробавляться тем, что есть, чем втюряться в обман. Журнал их нейдет, так они хотели попробовать — нельзя ли его печатать quasi даром, все был бы барыш, и вели осаду Чернецкого довольно искусно; но он не поддался, и Тх[оржевский] в этом помог.

Барни на тебя бесится, что ты не едешь⁸. Да уж не приехать ли тебе? Может, ты отвлечешь от каких нелепостей? Я боюсь этого съезда. Я тут, конечно, ничего не сделаю. Меня никто не знает, и я не умею говорить.

Женева. Сейчас был у мертвого дома, который тебе кланяется. Бедное здоровье. Видел Тх[оржевского] — нового ничего. Гариб[альди] будет жить в доме Фази, в банке, приезжает в пятницу, — Бак[унин] выехал во вторник и когда приедет — неизвестно. Жюль Фавр⁹ приедет в воскресенье.

Мы с М[эри] выпили по рюмке красного вина за здоровье Лизы. Поздравляю ее еще раз. Addio.

¹ Датируется по письмам Герцена от 31 августа и 3 сентября 1867 г. (т. XIX, стр. 446 и т. XX, стр. 4).

² «Русский» — журнал, издаваемый М. П. Погодиным. В письме от 3 сентября Герцен дает свой отзыв о «Русском»: «А пргос, зачем или за что посылаешь

мне Погодина журнал? Я хотел только исключительно тот №, в котором статья обо мне. Он рассказал встречу верно, хотя и есть пропуски преднамеренные. Далее, я его журнал в руки брать не хочу. Это бред в духе холопской демократии, пропущенный через кишки попа и пузырь старой няньки, любящей Митрофанушку...».

³ Мартьянов Петр Алексеевич (1834—1865) — участник революционного движения 60-х годов, по профессии приказчик. В 1861 г. жил в Лондоне, где сблизился с Герценом и Н. П. Огаревым В л. 132 «Колокола» (от 15 апреля 1862 г.) было напечатано его письмо к Александру II о необходимости созыва Земской Думы. В это же время им издана и отдельная книга «Народ и государство». Отрицательно относясь к поддержке Герценом польского восстания, в апреле 1863 г. вернулся в Россию, был арестован на границе и приговорен сенатом ксылке на каторжные работы на 5 лет и вечному поселению в Сибири. Умер в Иркутской тюремной больнице.

⁴ Августовские письма Герцена в значительной степени посвящены взаимоотношениям с Н. А. Тучковой-Огаревой, воспитанию Лизы, переговорам с Сатиным и т. п. «Совершенный хаос мешает всему, т. е. хаос в голове N[atalie]...» — признается Герцен в письме 8 сентября (т. XX, стр. 4).

⁵ Пьянжани или Пьянчани — итальянский эмигрант, участник революции 1848 г.

⁶ Трюбнер — лондонский книгопродавец.

⁷ О каком из декабристов Колошиных — Павле Ивановиче или Петре Ивановиче — идет речь, не выяснено.

⁸ Герцен, как мы уже указывали, отрицательно отнесся к созыву конгресса «Лиги мира и свободы». «Ты спрашиваешь, когда в Женеву? — писал он Огареву 3 сентября, — ну «писовкой»... не заманишь. На «писовку» приеду только в случае, если ты потребуешь» (т. XX, стр. 2). «... Мне нечего было делать на этой vanify faiz и есть случай объясниться, что мы не с ними. Я действую и по рассуждению, и по чутью» (т. XX, стр. 6).

По свидетельству Г. Н. Вырубова, Герцен хотя и «одобрял мысль этого собрания радикалов всех европейских стран и записался в число сочувствующих, но, несмотря на все мои просьбы и уверенья, в Женеву не приехал» («Вестник Европы», 1913 г., кн. 1).

⁹ Фавр Жюль (1809—1880) — известный французский политический деятель, крупный адвокат; в 1870 г. возглавлял «Правительство национальной обороны». В 1868 г. был избран во Французскую академию, при вступлении в которую произнес речь, о которой Герцен 27 апреля 1868 г. писал: «Читал ли ты речь Ж. Фавра при вступлении в академию? Что это за махровые краснобай и что за узколобые риторы!...».

12 сентября [1867 г.]¹. Четверг

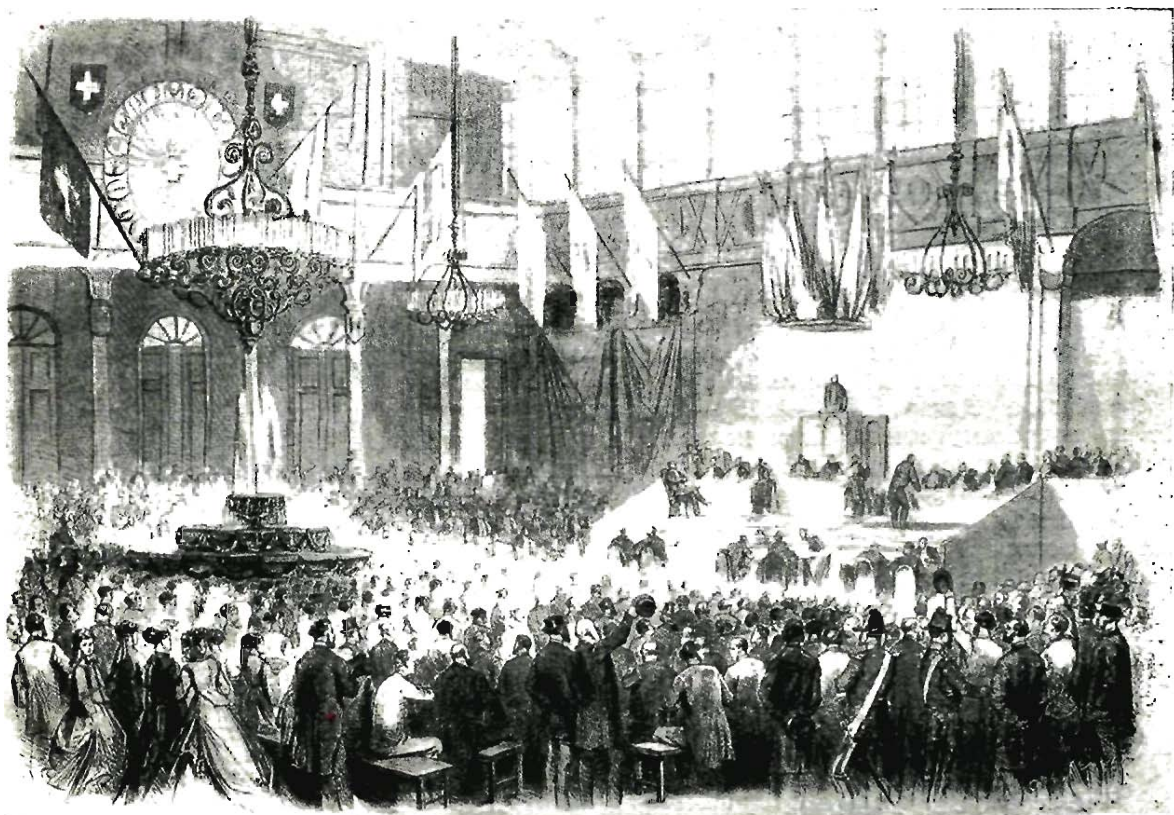
Плохой же я корреспондент! Два дня не мог собраться написать к тебе и два дня не мог отыскать Тх[оржевского], чтобы выслать тебе генвскую газету², которая дает совершенно искаженный отчет о заседаниях конгресса³. Тем не менее, перед этим Тх[оржевский] сомневался, чтоб газету пропустили к вам. Но к делу, не теряя слов! Конгресс все-таки не удался. Были речи очень хорошие, но до дела не доходящие. Таким образом, Эдг[ар] Кине⁴ очень красноречиво говорил о печали изгнания; Гамбуцци⁵ о разрушении папства; Бак[унин] о разрушении государства⁶. Какой-то немец (Бак[унин] говорит, что он от Маркса и Энгельса) сказал об Шульце Деличе, что это *commis voyageur* буржуазии; мне кажется, что тут еще нет ничего оскорбительного; но как ты думаешь — кто с бешенством закричал à l'ordre и не дал кончить речи оратору? Карл Фогт⁷. Я его после спрашивал — из чего он взбесился? «Нельзя», говорит, «допускать личностей».

Фази с бешенством возражал Гамбуцци, говоря, что отвергать папство — значит нарушать религиозную свободу. — Да! ты требуешь анекдотов — вот тебе лучший: перед конгрессом в комитете Фази и Барни чуть не подрались, их разводили; дело было из-за кресла.

На конгрессовке президентом выбран был Гарибальди, два дня был; раз говорил — тоже общие места, на 3-й день уехал. Слухи ходят, будто его швейцарское правительство просило уехать. Не знаю,

кто пустил это в ход по городу, но сомневаюсь в истине, ибо накануне сам Гар[ибальди] (у которого я был с m-me Бак[униной]⁸⁾ говорил мне, что он просто не может дольше остаться, потому что некогда. — Я даже взял перчатки, чтоб идти с m-me Бак[униной] к Гар[ибальди] и ужасно раскаялся в такой чопорности, встретя там m-me Mario⁹ — все такую же quasi нечесаную. Но я должен сознаться, что мы друг другу обрадовались.

На конгрессе каждая национальность имела своего вице-президента и секретаря. Меня выбрали вице-президентом от русских, а Выруб[ова]¹⁰ секретарем. Меня уговорил Бак[унин] в пику Долг[орукову], который, должно быть, бесится, что остался совсем в стороне. С Выру-

ОТКРЫТИЕ КОНГРЕССА МИРА В ЖЕНЕВЕ 9 СЕНТЯБРЯ 1867 г.

Гравюра из журнала «Illustration», 1867 г.

б[овым] я очень сошелся. Но он, увидя на конгрессе, что действительно религиозного вопроса затронуть нельзя будет — отказался от участия и сегодня уезжает. Ergo, ты его найдешь в Париже. У него я познакомился и с Озер[овым]. — Также сошелся и с Реклю, с которым много говорил, и очень доволен. — Цверцяк[евич] играл на конгрессе роль гарсона — с красной лентой на рукаве все ходил взад и вперед около трибуны и подавал воду ораторам. — Однако, и он вознегодовал на статью Клочки¹¹, о которой я ему вчера рассказывал, но которой сам еще не читал, ибо не знаю, где добыть «Revue des 2 mondes».

Бак[унин] в восторге от двух делегатов английских работников. Действительно, у них вид чрезвычайно благороден. — Бак[унин] постоянно жучит Молинари¹², встречаясь с ним. И хорошо делает. Что это за подлая рожа — удивительно. Какой глупый протест он подал против употребления слов exploitants и exploités.

Фогт прочел с трибуны письмо Фанни Левальд¹³ (m-me Стар),

письмо чрезвычайно умное, чрезвычайно милое, особенно в религиозном отношении. Но сам Фогт мне сильно не понравился.

На утренние, особые, комитетские заседания (в 9 часов) — я не ходил. Будет с того, что надо было идти в час, по палящему солнцу, чтоб поспеть на конгресс к 2-м часам. Неопределенность конгресса навевала на меня скуку, а майоритет, отчасти искусственный, и разубеждение даже в хороших будто бы людях навели на меня тоску. Выруб[ов] прав, что ушел. — Сам Бак[унин] предложил вопрос: как лучше отретироваться от конгресса и Женевы? На что я ему сказал: по железной дороге — и привел этой глупостью Реклю и Гамбуцци в смех на четверть часа. — До ухода из дому эти два дня я занимался письмом Бак[унина] к тебе и возражением на него. Я не могу согласиться в некоторых основаниях. Дурного в письме, впрочем, ничего нет. Оно даже дружелюбно. Но об этом я тебе напишу особо, когда кончу свое возражение. — Далее напишу из Женевы.

Далее писать некогда до завтра. Конгресс кончился мизерабельно.

Наконец, нашел Тх[оржевского], который тебе кланяется, будет писать завтра, перешлет бюллетени, а «J[ournal] de Genève» решительно не пропускается.

¹ Датируется по сентябрьским письмам Герцена.

² Женевская газета — повидимому от слова Женева: «Journal de Genève».

³ Конгресс «Лиги мира и свободы» открылся в Женеве 9 сентября 1867 г. под председательством Гарибальди.

⁴ Кинне Эдгар (1803—1875) — французский писатель и ученый, автор ряда работ по вопросам философии и истории. Его книга «Histoire de la Révolution française» была занесена в России в реестр запрещенных книг и пользовалась большой популярностью в радикальных кругах. Во время Третьей империи — эмигрант.

⁵ Гамбуччи (Гамбуцци) Карло (1837—1899) — гарибальдиец, адвокат в Неаполе, участник I конгресса «Лиги мира и свободы» и один из организаторов бакунинского «Альянса».

⁶ Речь М. А. Бакунина см. в сб. «Письма М. А. Бакунина к Герцену и Н. П. Огареву», под ред. М. П. Драгоманова (Женева, 1896 г.).

⁷ Фогт, Фазис, Барни, Реклю, Цверцякевич, Озеров и др. — участники конгресса, см. о них комментарии к предыдущим письмам.

⁸ Бакунина Антонина Ксаверьевна (урожд. Квятковская) — дочь поляка-сыльного; М. А. Бакунин женился на ней в Сибири.

⁹ Марио — жена итальянского революционера Альберта Марио.

¹⁰ Выруб[ов] Григорий Николаевич (1843—1913) — известный ученый и философ-позитивист. В 1864 г. уехал за границу и большую часть жизни прожил там. В Париже близко сошелся с Литтре и другими последователями О. Кона и организовал специальный философский журнал «Philosophie positive», первый номер которого вышел 1 июля 1867 г. (существовал до 1880 г.). Принимал участие в франко-прусской войне; воспоминания о защите Парижа и Парижской коммуне частично были опубликованы в разных журналах, а частично остались в рукописи, хранящейся ныне в Государственном литературном музее. В 1886 г. получил право защитить в Сорбонне докторскую диссертацию. В 60-х годах был близок к Герцену, был его душеприказчиком и издал в 1875—1879 гг. полное собрание сочинений Герцена в 10 томах.

¹¹ Клячка или вернее Клячко Юлиан (1828—1906) — польский критик и писатель, участник революционного движения 1848 г. в Познани. В 1849 г. поселился в Париже, напечатал много статей на политические и исторические темы.

¹² Молинали Густав — бельгийский буржуазный публицист, сотрудник «Русского Вестника» Каткова.

¹³ Фанни Левальд — немецкая писательница «свободомыслящего» направления.

Сегодня был странный случай. Меня призывали к судебному следователю, чтобы спросить о побеге Шарлотты². Разумеется, ничего, но все-таки скучно. Письмо твое получил вчера вечером. Отчет все-

возможный писал тебе уже. Сделай одолжение, пришли поскорей 500 или 700 фр[анков]. Пора переезжать, а без этого невозможно, надо расплатиться тут и заплатить там. Неужли С[атин] еще ничего не прислал? — Бак[унина] согнали с квартиры таким образом, что взяли за месяц вперед, а потом оказалось, что хозяйка обанкротилась, его квартира пошла в распоряжение других, а денег ему не отдали, и хозяйка исчезла. И это недурно. Но хорошо также, что комитет напечатал и приклеил на стенах благодарность Швейцарии и Женеве за прием, которая не была вотирована³. — Выр[убов] сегодня уезжает. Ты его адрес в Пар[иже] знаешь, след[ственно], отыщи его; он очень стремится тебя видеть. Он хороший человек.

Сегодняшнее утро мне решительно помешало покончить возражение на бак[унинское] письмо⁴ к тебе. Ergo, это впереди. Но он здесь остается о месяц и ждет тебя. Вел он себя все время превосходно со всеми. Он все-таки гораздо рассудительнее, чем прежде.

Меч[ников] обижен и бесится. Из этого, кажется, выйдет история. Я протестовал и советовал наплевать на все это. Кас[аткин] говорил о его отношениях о Скар[ятым]. — Ему это перенесли. Он спросил Кас[аткина], который сказал, что это говорил Долг[оруков]. — Что за подлецы такие? Я понимаю, что Меч[ников] мог взбеситься, но все это мелкота и грязная сплетня трусов.

Но если Фогт и Фази (защищаемый теперь Женевским журналом) играют в свинец-свинец, то Барни играет в труса. Почему он ничего не сказал о твоём письме — не знаю⁵. Почему он прибавил благодарственный параграф Женеве — не знаю.

Ну! дело об учителе музыки⁶ также мне падает свинцом на сердце. Что же тут поделаешь!

Завтра буду писать к Саше.

Теперь (третий час) отправляюсь к Бак[унину], которого надеюсь, наконец, увидеть одного. Его все осаждают, и лучше всех Цверцк[евич].

В 5 час[ов] встречусь с Тх[оржевским] и тогда еще припишу.

6 час[ов] в е[в]е[р]а]. Тх[оржевский] говорит, что о мебели он тебе напишет в понедельник, но что, вероятно, ее выгоднее продать здесь, чем пересылать, исключая кухню и твой стол.

Обедал у Бак[унина]. Ничего — он хорош и гораздо лучше, чем прежде. На твою заметку отвечает, что французы имеют гораздо более симпатии к нам, чем к полякам, и в основание этому есть две неизданные книги Прудона.

Сегодня комитет напечатал объявление, отличное от вчерашнего. Затем иду домой, ибо устал как собака.

Всех вас обнимаю.

Жду известия о твоём отъезде.

¹ Датируется по письмам Герцена от 11 и 16 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 7, 11).

² Исчезновение (самоубийство) Шарлотты Гетсон в августе 1867 г. См. письмо 55.

³ Речь идет о комитете, избранном на конгрессе «Лиги мира и свободы».

⁴ О каком бакунинском письме пишет Огарев — неясно, может быть об известном письме от июня 1867 г., осуждающем нетерпимое отношение Герцена к «молодой эмиграции».

⁵ О письме Герцена к Барни читаем в письме первого к сыну от 14 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 9): «Я написал Барни объяснительное письмо, почему не приехал [на конгресс]... Я нахожу, что в ложном положении с запад[ными] демократами, и до объяснения работать вместе не можем» Г. Н. Вырубов подтверждает это сообщение: «Свое намеренное отсутствие он [Герцен. — Ю. К.] объяснил в письме к председателю учредительной комиссии Барни и пространнее в заглавной статье первого номера французского «Колокола»... Он находил, что западная демократия, хотя и относилась весьма дружелюбно к некоторым русским, слишком презрительно смотрит на ее политический строй и слишком забывает собственные изъязны; он

требовал не терпимости, не снисхождения, а признания полного равенства России с другими европейскими странами...» («Воспоминания»).

⁶ В своих письмах Герцен сообщал об обострении отношений между Н. А. Тучковой-Огаревой и учителем музыки, занимавшимся с Лизой.

69

23 сент[ября] 1867 г.]. Понедельник¹

Наконец, сегодня в 8 час[ов] утра получил твое письмо от 19-го. Почта что-то ходит дольше прежнего. Сажусь немедленно писать — следств[енно], уже в Париж. Вчера писал Тате и просил ее известить меня, что ты и где ты.

Каким образом моя записка пахла пачулями — не могу понять, ибо питаю к ним ненависть и далек от них, как от мыса Доброй Надежды. Каким образом мокрая половина записки стерлась — тоже не могу понять, ибо Тх[оржевский] взял всю записку в карман сухую и понес на почту.

Я не жду, друг мой, чтоб С[атин] присылал мне вообще больше, но жду, что он теперь придет. Сукны шли на ярмарке хорошо, как видно из газет. Ergo, прислать можно, и тогда мне устроиться, расплатившись со всеми должками, взять Г[енри] и съехать на minimum и на другую квартиру — легко. О С[атине] говорят (ох!), что будто он пьет, а Ел[ена] совершенно аристократка-помещица, но что именье в блестящем положении, и если я не удовлетворен, то вина их.

Бак[унин] пробивается, кажется, без недостатка; его удовлетворяют совершенно братски. Поэтому я ему о ста фр[анках] ничего не говорил, разве увижу, что ему плохо — то скажу. Видеть он тебя ужасно желает и поговорить и поспорить даже, но у него большое уважение к тебе и даже дружба. Ты уж не слишком ли его отрицаешь? А потом, если ты хотя бы проездом в Геную заехал, неужли ты думаешь, что тебе со мной не о чем говорить и даже нечего решить досконально о печати? Воля твоя, саго mio, при твоей любви к передвижению, тут есть какое-то старческое озлобление, которое меня глубоко печалит.

Также я не вижу, почему в тезисах отрицания у Ф. Левальд ты видишь детскость, а в плаче Кине не видишь риторики, а видишь последова[те]льность в восстановлении dio и популо. Положим, что конгрессовка похоронила 48 год (отчего же его и не похоронить?), но все же она стала иным началом, которое медленно, но продолжит свои пути.

Долг[оруков] сердится, что его ни во что не выбрали, и пишет против Бак[унина], постоянно извиняясь перед Черн[ецким], что не у него печатает, ибо для него многое может быть неприятным насчет поляков. Поругался он с Кас[аткиным], т. е. обругал его, и Кас[аткин] все ходит спрашивать, как ему поступить. Меня поймали на улице и к Черн[ецкому] ходил спрашивать совета.

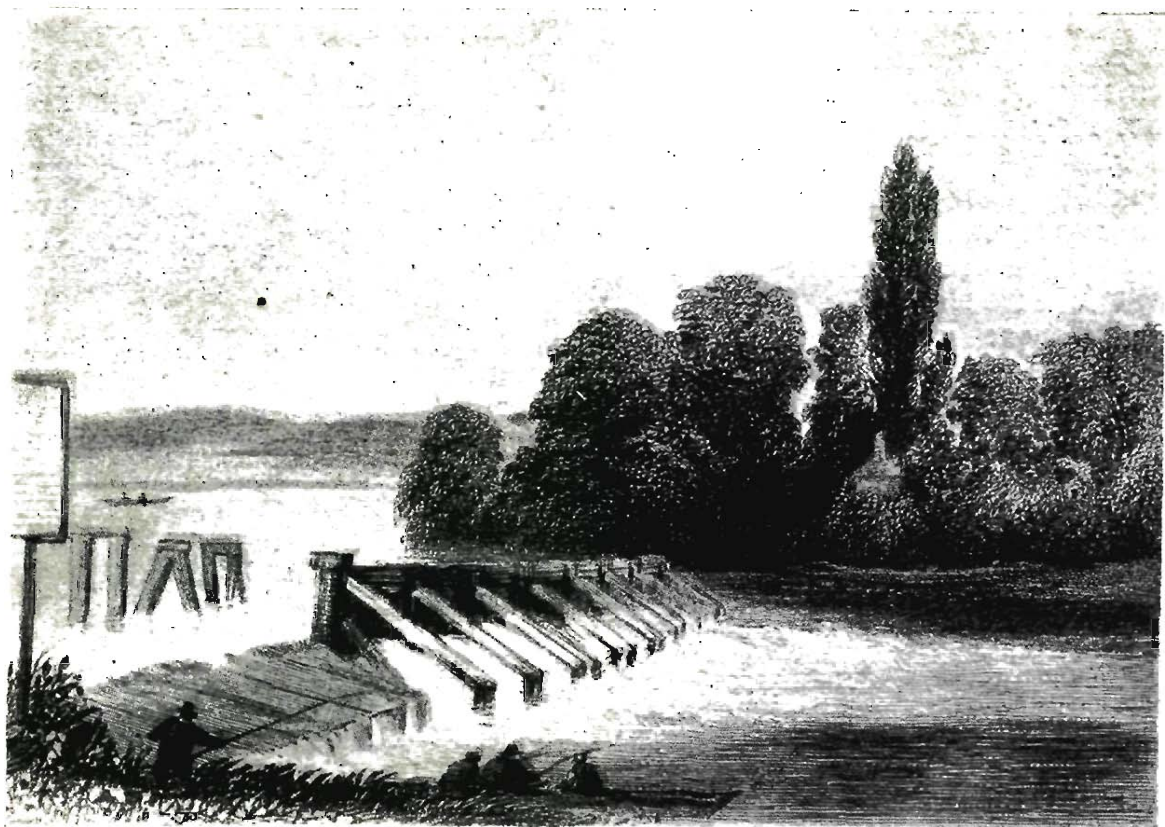
Возражение Бак[унину] я написал, письмо к тебе он кончает. Если приедешь — увидишь и то и другое. Полученные статьи в суплемент² не идут; но отдельно на счет издателя отчего не печатать. Многое умно, но длинно.

Жду письма из Парижа.

Не забудь сходить к Вырубову.

Допишу в Женеве.

Тх[оржевский] от тебя подарил мальчику маленький тромбон, на котором он играет, и, когда ходит к булочнику за хлебом, берет его с собой. Он с Тх[оржевским] в ужасной дружбе. — Еще о Бак[унине]

ТЕДДИНГГОН

Гравюра

Музей изобразительных искусств, Москва

скажу, что он очень опустился, страдая ногами; что такое — ревматизм, подагра или водянка — решить не берусь.

Вот тебе записка. К сожалению, я с этим господином не встретился. Он уже уехал — Бак[унин] доставил Черн[ецко]му работу. — Кас[аткин] уехал. — Давеча работал над моей книгой³ и русскими известиями. Работы ужасно много. Раньше половины ноября не кончишь. А поговорить об этом хотелось бы. Прощай друг мой.

Надеюсь, что у вас «Моск[овские] Вед[омости]» не истребляют. Они будут мне очень нужны.

¹ Ответ на письмо Герцена от 19 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 12), в котором читаем: «...Как пробивается Бак[унин]? Тхор[жевский] пишет, что Долг[оруков] печатает против него артикул. Что тебе понравилось в его речи и в детских тезисах Фан-Левальда [Фанни Левальд]? Вы все были до драки Фази в благодушии и умилении. Пяти дельных слов не было сказано и, кроме плача Кинэ, все плохо. Это — fiasco и черта: 1848 год схоронен также, как Сазонов в Женеве. Vorwärts...». Тут же он советует Н. П. Огареву экономить и «ни в коем случае» не выходить из намеченного бюджета.

² С у п л е м е н т — русское приложение к «Колоколу» на французском языке, № 1 которого вышел 1 января 1868 г.

³ Может быть «Лютня» — собрание свободных русских песен и стихотворений (Лейпциг, 1869 г.) или может быть «Situation».

Ну вот вы и в Париже, государь мой! А я вчера туда послал вам письмо на имя Бамбергера², как приказывали. (Что за отвратительные перья дал мне татин магазинщик!). Иди к Тардьё³ — это знаме-

нитость, даже в медицинской литературе. Но будто нет кого-нибудь посвежее и помоложе; он ведь давнишний, его курс терапии отзывается какой-то древностью времен Гризоля⁴, т. е. сороковым годом. Мне вот Нефтель ноги вылечивает втираньем *huile de Cade* (ol[eum] Cadinum) и нашел, что это не лишай, а *psoriasis* (*lepra vulgaris*), хотя я весь век был больше проказник, чем прокаженный. — Но сегодня мне что-то нездоровится — чувство лихорадочной простуды и нервности. Теперь 10½ час[ов]. Надо сильно работать — ничто так не помогает.

Ж е н е в а.

Погода и перо ужасные. Дождь, холод, тяжесть. Тх[оржевский] собирается в Веве, но все страдает прозапалией.

Долг[оруков] издал брошюру против Бак[унина]. — Говорят, ужас что такое и в пользу Бак[унина]. Еще не читал. Напишу завтра. Теперь поздно. Тх[оржевский] спешит в ложу.

Прощай.

¹ Датируется по письму Герцена от 22 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 13).

² Бамбергер Людвиг (1823—1899) — немецкий демократ, участник революции 1848 года. В 60-х годах жил в Париже, был знаком с Герценом, занимался переводами и книгоиздательством.

³ Тардые Огюст-Амбруаз — известный французский врач-клиницист 60—70-х годов.

⁴ Гризоль — знаменитый французский медик 40-х годов.

25 сентября [1867 г.]. Середа¹

Сегодня утром получил письма от Ольги² и Мальвиды³ из Фапо от 22-го (октября⁴, как пишет Ольга). Но письмо Ольги очень добродушное и милое; она в восторге от Венеции, а пишет по-немецки и стиль у ней очень мальвидин. Замечательно в их письмах для меня одно, о чем я и хочу черкнуть тебе. Мальвида, между прочим, пишет, что ты противишься урокам Панофки⁵. Я в этом сомневаюсь и удивляюсь, если так. На эти уроки следует пожертвовать, ибо из писем я также вижу, что голос у Ольги вот какой [в оригинале нотная запись], т. е. 2 октавы *soprano*, которых полноту и чистоту Панофка сравнивает с голосом *m-lle* Зонтаг и Малибран⁶. Что же худого, если Ольга будет певицей? Лучше чем $\pm = 0$. Подумай об этом серьезно.

Прочел брошюру Пет[ра] Вл[адимировича] против Бак[унина]. Писана против Бак[унина], а написана, мне кажется, в его пользу и против себя. Не понимаю, почему П[етр] Вл[адимирович] расположен к нам; его настоящая дружба — Катков.

Мальв[иде] и Ольге стану писать через 4 дня; они только что поедут во Флоренцию дней через 5 или 6.

Ж е н е в а. Ольга спрашивает об Линде⁷. Тх[оржевский] не уехал сегодня, потому что биза ужасная, так что меня в лоск кладет, но все-таки брожу. — Тх[оржевский] тебе кланяется и все пишет в Ниццу. — Бак[унин] достал мне статью Клочки — на один день.

Больше новостей нет, кроме тех интересных, которые прочтешь сам в журналах.

За сим addio. — Что твое здоровье? Жду от тебя письма.

А переезжать все-таки не могу; без с[атинской] присылки — это пустяки.

¹ Датируется по письму Герцена от 24 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 13).

² Ольга — младшая дочь Герцена.

³ Мейзенбург Мальвида — воспитательница Ольги (см. комментарии к письму № 1), с которой она в сентябре 1867 г. совершила поездку во Флоренцию и Венецию.

⁴ Октябрь (как пишет Ольга) указан ошибочно, надо сентябрь.

⁵ Панофка Генрих (1807—1887) — скрипач и учитель пения, пользовавшийся большой популярностью в 60-х годах; неоднократно давал концерты в Париже и Лондоне. Особенно славились его сочинения для скрипки и школы пения.

⁶ Зонтаг Генриетта (1806—1854) и Малибран Мария (1808—1836) — знаменитые певицы первой половины XIX в.

⁷ Линда — собака.

72

27 сент[ября 1867 г.]. Пятница ¹

Надеюсь, что это письмо тебя еще застанет в западном Вавилоне ². Я к тебе писал — раз через Бамб[ергера], 2 раза в отель де Бад; это четвертый раз.

Вчера получил твое письмо от 24, но писать вчера не успел. Читал статью Клочки. В ней много таланта, описание славянского съезда в России ³ умно и колко; но, вообще, все шито белыми нитками по темному фону, хитрость и злоба бросаются в глаза. От этого и вопрос не поставлен на настоящую точку зрения исторической гравитации, а только все прошедшее вызывается из мертвых. Я думал об ответе, но лучше попытаться просто написать о славян[ском] вопросе, т. е. развить мой ответ Бак[унину] (у которого, впрочем, с Клочкой ничего нет общего). Собственно, возражение Клочке тебе можно бы писать, а не мне. Для этого нужно твое остроумие. А писать просто о славянском вопросе меня ужасно подмывает. Посмотрю. Сегодня я решительно буду в гостях. Встречусь с очень интересным человеком. Сверх того, приехал Фр. ⁴ и остановился в бергах, где теперь живет и Долг[оруков]. Но слава богу, я с ним не встречаюсь. Брошюра его против Бак[унина] совершенно глупа. Кстати, о Бак[унине] — не знаю, в каком издании ты читал его речь (не по долгор[уковской] брошюре же) — но не знаю, что же ты в ней нашел глупого? ⁵ Она вся заключается в том, что в основание возможного мира поставить надо социализм и федерацию и что иначе он невозможен. Эта мысль весьма верна, и не доставало только прибавить, что так как двух первых посылок нет, то конгрессовка может послужить попыткой собора, но на этот раз удасться не может. Сказать этого было нельзя, след[ственно], речь и осталась при своем основном силлогизме.

Получил Сашину речь о нервной системе ⁶, к сожалению, по-итальянски и овладеть оной не в состоянии.

Ну! мой бедный Герцен, кажется, Пар[иж] производит на тебя впечатление не то чтоб слишком светлое. Познакомься хотя с издателями «Новой Мысли». — Что касается до слухов, распускаемых о нас — пусть их тешат себя, меня это не трогает ⁷. — Благодарю тебя за обещанные т[ысячу] фр[анков], но умоляю тебя не делить их на 2 чека, иначе я опять не справлюсь ни с уплатами, ни с жизнью, а без раздела — уверен, что справлюсь даже с переездом на другую квартиру — хотя о последнем подумаю со всех сторон и, если окажется трудноватым, лучше остаться, но расплатившись с Сорде — взять Г[енри] на дом и пусть себе ходит ежедневно на работу; если же чуть окажется возможным, за всеми расплатами, переехать в Женеву, лучше переехать по многим причинам. Еще теперь рассчитывал и на память пришел только стих: «чем больше думаю, тем меньше понимаю». Дам себе дня два на раздумье и потом скажу хозяину — уезжаю или остаюсь.

Наконец, речь о твоём приезде ⁸. Я вижу, caro mio, что тебе ужасно не хочется. Делай как знаешь. Я боюсь, как бы приехавши не сказал, что незачем было. А боюсь тоже, что Бак[унин] подумает, что ты нарочно его мимо проехал; как бы то ни было — оно все же не-

приятно. Но рассуди сам и поступи in consequence. Секретно приезжать — ты сам не выдержишь.

Не забудь же все письма мои к тебе достать.

Женева. Поздно, об остальном завтра напишу. Теперь пишу только, что сюда телеграфировал сегодня из Биарица какой-то Воартиано, спрашивая, где ты. Так как ответ был заплачен, мы ответили, что ты в Париже.

Тх[оржевский] пишет тебе рапорты в Ниццу. — Черн[ецкий] и все тебе кланяются и все беспокоятся о твоей болезни. Впрочем, она излечима; вероятно, тебе дают дигиталин.

¹ Датируется по письму Герцена от 24 сентября 1867 г. (т. XX, стр. 14).

² В Париже.

³ В 1867 г. в Москве происходила этнографическая выставка, на которую приехало много представителей «западных славян».

⁴ Кто такой Фр. — не выяснено.

⁵ В своих письмах Герцен отрицательно расценил речь Бакунина на Женевском конгрессе («речью его я не доволен»).

⁶ Лекция А. А. Герцена в университете во Флоренции была отпечатана отдельной брошюрой в 1867 г.

⁷ В своем письме Герцен писал: «В Париже был слух, что мы разошлись за твою статью о Польше, и что я бросил «Колокол» по этой причине...».

⁸ В сентябре 1867 г. Герцен предполагал заехать в Женеву, о чем и писал в своих письмах.

73

31 октября [1867 г.] Четверг — кажется, так¹.

Д о м а.

Вчера, уверенный, что имею в портфеле стамп в 30 сант[имов] — не мог отправить письма: шел от Бак[унина], и почта была уже заперта.

Черн[ецкий] говорит, что ближе 1-го декабря отпечатать не может, а к 1-му дек[абрю] будет готово. Объявление же уже отпечатано, т. е. набрано, сегодня будет готово. — Снес Черн[ецкому] новую работу, за которую будут деньги. — С Давид[ом?] ² познакомлюсь на-днях. — Тх[оржевский] с Мар[ией] Касп[аровной] ³ в Берне не видался, не застал ее и Берном не так доволен, как Веве. — В Веве скоро едет Бак[унин]. — Его бернская статья очень хороша и содержанием стала подходить к твоей. — Шер[баков] ⁴ имел подкрепление особо. В фонде осталось 15 фр[анков].

Моя милая Тата уезжает. Обнимаю ее крепко. С кем же она едет — ты не пишешь.

О Бен[ни] ⁵ и обо всем я тебе писал. Удивляюсь, как ты не получил.

Майор отправляет Спир[идова] ⁶ в Монпелье. Вот бы ты дал референс. Он очень больной.

Кафе от короны. Тх[оржевского] еще нет, а уже половина 6-го. Как хочется уйти, скучно, все же надо подождать.

Если можешь прислать 400, то пришли. Лишними не будут, ибо мой фонд = 0.

Бак[унин] просит 100 фр[анков] обещанных. А у Тх[оржевского] не хватит.

Письмо твое мне вчера отдал почтальон на дороге. Будь моя воля или право вмешиваться, я Лизу не пустил бы к С[атиным] ⁷. Причины для меня слишком очевидны, чтоб говорить о них. Зачем же непременно увозить в глушь тогда, когда воспитание всего нужнее. А потом разве въезд так легок?

Кстати — В[асилий] И[ванович] ⁸ никого не выдал, кроме тебя и

меня, и никто не пострадал (новейшие известия). Он одним плох, что переметнулся, но осторожно.

3 ноября. Какая нелепость! Я думал, что я отдал письмо Тх[оржевскому], а оно пролежало у меня в кармане другого пальто. Прости, пожалуйста.

¹ Ответ на письмо Герцена от 28 октября 1867 г. (т. XX, стр. 34). Письмо писалось в момент подготовки № 4 «Kolokol»; новая работа, о которой пишет Н. П. Огарев — возможно его статья «La Russie actuelle et son développement», помещенная в № 1.

² Давид — наборщик.

³ Рейхель Мария Каспаровна, жившая тогда в Берне.

⁴ Щербakov А. Я. — см. комментарии к предыдущим письмам.

⁵ О Бен[ни] — см. комментарии к письму № 6. В своем письме Герцен пишет: «Я получил от него [Бенни — Ю. К.] из Женевы письмо — хочет рекомендательных писем в Италию», а в письме к М. Мейзенбуг (от 26 октября 1867 г., т. XX, стр. 32) читаем: «Вчера я получил письмо от Артура Бени. Он был в Женеве и на днях явится во Флоренцию. Вы знаете, что он дулся на меня с 1861 г., хотя я поступал так, как должен был поступать серьезный человек. Я никогда не подозревал его, но так же не имел слишком большого желания поручиться за все, что он делал тогда в России. Теперь он желал бы получить несколько писем, чтобы облегчить себе корреспонденцию... я полагаю, вы могли бы немного помочь ему...».

⁶ Спиридов Петр Александрович — русский эмигрант с 1866 г., был близок к ишутинскому кружку.

⁷ В октябре 1867 г. Н. А. Тучкова-Огарева снова подняла вопрос об отъезде в Россию, о чем Герцен писал в письме от 28 октября.

⁸ Кельсиев Василий Иванович.

74

[Октябрь 1867]¹

Не понимаю, как ты от меня никакого ответа не получаешь? — Одно могу сказать: если я имею право, то я Лизу не отпускаю в Россию, именно потому, что это значит к людям, которые, зная меня в нужде и имея совсем устроенные именья, не присылают мне ничего. Я к таким людям Лизы послать не хочу.

Извини, что скверно пишу, ужасно темно.

Это я пишу ушедши от Бак[унина], простившись с Тх[оржевским] и пр. в конурке, где хоть и газ горит, а плохо чрезвычайно.

Статья Бак[унина] очень хороша... —

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена.

75

13-го дек[абря] 1867 г.]. Пятница¹

Твою печальную поэму² я получил сегодня. Прочел, поправил кое-какие грамматические ошибки и недописки. Ты так скверно стал писать, что неудивительно, что наборщики не понимают. Я, кажется, им облегчил дело. Вообще, ждут полемики. А против этой поэмы необходимо будут. Но нужды нет. И мне трезвону зададут — тоже нужды нет.

Писать и читать приходится так много, что я решился сказать Тх[оржевскому], чтоб «Голоса» прямо посылал к тебе. Я ограничусь «Моск[овскими] Вед[омостями]» — разница небольшая. Только не истребляй «Голоса», а привези, особенно замечательные распоряжения и биржевые рецензии.

Поэму сейчас понесу в типографию и посмотрю, нет ли где полемики во франц[узских] газетах. Вырезку из Бунда Тх[оржевский] хотел тебе послать, но это касается до другой вещи.

О Мечн[икове] я уже писал тебе.

О Величк[?] ³ припишу ужо.

Посылаю сегодня также и «Моск[овские] Вед[омости]», где stupidнейшая статья Каткова о Филарете ⁴, да и корреспонденции пересмотри. На обороте моя поэма о Филарете. Если забавно — я доволен. Почти уверен, что письмо тебя еще застанет на месте.

Я сижу в раздумии —
Вот какой предмет:
Д[олгоруки]й сказывал —
Умер Филарет.

*

Кто же будет нонече
Наш митрополит?
Кто на нас туманное
Слово повалит?

*

Он пошел ли к господу
За души молить?
Или по природному
В сыру-землю гнить?

*

Я сижу в раздумии —
Так что руки врозь:
Нет ему преемника!
Всякий помысл брось!

*

Ухожу в раздумии —
Умер Филарет!..
Свотопреставление —
Тут сомненья нет! ⁵

¹ Датируется по декабрьским письмам Герцена 1867 г.

² Повидимому, статья Герцена «Личное дело», посвященная его отношению к конгрессу «Лиги мира и свободы» и западной демократии вообще.

³ Не выяснено.

⁴ Филарет — митрополит московский (1783—1867) один из крупнейших иерархов русской церкви. Хороший оратор — «московский златоуст». М. Н. Катков посвятил ему в одном из ноябрьских номеров «Московских Ведомостей» большую апологетическую статью.

⁵ Впервые напечатано в «Вестнике Европы», 1907, № 5.

Ну вот, саго тіо, на рождество пишу тебе и в Ниццу, ибо ты, вероятно, там. В Геную писал. — Невралгия, хотя послабее, но продолжается, мешая порядочно жить и работать. Если завтра не пройдет, то послезавтра пойду к Майору, ибо хинины принял уже достаточное количество, так что продолжать не дерзаю. Посмотрю — завтра четверг, ergo, Майор поехал к генералам; поневоле до послезавтра отложу спрос. Да и на него не надеюсь — мало ли они пичкали мой надбровный нерв; мне кажется, что боль проходила только сама по себе, несмотря на лекарство, или вопреки ему.

Сегодня у нас праздник: christmas pudding и Тхоржевский. Но Тх[оржевский] становится недовольным продажей «Кол[окола]», говорит, что мало расходуется. Стало, только в Ланси он приобрел много почитателей.

Получил письмо от Лизы, на которое отвечаю. Получил письмо от Таты, милое и доброе, на которое стану отвечать завтра, чтоб не слишком много писать за раз, — ибо больно. Тате хотелось бы при-

ГЕРЦЕН
Фотография, 1860-е гг.
Институт литературы, Ленинград

ехать повидаться со мной. Это для меня было бы огромное утешение... в чем? спросишь ты. Да не знаю, ибо — если б не невралгия — мне жить покойно. Лучше, скажу, что была бы огромная отрада, потому что я ее люблю, как дочь и как очень хорошего человека. А уж и она знает про Терезину² и пишет, что Саша отложил на 1½ года. Знаешь ли что? Я настолько понимаю его характер, сильно сходный с бывшим моим, что почти убежден, что все кончится ничем — может и к лучшему.

А что же делается во Флоренции? Видел ты в последних газетах? Дай какую-нибудь разгадку.

Не худо, если ты что-нибудь сделаешь для французск[ой] смеси, хотя бы на одну страницу. С русским прибавлением на этот раз мы не совладаем, ибо у меня сил не хватает. Боль проходит только ввечеру — и я сплю спокойно; но с одиннадцати час[ов] утра опять начинается, и тогда мудрено что-нибудь делать. Последняя стран[ица] будет анонсы, предпоследняя была бы смесь. А с остальным слажу. Твоя статья 2 страницы.

Кончу, когда Тх[оржевский] придет; может, скажет что нового.

А, впрочем, сегодня боль все же несравненно легче, чем все прежние дни. Кажется, и пройдет раньше.

— Сейчас Тх[оржевский] принес твою записку. Что же это такое, мой бедный Герцен!³ Руки падают, голова кружится. А тут работа, работа... Пойду есть, вот что.

Тх[оржевский] принес письмо от Нефтеля, которое он диктовал своей жене, ибо почти ослеп; но надеется через 3 недели уехать в Америку и просит от тебя рекомендаций к тамошним друзьям. Пошли ему немедленно на следующий адрес в Англию: Doncester, Yorkshire, № 1 Belmont terraces.

Очень больно, несмотря на то, что пообедал хорошо.

Затем прощай, друг мой. Желаю лучшего нового года.

Деньги получил, благодарю, но Сашины 100 фр[анков] считаю в счет 900, которые были нужны. А впрочем, достаточно.

Тх[оржевский] за Бессонику⁴ заплатил 180 фр[анков]. — Он тебе писал в Турин. Выручи его письмо.

¹ Датируется по письму Герцена от 22 декабря 1867 г. из Генуи (т. XX, стр. 122).

² Терезина Феличе — невеста А. А. Герцена, затем его жена; их брак довольно долго откладывался.

³ «Почти тот же № и тот же коридор, в котором мы жили — Тесье, Саша и я после похорон в 1852...», — пишет здесь Герцен. — Когда поеду не знаю. Тон писем из Ниццы [от Н. А. Тучковой-Огаревой. — Ю. К.] убийственен, ни тени человечности, пощады. Что дальше? Что я сделаю, чтобы спасти, наконец, даже свое уважение к себе? — не знаю... Надобно было доносить траур 1852... как мечь за бесхарактерность, меня преследует ненависть N[atalie] к детям покойницы... Ну, да, ведь, ты все это знаешь. Выхода нет... Работа, работа... и тут загвоздка. Я свое сделал. Платонически заниматься наукой не хочется, реально не может. Наше слово сказано и даже услышано. Другого у нас нет. Мы, как Диккенс, повторяем одно и то же... Даже нет приюта. Разве остаться здесь на зиму в Генуе? Письмами все будет отравлено... Разве проситься в Ташкент или в Абиссинию?... К этому и относится восклицание Н. П. Огарева: «Что же это такое, мой бедный Герцен!».

⁴ Бессониха — см. Бессо, комментарии к предыдущим письмам.

Письмо твое из Генуи получил. Все плохо! Вчера прихожу в *caté de la Couronne*, там меня ждал пан и еще один господин, чтоб просить совета и сообщить известие. 3-го дня вечером, возвратясь до-

мой, умер скоропостижно Касаткин² разрывом сердца! Вот тут и проповедай волю, вместо того, чтоб изучать связь патологии и жизни. — Жена его, говорят, совсем, как шальная. Пойду к ней сегодня с Тх[оржевским] — Но признаюсь в слабости: вчера у меня и невралгии не было, но эта штука меня так поразила, что шедши домой я был болен дорогой.

В Веве ехать было невозможно. Сам Тх[оржевский] сильно болен невралгией желудка. Но я надеюсь теперь выздороветь и не в Веве ехать, а сильно работать, чтоб возвратить время, потраченное на невралгию.

Вот тебе — еще длинное письмо от Тург[енева]³, в котором только и хороша, что «весенняя свежесть Бакунина». А впрочем, человек не понял, что мы проповедывали науку не хуже, чем Саща, да и самой науки-то не понял.

Что за глупая клевета на молокана⁴ в шпионстве! Тени подходящего нет — это наивный фанатик.

Бакун[ин] выписал к новому году, через Тх[оржевского] из Женевы, трех поросят.

О деньгах я уже писал, что получил и благодарю.

Вот все, что могу написать сегодня. Поцалуй Лизу.

Жду Тх[оржевского], может что припишу, когда он придет.

Невралгии сегодня нет.

Идем с Тх[оржевским] к покойнику. Жене его лучше.

¹ Датируется по декабрьским письмам Герцена 1867 г.

² В. И. Касаткин умер скоропостижно в ночь на 28 декабря 1867 г.

³ Письмо И. С. Тургенева к Герцену от 25 декабря 1867 г. — об идеализации последним общины и артели и его «славянофильстве», с пожеланием «позаняться» наукой.

⁴ Первое упоминание о «Молоканине», авторе брошюры: «Русский глас к словакам», обвиненном в шпионаже.

Вот два дня не писал к тебе, саго тiо, хотя и просбирался. Третьего дня мы схоронили Касатк[ина]. — Элп[идин]¹ и Ник[ололаде]² подошли ко мне и поздоровались. Я не хотел быть с ними груб. Устин[ов]³ прочел дурно по-французски глупую речь над могилой. Добрый малый, но совсем дурак. Элп[идин], говорят, дома держал речь над трупом, таким образом: «Я вам говорил, В[иктор] И[ванович], съешьте бифтекс и умрете спокойно, так и вышло»... Что за удивительные нелепцы, а взглядишь и увидишь, что, право, не дурные люди, т. е. не злые, благонамеренные, добродушные⁴.

Третьего дня писал к Тате. Вчера ничего не делал, как-то было не по себе. Но невралгия прошла.

Жду теперь Тх[оржевского], который мне отдал твою записку. Ты ее уже так заклеил, что невозможно распечатать не оторвавши писанный клочок.

— Вот и Тх[оржевский] был. Жду Чернец[кого]. Но все очень печально на новый год. Только Тутс в восторге от мячика и от конфет. Твои письма так же печальны, как и все остальное.

Вечером. Вот и Чернецкие были. Но мне еще остается выписать тебе из письма (прося немедленного ответа) следующее: «Корреспондентов имеется... Имеется в виду приобрести еще большое количество... Интересно было бы знать, согласитесь ли вы отделить в своем журнале часть, специально предназначенную для корреспонденций. Дело понятное, что во 1) тождественности во взглядах коррес-

пондентов быть не может, строгий подбор не возможен. Конечно, в случае несогласия редакции с мнениями корреспондента нужны оговорки; 2) видеть факты в том освещении, в каком они нам здесь представляются, вы не можете и часто вы почти не можете знать, какое факт имеет распространение в публике и как выгодно бы было осветить его в данную минуту. — На этом основании, кроме того, чтобы вы согласились дать отдел для корреспонденций, желательно было бы, чтобы вы сообщили нечто в роде программы, что именно вы можете допустить к печатанию. — Мы думаем, что возможно будет, кроме публицистических статей, присылать вам статьи беллетристического содержания»⁵. На это, пожалуйста, ответь поскорее. — Я из этого не понимаю, нужна ли какая плата. Обо всем напиши аккуратно. А ведь в Турин ты сам велел Тх[оржевскому] писать, что докажется отрывком из твоего письма.

Лизе купил брошку и Тх[оржевский] взялся переслать. Он сегодня привез кучу конфет от тебя.

Addio, caro mio. Happy new year тебе, Лизе и Натали.

DE MORTUIS AUT NIHIL AUT BENE.⁶

Мы в дружбе с ним давно не жили,
Разлад вошел меж мной и им,
Едва встречаясь говорили,
Почти не кланялися с ним.
Но мелочь ссор молчит мгновенно
Пред бледным телом мертвеца,
И остаются незабвенно
Черты знакомого лица.

¹ Эллидин Михаил Константинович (1835—1908) — участник революционного движения 60-х годов.

² Николадзе — см. комментарии к письму 24.

³ Устинов Григорий Григорьевич — русский помещик, в конце 60-х годов живший в Женеве, близкий к эмигрантским кругам.

⁴ На это Герцен в письме от 4 января 1868 г. отвечал: «В благонамеренность Никол[адзе] и его добродушие не верю; в том, что Эллидин нелеп, согласен...» (т. XX, стр. 128).

⁵ От кого исходило предложение участвовать в «Колоколе», не выяснено. Во всяком случае, Герцен охотно откликнулся на него: «О корреспонденциях, разумеется, отвечать надобно положительно: да, можно сделать отдел; да, но нужно полное единство...».

⁶ «De mortuis aut nihil aut bene» — впервые опубликовано в «Вестнике Европы» 1907 г., № 5. — Написано на смерть В. И. Касаткина.

Хотя сегодня и потеплее, но все же так холодно, что едва пальцы перо передвигают. Все покрыто снегом. Вода в графине мерзнет. Хорошо, что вы в Ницце.

Твое письмо от 31 дек[абря]¹ получил 3-го дня, возвратясь домой вечером, ибо разошелся с почтальоном. Грустно твое письмо, и благородное письмо С[атина] немного представляет ручательств. Банки по-земель[ного] кредита преобразовываются; поэтому дело пойдет, вероятно, долго — а если он, получив, поиграет — то еще дольше.

Здоровье мое опять лучше, несмотря не неотразимую нервозность.

Поздравь от меня Лизу не только с новым годом, но и с Сан-дрильоной. Брошка ее уложена, а переслать до сих пор не можем.

La Cloche est en Veine, т. е. «Колокол» хорошо пошел в Вене².

А между тем, твоей смесью я не доволен — слишком мало. Надо что-нибудь прибавить, думал целое утро, искал, искал — и все еще не решился. Впрочем, сейчас пойду к Чернецк[ому] посмотреть, сколько есть места; чуть ли моей статьей³ и объявлениями не все пополнено. Справившись, припишу тебе что и как. Вертятся кое-какие мысли для смеси, но вдруг не умею совладать. Особенно меня затрагивает преобразование поземельн[ого] кредита, и просьба в одном месте Киев[ской] губ[ернии] — крестьян о продаже им назначенного к продаже имения бывшего их помещика. И то и другое подходило бы к моим статьям; но главная статья будет в следующем № — новая; тоже не хочется её предупреждать. Подумаю до завтра.

У Тх[оржевского] катар сильный, а брюху легче.

Жду с нетерпением ответа на вопрос о корреспон[денциях].

Встречаю в кафе человека, страшно похожего на Касаткина, да еще не мёртвого. Человек должен быть ужасно болен, но чем? чахоткой или болезнью сердца? А вопрос интересен. Вообрази, что Бине⁴ никогда не предполагал у Касат[кина] болезни сердца и все лечил его от геморoidalных шишек. — Едет Лиз[авета]. Ал[ексеевна?]⁵ в Русь или нет — не знаю. На-днях к ней схожу. Там всё дамы сидят, а Данич⁶ ночует.

Тутс преуспевает. Генри работает, патинирует и танцует.

Женева, вечером. Кажется, еще нужно 2 колонны смеси. Постараюсь завтра обделать. Чернец[кий] и Тх[оржевский] твои письма получили и будут писать завтра. Лиза пишет о присылке мне какого-то пакета, но не прислала.

Лиз[авета] Ал[ексеевна] в Русь, кажется, не едет.

Помнишь ты генеральшу Биб[икову]⁷, которая была в Лондоне с дочерьми? Напиши, что ты об ней помнишь.

Тх[оржевский] тебе кланяется. М-те Чернец[кая] нездорова.

Тх[оржевский] все страдает животом.

Я иду домой.

Addio, carissimi, всех вас обнимаю.

¹ Это письмо Герцена нам неизвестно.

² Герцен, наоборот, мало был склонен верить в успех французского «Колокола». Так, в письме от 9 января 1868 г. (являющемся ответом на это) писал: «Мы фурвуировались — дело ясное, что никто не хочет ни франц[узского] ни русского «Колок[ола]»... я не могу в этих условиях работать...» (т. XX, стр. 130).

³ «La Russie actuelle et son développement» в N. N. 1—4, 6, 8, 10 «Kolokol'a».

⁴ Бине — врач.

⁵ Лизавета Алексеевна — жена В. И. Касаткина.

⁶ Данич — наборщик в типографии Чернецкого.

⁷ Бибикова Мария Николаевна — жена генерала, мать писателя П. А. Биби-кова, посещавшая Герцена в Лондоне.

Только вчера мог видаться с Черн[ецким]. По н причинам прежде не был. Главная, — я не мог сообразить, что я стану с ним говорить и какое выдумаю предложение? Ты знаешь, как он мудрен, а дела его неисправимы. Ему хочется капитала. Я ему говорю, что его не откуда взять. Он говорит, что тогда нельзя продолжать типографию, а что если ее не продолжать, то не может уплатить долгов, которых 4 000 фр[анков] (вероятно, с лишком). — Но ведь и продолжая ее нельзя их уплатить, если нет работы и она дает убыток. — Как же из этого извернуться?² — Я его уговариваю закрыть типографию и присоединиться к Пффеферу³. Он на это согласен, но это можно только в мае.

До тех пор нельзя не заплатить за него из бах[метевских] денег 1 000 фр[анков], что для него выгоднее, ибо надо платить 5 проц[ентов], а не 6% как если б ты за него поручился в банке. Я не вижу, почему это помешает из бах[метевских] же денег издать «Пол[ярную] Звезду»⁴. Мне один русский сказывал, что «Пол[ярная] Звезда» всегда покупалась и не переставала покупаться, что «Кол[окол]» последнее время шел плохо, но «Пол[ярная] Звезда» всегда шла хорошо. Ergo, есть надежда, что можно будет уплатить.

Об залоге я с ним не говорил. Каким образом ты дашь ему под залог? Типография всё же не уплатит. Продать вещи — за них почти ничего не дадут. Если можно заплатить за него и чтоб он уже непременно перешел к Пфеферу и не думал уже о дальнейшей любви к собственности — а выплачивал бы из нового образа работы, это, мне кажется, единственно возможное. Тх[оржевский] сегодня тоже хотел тебе писать. Черн[ецкий] сам к тебе сегодня пишет. Подумай и отвечай. Перепиской, я думаю, можно легче и мягче сладить с ним.

За твою присылку мне и за твое предложение сильно благодарю. Я не понимаю, зачем еще сашины деньги. Теперь я на Тутса почти ничего не трачу. Бедный Тутс несколько дней болен. Сначала я испугался, ходил в Лапсу за доктором; но оказался простой катар, теперь ему лучше.

Присылки С[атина] всё же жду с нетерпением, ибо тогда могу переехать и жить дешевле, то-есть квартиры в Паки⁵ дешевле и Тутса можно посылать в лучшую школу. Да и квартиры там лучше. Здесь всё дым. Все эти дни погода была ужасная — буря и дождь, слякоть страшная. Ходить далёко, топить нельзя.

Ты обвиняешь меня в белиберде; но ведь я не защищаю С[атина]; а ты говоришь, что социологически объяснить нельзя, ведь это тоже не ясно.

Сейчас получил твое письмо от 19-го. Я, право, не знаю, как разгнать, когда уже раз так началось печататься и потом на полуслове остановиться ужасно нелепо. Но да будет воля твоя.

Мне самому страшен вопрос об Лизе. Ее отпускать нельзя. Я об ней часто думаю и постоянно вижу ее во сне.

Спокойное письмо Мар[ии] Ал[ексеевны]⁶ ничего не доказывает: это ее характер.

Молок[анину] не запирай двери: он кажется сомнителен, а между тем, вероятнее, что он только сумасшедший, но может быть и полезен.

Я свежую статью⁷ дописываю в «Кол[окол]» для книги, и думаю, что ты ею будешь доволен.

Сегодня, хотя и ветер, но светло. Пойду к Тх[оржевскому] — там dokonчу письмо.

Женева, вечером. Тх[оржевского] не нашел. Твое письмо к нему отдал портьерке.

Получил письмо от Бак[унина], который выписывает из Илькора-на *Mahomet dit à la montagne: approche, et quand elle ne s'est pas approché, il est allé à elle.* — Вследствие этого приезжает ко мне. Печатает 4-й лист своей статьи. —

Что за чушь заводить магазин в Женеве с М-ме Черн[ецкой]? Я этого не понимаю. Во-первых, ни один субъект не способен руководствовать этим делом; а во-вторых, нужен капитал, иначе всё = 0 или —.

Тх[оржевский], вероятно, не приходил в куруну, потому что всё занят делами Кас[аткина], ибо он опекун. Кас[аткина], разумеется, согласна на твои чтения; я уже, кажется, писал тебе об этом.

Почему ты думаешь, что не надо заниматься математикой и музыкой? Для меня это, кажется, больше моя сущность, чем что другое.

За сим прощай. Обнимаю тебя, Лизу и N[atalie].

¹ Датируется по январским письмам Герцена 1868 г.

² Чернецкий, получив типографию от Герцена, вскоре, вследствие большой бесхозяйственности, поставил ее в тяжелое положение; Герцен и Огарев всячески поддерживали Чернецкого, сделавшего ряд серьезных долгов. В данном письме как раз и дискусируется вопрос о «спасении» типографии.

³ Пфефер — женеvский типограф.

⁴ В 1869 г. был издан последний номер «Полярной Звезды» со стихами Н. П. Огарева и статьями Герцена.

⁵ Лансу (Ланси), Паки — предместья Женевы.

⁶ Мария Алексеевна — М. А. Тучкова, сестра отца Н. А. Тучковой-Огаревой.

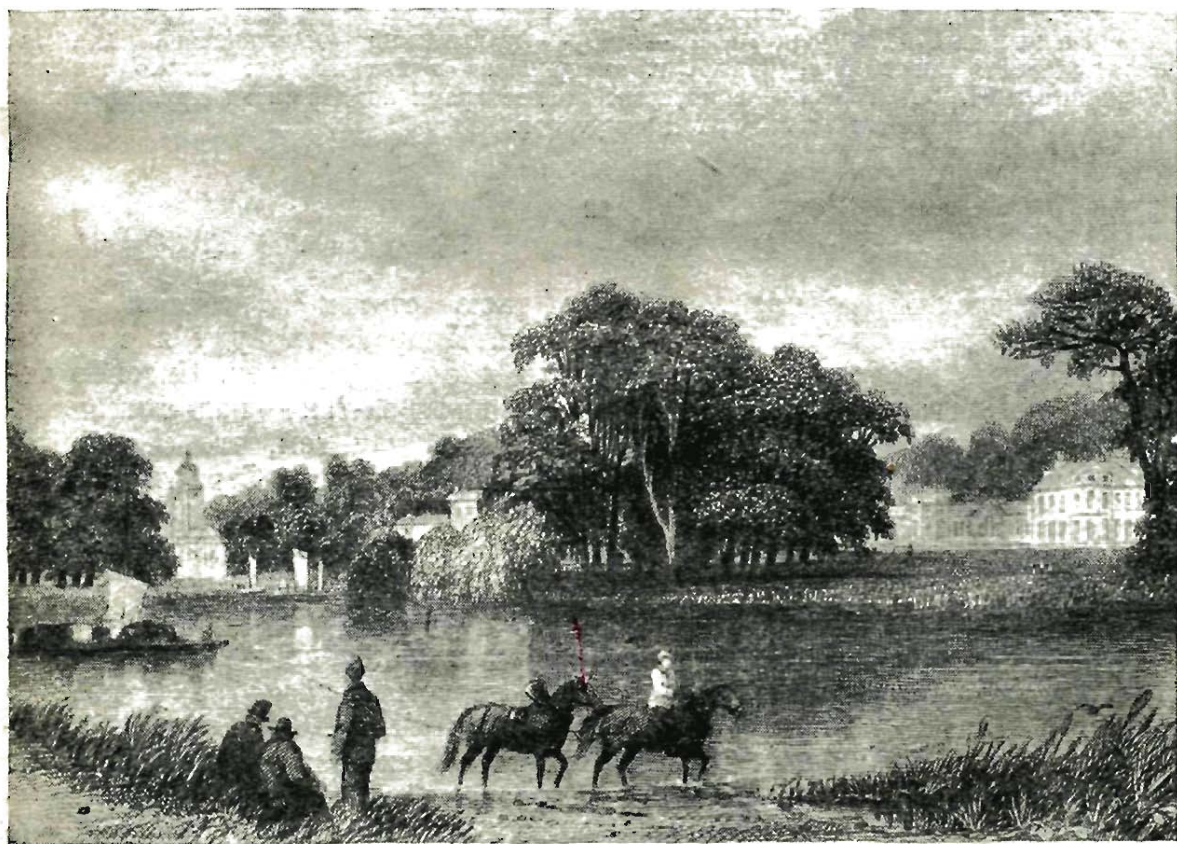
⁷ Повидимому, «La famine en Russie», напечатанную в № 4 «Колокола».

81

26 янв[аря 1868 г.]. Воскресенье ¹

Сегодня получил милое письмо от Таты. У Ольги новые фортопьяны, у Мальвиды старые головные боли. Жаль ее. Тата очень хвалит юного М[ещерского] ² — и попомнила мне Анну Бор[исовну] ³. — Эх! воскресают старые времена! Видно, что старость приходит: всё кажется так делёко, далёко, а вспоминается постоянно и во сне и на яву.

Тх[оржевский] вчера сказывал, что получил от тебя письмо. Твое последнее ко мне было от 19, т. е. ровно неделя. С неистовым нетерпением жду от тебя окончательной корректуры русск[ого] прибавл[ения] ⁴ или хотя слова об нем, и уже мороз по коже подирает, — на что решиться, чтоб набрать «Кол[окол]» во время? Франц[узский] готов, только mise en page и печатай. Для русск[ого] мне бы хотелось твоего одобрения. Я только и работал эти дни для «Кол[окола]», и, надеюсь, что ты моей новой статьею в книге (V) не останешься не-

ТУИКЕНХЭМ

Гравюра

Музей изобразительных искусств, Москва

доволен. Но все же наполнять почти 2 листа моей книгой — как-то неловко.

Напрасно ты не хочешь принять Мол[оканина]. Мы с ним больше познакомились; он сумасшедший и фанатик, но остальное все вздор. — Черн[ецкий] имеет от него работу. — Я имею статью, о которой еще припишу. Болтать с ним я много не стану, и сам он не болтлив; но отталкивать его было бы глупо.

Автору нелепейшей статьи против тебя и помещенной черт знает в каком журнале южной губернии — дали Станислава 3-й степени и хотят распустить ее в виде брошюры в 2000 экзemplяр[ах]. Это можешь поместить в следующем №, если сочтешь нужным. При сем и статья.

Тх[оржевский] пришел, писать хочет тебе завтра.

Тутсу лучше гораздо.

Обнимаю тебя и N[atatie]. Цалую Лизу.

Р. S. Тх[оржевский] ушел. Жду Черн[ецкого] и М-me Черн[ецкую], но поздно — видно не будут. Поэтому заканчиваю, и несу письмо на почту. Также посылаю тебе «Кооператив», с статьями Таландье⁵.

Р. Р. S. — Чернецкие были. Плохи новости: надо завтра приготовить 5 колонн французского и 2 русского. Решительно не знаю, что придумать. Из книги, вероятно, нельзя; теперь пришла глава, которая требует бесконечной переделки. Но хоть тресни, да полезай. Ergo, может напишу особую статью, или еще смесь. «Кооператив» пришлю завтра.

¹ Датируется по январским письмам Герцена 1868 г.

² Мещерский Александр Николаевич — в 1868 г. жил в Италии; предполагалась его женитьба на Тате.

³ Кто такая Анна Борисовна — не выяснено.

⁴ К французскому «Колоколу» иногда давалось и русское прибавление. Всего за 1868 г. было издано 6 номеров русских прибавлений.

⁵ Таландье Альфред (1822—1890) — французский политический деятель, участник революции 1848 г. В 1851 г. эмигрировал в Англию, где близко сошелся с Герценом и Н. П. Огаревым, с которым долгое время поддерживал дружественные отношения. Впоследствии член Палаты депутатов.

Тх[оржевский] приносил сегодня твою статью², которая очень мила; он отправился с ней в типографию. Поправлять буду я с Давидом, которого последними корректурами я очень доволен. Спасибо тебе, что прислал; ergo, я могу вздохнуть дня два-три — над стихоплетством, математикой и музыкой, т. е. всё же над тем, что составляет мою сущность, а там смейся надо мной как хочешь. Сердиться я не стану, особенно на тебя.

Объявлять о невыходе «Кол[окола]» прежде 1 марта — было поздно.

Вчера был, т. е. третьего дня и вчера (вчера уехал) Бак[унин] и Л[анкевич]³, один из отличнейших людей и наиболее знающий отечество. Он (то же, что я, подумал при первом пересмотре) сказал о письме (не для печати), что это писал чиновник, и взял его чтоб написать вместе с Бак[униным] ответ. Вот тебе даже и прибавление, да еще, вероятно, славное. — Бак[унин] чрезвычайно доволен твоей статьей против Фота⁴ и рассказывает, что они там на него ужасно злятся, потому что он им доказывает, что они говорят только общие места и сами не чувствуют, что пахнут мертвечиной. Я думаю, что в этом и вся знаменитая интрига.

Твое письмо с портретом Сер[гея] Ив[ановича]⁵ получил вчера. Что за энергическое и болезненное лицо! Ты его меньше помнишь, чем я. Это один из людей, которого я любил наиболее *fraternellement*.

О «Голосе» и пр. и о письмах даже — надо поаккуратнее справиться, прежде чем что-нибудь решать.

Твое происшествие в Casino — превосходно; так бы и хотелось напечатать, если б можно.

У меня болит челюсть и висок. Простуда это или зубоштанье — не знаю; но боюсь невралгии.

Теперь стану писать статью о земских учреждениях.

Л[анкевич?] почти во всем со мной согласен, а он был в деле.

Не сердись на меня, что редко пишу. Право, так устал от «Кол[окола]», что вовсе ничего в голову не лезет для писем.

Лизу цалую и благодарю за записочку. На-днях ей напишу.

Тате писал сегодня только. Герцен, она становится моим любимцем. Что это за милая натура, я ничего лучше не знаю.

За сим прощай! Пойду на почту. — Обнимаю тебя и N[atalie].

Получил письмо от сестры⁶, да подумал: *My goodness!* ведь ей 60 лет!

Р. S. О Громоре читал. Зачем ты рекомендуешь ему «Героя нашего времени»? Ведь это герой не нашего времени⁷.

Пожалуйста, мне вырубовский журнал⁸ привези, ибо мне статья Наке⁹ необходима.

¹ Датируется по письму Герцена к С. Тхоржевскому от 3 февраля 1868 г. (т. XX, стр. 152).

² Повидимому, «Махровые цветы и цветы Минервы» — напечатанная в № 4 «Kolokol'a».

³ О ком пишет Огарев — точно не выяснено; может быть Валентин Ланкевич, польский эмигрант, в 1868—1870 гг. живший в Италии, близкий друг М. А. Бакунина. Убит в 1870 г. на баррикадах, во время Парижской Коммуны.

⁴ Статья против Фохта — «За войну ли мы?» — напечатана в № 3 «Kolokol'a».

⁵ Астраков Сергей Иванович — см. комментарии к письму 41.

⁶ Сестра Анна Платоновна — по мужу Плаутина.

⁷ В письме к С. Тхоржевскому Герцен сообщал: «...Имею письмо от Громора. Он подрядился в библиотеку *chemin de fer* издать несколько томов переводов с русского, это очень полезно. Я ему рекомендовал «Детство» Толстого, «Героя нашего времени», «Мертвый дом»... (т. XX, стр. 152). Громор — переводчик, о нем см. комментарии к предыдущим письмам.

⁸ Вырубовский журнал — «Позитивная философия», издаваемый им совместно с Литтре.

⁹ Наке Альфред — буржуазный демократ, близкий к Бакунину, член Центрального комитета «Лиги мира и свободы».

Где ты, мой милый Герцен², мстящий мне за то, что мне некогда и мозготягостно и что я потому редко пишу; а вследствие этого мщения, я не знаю даже, куда писать и не знаю —

Ты в Люцерне или в Бале?

Чем в уме твоём полно?

Ты в каком избрал подвале

Многолетнее вино?

А между тем, спросить тебя и сообщить тебе нужно о многом, и начинаю по порядку, так чтоб чего не забыть.

1) Черн[ецкий] спрашивает — получил ли ты корректуру, которую он послал в Мюлуз 29 июня; он ее обратно не получал, а она ему нужна.

2) Мечн[иков]³ вчера приехал из Немчины, где виделся с пёром и очень доволен, спрашивает: а) не хотим ли выписать пополам несколько журналов, даже губернских (как «Киевлянин»⁴ и т. п.); он хотел составить программу и жаждет нашего согласия; б) не хочешь ли, чтоб он приготовил статью в «Полярн[ую] Звезду» — у него наберутся хорошие материалы; с) спрашивал о том, сколько эта статья уже заняла в «Колок[оле]» листов, ибо боится выйти за границу 4-листвого размера, как ты хотел, и спрашивает, может ли немножко перешагнуть, чтоб не выпускать какой эпохи⁵. Я его вопрос об этом передал Черн[ецкому], который тотчас не мог отвечать и хочет сообразить и дать ответ. Мечн[иков] поздоровел.

3) Получил ли ты «Современность» и какого мнения о статье об эмиграции?⁶ Подсказывать ничего не хочу, а знать твое мнение жажду.

4) Вчера был Майор. Доску снял, но сказал, что через 4 дня приедет посмотреть что с ногой⁷. — Уретра в совершенной исправности; а о голове не успеваю порядком поговорить, ибо он все спешит; а что тут from the top мне не лучше, это, к сожалению, так, и весьма удручительно.

5) Статью в «Кол[окол]»⁸, кажется, обделываю порядочно. Не знаю, как ты и публика? Боюсь и того и другого.

6) В этом отделе Базарова я ничего не нашел поправлять⁹, кроме грамматических ничтожностей — и то не много.

7) Тата с тобой ли? К ней писать еще не собрался; скажи ей, что Генри 2 раза на почту ходил, но ему о ее письмах никаких извещений делать не хотят. Надо, чтоб она написала в почтамт, чтоб на ее имя письма отсылали ко мне.

8) Вследствие твоего последнего письма, адресую еще в Базель и при сем 3 «Голоса» и книжку о рукоделии (из Мюлуза или Страсбурга).

9) От Тх[оржевского] имею вчера письмо, завтра стану ему писать. А теперь...

Прощай! Крепко цалую Лизу.

¹ Датируется по письмам Герцена от 2 и 8 июля 1868 г. (т. XXI, стр. 9, 14).

² В июле 1868 г. Герцен часто переезжал из города в город (Базель, Берн, Люцерн и т. д.).

³ Мечников Л. И. — см. комментарии к письму 24.

⁴ «Киевлянин» — одна из крупнейших провинциальных газет, издававшаяся с 1864 г. В. Я. Шульгиным.

⁵ В письме от 8 июня 1868 г. (с. XXI, стр. 14), Герцен писал: «... Очень рад, что Мечников даст пятый лист. Насчет «Полярной Звезды» спроси его, что (т. е. о каком предмете) будет его статья» и т. д.

⁶ «Современность» — журнал, издававшийся в Женеве в 1868 г. Л. И. Мечниковым и Н. Я. Николадзе. Анонимная статья о русской эмиграции принадлежит последнему. Герцен в письме от 5 июля дал очень резкий отзыв об этом журнале: «... „Современность“ читал. Пока ты защищаешь материнским крылом милых щенят псевдо-нигилизма, они сами себя начинают выводить на свежую воду... Итак, эта бездарная пена, эта гниль на корню развеет сама себя...» (т. XXI, стр. 11).

⁷ В феврале 1868 г. Н. П. Огарев, во время припадка, сломал ногу и пролежал на улице целую ночь без помощи; потом долго лечился.

⁸ Повидимому, «*Les malheureux ou un monde à part*», напечатанная в № 13 «*Kolokol'a*».

⁹ Речь идет о статье Герцена «Еще раз Базаров», напечатанной в «Полярной Звезде», кн. VIII. В письме от 2 июля Герцен писал Огареву: «Вчера я послал Чернецкому... второе письмо о «Базарове», которое, пожалуйста, предварительно прочти. Вымарывая, что хочешь...» (т. XXI, стр. 9).

15 окт[ября] 1868 г.]. Четверг¹

Сегодня вечером был Майор — и вот его результат и рисунок. Посылаю тебе на усмотрение. Посылаю с вечера, чтоб с утра пошло на почту.

Тх[оржевскому] лучше. Жду его сегодня вечером еще раз.

Майор не видит перемены в ноге, но не противится заказать сапог с машинкой (т. е. с железной полоской с боку и кружочком) и хотел зайти к Демарету² поговорить и прислать его ко мне. — Теперь все остается за твоим решением.

Сейчас М[эри] принесла от Черн[ецкого] внутренний лист «Колокола». Поужинаю и примусь поправлять, завтра утром зайдут за ним. Вероятно, к послезавтра «Кол[окол]» успеет. — О «Полярн[ой]

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

Фотография, 1870-е гг.

Собрание С. Бернацкой, Москва

Зве[зде]» Тх[оржевский] писал тебе. — Еще не приходил — подожду запечатывать.

Тх[оржевского] нет. Поздно — надо послать на почту.

Цалую вас всех together, carissimi.

Майор не только был грубым швейцарцем, но объяснял насколько возможно, с большим тщанием.

1) Изломов было не один, а несколько. Ощупать всех было нельзя; но присутствие их несомненно.

(appareil
compressif) 2) Употребить сжимающий снаряд было нельзя, по причине слишком большой опухоли и перекровия ноги (от того, что я ночь пролежал без помощи).

3) Поэтому сделано что возможно и все что возможно.

4) Майор считает попытку перевставления и всё мнение об оном — опасным безумием.

¹ Датируется по письму Герцена от 18 октября 1868 г. (т. XXI, стр. 196), в котором тот писал: «Письмо твое с иллюстрацией Майора получил... Если ты сколько-нибудь убежден в мнении Майора, если операция трудна, то следует ли начинать? Мне кажется, что ты с очень неприязненной точки смотришь на операцию и делаешь уступку; не проще ли же ее не делать?...».

² Демарет — женеvский торговец протезами.

85

Четверг 26 ноября [1868 г.]¹

Я не писал к тебе сегодня, потому что ничего экстренного не усмотрел, а думал, что было бы что экстренное — ты заехал бы. — Теперь 7½ час[ов]. — Тх[оржевский] еще не приходил. Если что еще приписать случится, когда он придет — то припишу. — От Выр[убова] не было никаких известий. — Статья Коллюп[анова]² чрезвычайно фундаментальна, хотя ужасно тяжело написана. — Я в этот вопрос вклею и вопрос о рекрутстве. Особо статью писать по-французски не стоит; рекрутство, по расчету, приходится от 110 — до 120 000 человек. Количество большое, но оно на западе никого не устрасит; оно больше интересно манерами, которые интереснее взойдут в крестьянское освождение. — Женщину присудили на 20 лет каторги. Генри говорит, что женеvская толпа бесится; говорят, что надо было приговорить к казни, если она не сумасшедшая. — Самое удивительное для меня в «Колоколе»: как ты не велел давать без себя бон а тире, а издать велел к 1 декабря³; а сам приедешь 2-го? — Потом еще вопрос: когда годовщина детям?⁴ Не написать ли мне что-нибудь Натали? Может это ее как-нибудь смягчит и урезонит?

10-й час. Тх[оржевский] был. Все принес. О бон а тире ничего не знает. Может Черн[ецкий] знает? Все завтра обделаю. Сегодня устал — нездоровится. Завтра напишу.

Благодарю за кассу.

¹ Датируется по письму Герцена от 28 ноября 1868 г. (т. XXI, стр. 179).

² Коллюпанов Нил Петрович (1827—1894) — публицист и общественный деятель, сотрудник «Вестника Европы», автор ряда статей по вопросам земского и городского самоуправления. В 1868 г. в «Вестнике Европы» были помещены две его большие статьи: «Самарское земство» (кн. VII—VIII) и «Девятнадцатое февраля 1861 г.» (кн. X).

³ 1 декабря должен был выйти последний номер французского «KoloKol'a», после чего он прекращал свое существование.

⁴ День смерти близнецов Лели-boy и Лели-girl. «...Печальная годовщина 4 декабря, — отвечал Герцен. — Если ты хочешь писать, будь осторожен. Скажи, что я искренно (и это сущая правда) стремился ехать для воспитания Лизы, но что письма Natalie и ее замечания о «мести за гробом» глубоко огорчили меня: скажи, что ты пишешь, не показывая мне. До сей минуты из Ниццы ни строки...».

86

Понедельник 7-го декабря [1868 г.]¹

2 часа пополудни

Телеграмма твоя пришла к Тх[оржевскому] на квартиру в субб[оту] в 6 час[ов] вечера, где он ее случайно нашел в 8 час[ов] и принес ко мне.

Письмо твое от субб[оты] пришло сегодня в 8 час[ов] утра. Вчера Тх[оржевский] достать его не мог.

Varioloidе называется в медицине летучая оспа. Имя придуманное очень хорошо, ибо летучих осп, которые все подходят к типу настоящей оспы, но отличаются безопасностью и неоставлением слишком важных рубцов, — несколько сортов. — Почему ты думаешь, что

это настоящая оспа? Как решить? Тх[оржевско]му, кроме Гор[чакова]², сказывали, что в Ницце часто и теперь эпидемия оспы. — Какой? — спрашивал я его. — Это он не знает. — Опять решить невозможно. Если б была эпидемия летучей оспы — то все бы ничего. — А если эпидемия настоящей оспы? И если это настоящая? О mein Herr Gott! Ни сна, ни покоя. Как быть? что делать? Одному ехать решительно нельзя, с кем-нибудь — ужасно противно. Да и с Тх[оржевским] — то опять только ему помешаешь. — Мой бедный Жюль! зачем его нет здесь, он просто дурак и слава богу! — А что? Тате хотелось бы, чтоб я был при ней? Однако этого достаточно, чтоб я приехал каким бы способом ни было. — Как же я стану ждать твоего письма! — Натали обещалась писать каждый день, а ты и этого не хочешь! Ну — да терпи казак — а там âne будешь!

Тх[оржевский] получил сегодня телеграмму о том, что нотариус завтра приедет выдать ему княжеское наследство³. — Ты что-то хотел писать о том, что печатать из Д[олгоруковских] бумаг в суплементе. Пиши же, если только можешь. А то, пожалуй, запоздаем с этой удивительной типографией. — Черн[ецкий] сейчас прислал за твоей рукописью (в первый раз, хотя я и ждал его ежедневно). Но пишет и спрашивает о Тате. Это, с другой стороны, заставляет меня все прощать ему; я ему отвечал.

А все же добрый пан⁴ лучше всех, и я к нему имею нежность, несмотря на то, что он ужасно тяжел. Я ему, действительно, все прощаю.

Новая «Неделя» превосходна. Еще проштудирую кое-что и к концу недели pošлю тебе (если мне не надо ехать самому). Но «Неделя» сломит себе шею скоро, она дерзче «Кол[окола]». — Что Пят[ковский]⁵ там нагородил — просто удивляешься смелости — возможности.

Вчера мне было 55 лет. Satis — sufficit!

Р. S. Цалую мою Лизу и жду от нее письма. Кстати: если в Ницце эпидемия, то не 6-й этаж и не отдельность от Таты (что очень скверно) спасут, а неподготовленность органической почвы — и только. Прощай! Пиши.

Я писал в субботу.

¹ Датируется по письму Герцена от 5 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 241), в котором говорится о внезапном заболевании Таты оспой. «Первый рапорт будет короткий, но не из веселых. У Таты, по-моему, просто оспа, и слово *varioloïde — tumeur d'argot*. Страдает она ужасно, ее узнать нельзя. Глаза почти закрыты, говорить не может от прыщей в горле, читать не может, слушать не может, а всё сыпь нарываёт... Лизу перевели в шестой этаж с Лизаветой, я — в третьем... Опасности нет, говорит доктор. Осторожность соблюдается большая, лишь бы не осталось следов...»

² Горчаков Николай Михайлович, князь — младший секретарь русского посольства в Париже. В письме от 9 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 243) Герцен пишет: «... Горчаков врет: никакой эпидемии здесь нет, а есть частные случаи, и притом редкие, тифа...».

³ 17 августа 1868 г. в Берне умер П. В. Долгоруков, завещав большую часть своего наследства С. Тхоржевскому, ухаживавшему за ним во время предсмертной болезни. В руки Тхоржевскому попало и литературное наследство П. В. Долгорукова. «Князь Долгоруков, — писал Герцен в «Колоколе», — который, как неутомимый тореадор, дразнил без отдыха и пощады, точно быка, русское правительство и заставлял дрожать камарилью Зимнего дворца, скончался... Те, чью сомнительную совесть повергали в трепет его разоблачения, его замечательная память и богатые документы, могут вздохнуть теперь свободно. Да, но не совсем так свободно, как они надеются: князь Долгоруков не унес с собой своих бумаг и папок. Они в очень надежных руках!» (т. XX, стр. 89).

⁴ Добрый пан — С. Тхоржевский.

⁵ Пятковский Александр Петрович (1840—1902) — журналист и критик, издатель журнала «Наблюдатель», один из руководящих сотрудников «Недели».

[9 декабря 1868 г.]¹

Ну! вот видишь, саго mio, что вот тебе и новая форма осповидных болезней (varioloïdes), которая подходит под тот же тип, но далеко не так опасна. Надеюсь на той неделе получить известие как Тата ходит по комнате и как остатки болезни исчезают.

3-го дня я писал тебе о статье Вихерского² и послал его письмо к тебе. Я не навязывал ее Чернецкому, он сам предложил сделать на 3 месяца кредит от типографии, говоря, что это от 120 до 140 фр[анков]. — Вчера прислал мне расчет в 146 фр[анков] (с бумагой) и отказ печатать в кредит (точно он в понедельник меньше знал, что может делать, чем во вторник). Хорошо, что я еще не писал Вихерскому. — Даже Тх[оржевский] обиделся и взялся уладить, тем больше, что получил о Вихорском известие, как о человеке совершенно известном и состоятельном. Увижу, что завтра будет и только когда что будет, верно, напишу Вих[орскому]. — Жаль, что это заставляет длиться, ибо оно немножко грубо. Но еще было бы грубее написать какой-нибудь вздор.

Тх[оржевский] послал тебе (вероятно) «Отечест[венные] Записки», а я все виноват, что еще задержу на несколько дней — «Неделю», ибо нужно.

Принц-наследник³ выделил маменьке 50/т[ысяч] фр[анков], на том и порешили. — С тех пор она все хочет свидания с Тх[оржевским], зачем — не знаю. Вероятно, боится, чтоб у него не осталось каких документов против нее. — О ее происках они знали. — Тх[оржевский] все встрюбарбер, чувствует себя здоровее, забегает на минуту поутру и потом все имеет свидания по делам.

За сим addio. Герцен, — Г[енри] скоро пойдет на лекцию и снесет письмо на почту, а я возвращаюсь к статье.

¹ Датируется условно по письмам Герцена к Н. П. Огареву и С. Тхоржевскому этого периода.

² Вихерский, вернее Вихорский — польский эмигрант; его статья «Письмо к генералу Ф. Ф. Трепову» была напечатана отдельной брошюрой в типографии Чернецкого в 1869 г. В письме от 17 декабря 1868 г. к Огареву Герцен пишет: «Брошюру поляка непременно печатать...» и в другом месте: «Польскую книгу, т. е. Вихерского, вели сейчас набирать. Он просит поправить язык — это уж ты сделай...».

³ Принц-наследник — В. П. Долгоруков.

11 дек[абря] 1868 г.]. Пятница¹

Вчера твое письмо к Тх[оржевскому], сегодня в 8 час[ов] твое письмо (от 9-го) ко мне. Ну! Кажется, все пошло хорошо! Милая Тата! Как же она умеет страдать — честь ей и слава! Только ты меня и не сравнивай с ней в уменьи страдать: она страдает терпеливо от силы организма, а я просто мало страдаю от апатии организма. Ты, может, в том усомнишься, а когда-нибудь увидишь наглядно, что это правда. — Только я все еще не совсем успокоился: теперь, действительно, малейшая неосторожность (застуда совершающегося патологического кожного выпотения) — и может явиться рецидива. (Ты объясни Натали разницу между этим состоянием и здоровыми органами, подвергшимися простой простуде, что, обыкновенно, сводится на катаральные раздражения). Тем страшнее, если это настоящая оспа, которая в исходах обманчива. Но, хотя бы и было не совсем сердце на месте, всё же кажется и верится в совершенно хороший исход. Цалую мою милую Тату, а писать стану к ней дней через 5 или 7. — Да! чтоб не забыть — оспенная или вариолоидная эпидемия в Ницце подтверждает-

ШВЕЙЦАРСКИЙ ХУТОР

Гуашь из альбома Бутурлиных
Литературный музей, Москва

ся уже несколькими, с примечанием, что в Ницце население любит скрывать существование оной. — К Натали тоже еще не решаюсь писать; благо все устанавливается хорошо — как бы не повредить. Еще письмо другое от тебя — и тогда примусь за корреспонденцию. Что Саша и Ольга? —

Вчера Тх[оржевский] приводил мне юного государя-наследника². По-моему, он вырос и похорошел и далеко не глуп. Мне кажется, что он слишком наблюдает за своими словами и поведением, поэтому большой веры к нему не имею. Желаю, чтоб это была с моей стороны ошибка из-за предубеждения... Тх[оржевский] теперь с ним проводит дни и ночи, кончая дела, так что почти исчез; но страсть ехать в Ниццу у него остается; наследник же дня через два уедет.

Твою статейку об убийцах³ — отдам, как скоро получу корректуру 1-й рукописи; уж поправлю в ней грамматические ошибки, которыми она изобильна. (Кстати: зачем ты пишешь quatre вместо quatre — нигде не ставишь знаков?) — Впрочем, никто не торопится; я ужаско благодарен, что ты не торопишь суплементом — обстоятельнее справлюсь с одним из ближайших к сердцу детенышей. Ну! а если ошибусь? Плохо будет!

О другом — в другой раз. Теперь не хочется и пора на почту.

Addio, frater!

Тутс цалует Тату и часто об ней говорит. Впрочем, и все... ибо и М[эри] и Г[енри] вспоминают об ней с великой дружбой и уважением.

В «Моск[овских] Вед[омостях]» лучше — это нагоняй министра юстиции прокурорам за противозаконное и ненужное арестование людей во время следствия.

¹ Датируется по письму Герцена от 9 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 243), в котором говорится о начавшемся выздоровлении Таты, о претерпенных ею страданиях и т. п.

² Государь-наследник — В. П. Долгоруков, которому С. Тхоржевский и передал наследство, оставшееся от его отца.

³ Статейка об убийцах — повидимому «Мой будущий убийца и его календарь», напечатанная в «Supplément du Kolokol» от 15 февраля 1869 г.

89

17 дек[абря] 1868 г.]¹. Четверг

(9 час[ов] утра)

Вчера вечером Черн[ецкий] прислал с работником коррект[уру] твоей статейки об убийственном письме (которую я уже и отправил обратно сегодня в 8 час[ов]) и письмо Спиридова², присланное мне через типографию. Вот оно тебе целиком; отвечай как знаешь, или напиши мне, что отвечать. Но не оставляй его, пожалей его. Если я дохожу до блаженства безумия, то он доходит до отчаяния безумия. Представь себе, что Г[енри] и Тутс были бы идиоты — я бы чувствовал себя обязанным хлопотать о них вдесятеро больше.

А что я дохожу до блаженства безумия — это другого рода факт. Просыпаюсь сегодня в 8-м часу в большом волнении: полночи все видел во сне темы моей работы, и гораздо больше развил их чем мог вчера, работая до полуночи. Это мне не помешало распорядиться отсылкой коррек[тур] с Г[енри], который шел на работу; услышать, еще в постели, шаги почтальона и прочесть твое письмо от 15-го, которое еще подбавило волнения. Но все же встаю в волнении от сна и хочется ничего не забыть. Отворяю окно — сегодня воздух чудесный, солнце; Салев так и блесит. Просто удивительно хорошо — ну! как же не блаженство безумия?

Твое письмо меня сильно покорило. Но ты напрасно слагаешь вину Саши на брак³. Мудрено предположить, чтоб тут ему Терезина что-нибудь подсказала. Это просто его собственное, обычное легкомыслие. Тем не меньше оно меня огорчает. — Теперь я стану писать к Нат[али], но обдуманно и письмо пошлю к тебе, чтоб ты мог его уничтожить, если оно не нужно. Но писать стану не сегодня. Сегодня ужасно хочется сохранить блаженство безумия, о котором написать тебе не мог удержаться. Берегись переезда, не застуди сыпь. Теперь, вероятно, и у вас опять солнце, а не серая и сырая погода. Эта погода была это время везде; даже в Петерб[урге] и Москве была оттепель и туман. — Я хочу сегодня послать тебе это письмо, чтоб оно дошло завтра — прежде вашего переезда. Только подожду Тх[оржевского], который забегает в 12 час[ов]. — В «Моск[овских] Вед[омостях]» еще ничего нет о прекращении «Кол[окола]». В Etats-unis тоже не видел, разве как пропустил; я обычно это ищу в них, а «остального» ничего не читаю — скучно. Может и «Моск[овские] Вед[омости]» и Et[at]-un[is], по дружбе, решились пройти прекращение «Кол[окола]» обидным молчанием — «Rev[ue] de 2 mondes» и «Неделю» лучше уже отправлю с Тх[оржевским] — разве он слишком долго станет собираться, тогда отправлю по почте. Но я его и собирать не стану прежде твоего предписания. Боюсь тебе еще прибавить заботы. Ну! а если это из эгоизма — и он мне нужен? А нужен он мне в самом деле, помимо всяких мелочей, уже потому, что он хочет оставить меня на попечение Чернецкого — а эта мысль действует уже совсем как кошмар.

Около 2-х часов. Был и Тх[оржевский], но не обедал со мной — всё приглашен на обеды к Марселю (польско-русский повар). Мы хотим уладить печатание письма к Трепову⁴. По моему убеждению,

Герцен, это штука, хотя и не экстраординарная, но для русской печати за границей — дело серьезное, дело вызывающее, дело пропаганды. В крайнем случае решишь раскошелиться на 150 фр[анков] из Бахметевск[ого] капитала. С чего же он будет лежать праздно, когда может быть полезен? Но, по всем сведениям, риску никакого нет. Человек просит кредита, потому что только-что убежал и на сию минуту без гроша, пока не получит своего достояния, получением которого распорядится как человек ловкий (*homo sapiens*). Мне ужасно больно тебя об этом умолять, а ведь, между тем, без таких...

¹ Датируется по письму Герцена от 19 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 252—253).

² Спиридов — русский эмигрант. Герцен отвечал: «...Со Спиридовым делай что хочешь, но зачем ты присылаешь его автографы. Я не могу и не читаю даже того, что он пишет ко мне... А отчего же об идистах обязанность больше хлопотать? Что за монополия? Их пристраивают, кормят, отдают под надзор, но отчего же больше. Уж не христианство ли сии теории воодушевляет. И эквилибрацию нарушает...».

³ Речь идет о некотором охлаждении А. А. Герцена к семье отца. А. И. Герцен писал: «...Само собой разумеется, что я никогда не думал, что Терез[ина] советовала Саше не писать... Я в его приезд в Женеву видел, что температура дружбы к Тате понизилась. Терез[ина] не поднимет ее. Господи, да когда же ты будешь понимать мои резкие замечания с твоей светлостью, с твоей гуманностью! Если блажен человек, скоты милующий, то ведь, блажен вдвое милующий пониманием друзей...».

⁴ Письмо к Трепову — уже упоминавшаяся выше брошюра Ф. Вихорского. Герцен отвечал по этому поводу. «Я не только не имел нужды в шпорах для польской брошюры, но тотчас написал, что б печатать. Ты не понимаешь, что у меня не капризы, не скупость, а просто границы извне и в силу их границы изнутри...».

...Моя совесть чиста, и я, действительно, не знаю, кто из русских больше дает на общее дело, а между тем, все меня «винят в народе»...

90

24 дек[абря] 1868 г.]. Четверг¹

И дождь и буря — день ужасный!
Развеселиться — труд напрасный.
Всё приняло суровый взгляд —
Салёв, и улица и сад;
Не знает Мэри, томно струся,
Как к завтраму достать ей гуся;
Тхоржевский хмурится слетка
И кажет пальцем сверх пупка; *
Я сам, хоть занят, но немножко
Коснеет мозг, хворает ножка...²

Но первое вопрос: погода должна быть всюду ужасная — что Тата? Что М-ме Росса³? Последнее обстоятельство прискорбно.

Больше писать некогда, ибо посылается тебе Ета-юни⁴. Статья их о Выр[убове] глупа и относительно его (хотя он не виноват отчасти, да и по неразумию будет доволен) и относительно «Кол[окола] и Бак[унина] глупа. Хочешь отвечай — еще есть время, особенно для нескольких резких строк. — Я лучше напишу завтра или послезавтра, ибо имею потребность много тебе написать...

Цалую барышню больную и барышню здоровую⁵. Что Натали?

Из школы получена была записка: *Madame Tootz est priée de venir compter par l'écolage*. Тх[оржевский] ужасно смеялся.

¹ Датируется по письму Герцена от 21 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 254).

² Впервые опубликовано в «Вестнике Европы», 1908 г., № 5.

* Я на него клеветую; он ест рубарбер и чувствует себя здоровым, кланяется тебе, ждет от тебя ответа и готовит отчет к новому году.

³ М-ме Росса — старушка, ухаживавшая в Ницце за детьми Герцена. «Накануне старушка Рокка занемогла, оспа...», — читаем в письме Герцена. — Вот и награда за усердие...».

⁴ Ета-юни — «Etats-unis», орган «Лиги мира и свободы». В ответном письме Герцена от 26 декабря 1868 г. М. Лемке ошибочно напечатал: «Отписочка получена с бессмысленным извещением, что тебе писать некогда, и с глупым отрывком из «Етаупе», на который я и не думаю отвечать».

⁵ Тата и Лиза.

91

26 дек[абря] 1868 г.]. Суббота (вечером) ¹

Память 14 дек[абря]², Герцен! Помяни всех, кого хочется. Я поминую Астракова.

Но во 1) твое письмо от 22-го пришло сегодня в 8 ч[асов] утра, а письмо от 24-го сегодня в 12 — 2) Ergo, я не удивляюсь отвратительности почт, хотя я одно письмо писал, пропустя дня четыре.

А главное, в 3-х. — Что ж это у вас такое, что все становятся больны? ³ Разумеется — кроме моей милой и свежей Лизы. Увидишь, это там у вас эпидемическая эссенция, которая не попадает на невосприимчивую почву. — Но прошу об одном — извещай как можно чаще, хотя бы я и ленился иногда. У нас все попрежнему. Только Тх[оржевский] предполагает, что выздоровел. Я не пишу, право, потому, что ужасно надо сосредоточиться и торопиться с окончанием суплемента. Первый вопрос о нем: заглавие — «Голод и новый год» — можно ли поместить эпиграф: «Вот-те, бабушка, и Юрьев день!»? Отвечай мне на это.

Я все собираюсь тебе длинно писать, чтоб ты не подумал, что я от ответа отвертываюсь, как Бак[унин] от меня. Честное слово, что нет и что я сложаю ответ совершенно из костей моего мозга. Но, право, теперь и чтение и писание так озабочивают, что сюжет ускользает до конца суплемента.

Тх[оржевский] не решает писать к Жук[овскому], ибо сам не знает, сколько ему получать с Бенды ⁴. Да ты об каких книгах пишешь? Которые мне присланы?

Сегодня и у нас сворачивает на бизу и солнце. Все лучше всех этих дней, которые меня утомили туманом, дождем, сырым теплом в саду, холодом в комнатах и т. д. Я давно ничего такого мерзкого не видал. Но с улиц сегодня воняет еще больше. Все же у вас должно быть лучше, хотя об эпидемии советую хорошенько справиться и переехать хоть в Монпелье. Прихватите хоть Щерб[акова] ⁵.

От тебя ждем ответов. Поручения будут исполнены.

Цалую Тату в больные пятны, Лизу в здоровые щечки. Надеюсь, что Нат[али] скоро совсем без болезни обойдется, после простого cold'a. А тебе нечего болеть, ты человек сладкий.

Запечатая письмо и пойду спать.

Вчера вечером был Чернец[кий] с женою. Ничего, я не ссорился; но он меня отталкивает, а она не притягивает.

Addio, caro mio!

¹ Датируется по письмам Герцена от 22 и 24 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 256 и 259).

² 14 декабря — день восстания декабристов.

³ В письме Герцена от 24 декабря читаем: «...У нас не водворяется покой и sécurité. Nat[alie] в лихорадке, с сильной рвотой, с сильной головной болью. Так началась болезнь Таты. Лиза со мной в другом этаже. Если я занемogu, то концерт будет на славу...» (т. XXI, стр. 259).

⁴ Бенда Б. — книгопродавец в Вене.

⁵ В конце 1868 г. А. Я. Щербаков стал заниматься с Лизой Герцен.

31 дек[абря] 1868 г.]. Четверг вечером¹

С новым годом, с новым счастьем, мои милые! Надеюсь, что на этот раз счастье у вас явится хотя бы просто в выздоровлении всех — и в продолжении Лизы быть попрежнему здоровой.

Сегодня получил два письма от тебя, Герцен. Одно пан принес от 28-го и прежде него принес постман от 29-го.

Idem получил сегодня письмо от Саши; а Тх[оржевский] получил себе и тебе письма от Нефтеля.

1869 г. (полдень)

Вот и в самом деле Neujahrstag. Вчера я прервал писание, пошел ужинать; Тх[оржевский] пришел, но он не ест и не пьет (по крайней мере, у меня), а так потолковали и он взял послать тебе присланный Нефтелем полурусский журнал из Сан-Франциско². Это дает курьезную, но неопределенную идею о крае и об отношении русских и американцев. Если что хочешь перепечатать (с английск[ого] Тата может перевести) — то присылай. Ты, кажется, желаешь, чтоб суплемент опоздал — в отместку, что газеты не обратили внимания на уничтожение «Колокола»³. Я против опоздания ничего не имею, потому что мне статьи вырабатывать ужасно трудно; для подготовки немногих строк надо читать кучу, а память плоха и приходится еще перечитывать и пересматривать. Но все же я тебе замечу о русских журналах, что близкие, даже мало близкие (как «Пет[ербургские] Вед[омости]») не посмеют помянуть о «Кол[околе]». А если Катков не подаст голоса, то это с их стороны будет очень ловко. Но суплемент едва ли они оставят без отзыва. Тогда придется

ЛОЗАННА

Гравюра

Литературный музей, Москва

им рипостировать отдельно. Если бы так, то худого ничего не будет — можно будет пустить в ход еще суплемент. Не пришлешь ли ты такую писульку, что мы, мол, не стеснимся суплементами и издадим сколько и когда захотим? Сегодня Черн[ецкий] прислал мне набор половины моей статьи. А вообрази, что статью Вихер[ского] он еще не начинал, потому что торопится с мальвидиной книгой⁴, которая еще не готова, и опаздывает «по ее вине, потому что она предисловие поздно прислала» (?). — Я теперь этим уже не занимаюсь: она ли не хочет меня беспокоить корректурой или сердится за то, что не нашла во мне большого сочувствия к увражу; я все же бы никогда не отказался быть ей полезным корректором. Вихерский мне пишет большую благодарность тебе и ручается, что он как возможно скорее разочтется прямо с типографией; мне же присылает в дар кой-какие (ненужные) книги. Но письма его очень любезны и умны. Вообще, он должен быть весьма порядочный человек. По моему мнению — об его книге надо напечатать *annonce* в *Suplement* — но как — с выставлением *женевск[ой]* типографии или нет? Чорт знает, *сато мио*, серьезно советовать решительно не с кем, а сам я ужасно нерешителен. Но решаюсь тебе послать корректуру, сколько набрано, моей статьи. Если тебе решительно противно — то похерь и всё тут⁵. Продолжать я все же продолжаю и тороплюсь. Но эту половину посылаю, потому что не знаю — послал тебе или пошлет тебе Черн[ецкий]? Лучше же быть уверенным, что она послана. — При сем также посылаю объявление русского монитера, который, по моему мнению, нам иметь необходимо. Это выйдет 160 фр[анков]. — Из денег, которые мне Тх[оржевский] выдаст завтра или в понедельник — я могу уделить на подписку, если у Георга сборных денег уже нет. Но стану ждать твоего разрешения. — Жук[овскому] напишу завтра. Пока он ответит — узнается, есть ли у Бенды деньги или нет; если нет — я могу тоже выплатить из 1100 фр[анков], за которые очень тебе благодарен и воспользуюсь ими, чтоб из них в зачет пошло на будущие месяцы. Посмотрим. — Тут из твоего пальто одет щегольски, вчера все пел о тебе (называя тебя Александр Иванович) и о Тате, и вспомнил о Мейзенбург. Она была очень довольна тем, что у него очень развивается ухо; но кроме того — он очень забавен и не глуп, хотя непозитивное понимание развивается туго — Генри принес мне свой *finissage* часов; работает он, в самом деле, хорошо. Сорде еще раз ему повторил, что в этом году он возьмет его в работники и что он сам может зарабатывать свой хлеб, чего ему, кажется, очень хочется, потому что прежде всего это натура честная.

Третьего дня я случайно взял в шкапу «Полярн[ую] Звезд[у]» 1824 г. — и остаюсь под ее влиянием. Даже мне все снится твоя маленькая комната под лестницей.

Ну, прощайте, *carissimi*. — Пора.

Саше стану писать завтра.

Вообще, я не доволен ничем, кроме лизиного портрета, который стоит на фортепьянах, и случается, что я не могу отстать ни от портрета ни от фортепьян.

Тх[оржевский] рассказывает разные тревоги. Но для меня самая противная моя тревога о том, что у них правительство и паны *insigne* начинают обирать крестьян и это будет *universal* и в России.

¹ Датируется по письмам Герцена от 28 и 29 декабря 1868 г. (т. XXI, стр. 262—263).

² Речь идет о журнале «Herald», издаваемом А. Гончаренко в Сан-Франциско в 1868—1869 гг. См. комментарии к предыдущим письмам.

³ «...Жаль, если «Прибавление» выйдет прежде отзыва в «Голосе» и «Московских Вед[омостях]» о прекращении «Колокола», — писал Герцен. — Это молчание —

лучшее доказательство, что «Колокол» следовало прекратить: никому в России дела нет, выходит он, не выходит...».

⁴ «Мемуары идеалистки» М. Мейзенбург, изданные в 1869 г.

⁵ «...Твоя статья превосходна, — отзывался о ней Герцен, — и ты сам это знаешь, но à la Boris Godounoff скромничаешь и кокетничаешь... Я жалею об этой статье, потому что «Прибавление» никто читать не станет...». Статья Н. П. Огарева «Голод и новый год» была напечатана в прибавлении к «KoloKol'u» 17 февраля 1869 г.

93

7 янв[аря 1869 г.]¹ Четверг

Письма еще от тебя не приходило, но все равно хочется написать тебе несколько строк, хотя бы сказать, что я так себе — ничего — живу, здоровье весьма порядочно, хотя погода переменчивая и большей частью туманная, сильно располагает к простудам, но к маленьким, о которых не стоит говорить. Ушиб М[эри] — ничего, так только в самый момент немножко пугнул, она шла в темноте и наткнулась лбом на растворенную дверь; маленький синячок уже и прошел совершенно. В ваше выздоровление я имею какую-то веру, потому что после сильной остротки, уже минувшей, кажется, ничего серьезного не может быть; хотя все же не могу преодолеть какую-то внутреннюю дрожь в ожидании твоих писем.

Статья моя подвигается². Черн[ецкий] пока занят набором статьи Вихерского. По правде сказать — она уже должна бы быть набрана; но с ним не сладишь, и он в самом деле в бедственном положении; я с ним спорить отказываюсь, потому что бесплодно. Он остался вдвоем с Даничем; других работников нет. Специально занят с Даничем (!) корректурой мальвинных записок, торопится, не может ни с чем поспеть. Работы, которые под руку попадают, пропускает. Страдает опять ревматизмом. Чорт знает что такое! Есть надежда на какую-то ассоциацию, которая, кажется, и выгодна, но все это вопрос. Для его осуществления, может, надо больше уметь, чем у него хватит. А в сущности, он и добрый человек, по крайней мере таким оказался в стараниях помочь двум польским мужикам, которые убежали от рекрутчины, чтоб ехать в Америку. Приехали в Лондон (не знают ни слова, кроме по-польски) с двумя евреями из своего края; евреи взяли достать им билеты на пароход в Америку (по 30 талеров на человека), взяли деньги, оставили их подождать на берегу, сами сели на пароход и уехали. Так они остались без гроша. Кой-с-какими помощами перебрались во Францию, где месяц работали на железной дороге в Лионе (по 3 фр[анка] в день); через месяц им сказали, что работы больше нет, чтоб искали в другом месте. Кто-то посоветовал им переехать в Галицию. Таким образом, они очутились в Женеве без гроша, без языка и без работы. Чернец[кий] хлопочет об них с благороднейшим усердием.

Ну! вот был и Тх[оржевский]. — Еще штука! Черн[ецкий] начал печат[ат]ь обёртку для мемуаров Мейзенбург. На обёртке поставлено *tomе premier*, — Георг не хочет принять, ибо неизвестно будет ли и когда будет последующий том, говорит, что он так взяться не может ни за какую продажу, кроме как на комиссию. *Sta viator!* Тх[оржевский] писал вчера вечером к Мейзенбург, и теперь еще задержка издания, вероятно, на неделю. — Сверх всего, мне кажется, что у Чернецкого какие-то свои маленькие расчеты экономии на бумагу, на работу и пр., и если у него не будет *associé*, который вел бы дело — он, без сомнения, не может существовать.

Кстати, к моей статье. — Что значит твой *Sta viator* насчет моего примечания о Мартьянове? Все ли его похерить или что изменить — я не

понимаю? Мне кажется — что ж делать, что больно, лучше же пусть будет больно, но немножко воскресить память недюжинного человека. Но во всяком-случае, я жду от тебя объяснения, ибо не понимаю.

За сим кладу письмо в пакет и посылаю на почту, и опять неугомонно возвращаюсь к моей статье.

Да! Я несколько прерывался, чтоб прочесть статью Скалдина³ в «Отечест[венных] Записках», которой больше 100 страниц и с которой я готов враждовать, но в которой материалов куча. Все эти интересные вещи задерживаю до конца недели, ибо не могу обойтись без них. Тебе надо будет непременно осилить скуку и прочесть эту статью; кроме иной раз скуки и противности, есть слишком много симпатичного по пониманию и интересного по огромной работе. Там же статья Демерта⁴ (Из недавней поездки), которая и интересна, и умна, и забавна. Там же статья о Кельсиеве⁵ превосходнейшая. Из стихов разве стихотворение Пушкирева (С натуры), а то больно неизящно, а иной раз доходит до бессмыслицы.

Обнимаю вас всех, carissimi и addio!

¹ Датируется по письму Герцена от 3 января 1869 г. (т. XXI, стр. 269).

² Статья Н. П. Огарева «Голод и новый год» в «KoloKol'e» от 17 февраля 1869 г. Герцен давал такой отзыв о ней: «Твоя статья превосходна, и ты сам это знаешь... Я поставил X на sta viator при имени Мартынова — как-то тяжело, и вымарал слово патриотизм, как больно приевшееся...».

³ Статья Скалдина «В захолустьи и в столице» — в декабрьской книге «Отечественных Записок» 1868 г. Скалдин — псевдоним Ф. П. Еленова, члена совета Главного управления по делам печати. «Захолустье» необычайно интересно, — писал Герцен 24 января 1869 г. — Это поэма, от которой мороз дерет по коже».

⁴ Статья Демерта «Из недавнего прошлого» там же.

⁵ Статья о Кельсиеве Н. К. Михайловского, там же.

Я уж думал, саго тiо, что ты начинаешь мне мстить — за то, что я реже пишу. Но вот пришло (сегодня в 1-м часу) твое письмецо от 9 янв[аря], а с тем вместе пришел и Тх[оржевский], которому я передал его половину твоего письма. — Я уж боялся, не хуже ли у вас, и ведь знаю, что будь хуже, ты бы поторопился писать, а все настолько изверился в жизнь, что ни с того ни [с] сего боюсь. Но вот у вас, кажется, все благополучно, только о татиных пятнах на лице ты ничего не пишешь.

Ты читаешь Бальзака! Оно, может, и хорошо, но все же должно быть скучно — и выработал ли Бальзак элемент, из которого развилось последующее — что-то сомнительно. Для этого надо в самом деле приняться перечитывать, но едва ли хватит терпенья. Все иное интереснее. А я перечитывал Гейне и увлекся до стихотворства и ужасно утомил себя, а результата не вышло; но еще раз примусь. Дай только суплемент покончить. Сейчас сдал еще отдел Даничу; надеюсь, дня в три все кончу. — Брошюра Вихер[ского] подходит к концу, но, как я тебе писал — мудрено концы сводить; у Черн[ецкого] только Данич; будь это порядочно устроено, давно бы было набрано. Тх[оржевский] говорит, что «Кол[окол]» (суплемент) с брошюрой одновременно пускать нельзя, что ни один книгопродавец не возьмет. Я, признаюсь, ничего в этом не понимаю. Во всяком случае, думаю, что брошюра должна быть готова, когда в «Кол[околе]» будет объявление о ней, чтобы тотчас желающий мог и купить ее. Корректируя ее, мне еще раз показалось, что публика русских путешественников станет ее читать с большим любопытством.

У Черн[ецкого], кажется, новая ассоциация налаживается. Посмотрим. —

Вырезаю тебе из № 275 «Моск[овских] Вед[омостей]» (20 дек[абря]) письмо Васильчикова о Погодине,² — только для того, чтоб тебя усладить деятельностью Мих[аила] Пет[ровича].

А старики вымирают — Снегирев³ умер в Марьин[ской] больнице в Петербурге, в величайшей бедности. Кукольник⁴ умер.

Тх[оржевский] приносил французский Клош. Посылать его тебе не годится, да не знаю, и за чем бы. Неужто только потому, что он воспользовался эпитафией *vivos voco* и поместил страничку о шиллеровской глоке. А впрочем, это довольно ничтожное издание, даже с роялистским оттенком.

ВНУК ГЕРЦЕНА АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (ТУТС)

Фотография, 1860-е гг.

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

Жуков[ский] у меня был. Я ему заплатил (90 фр[анков] — 2 фр[анка] остался должен), а с Тх[оржевским] расчелся. — Ничего Жук[овский] не поглупел...

Ольге и Мал[ьвине] я писал, Саше и Тер[езине] писал. Теперь обнимаю вас всех и посылаю письмо. М[эри] идет на почту и кличет: «*Franceline, donnez du petit bois for the fire of Monsieur*», и не удовлетворяясь, подтверждает: «*non! c'est trop large, donnez du petit shaving*».

Тутсу она сама сшила еще 2 пары панталон и очень хорошо вышло, не хуже портного.

Пойду в сад походить. Нога с машинкой ничего, а без машинки никуда не годится.

¹ Датируется по январским письмам Герцена 1869 г.

² «Письмо к издателям» И. Васильчикова в № 275 «Моск. Ведомостей» от 20 декабря 1868 г.

³ Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — профессор Московского универ-

ситета, знаток московских древностей, автор ряда работ по истории русской письменности и фольклору.

⁴ Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — писатель; автор пользовавшейся большой популярностью в 30-х годах казенно-патриотической пьесы «Рука всевышнего отечество спасла». Герцен так характеризовал Н. В. Кукольника: «Такие цветы могли распускаться только у подножья императорского трона и под сению Петропавловской крепости».

95

14 янв[аря] 1869 г.]. Четверг¹

Писем от тебя нет. Получил ли ты две мои записки? Тх[оржевский] не бывает у меня, на что-то сердится. Теперь скоро 3 часа, а его еще не было. Ради всех не святых, напиши хотя строчку.

Корреспонденции одна хуже другой. Писать обстоятельнее теперь я не хочу. А дела все-таки клеятся.

¹ Датируется по январским письмам Герцена 1869 г.

96

17 янв[аря] 1869 г.]¹. Воскресенье

Вчера получил твое письмо от 14-го с татиным письмом к Тх[оржевскому]. — Хотел вчера же писать, но отложил и кончил статью² в Суплемент. Прежде всего об этом: я все же — не как царь Борис или Алексей — а просто, как я сам, недоволен ею; иное вышло скомкано, другое длинно; но я не могу ее не поместить, потому что она все же plus ou moins кстати. Посмотрю — найдет ли читателей! Но она возбуждает другой вопрос: Суплемент выходит $\frac{1}{2}$ французск[ий] и $\frac{1}{2}$ русск[ий]. — Тх[оржевский] плачет об этом и говорит, что надо напечатать на 2-х разных листах, поставив русское прибавление особо, что иначе французск[ий] «Кол[окол]» убьешь, что французских читателей не будет, что ни одна книжная лавка не возьмет ни на комиссию, ни в покупку. Я, сато mio, совсем этого не понимаю — и поэтому вынужден согласиться. Что ты скажешь?

Ждал вчера Черн[ецкого], но он не был. Его дело in spe, кажется, слаживается; но его дело теперь идет ужасно тихо. Вихерский остался в Брюсселе ждать высылки брошюры, я до сих пор корректуры 2-го листа не имею. Все это довольно неловко и скучновато, но, кажется мне, неисправимо, и потому надо вооружиться терпением.

Теперь жду Тх[оржевского] и отправлю тебе «Отеч[ественные] Зап[иски]» и «Вест[ник] Ев[ропы]» (2 части). Прочти (или перечти, если читал) статью Колопанова, хотя бы и скучновато было; но таких коренных вещей пропускать нельзя. Ты из них увидишь — почему я мою статью, хотя и прискорбно недоволен ею, считаю кстати. — О других статьях я тебе, кажется, писал; заметь статью о мировых посредниках в «Вестн[ике] Ев[ропы]».

Вечером. Давеча ходил обедать, и Тх[оржевский] с нами обедал, и gigot был превосходный, и вино, которое мы берем боченком, превосходное и обходится вдвое дешевле. Тх[оржевский] поздоровел и пьет только вино, коньяку не пьет. Все возится с принцами. Вчера обедал с маленьким Долг[оруковым]³ ужинал с полумаленьким Горч[аковым] et coetera. — Но я не поздоровел, Герцен, ибо лихорадка продолжается и обращается в невралгию надглазного нерва; этого я давно жду. Если завтра не будет лучше, то примусь за хинину, как единственное испытанное средство. Погода продолжается ужасная, полухолод, полутуман; света дневного настоящего не видать. — Вы, кажется, все поздоровели; Лиза толстеет, но что же она делает? Что давно не пишет?

Посылаю тебе вырезку из последней «Современной Летописи» (п. 46, декабр[я] 29). Я было хотел ее перепечатать с примечанием: «Да, да! и они правы, потому что тут действительное большинство невозможно». Но раздумал.

Занимаешься ли ты Востоком и конференциями? Я никак себя на это натянуть не могу. Все думается, что изменить в этом я ничего не могу; а узнаю — что и как только по окончании, или когда-когда кто кого чем прихлопнет. Ну их... и т. д.

Черн[ецкого] все жду, жду. Вероятно, сегодня будет. Было бы странно, если-б не был и не принес никакой корректуры. В самом деле, заказчики не обязаны же знать, что у него рук нет.

Об Вихерск[ом] и моей переписке с ним напишу в другой раз. Мы полемизируем насчет Прудона. Мне он начинает казаться маленьким, хотя его письмо к Трепову, я думаю, найдет сбыт.

Теперь прощай. Напишу Тате важнейшую новость.

¹ Датируется по январским письмам Герцена 1869 г.

² Уже упоминавшаяся статья «Голод и новый год», напечатанная в приложении («супplemente») к французскому «Колоколу», вышедшему 17 февраля.

³ В. П. Долгоруков.

⁴ Н. М. Горчаков.

(У нас полиция переменяла все нумера для успеха цивилизации).

Сегодня пришло твое письмо от 17—19-го. Итак, Лиза не миновала². Теперь твой черед. Экая напасть какая! Я рад, что ты нашел русского придворного доктора из немцев³. Я не галолоб, и потому мне кажется, что французская наука немножко падает. Счастливо, что все так тихо миновалось. Не знаю, насколько верить вашему с Щ[ербаковым] разложению мочи — но мне кажется, что тебе с весны еще раз надо посетить Виши. Не знаю, как у вас — мистраль или нет; у нас биза и холод до стучания зубов; целый день не могу согреться, хотя от этого ни ноге и ничему не хуже. Смотрите же теперь не застудите как-нибудь Лизу. Для меня совсем новость смесь и антиномия кори и вариоли. Эх я давно не следил за патологией! А ведь оно раскрывает глаза на вещи, хотя бы и не было специальным занятием. Примусь опять, погода немного.

Твое письмо от 14 получил и тебе писал не позже 17-го или 18-го. — «Отечест[венные] Зап[иски]» тебе отправлены в понедельник, а затем 2 кн[иги] «Вестн[ик] Евр[опы]» — октябрь и декабрь. — Ноября у меня нет — у тебя он что-ли или нет? Майору их я не давал, но пользовался до окончания моей статьи, о которой я тебе писал, что недоволен — иное скомкано, другое длинно и слишком многое недосказано. — Черн[ецкий] обещался набрать дня через два, но вот уже, кажется, 5 и ничего нет — ни середины ни конца, и не могу добиться, как можно издать «Кол[окол]». Вихерского он, наконец, набрал, но еще не отпечатал. Обещался на этой неделе — но сомнительно. Даже еще мальвидины мемуары не покончены. Она пишет к Тх[оржевскому] и сердится. — Мне кажется, Черн[ецкий] находит, что ему дешевле работать вдвоем с Даничем, хоть эта манера и задерживает все и всех. — Ты хочешь его пристроить? Это мудрено; но делай как знаешь. Я могу и ошибаться от внутреннего неудовольствия. Об его новой ассоциации еще успеем списаться; все же еще недели три не скроится. Но не будь ее — плохо; с его экономической работой он все заказы растеряет. — Теперь полдень, жду Тх[оржевского] — может что узнаю новое.

Вот и Тх[оржевский] был. Нового ничего нет, кроме того, что Гор[чаков] нездоров. Мне вдруг в голову пришло: вот и еще князь померет и еще 30 т[ысяч] оставит Тх[оржевскому]. — Отчего же и нет? Ведь жить всем почти не для чего.

Что тебе за радость, что Выруб[ов] не враг? ⁴ Дружба *demicompte* *поп генди* не веселее вражды малоумных.

Ма[льв]и[идиных] мемуаров тебе Тх[оржевский] вчера отправил 2 экземпляра.

Кончивши статью, сдавши фортепиано to my old Mooser — я с горя принялся писать мои мемуары для Таты. Но вдруг меня прострелило стихоизвержением, и я стал писать «Панораму восточного вопроса» ⁵ в стиле, как у нас рассказывают панораму мужички на ярмарках. Думал, что поспею что-нибудь послать из этого сегодня; но нет — не так скоро дело делается. А на-днях, надеюсь, пошлю на имя Таты и Лизы. Штука выйдет злая — только боюсь, что не удастся; мудреней, чем казалось сначала. Спасибо тебе за грецкие орехи, постараюсь их попробовать.

А какова речь, *саго mio*? Что Вихерский хвастает мне красноречием в защите несправедливого дела? Вот это так красноречие! Куда им всем маленьким до такого огромного?

«Отеч[ественные] Зап[иски]» тебе посланы 17-го. — Тх[оржевский] говорит, что всегда на новый год есть задержка в газетах. А в России жалуются на новые исправленные почты. Вояжеры жалуются здесь, а «Моск[овские] Вед[омости]» даже жалуются на неверность в денежных расчетах новой исправленной почты.

От Черн[ецкого] сегодня еще ничего не получал. Плохо дело! — Сам буду теперь писать тебе чаще, потому что хочется. А теперь прощай. Посылаю на почту.

Мечник[ов] из Шпании воротился, ибо мало корреспонденции. — Тх[оржевского] он видел. У меня еще не был. Но желает писать статью в «Пол[ярную] Звезду».

¹ Датируется по письму Герцена от 24 января 1869 г. (т. XXI, стр. 274).

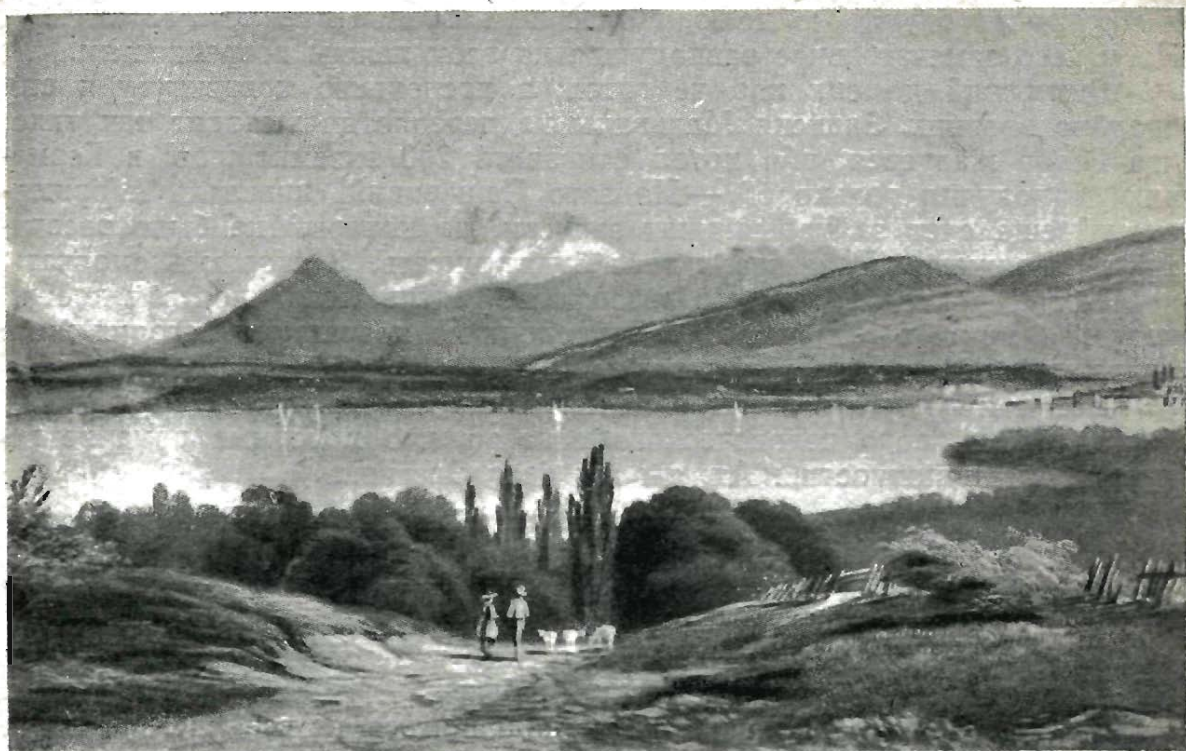
² В письме к М. К. Рейхель от 22 января 1869 г. (т. XXI, стр. 274) Герцен писал: «...После Нат[алии] Ал[ексеевны] занемогла Лиза. Болезнь, впрочем, все шла слабее; Тата лежала четыре недели, Нат[алия] Ал[ексеевна] — две, Лиза — одну, у нее была корь, смешанная с оспой...».

³ Доктор Роберт Герард Альфредович, в 1868—1869 гг. живший в Ницце.

⁴ Герцен отвечал: «...Выруб[ов] сегодня едет. Ты напрасно слишком нападаешь на него. Он даже гораздо добродушнее, чем кажется под доктринерской ваксой. Я не вижу необходимости отгонять людей чистых...» (т. XXI, стр. 274).

⁵ «Панорама восточного вопроса» — поэма Н. П. Огарева, написанная в форме раешника.

Думал писать вчера и раздумал. Все читал. 3-го дня вечером получил «Неделю» от 4 п^о до 52. — Вчера утром послал тебе с Тх[оржевским] п^о 48. Ну вот и дождались. Но до 48 п^о — мне все кажется уже читанное. Напиши мне, какие п^о у тебя. Сегодня Тх[оржевский] тебе отправил от 49 до 52. Это, мне кажется, новые. Заметь 51 п^о. Там разбор статьи «Рус[ского] Вест[ника]» о заграничной печати. Жиденько — да, видно, иначе нельзя. Также послал тебе два п^о «Москов[ских] Вед[омостей]». — Завтра пошлю еще, и буду посылать пока не получится «Голос», который Георг опоздал выпиской. — Но интересу особого и в «Моск[овских] Вед[омостях]» нет; даже, кажется, с нового года скучнее. А может, это так мое расположение и нелюбовь чи-

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО

Акварель Г. Мотто

Эрмитаж, Ленинград

тать большие листы. Даже писать неловко, *caro mio*, руки от *chillblains* так распухли, что хожу в перчатках, которые до-смерти надоели, а снимать их на время чтения и письма тоже неловко.

Сегодня Тх[оржевский] принес записочку Лизы, письмецо Таты и твое письмо. Лизе и Тате стану писать на-днях. Теперь только свидетельствую мою сердечную благодарность Тате за ее письмецо Тутсу. Он покраснел от радости, когда Тх[оржевский] ему отдал его. Г[енри] ему читал его. Тутс все носит его в кармане и в школу с ним ходит и вечером еще заставлял читать. Давеча он только одним обиделся было, что это не совсем письмо, потому что только на полулистике, а не на целом листике — и чуть-чуть не расплакался. Тх[оржевский] ему дал какой-то бумажничек, куда положить письмо — он и утешился и прочел Тх[оржевско]му такую благодарственную спич, что есть задаток ораторства. Третьего дня — он решил, что ему необходимо учить Мэри по-французски и потому стал переводить ей английскую песню и перевел следующим образом.

Cheer, boys, cheer —
My mother has à got mangle,
Chaise, garçons, chaise.

Ну — и довольно об Тутсе.

Г[енри] третьего дня ходил к М-ме Мерч[инской]. — Вообрази, что она больше месяца не имеет никаких известий ни от мужа ни от сына. Может и ничего особого, но все-таки это меня весьма беспокоит, и я с нетерпением жду известий.

Черн[ецкий] меня не мало беспокоит иным манером. Наконец — я корректуру моей статьи получил сегодня по почте. Эти несколько страниц он набирал с понедельника, а перед этим еще недели две тому 2-я доля статьи была у него, и набор тоже только пришел сегодня. А

я его просил оную, 2-ю долю, тотчас по набрании послать листки тебе. Но у него замечательное равнодушие ко всем нашим потребностям.

Вихерский до сих пор не готов, а последнюю корректуру я ему сдал во вторник. Записки Мальвиды из переплетни выходят так тихо, что Георг жалуется, ибо хотел отправить 200 экзempl[яров] в Германию, а получил только 50. — Но зато Черн[ецкий] прислал Тх[оржевскому] еще счет за мальвидины записки, на который не было рассчитано. Тх[оржевский] завтра к тебе будет писать. Я стараюсь смолчать, но боюсь, что кончу тем, что рассорюсь. Теперь, когда до тебя достигнет *mise en page* — я не знаю. Я последнюю корректуру сегодня же и отправил обратно с Тх[оржевским].

Вот и я жалуюсь! А ты, мой милейший, все жалуешься — и на неблагодарность рода человеческого и на то, что холодные дома не искупают неподвижности... Ах, ты *my dear* Онегин...

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест —
Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест.

Герцен, Герцен! Неужто ты думаешь, что можно устроить жизнь без климатических, патологических и нравственных неприятностей? Этому, до некоторой степени, пора подчиниться и все же, уходя в свое внутреннее одиночество, разрабатывать свою живую жизнь. — За сим *addio* — *amici*.

Нет еще не *addio* —

Я все вожусь с моей поэмой. Ужасно мудрено. Не знаю, слажу ли. А ужасно хочется поскорей, а почему — об этом после.

Теперь в самом деле *addio* — руки просятся в перчатки.

¹ Датируется по письму Герцена от 27 января 1869 г. (т. XXI, стр. 277).

99

26 янв[аря 1869 г.]¹. Вторник

«Мороз и солнце! День чудесный!»

(Пушкин)

Не знаю, с чего, но я был уверен, что от тебя будет письмо. Ждал — и в полдень получил (при выдаче 70 сант[имов] *affranché insuffisant*). С тех пор обедал, и Тх[оржевский] у меня обедал. Теперь пишу, стараясь поспеть к последней сегодняшней почте (3½ часа). Пишу на чужой бумаге, потому что много чужого решил тебе послать. Бумага эта принадлежит сумасшедшему поляку, которого польское письмо тебе посылаю, наконец. Тх[оржевский] мне советовал отвечать ему, что тебя в Женеве нет. Но я сомневаюсь, ловко ли это, и потому посылаю тебе его письма. Рассуди, что ему отвечать, или — как я думал — ничего не отвечать. Боюсь, что сумасшедший человек начнет писать дерзости. Я не решаюсь, на что решиться — и прошу твоего решения. Очевидно, этому дураку писать надо Цюрих *p[oste] r[estante]*.

Фортепьян хорошо сделал, что сдал, ибо пора заплатить чортову пропасть, а теперь руки все в таком положении, что мудрено не только двигать их по клавишам, но даже письмо и пр. насилу пишу. И эта штука почти у всех, и у Мэри, и даже началась у Тх[оржевского]. — А пишу я, сколько производительности хватает. Панфлет² скоро вышлю, но ведь он вроде «Пунша», и так как задевает всех, то также спрашиваю твоего мнения — посылать — хоть на имя Лизы или оставить до путешествия пана. Мне ведь казалось, что можно будет прибавить к прибавлению «Кол[окола]», но, очевидно, не поспеет, да и не знаю, насколько тебе понравится. Понравится даже настолько, чтоб

посылать в «Пол[ярную] Зв[езду]»? Теперь скажи мне, посылать ли по почте в Ниццу? Оно, конечно, по-русски, и в последнее время письма приходят хорошо. Вот газеты — другое дело. «Голос» пришел 8-й №. Это должно быть русские почты крадут. — Я рад, что ты доволен статьями Скалд[ина] и пр., и ужасно рад, что ты доволен моей статьей, хотя я все же выжидал отделать гораздо более. Твою корректуру Тх[оржевский] взял сейчас отдать Даничу, с которым встретится. Я ему указал на твои прибавления в анонсах. *Mise en page* будто бы сегодня поспеет, и Вихерский будто бы сегодня поспеет. Нет, Герцен, я не думаю, чтоб Черн[ецкий] хорошо сделал, что остался так, что уж нельзя ко времени работать. А работы он растерял, потому что никогда к сроку не готовил, или потому, что ему так хотелось. Он был у меня 3-го дня. Его ассоциация плохо слаживается³. Ландскрон дает 5 000 фр[анков]. — Но, по расчету Черн[ецкого], 4 000 выйдут на переезд и покупку новой машины, и требует 10 000. Даже сам хотел занять 5 000 у одного поляка (кажется, Кашперовск[ого]), но тот не дал. Ландскрон надеется завлечь Миллер-Дариана. Теперь, хочешь ты сам что-либо в этом помочь Черн[ецкому] — думай; я ему ничего не говорил о твоей готовности помочь. Очевидно, дело у них останавливается за 5 000. — Лучше, если будешь сам Черн[ецкого] спрашивать, а не хочешь — пожалуй, через меня. С Тх[оржевским] они едва ли сговорятся. — Мне это все весьма прискорбно и скучно. Скучнее даже того, что твою последнюю корректуру «*Cogitate et visa*», которую я помню, что Черн[ецкому] отдал, и он помнит, что я ему отдал, но найти у себя не может; а у меня решительно нет; я все перерыл и в старых корректур нашел, а этой нет. Но Черн[ецкий] говорит, что можно поправить в *mise en page*'е.

Тут целые дни примеривает татины рубашечки и панталончики, которые принимает за колпачки, надевает на голову. — Г[енри] сильно простудился. — Я не могу жаловаться — кроме того, что дрогну от холода, как в лихорадке, и что руки в безобразнейшем положении. Оно немножко мешает, но уже не слишком.

Хорошо, что ваша санитарная часть поправляется. Цалую вас всех и посылаю на почту (25 м[инут] 4-го).

¹ Датируется по письму Герцена от 24 января 1869 г. (т. XXI, стр. 274—275), в которой читаем: «По санитарной части все исправно. Тебя поздравляю с N, зато нисколько не апробую, что ты себя лишил фортепьян. Ты их держал месяцев десять, не играл, и отдал, когда стал играть...».

² «Панфлет» — поэма Огарева «Панорама восточного вопроса».

³ В 1869 г. Чернецкий запутался с своей типографией в долгах, пытался организовать «ассоциацию» — типографскую компанию, с привлечением некоторых женевских книгопродавцев, издателей и типографов, о чем и пишет в данном письме Огарев. Миллер-Дариан, Ландскрон и др. — повидимому женевские типографчики, с которыми Чернецкий вел переговоры.

Чудная страна —
Город наш Женева!
Светит мне луна
Справа да и слева.
И не в труд нисколько
Сладить штуку эту:
Обращайся только
Разным боком к свету².

Это писано 3-го дня, когда было чудесное лунное сияние; но сегодня английский туман, дождь и verglas такой, что Тх[оржевский] боится сломить ногу, и Г[енри], идя к Сорде, упал, но только похотал. Я же сегодня весь день занимаюсь «Колоколом», типографией и Черн[ецким]. — Корректуры все справил, как мог, но не разрешил печатать без твоей корректуры, потому что во внутреннем листе «l'homme se sent en cadres unheimlich» как-то неловко. Давид говорит, что непонятно — может больше потому, что он по-немецки совсем не понимает. А твоя последняя корректура пропала — не знаю как — я ли виноват или Черн[ецкий] — чорт знает. — Для меня также чорт знает — почему мне Черн[ецкий] говорил постоянно, что не довольно рукописи для 2-х листов, так что я отдал даже маленькую франц[узскую] заметку нашего милого Л[угинина?] (которая мне то нравится, то нет), а в результате то, что нет места для объявлений. Я непременно требую сжать, чтоб осталось место для объявления о брошюре Вихерского, что Черн[ецкий] находит возможным. Но все же без твоей корректуры mise en page — я не позволяю печатать. Всего выйдет дня два разницы. Я думаю, все равно — а пометить можно 31 янв[аря] — вот и все. Mise en page тебе послан без моего просмотра, лишь бы вышло поскорее. — А брошюра Вихерского вчера поспела, и ему послано 24 экзempl[яра], а тебе 4 послано сегодня. — Дело Черн[ецкого], кажется, не слаживается. Миллер-Дариан не хочет ничего, кроме своей особой типографии. — Ландскрон (т. е. associé in spe Чернецкого) не находит никого, кто бы ему дал займы, а капитала своего у него чуть ли не меньше 5 000. Ему же предлагают место в Германии — так едва ли что уладится. Но он еще до 1-го марта остается ассосье в Женеве. Стало, теперь — хочешь ты что предложить Чернецкому, чтоб дело настроилось — это как знаешь. Черн[ецкий] чуть ли втайне не рассчитывает на это и со мной говорит ради того, чтоб я тебе писал. Но это, право — как знаешь. Что он без этого немедленно провалится — это несомненно. Почему им для начала 3-х или 4/т[ысяч] мало, почему необходима тотчас новая квартира и новая машина — я этого не понимаю, так же, как не понимаю, как можно было растерять работу, которая была. Но все же ты имеешь 10 или 15 дней на собственное рассуждение. Может, они и правы — я признаю себя некомпетентным. Я до сих пор старался подстрекать на ассоциацию, а от всяких иных требований или надежд отвертываться и отмалчиваться.

Тх[оржевский] нашел, что погода такая скверная, что хочет завтра съездить в Веве.

Что же еще, caro mio? Хотел писать что-то много, но уже 8-й час и перезабыл. Вот что — об разных твоих запросах еще не отвечал и лучше напишу послезавтра. Сегодня поздно, посылать никого не хочется, ибо в самом деле ужасно. Самому лучше, потому что немножко теплее, но руки все еще насили двигаются и распухли и изранились. (Idem у Мэри и у Францелины³ — стало, это что-то климатическое). — Одно помечу: «Народного дела» не видать⁴. Знаю, что Бак[унин] со всеми участвующими видится, но в каких они отношениях, знать не могу. С работниками они что-то много хлопочут и даже интернационально — но как и что — мне знать не от кого. Даже Мечник[ов] у меня еще не был. — Я довольно одиноко работаю — и даже на это не жалуясь, ибо когда кто приходит — то мне начинает быть скучно.

Сегодня с статьей Вих[ерского] посланы тебе «Моск[овские] Вед[омости]» (два n^o), но в них, кажется, ничего нет. — В Календаре, тобой присланном, нашел Петербургские Вед[омости], но еще не читал, а тобой ничего там не отмечено. — Послезавтра пошлю тебе новый (январ[ский]) «Вестн[ик] Евр[опы]», который меня

интересует и вместе с тем сердит. Но лучше об этом напишу при посылке.

Ну! Как вы? Надеюсь завтра получить письмо.

Обнимаю вас всех и перестаю писать, ибо просто дрожать начинаю — надо идти к камину и к перчаткам.

¹ Датируется по тому же письму Герцена, как и предыдущее.

² Впервые напечатано в «Вестнике Европы», 1907, № 5.

³ Францелина — прислуга.

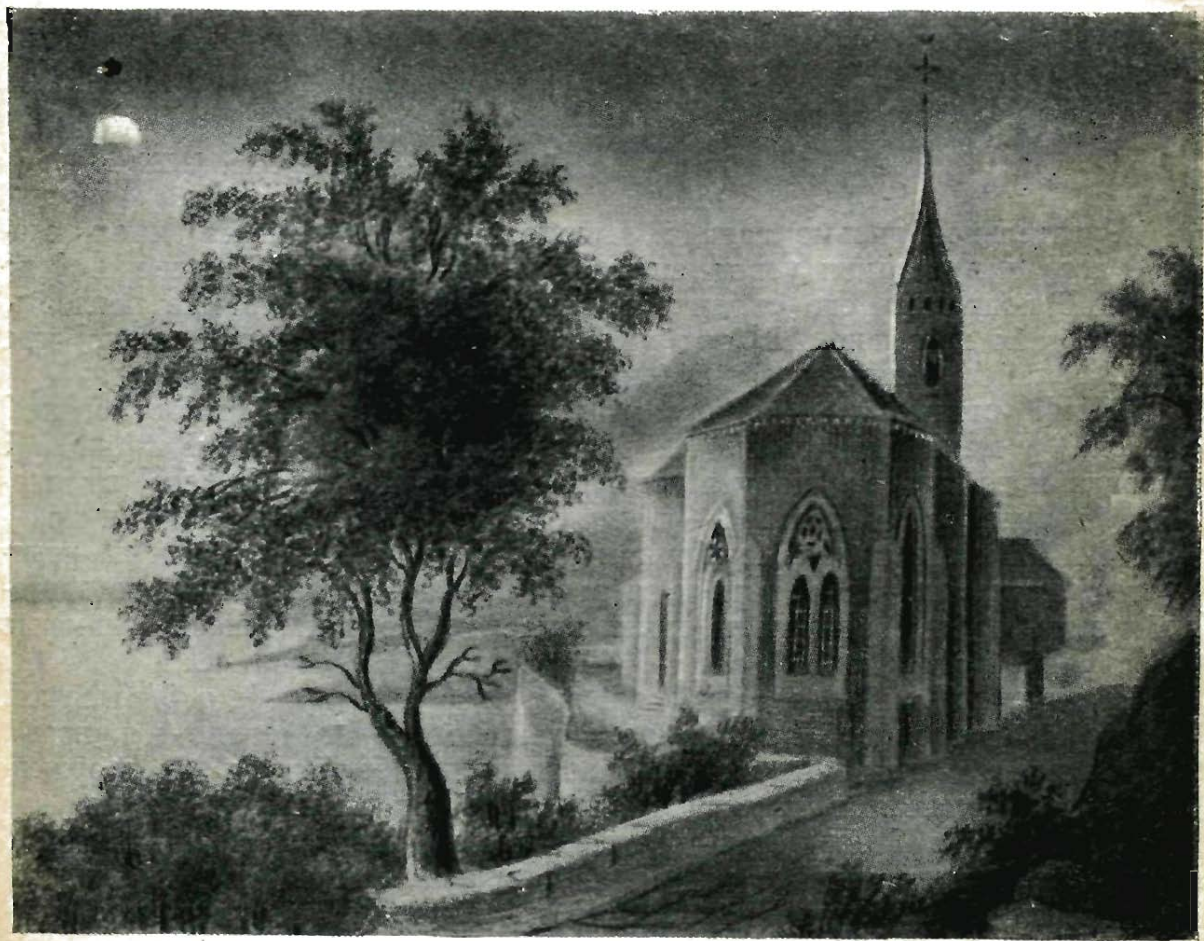
⁴ Ответ на запрос Герцена: «Неужели вы не можете узнать, выходит или нет «Народное Дело» и почему не выходит. Интересно также знать: а) о деятельности Бакун[ина] с работниками, б) об его отношении к «Народн[ому] Делу»... (т. XXI, стр. 275).

101

Понедельник 1 февраля [1869 г.]¹

Дяде.

Сегодня утром получил твоё письмо и ждал до полудня Тх[оржевского]. — Но в полдень получил от него письмо из Martigny. Он воротился только сегодня вечером. Стало — ждать нечего и послать все сие в 3 час[а] на почту. — При сем тебе о чем я писал — и твоё дело решить употребить это куда-нибудь в печать — или в камин. Возвращать мне, разумеется, не нужно, ибо оригинал у меня есть, а только написать что и как. — Я ждал, что уже придет от тебя mise en page «Кол[окола]», но о нем и в помине нет, хотя твоё письмо от 29-го янв[а-ря]. — Сегодня южный ветер, удушливый, а в комнатах все же не

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО, МОНТРЕ

Рисунок карандашом из альбома Ховриных

Литературный музей, Москва

слишком тепло. Вчера был дождь и сегодня пахнет сыростью. Я был три недели здоров, а сегодня ужасно нервы взволнованы. А может это и от кашля, который мне невыносимо надоел. А вероятно и все ничего и так пройдет.

Пишущий из Цюриха — едва ли агент — а больше похож на то же лицо. Я тебе писал содержание письма польского: о переводе и издании на русский язык какого-то классического сочинения с латинского — для ниспровержения русского правительства. У тебя же Бернадский². По-моему, этим людям можно только прямо отвечать: невозможно, или ничего не отвечать, ибо завязывание переписки к добру не приведет. От этого я и просил твоего совета. Pardon! — Посылаю тебе сегодня два «Голоса», одни «Моск[овские] Вед[омости]» и «Совр[еменную] Лет[опись]» — 7 и 8 н° «Моск[овских] Вед[омостей]», т. е. где доклад министра финан[с]ов, пришли мне обратно; даже если можно, сегодня посылаемую «Совр[еменную] Лет[опись]», ибо иначе будет трудно иметь под рукою прихода-расход государственный. — Вчера была у меня М-те Мерч[инская]. Наконец, пришло известие, все благополучно; Петя помещен в пансион, арифметика продана. — Черн[ецкого] я вижу редко, Жихоня³ никогда, Мечн[иков] еще не был, Бак[унина] не вижу. — Затем прощай! Писать буду, вероятно завтра. — Напиши же о своем сахаре⁴.

¹ Датируется по январским письмам Герцена 1869 г.

² Бернад[ц]ский — врач, поляк по происхождению, лечивший всю семью Герцена.

³ Жихоня — польский эмигрант в Женеве.

⁴ В начале 1869 г. болезнь Герцена (диабет) стала быстро прогрессировать и Герцен стал проходить курс лечения.

102

Вторник 2-го февраля [1869 г.]¹

Ругательное письмо вашего высокопревосходительства имел счастье получить сегодня утром еще в постели. Ждал Тх[оржевского] до 12, чтоб попросить его сходить в типографию и велеть мне показать, что от тебя прислано. Но вот уже $\frac{3}{4}$ второго, и Тх[оржевского] нет. Ergo, покамест примусь за письмо — может он еще и подойдет.

Мам[?] статью я не самодуром решил печатать. — Долг[оруковские] записки² у меня были только те, которые ты отобрал для «Кол[окола]»; и когда я из них половину выкинул — то получил от в[ашего] высокопревосходительства выговор — почему нет такой-то, такой-то и пр. — Тогда я их все передал Черн[ецкому], который все жаловался на недостаток оригинала. Но теперь и за это получаю выговор. Вот от этого я и не люблю заниматься оным ремеслом, которым иначе занимался бы с удовольствием.

Черн[ецкий] мне ничего не говорил, чтоб писать тебе о 5/т[ысячах]. Я это написал тебе в очистку всех разговоров. Но теперь — я, право, сам не знаю, как ты можешь его спасти и спасабель-ли он? — Тх[оржевско]му и мне кажется, что они могли бы начать ассоциацию с тем, что есть. Но я тут Тх[оржевскому] не доверяю, потому что он как-то озлоблен, а вследствие этого и в собственном мнении сомневаюсь.

Что я читал корректуры все с самым величайшим вниманием — это я знаю; но что помещать, чего не помещать, за это я на себя ответственности не брал, и впредь взять совершенно не согласен. Я не Тхоржевский.

2 $\frac{1}{2}$ часа. Сию минуту был и Тх[оржевский] и Черн[ецкий]. —

Черн[ецкий] получил твою корректуру. О печати тебе нечего было беспокоиться; я тебе писал, что я до получения твоего разрешения не позволил печатать, стало, твоя коррект[ура] не могла опоздать. — Черн[ецкий] говорит, что поправить очень легко и, вероятно, к 10-му успеет. Я все торопился к 31-му янв[аря] по твоему предписанию. Я очень рад, что ты выбросил почти все, что мне хотелось выбросить. Письма Дуб[ельта]³ в отложенных бумагах нет, ибо ты дал его Тх[оржевскому] для продажи, он и продал маленькому принцу. — Ст[атья], которую ты вычеркнул, не Мам[?], а татиного жениха⁴. Заглавий я не ставил, ибо это довольно для меня мудрено; да я думал, что оно как отрывок из сборника сойдет с рук, без заглавий красивее.

Вчера мне Тх[оржевский], приехавши вечером из V. V. [Веве — Ю. К.] — принес твое письмо ко мне от 27-го, за которое я за все благодарен, начиная с рассказа о лизинном мнении о записках Мальв[иды]⁵.

Писать больше некогда.

Тх[оржевский] тебе сегодня писал; писал и о том, что у Георг[а] нельзя продать нового изд[ания] «Былого и думы» по-фр[анцузски], а разве у Лакруа⁶. Я не всегда думаю, что он прав, но слишком мало знаю это дело. — Ну! presto, addio!

¹ Датируется по письму Герцена от 27 января 1869 г. (т. XXI, стр. 277).

² Различные записки и документы П. В. Долгорукова, оставшиеся после его смерти и только частично использованные Герценом в его «Колоколе».

³ Речь идет о письме Л. В. Дубельта, — управляющего III отделением, — в архиве П. В. Долгорукова.

⁴ Повидимому, А. Н. Мещерского.

⁵ «Лиза совсем оправилась, — читаем в письме Герцена от 27 января. — Она читает с жаром «Записки» Мейз[енбург] и сообщила мне, что, кажется, у нее был lover, потому что она какого-то пастора все называет arôtre и говорит, что он был très beau. Она находит, что «Былое и думы» лучше. «Tu as une manière gaie de raconter les choses, et chez Malvide on voit que c'est une dame sérieuse...».

⁶ Лакруа — женеvский книгопродавец.

6 февр[аля] 1869 г.]¹. Суббота

Письмо твое от 4-го получил сегодня в 12 час[ов]. Обедая, передал письмо Тх[оржевскому] и теперь спешу сказать, сколько успеется.

Мне жаль, что Елисавета² ушла. Давно привычный человек все же хорош; против его недостатков можно оппонировать — разве уж чересчурны. Еще хуже выучиться бросать людей, как старые башмаки. Но —

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniss.

Очень рад, что моя поэма³ тебя насмешила. Я, кажется, тебе писал, что Георг ждет 4-го «Народ[ного] Дела», потому что еще за первые три счётов не сведено, а получать придется издателям. Но это тоже книгопродавчески-тхоржевское предположение. Наши могут быть беззаботней евтова. Выбрось в поэме первые 4 стиха и начинай просто: «Небось, небось, мои боярыне и баре» и пр. (Только введение о показывающем мужичке — сохрани).

Письмо Дуб[ельта] ты отложил, бывши в Женеве, с бумагами на продажу. Тх[оржевский] его тотчас и продал. Хорошо, если маленький князь вернется в Женеву; теперь же он уехал в Париж, а, может, и в Россию — стало, надежда плоха⁴.

Жду твоей последней корректуры «Кол[окола]». — Я не оправдываюсь, саго тiо; но дело в том, что я прежде тебе писал, что следовало бы выкинуть. Но будет об этом! Дело кончается и мир ему, точно так же, как и долготе Черн[ецкого], которая сведена на Данича и все-таки бесконечна. Намедня, когда я к тебе писал, и когда Черн[ецкий] с Тх[оржевским] ушли вместе — Тх[оржевский] ему заплатил 200 фр[анков] за Мейзенбург и смотрит на его дело с отчаянием, а на ассоциацию не надеется. По моему мнению, если ты хотел ему дать 1 000 фр[анков], то сделал бы предложение около 15 фев[раля]. — Может, он увидит, что больше достать негде, да и удовлетворится для начала ассоциации? — А нет — так что же делать: тогда он решительно неспасабель.

Пишу татину статью, бываю часто недоволен, но она меня увлекает так, что едва на что остальное ума хватает. Хочется поскорей кончить и отделаться от любимого дитяти.

А до «Пол[ярной] Зв[езды]» совсем не так долго, как ты думаешь; а дела еще ужасно много. Ты, пожалуй, станешь смеяться, но я убежден, что перед смертью надо так много написать, что едва времени хватит.

Погода — туман. Нога — иногда очень легко побаливает, но ходить можно. Мозги больше страдают в весенне-ясную погоду, которая ужасно захватывает нервы.

Посылаю тебе вырезку из «Жен[евской] газ[еты]», которая объяснит, как газеты пропадают. Тх[оржевский] никого не винит — кроме почт. Напиши мне, какие у тебя п^о «Голоса». — Затем addio, всех вас целую.

¹ Датируется по февральским письмам Герцена 1869 г. Письмо Герцена от 4 февраля не сохранилось.

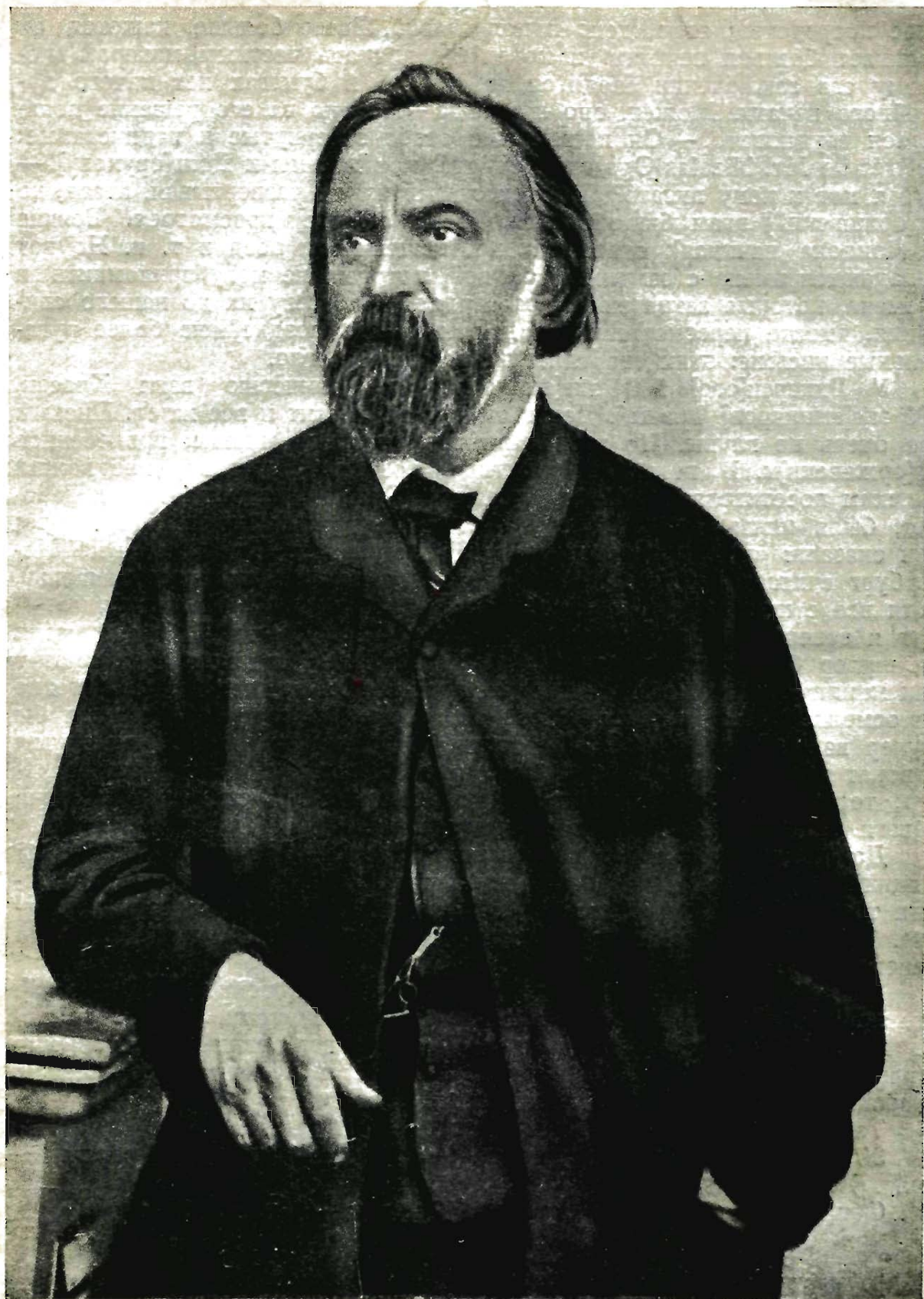
² Елисавета — горничная у Герценов.

³ Уже упоминавшаяся поэма Н. П. Огарева «Панорама восточного вопроса».

⁴ О письме Дубельта см. комментарии к предыдущему письму; «маленький князь» — упоминавшийся выше В. П. Долгоруков.

Вчера был день чудесный, прорезавший постоянные лондонские и даже более вонючие туманы; сегодня смесь проливного дождя, солнца и тумана и какой[-то] недостаток кислорода в воздухе, так что дышать тяжело. Впрочем, я всю эту мерзость выношу порядочно и работаю насколько могу. Но часто пишу и рву — как-то не ладится. Татину статью я буду ей посылать, как скоро почтовый лист совсем обделан, по листу; она выйдет длинная. Не знаю, насколько она тебя удовлетворит, но меня она постоянно занимает; это, может, для препровождения времени чрезвычайно приятно.

Но вот что неприятно, что уже 9-е число, и даже послезавтра новолуние, а твоя корректура «Колокола» даже и сегодня ко мне не явилась из типографии. Теперь около двух часов. Я до трех подожду и пошлю на почту. Я уже боюсь, не пропала ли типографская посылка к тебе. — Тх[оржевский] уже был и пошел обедать. Сидит будто бы на диете, будто бы вчера все после обеда просидел дома, составлял каталог долг[оруковским] бумагам², писал к тебе и в первый раз не был болен. Я как-то не могу серьезно смотреть на это; он сам себя чем-нибудь надувает. Лучше уже просто идти на боль и не финтить, потому что ужасно глупо. — Против его составления долг[оруковским] бумагам каталога — я возражать не могу. Надо было сказать: что ж вы в этом смыслите? Но, вероятно, ты заставишь его пересмотреть через

ГЕРЦЕН
Фотография, 1865 г.
Институт литературы, Ленинград

иное посредство; ergo, дело и поправлено. Всего больше, кажется, он начинает бояться печатать и хотел бы продать частным манером, поэтому его заключения сводятся на то, что в бумагах нет ничего достойного печати. Может, оно и правда — только на его решение полагаться трудновато. — Он принес мне особо завернутые и надписанные: *Lettres de Mr. Nicolas Ogarew (l'émigré)* мои письма к Долг[орукову]. — Что я мог к нему писать? Я хотел отдать их, не разворачивая, назад, но Тх[оржевский] этим бы обиделся. Я их сей[час] просмотрел. Всякие (с Лондона начиная) ответы на приглашения на обед и т. п. Но вот попадаются имена с заглавной буквой, которых не могу припомнить, и времена, которые захватывают за сердце. Я сберегу их до нашего свидания, вместе пересмотрим. Но должны быть позднейшие более ругательные письма: этих его сиятельство не сберегло.

У Вихерск[ого] 200 экз[емпляров] на комиссию взял Класен; 200 экз[емпляров] Франк³. Денег он еще не платит и все ждет. Письмы его очень не глупы. Но теперь вот о нем новое мнение, принесенное Тх[оржевски]м. В польском трактире, хозяин (Марсель⁴) предложил русским посетителям прочесть брошюру. Русские посетители, как говорят, были князь Бярат[инский]⁵ (брат фельд[маршала]) и еще кто-то; они сказали: «как! этого шулера?» «Как шулера?» — «Да, его весь Петербург считает шулером, но никто не мог поймать на передергиваньи, хотя все с ним играют. Вероятно, его за это притянули в полицию». — Тут я совершенно расхожусь в мнении с Тх[оржевским]. Во 1-х, если он шулер большого полета, то он 150 фр[анков] непременно заплатит как можно скорее. Во 2-х, если б его притянули за игру, то он никогда не осмелился бы напечатать оной брошюры. Такую сумму упрятал бы шулер из уровня Ал[ексея] Пет[ровича] Кучина⁶, и скорее улан — чем адвокат и публицист. А впрочем..., но надо взять еще предосторожности; только если положиться на комиссионные продажи, то, конечно, деньги получишь позже, чем прямо от него.

Да! ты еще раз писал о деньгах Сат[ина]. — Может, они не хотят лишний раз писать о них, чтоб почтовым образом не запутать денежных трансфертов? Это было бы самое выгодное для них предположение. Почему его не сделать по дружбе? Но вероятней то, что денег нет, или если были, то сплыли.

Я отдал Тх[оржевскому] послать тебе «Моск[овские] Вед[омости]», где анекдот из Вильны о облитии шубейки скипидаром. Я посылаю тебе, неравно в других газетах нет. Подумай над этим о положении страны, о настоящем направлении правительства и о продолжающейся, вопреки оному, ненависти народа к шляхетству.

Тате пошлю лист завтра или послезавтра.

3¼ часа. Черн[ецкого] еще нет. Стало, твоя корректура не приходила. Ждать нельзя.

Обнимаю вас всех, мои милые. Addio!

¹ Датируется по февральским письмам Герцена 1869 г.

² П. В. Долгоруков, умирая, завещал все свои бумаги, записки и документы С. Тхоржевскому с тем, чтобы их можно было издать, что и предполагалось сделать. В февральском приложении к «Колоколу» незначительная часть их была напечатана со следующим предисловием: «Князь П. Долгоруков оставил после себя довольно обширную коллекцию материалов, собранную им с большим усилием трудом нескольких лет. Эти материалы, как и его переписка, завещаны им Станиславу Тхоржевскому. С. Тхоржевский наметил обнародовать часть материалов, служащую продолжением «Записок» П. Долгорукова, напечатанных в Женеве в 1855 г. Любители «интимной» истории найдут в этом собрании в высшей степени интересные откровения, касающиеся различных эпизодов русской истории XVIII в. и отчасти нашего. Ниже мы печатаем несколько образчиков, любезно предоставленных нам г. Тхоржевским». Опасность опубликования наследства П. В. Долгорукова заставила русское

правительство принять свои меры для изъятия этих бумаг из рук Герцена и Тхоржевского (о чем см. комментарии к следующим письмам)

³ Клас[с]ен, Франк — швейцарские книгопродавцы.

⁴ Марсель — хозяин польской кофейни в Женеве.

⁵ Повидимому, кн. Бярытинский Анатолий Иванович (1820—1881) — брат генерал-фельдмаршала А-дра И. Бярытинского.

⁶ Кучин Алексей Петрович — двоюродный брат Герцена.

105

11 февраля 1869 г.]¹. Четверг

Патеру.

Как же быть? Все та же ридикюльная формула: спешу писать поскорей как можно больше всё. Теперь 2 часа.

1) Сегодня был Черн[ецкий] и принес твою корректуру. Ergo, теперь пошло в печать, только они еще дня три прокопаются, судя по обычаям. Спросить именно о сроке выхода помешало посещение, о котором после. Одно прибавлю, что Черн[ецкий] дал перевести объявление о типографии и ее буквах на французский и английский. А дела его, по словам Тх[оржевского], (сейчас) очень плохи. Одному Кесслону [Классену. — Ю. К.] должен 2/т[ысячи] франков.

2) Во время прихода Черн[ецкого] прибыли некто барон Врангель² и Бларамберг³ (молодые люди, с виду совершенно благопристойные). Врангелю хочется издать в Петербурге твои прежние сочинения (Крупова, письма об изуч[ении] пр[иро]ды и пр., кроме «Кто виноват»). Ты дал право Бак[унину], который отказывается. Об этом у меня письмо, написанное на слишком толстой бумаге, чтоб посылать, и не от самого Б[акунина], а от господина, который ходил переговаривать с Ба[куниным]. Б[акунин] хотел об этом написать своему брату в Вену⁴, который бы сообщил тебе. — Врангель предлагает процент, какой ты положишь с продажи, или какое иное условие? На этот счет отвечай мне как можно скорее, потому что я ответ могу дать не позже шести или семи дней. — В[рангель] привез Тате портрет Захар[ьина]⁵ и письмо, которые при сем прилагаются, и портрет К. — (Что за штука, что К. присылает свой лик?)⁶ — Тх[оржевский] того мнения, чтоб ты взял меньше, но чистые деньги за право, в память К[овалевско]му. А я думаю, саго піо, что пусть напечатаются и разойдутся, как разошелся весь «Кто виноват», лишь бы оное было. Я так думаю, что возобновление там поможет и здесь, особенно теперь⁷.

Самый гвалтный вопрос в России — это вражда к немцам, возбужденная книжкой Самарина⁸. Но теперь приходит в самое неловкое колебание, ибо свыше вражду запрещают даже великим князьям. Брошюру Самарина даже запретили продавать, кроме как людям, имеющим особые цензурные бланки от Минист[ерства] народн[ого] просвещ[ения]. — После статьи Милля о русск[их] женщинах, переведенной в «Петербургских Ведомостях», Минист[ерство] народн[ого] просв[ещения] дает гораздо больше швунга и льгот женщинам. Каково?

Теперь о Саше. Я ему уже писал об этом. Может и трудно выдержать, но надо быть убеждену в собственной самостоятельности для всякого другого начинания. Настоящее же я считаю не подчинением, а ассоциацией. Дальше этого я ничего не имею сказать, но и мешать человеку в 30 лет — мудрено⁹. Was willst du mehr. — Зах[арьин] и ему прислал свой портрет и Ольге; я их отошлю в другой день.

Тате больше листа готово, но не могу решиться переписать и послать. Всё мне кажется не то, чего хочется. Может, к завтра приготавливаю¹⁰.

Кажется, на сей раз тебе пишу все, что возможно успеть. Другое лучше не так торопко.

За сим прощай.

К Чернец[кому] из Ниццы писал m-r Basile (Rue Gioffrido 22) о буквах, заказах и т. п. — Справься, caro mio, кто этот господин. Черн[ецкий] ему сегодня же отвечает; но должно быть reference очень нужен, ибо он меня просил 3 раза о том, чтоб не забыть тебя попросить справиться об этом дон-Базилио.

¹ Датируется по письму Герцена от 20 февраля 1869 г. (т. XXI, стр. 296—297), в котором много места уделено предложениям Бларамберга и Врангеля.

² Врангель Н., барон — отец известного деятеля контрреволюции П. Н. Врангеля.

³ Бларамберг Павел Иванович (1844—1907). — В 1869 г. был командирован на Международный статистический конгресс в Гааге; впоследствии сотрудник «Русских Ведомостей» и известный композитор.

⁴ Какому из своих многочисленных братьев писал Бакунин — не выяснено.

⁵ Захарьин Петр Александрович — брат Наталии Александровны Герцен-Захарьиной.

⁶ В ответных письмах Герцена этот человек тоже зашифрован под буквой К (Кетчер? Кавелин? Корш?).

⁷ Повидимому, в результате переговоров Бларамберга и Врангеля с Герценом, в 1870 г. в Москве была издана книга «Раздумье» (Разные вариации на старые темы).

⁸ Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — известный публицист и славянофил. В 40-х годах примыкал к кружку Н. В. Станкевича. Видный участник «крестьянской реформы» 1861 г. В 1864 г. виделся с Герценом, который затем резко выступил против этого «абсолютиста с фрондерскими наклонностями» в своих «Письмах к противнику». В 1867 г. напечатал первые два выпуска своих «Окраин России», вызвавших ожесточенную полемику, о чем и пишет Огарев.

⁹ А. А. Герцен хотел оставить известного физиолога Шиффа, с которым он вместе работал, для того, чтобы быть самостоятельным. В письме к нему от 8 февраля Герцен советовал быть осмотрительнее и взвесить все шансы за и против.

¹⁰ Речь идет о произведении Огарева «С утра до ночи», см. комментарии к письму 108.

106

15-е [февраля 1869 г.]¹. Понедельник

Сейчас получил твое письмо от 11—13-го. Теперь половина 2-го, Тх[оржевский] еще не был. Жду его, чтоб поговорить и написать тебе результат, и жду его, чтоб передать для пересылки тебе (он лучше меня су-бандирует) сейчас поконченные мною (во всем, что хотелось) «Отечеств[енные] Зап[иски]» январские. — Стало, они пойдут к тебе сегодня. Письмо начну к тебе с них. Читайте их внимательно. Это п^о блестящий. На первом месте выставлю тебе статью, блестящую статью: «Когда благоденствовал русский мужик». — Далее заметь статью о Писареве² (против которой у меня есть за пазухой что-то, чего я сам еще не могу разобрать). — Далее — замечательны статьи Щедрина³, но «Признаки времени» мне все же лучше нравятся, чем «История одного города». — «Обозрение 1868» одно из самых, по положению, талантливых и любопытных произведений. — Необычайно интересна и полезна статья Максимова⁴ «Народные преступления и несчастия», — несмотря на то, что он мне кажется все больше и больше тяжелым и растянутым; но эту статью надо прилежно изучить. — Библиография хороша. — А затем я не читал ничего, чтоб поскорей отослать вам и потому что, право, если читать две таких книжки в месяц, то скоро придется отказаться от всякой собственной производительности. — А, может, оно и лучше?.. Покамест не могу, ибо так и подстегивает к собственной производительности, так, что не сладишь довольно скоро с сидящим в мозгах материалом.

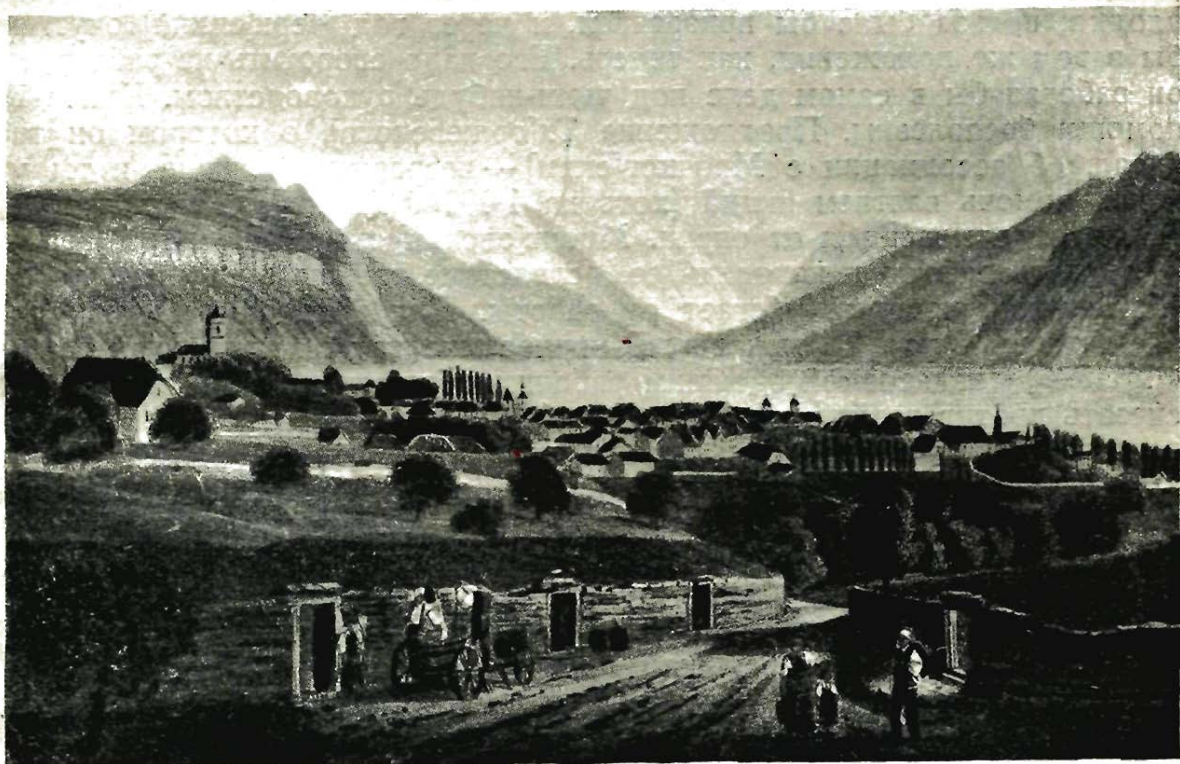
Вот уже 2 часа. — Тх[оржевского] все еще нет. — Отдохну немножко, т. е. похожу по комнате и покурю, ибо с утра и до обеда и с послеобеда час целый — всё проводил над чтением «От[ечественных] Зап[исок]», так что поприустал немножко.

Сегодня получил письмо от Саши и Терезины. — Тутс покамест здоров и больше толстеет, чем что другое. Учится писать с любопытством к делу и охотится учиться по-немецки и по-русски.

^{3/4} третьего. Тх[оржевский] не был. Видно, пупок болит. Ergo, ответ об Черн[ецком] и пр. оставляю до завтра, а «Отечест[венные] Зап[иски]» и эту записку посылаю на почту с М[эри].

Погода солнечная, удивительная. Биза маленькая, почти нечувствительная. Пойду сидеть в сад. Соседка сегодня поет не дурно.

За сим прощайте, мои милые. Ничего делать не хочется.

ВЕВЕ

Цветная литография

Музей изобразительных искусств, Москва

Тате послал начало промемории — 3-го дня.

Молодого челов[ека]⁵ за ответом о «Сороке-Воровке» жду не сегодня — завтра.

¹ Датируется по февральским письмам Герцена 1869 г.

² Статья А. Скабичевского «Д. И. Писарев, его критическая деятельность в связи с характером его умственного развития», в № 1 «Отечественных Записок» за 1869 г.

³ В № 1 «Отечественных Записок» за 1869 г. были напечатаны очерки из циклов М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Признаки времени» и «История одного города».

⁴ Статья С. В. Максимова. «Народные преступления и несчастия», напечатана в №№ 1—5, 8—10 «Отечественных Записок» за 1869 г.

⁵ Повидимому, имеется в виду П. Блаرامберг или Н. Врангель.

Вчера я тебе послал мою личную тоненькую записку и толстые «Отечественные Записки».

Тх[оржевский] пришел вчера в 4 часа; он целое утро консультировал Фокона², который у него желудочного катара не нашел, заключил

о существовании невралгии желудка, позволил пить великодушные вина (*vins généreux*), т. е. бургонское, а не бордо, и через несколько дней начнет ему электризовать желудок. Несмотря на такой поворот к гальвановинизму, я решился сказать ему о твоём предложении насчет Чернецкого³. Мне казалось, что если б я, по внутреннему убеждению и несогласный с этим предложением, скрыл бы его от Тх[оржевского] — то, может, я этим повредил бы Чернецкому. Но в Тх[оржевском] я нашел убеждение против твоего предложения, гораздо больше экзальтированное, чем мое. Он замахал руками и ногами и говорил с полчаса без умолку. Но дело в том, что мы все-таки сходимся на том, что грабить тебя, не принося никакой действительной пользы Чернецкому — бесполезно; польза была бы призрачная, и через год Чернецкий очутился бы в том же положении, как теперь. Его надо своротить на работу, где он работал бы в самом деле под чьим-нибудь руководством. Иначе все помощи бесполезны. Предложение Тх[оржевского], о котором он тебе писал, об ассоциации с Мрочковским — несравненно лучше, и ты можешь помочь взятием акций (хоть на 1 000 фр[анков], если хочешь), а также отделяешься от опеки. Мрочковский же и К° будут, вероятно, искать работы и находить ее, вследствие разных знакомств, не à la Чернецкий, который убегает от работы. Для примера расскажу тебе следующее. Вчера Тх[оржевский] принес мне три н° недельной газеты: «Egalité»,⁴ издаваемой здешним рабочим обществом. Я ничего не могу сказать против газеты; она издается благонамеренно, умно, резко. Такого чего необычайного, чтоб послать тебе вырезку или целый н° с риском, что его во Францию не пропустят, я не нахожу. Я даже думаю, что пропустят, но что издатели толкуют о затруднениях больше для самоудовлетворения. Одним из главных издателей Бакунин. Вследствие этого, печатание было предложено Чернецкому, который отказался. Газета в лист величины — помнишь — старого «Journal de St. Petersbourg», т. е. небольшой лист в 3 колонны страница. — Тх[оржевский] спрашивал Данича, почему Чернецкий отказался? Сомневается ли в уплате или в цене не сошелся? — «О! нет! Но мы в неделю такого листа напечатать не успеем». — А Бланшар⁵ печатает и деньги получает все же около 100 фр[анков] в неделю, если не больше. — Что же ты хочешь после этого? Разумеется, Чернецкий хозяином быть неспособен; а под другим руководством, как человек, обязанный делать то-то и то-то — жить будет в состоянии. В этом вся штука.

Ну! И довольно об этой материи. Странное дело, Герцен, и не могу сказать, чтоб оно с меня сходило, как с гуся вода. Нет! мне от этого глубоко больно — вероятно, я от этого так и расписался. Дело в том, что я стараюсь елико возможно сохранять самые дружеские отношения, но любви я не имею ни к тому ни к другому. В моем мозгу постоянно рисуются фигура шляхтича шляхетствующего и фигура шляхтича прихолопствующего — и обе мне ненавистны. Это я говорю только тебе; а насколько это мне больно — сам пойми.

Тх[оржевский] был вчера у Бакунина, который собирается ко мне, но боится, что я его прогоню. — Конечно, я его не прогоню. Мне все же разрываться с ним очень и очень прискорбно. Но что визит его мне будет тяжел, а не вкусен — в этом нет сомнения⁶.

Не ошибся ли ты н° m-r Basile? — Rue Gioffrido 22.

«Неделя» уже an sich одно предостережение имела. Жду от тебя известий тоже не без волнения. Пошлю еще к m-me М[ерчинской]. Не знает ли она чего? Я все жду ее визита. Но видно к ней уже чересчур редко пишут.

Бакунин, Мрочковский и, кажется, Жук[овский] не участвуют

более в «Народн[ом] Деле»; да и оно не является. Напишу к Жук[овскому].

Заключение твоей страницы от 11 февр[аля]⁷ горько, Герцен, хотя я и не надеюсь на перемену.

Соседка поет. Мне как-то плакать хочется. Но, кстати, сейчас 12 часов и скоро пора есть. Ergo, откладываю письмо до после обеда. Может, в это время придет Тх[оржевский] и принесет какие новости.

Тутс собирается писать тебе письмо. Он преуморительный. Встает с рассветом и будит весь дом. Мэри дает ему поручение убирать постели — и он в восторге, и когда думает, что делает дело, то не капризничает и никому не мешает. Вот и весь фокус, который не всегда под рукою. А без работы — он невыносимо капризен и напоминает постоянным хныканьем маленького Сашу.

Обедал — и имел визит Тх[оржевского]. — Вот и опять к сплётне, и действительно, я вместе с Тх[оржевским] вхожу в фурор, и шляхетство шляхетствующее становится для меня всего больше ненавистным. — Тх[оржевский] был вчера в типографии и напомнил Черн[ецкому] о том, что он хотел ассоциироваться с Мрочк[овским] в Веве. — «Как?, — говорит Черн[ецкий], — ты думаешь, что я поеду жить в деревню? Да там же опасно — католичество и протестанство могут преследовать. Да и кроме того, я в деревню жить не поеду. Если они хотят ассоциироваться в Женеве — другое дело». — Даже Данич не согласен ехать жить в деревню! — Действительно, саго тiо, что ж после этого? Дай им пропасть прежде, да потом и спасай, если возможно. Это возмутительно. — Завтра есть нечего — а m-me Черн[ецкая] покупает туфли в 25 франк[ов]⁸. Это все между нами, Герцен, — не наделай сплетней. Но ты видишь, что если я хладнокровно сержусь, то Тх[оржевскому] позволительнее горячекровно впадать в фурор. Он все же человек работающий и торговый и не считает торговлю за унижение благородного шляхетства. — «Кол[окол]» я еще не получал и не знаю, получу ли сегодня; вероятнее, завтра.

Вот и все исписано. — Посылаю тебе «Моск[овские] Вед[омости]», где отметил официальную пошлость и катковскую нелепость.

За сим addio, carissimi. — Вероятно, сегодня примусь опять за писание. Вчера все трудился над собственным лечением, и опять Майора помянул добрейшим добром, ибо все боялся, что плохо пойдет, а пошло превосходно.

Погода превосходная.

Обнимаю вас всех.

¹ Датируется по письму Герцена от 20 февраля 1869 г. (т. XXI, стр. 296—297).

² Ф о к о л — женевский врач.

³ Речь идет об уже упоминавшихся проектах «спасти» Чернецкого из его тяжелого материального положения.

⁴ «Egalité» — орган женевской секции I Интернационала — издавалась в Женеве в 1869 г. под ред. Шарля Перрона, при ближайшем участии М. А. Бакунина, Элизе Реклю, Ж. Гильома, а позже, после изгнания Бакунина, — под ред. Н. И. Утина.

⁵ Б л а н ш а р — женевский издатель.

⁶ «Отчего же тебе его визит тяжел? — спрашивал Герцен в письме от 20 февраля — поп carisco. А то все Чернец[кий] — Тхор[жевский], Тхор[жевский] — Чернец[кий] zu langweilig, и ты там как ты тяни из себя бриллиантовую паутину, а иногда надобно и на людях освежиться...».

⁷ Письмо Герцена от 11 февраля не сохранилось.

⁸ Герцен, отвечая на все сказанное о Чернецком, писал: «Над Чернецким ломаю шпагу. История об Эгалите и Веве ужасна, только ты вздору не верь, т. е. тратам m-me Чернец[кой]. Это — сплетня, и ты Тхорж[евскому] такую чушь не позволяй говорить...».

18-е [февраля 1869 г.]¹ Четверг. Вечером

Я с утра собирался написать какие-нибудь новости, но никаких нет особенных. Ждал, наконец, сегодня появления «Колок[ола]», но и его нет.

Одно меня заставляет писать тебе сегодня, чтоб спросить ответа немедленно. Был у меня сегодня товарищ Вр[ангеля]². — Я ему читал «Восточный вопрос в панораме». Он говорит (да это, вдобавок, мое мнение), что это надо напечатать сейчас, или никогда³. А по новейшим известиям, «Народн[ое] Дело» — рухнуло. Хотя отец Утина и не разорялся, а только продал один дом, потому что продажа была выгодна. Но «Народн[ое] Дело», кажется, разошлось оттого, что люди между собой разошлись. Как это ни жалко, а все же, нам тем паче, этого нельзя поправить⁴. — Товарищ Вр[ангеля], который и не знает об этом, de prime abord, советовал напечатать отдельно (по моему, in 8° или in 16°). Что — ты на это согласен или нет? Вот на это и спрашиваю твое скорейшее разрешение.

Вр[ангель] уже уехал домой. Ему все будет написано. Но вопрос, еще скорейшего ответа: когда ты можешь прислать комментарий к «Пис[ьмам] об из[учении] пр[иро]ды»? — Можно ли остальное начинать, покамест, печатать? — Если бы вышли затруднения в Петербурге сыскать оригинал — можно ли от нас достать? В[рангель] хочет печатать без имени автора, но с именем: автора «Кто виноват». — Или ты захочешь какой особый псевдоним? На это на все также пиши как можно скорее, ибо оному господину приходится пробыть с неделю — не больше, или, в крайности, дней 10.

Ну! вот тебе и все. — Портрет Петруши⁵ Саше... немножко другой. Посылаю его Тате для пересылки. Портрет, назначенный Ольге, такой же, как Татин. Но посылаю его тоже, пусть Тата перешлет.

Теперь четверть десятого — и я поскорей пошлю на почту, чтоб не затруднять прислуги. — Мэри страдает головой до обессиления. — Тх[оржевский] сегодня раз был. Черн[ецкий] вовсе не ходит и «Колокол» не приносит. — Тутс сегодня необычайно забавен.

За сим прощайте, мои милые.

Продолжаю писать «С утра до ночи».

¹ Датируется по письму Герцена от 21 февраля 1869 г. (т. XXI, стр. 297).

² П. И. Бларамберг.

³ «Разумеется, твои стихи надобно печатать теперь или не печатать, — писал А. Герцен, — даже и теперь поздновато (An reste, я тебе это писал и прежде, и мнение В[рангеля] ничего не прибавило). Печатай, si piase...».

⁴ Герцен отнесся к этому спокойно: «Мне совсем не жаль, что «Народное Дело» лопнуло, и не жаль, что «нам нечем помочь», — писал он. — Бездарные прыщи самолюбия, гной, сопровождавший благотельную горячку 1856—1862 годов; кантонисты революции, сделавшие себя генералами... Я не вижу, чего же ты жалеешь? Бакунин может жалеть, — ему одним диктаторством меньше... В «Колоколе» я их и «Современность» приветствовал с иронией, рассчитывая на падение, а ты наизно кручинишься...».

⁵ Петруша — П. И. Захарьин.

22 [февраля 1869 г.]¹ Понедельник

Получил «Голос» и «Совр[еменную] Лет[опись]» с государственными счетами. Письма никакого. Сам лучше бы не писал, потому что завтра, вероятно, пошлю еще листок «С утра до ночи» Тате и стану писать; но, кажется, так давно не писал к тебе, что не могу удержаться.

Февральский «Вестн[ик] Евр[опы]» пришел. Беру смелость удержать его дня на три, потому что теперь читать совсем не способен; только

писать хочется. А на то и другое разом, право, сил не хватает. В «Вестнике» должны быть интересные вещи, начиная с статьи Костомарова. Но знаменитый «Обрыв» Гончарова — не стану читать; как ни развертывал — всё мне кажется утомительно скучно, не меньше самой личности Гончарова, — или я отчасти начинаю с ума сходить...² Но читать все-таки не стану.

Конради³ давно редактор «Недели». Пятк[овский] был только сотрудником. Как и что — не знаю и судить не могу. Во всяком случае, если б ты помещал даже у Стасюлев[ича]⁴ в «Вестнике» или в *Revue des 2 Mondes* — все равно, лишь бы помещалось и читалось. Ужасно желаю узнать твоего доктора.

Бак[унин] у меня еще не был. Я, может, через несколько дней, если он не явится, сделаю первый шаг к примирению. Разрыв меня тя-

ВЕВЕ

Рисунок карандашом из альбома Ховриных
Литературный музей, Москва

готит — а сближение не обрадует — вон оно пошло в какую дичь! Почему же мне не думать, что я с ума схожу?

Погода отвратительная, сырость — и тяжесть невероятная! Стихоплетничанье меня увлекает и все вместе делает нервы ужасно раздражительными. Удивляюсь, что еще не болен. Посмотрю, как и что и почему, и напишу.

Хуже стихоплетничанья — простое сплетничанье. К этому относится — дело Черн[ецкого]. — Он, наконец, у меня вчера был (с Мадамой). У него ничего ни с кем не сладится. Мне кажется, потому, что ему самому ни на что труда употребить не хочется. Schwung'a нет никакого и все ждет каких благодеяний судьбы. Тут никакие попихивания не помогут. Русские завели особую типографию для «Народного Дела» (Жуков[ский], Ут[ин] и два неизвестных эмигранта) — расставшись с Эльпидиным и взявши себе свои буквы. — Мрочк[овский] хотел печатать польский журнал у Чернец[кого] — но состоится ли оный — это (?). — Черн[ецкий] доканчивает на-днях Гея,⁵ а там у него уже ничего не

будет. Если ты разрешишь мой «восточный вопрос», то, может, он до первых дней марта продержится, а там, может, сойдется с Ландскроном, что также ужасно сомнительно. — Черн[ецкий] и Тх[оржевский] смотрят друг на друга косо, и не мудрено. — Тх[оржевский] большей частью прав, а Черн[ецкий] никогда не признает себя виноватым (это шляхетская замашка). Но и Тх[оржевский] подчас не понимает, перевирает, что для него необъяснимо. Все это только скучно — и больше ничего.

Я рад, что я один и могу работать что и когда хочу. Даже все эти неискренние сближения, к которым я подчас стремлюсь, пугают меня. Кажется — много пропадет удобств, а выигрыша не будет. Теперь я большей частью один, а когда устаю — то перехожу к детям, к которым причисляю М[эри], Г[енри] и Т[утса], а когда отдохнул — опять ухожу к себе на работу, так что я $\frac{3}{4}$ дня за работой.

3 часа.

Прощайте, мои милые — до завтра.

Р. S. Тх[оржевский] все говорит, что французское «Былое и думы» нельзя печатать, начиная с 4-го тома, а надо все четыре тома; что иначе никто не будет продавать. И что не будет ли эта работа только самообольщение для Черн[ецкого], если он, кроме этого, никакой работы не будет иметь? —

Подумай об этом. Я, право, «чем больше думаю, тем меньше понимаю». Мне бы хотелось, чтоб ты продумал, решил и приказал. Иначе с ними ничего не сделаешь. Я же на это не имею ни умения, ни права.

Получил ли письмо Тутса?

¹ Датируется по февральским письмам Герцена 1869 г.

² «Обрыв» Гончарова первоначально печатался в «Вестнике Европы», 1869 г., кн. 1—5. Со второй книги началась печататься большая работа Н. И. Костомарова «Последние годы Речи Посполитой», о которой и пишет Огарев.

³ С января 1869 г. редактором «Недели» стала Е. И. Конради при ближайшем участии П. А. Гайдебурова. А. П. Пятковский отошел в сторону.

⁴ Стасюлевич М. М. (1826—1911) — редактор «Вестника Европы», известный публицист и журналист.

⁵ Гей — не выяснено.

Твое письмо от 20-го получил сегодня в 12 часов. Год моего перелома ноги сошел благополучно. Я легко хожу раза 4 кругом по саду, но потом надо отдохнуть; от этого по улице ходить невозможно, в гору трудно, и эта едва ли когда исправится. Ломать и вправлять все же не хочу — не стоит того. Ну! их к чорту.

С Майором на-днях опять несчастье: M-me Stephany, после 11 лет супружества, родила. Майор, во время ее беременности, говорил — что она не в состоянии разродиться счастливо и не переживет родин ни в каком случае. Но принимал он. Ребенок выходил рукой и ногой; Майор был вынужден сломать его, чтоб вынуть, и отдал повивальной бабке растирать. Мать через несколько минут обессилела и умерла. А ребенок ожил — и Майор говорит, что он вынесет все и выправится (?). M-r Stephany² не хочет видеть ребенка, как единую (?) причину смерти матери — а сам хотел застрелиться. Барни и К^о около него и не покидают его, чтоб остановить покушение на самоубийство и успокоить. — Это сегодня рассказывал Тх[оржевский].

Панфлет мой сегодня отдам печатать, ибо уверен, что он даже так нелеп, что разойдется, потому что все еще, кстати — не хуже «Фонаря»³.

Пишу к тебе, а не к милой моей Тате, которую благодарю за божью коровку Тутса, и посылаю 2-й листок «С утра до ночи». Продолжение никак не мог сам с собой решить — что именно прежде, что

после. Об «Неделе» подумаю, но едва ли это будет возможно⁴. Нет, Герцен, видно, мне придется заглохнуть про самого себя. Так что же? Das ist auch etwas.

В[рангель] зайдет не сегодня — завтра, следст[венно], о всех статьях переговорю. — «Писем об из[учении] пр[ироды]» поищу — но что-то не надеюсь. А мне бы хотелось твоего комментария.

Тутс был в волнении восторга от твоего письма. Одно только замечание сделал, немножко обидевшись: отчего на другой стороне ничего не написано. Но ходил к Францелине посмотреть, не может ли она заставить божью коровку летать. Вчера он стал рассказывать, как один мальчик, который был уж совсем человеком, был обвинен дамой, где жил в услужении, что нехорошо себя ведет и что они посадили его в тюрьму... и т. д. Я никак ничего не мог понять, если б Генри не вмешался и не узнал, что это история Иосифа прекрасного! Эх они в фребелевской школе-то чему учат семилетних детей! (Или я уже это писал вчера? В таком случае — pardon!)

Под конец берегу тебе только сказать, что я жду (душа не на месте) разгадки всей истории или сплетни о М[ейзенбуг?] — Мне это больно, не знаю как и сказать⁵.

За сим прощай. Пора! Всех вас цалую.

Р. S. А насчет сплетней, т. е. насчет туфлей, я не мог возражать Тх[оржевскому], потому что это она сама показывала и рассказывала.

Бак[унин] еще не был. Я сам решусь, но не ближе 2 дней. В 2 дня сделаю «Вестн[ик] Евр[опы]». —

¹ Датируется по письму Герцена от 20 февраля 1869 г. (т. XXI, стр. 296—297).

² Стефани — венгерский эмигрант.

³ «Панфлет» — «Восточный вопрос в панораме». Говоря о «Фонаре», Огарев, повидимому, имеет в виду знаменитую рошфоровскую газету «Фонарь», как раз в это время имевшую колоссальный успех во Франции.

⁴ Ответ на вопрос Герцена «не хочешь ли твою эпистолу к Тате в «Неделю»? (т. XXI, стр. 297).

⁵ В письме Герцена М. Мейзенбуг посвящен следующий абзац:

«Тата получила от Ольги длинное письмо. В нем есть загадки и намеки до того ужасные, что я боюсь их комментировать. Тут систематическая интрига Мейз[енбуг], имеющая целью ее отвязать от всех, а главное — от меня; интрига, не лишняя (если подтвердится) клеветы. Что тут скажешь?..».

Взаимоотношения Герцена с М. Мейзенбуг к концу 1860 г. вылились для первого в достаточно тяжелую форму. М. Мейзенбуг, ненавидя Н. А. Тучкову-Огареву, не хотела, чтобы Ольга (ее воспитанница) жила вместе с ней, т. е., другими словами, со всей семьей Герцена. И постепенно Ольга отходила от семьи отца. Письмо Герцена к М. Мейзенбуг от 14 февраля 1869 г. дает некоторое представление об этой новой трагедии Герцена. Герцен просил о приезде Ольги к нему хоть на месяц, чему М. Мейзенбуг противилась:

«Я ей [Ольге. — Ю. К.] сказал, — пишет Герцен М. Мейзенбуг, — что она должна видеть в вас вторую мать, но из-за этого не следует не знать своего отца, и я на самом деле не понимаю, почему нельзя на месяц расстаться с матерью. Ольга находится в исключительном положении; она не говорит на моем языке; значит, даже читая, она не будет знать, чем был я. Меня она, конечно, не забудет... но и знать меня не будет. Согласитесь, что заслуженно или не заслуженно, но это тяжело... Я уверен, вы никогда не думали, что возьмете на себя часть обязанностей Немезиды по отношению ко мне. Клянусь, что я не сержусь на вас, я слишком справедлив к себе, я стремился иначе повернуть свою жизнь, но потерял слишком много времени, и искупление наступило раньше чем я ожидал...» (т. XXI, стр. 283).

П а т е р у.

Сегодня получил письмо от Ольги. Она, кажется, больше всего занимается музыкой и всего больше ей хочется продолжать уроки с Панофкой. Если она может сделаться певицей, я не вижу в этом худого;

напротив того, это было бы всего лучше. Но чтоб в ее письме было что-нибудь достаточно определенное, этого я не могу сказать. Мне кажется, слишком много искания чего-то и неясности, чего-то, напоминающего мне немецкого студента, который мне жаловался, что «er kann nicht mit sich selbst ins klare kommen». Я бы желал, чтоб она была поближе к тебе, но и это едва ли удобно!.. К какому это все результату придет, *sage mir*, не могу сообразить; одно только могу сказать, что всё вместе оставляет весьма тяжелое чувство неясного положения в настоящем и совершенно смутного исхода впереди. — К Саше целую неделю собираюсь писать, но еще не собрался; должно быть завтра напишу.

От тебя сегодня ничего не получил, но мне хочется тебе сказать, что я дня на два-на три — немножко изменил мои занятия и отсрочил *idem* отсылку тебе «Вестника Евр[опы]». — Мне так понадобилось написать маленькую статейку об его статьях.

27 ф[евраля]. Суббота¹

На оном пункте вчерашнего письма меня прервал Шев[елев] и просидел целый день (моя невозможность выходить теперь меня лишает средства отделяться от людей). Он очень зол на тебя, потому что будто бы ты Клапка² (который в Ницце) говорил, что он, Ш[евелев] — шпион, что Клапка об этом писал в Венгрию, где он был и имеет много дела и т. д. — Он тут находит, что ты отсутствие всяких фактов выставляешь доказательством, и что это преступно³. — Потом, он сердится на Тх[оржевского] и на Бак[унина]. (Тут разные причины). Но, право, больше не могу сегодня сплетничать; еще от вчерашнего устал. — Посылаю письмо Тате, которое прочтите вместе и напони мне, что такое, я не надеюсь ничего найти и ничего вспомнить. — Твои Письма о природе вчера тебе посланы. Пиши на всякий случай примечания. В[рангель] у меня еще не был (теперь 1 час) — но может и будет. Пиши и пришли мне. — Мое посвященное Тате стану писать до конца, а выправлять после — вместе с тобою. Теперь напишу, что хотел о статье «Вестника» и пошлю тебе. — «Недели» я не получал.

Сегодня погода лучше, и я здоров и воспользуюсь для писанья, а не для чего другого. Стало, тут я завершаю. — Тх[оржевский] ушел прежде, чем я получил твое письмо от 25-го. Твою записку передам ему только завтра, ибо сегодня его не отыщешь.

Об Ольге еще в другой раз поговорю. — «Вестник» постараюсь послать и никак не позже послезавтра. — Addio, carissimi. —

¹ Датируется по февральским письмам Герцена 1869 г.

² Клапка — польский публицист, см. комментарии к письмам 1867 г.

³ Шевелев Николай Александрович — участник революционного движения 60—70-х годов. Два раза бежал из-под стражи: из Спасской полицейской части СПб и из Курской больницы; эмигрировал за границу, где проживал сначала в Венгрии, в Будапеште, помещая статьи в местной газете «Новина». Издал в 1868 г. вместе с Л. И. Мечниковым и Н. П. Огаревым «Землеописание для народа». В 1868—1869 гг. жил в Женеве. Арестован в 1871 г. в Париже и выдан в феврале 1872 г. русским властям. По приговору особого присутствия Сената 24 февраля 1876 г. приговорен к 10 годам крепости. В 1876—1881 гг. содержался в Николаевской больнице для душевнобольных.

В письме Герцена к Н. П. Огареву от 1 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 309) находим следующие строки: «Кто Шев[елев] — не знаю (что за мания писать вкратце). Догадываясь, что речь идет о Леливе. Но самое лучшее в том, что Клапку не видел и не хотел видеть, к нему не писал, не телеграфировал и ни одного венгерца не видел также, а после выезда из Швейцарии имени Леливы не упоминал. Ergo, что это за новая гадость? пусть же этот господин (шпион он или нет, все равно) назовет, кто ему сообщал венгерские утки. Это скучно и гадко». Шевелева упорно обвиняли в шпионстве.

1 марта [1869 г.]¹. Понедельник

Сегодня к 3-м час[ам] не отделался и письмо пишу вечером, все же довольный тем, что М[эри] принесла перья, которыми писать можно. — Твое письмо от 27 фев[раля]. — Благодарю за известие о деньгах². Прошу N[atalie] написать Ел[ене] мою благодарность. Присылка же Тх[оржевскому] для меня будет кстати, ибо придется кое-что поуплатить, а с остальным очень хорошо справлюсь. — Но что ты пишешь Тх[оржевскому] о фортепьяно? Мне кажется, что теперь этот расход не кстати, хотя ты и жалуешься, что я не отвечаю на то — где осесть?³ До оно и было бы слишком мудрено. «Где ж лучше? — где нас нет».

Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬЮ ГЕРЦЕНА ЛИЗОЙ

Фотография, 1870-е гг.

Литературный музей, Москва

А для меня это совершенно напротив. Мне нигде не лучше — и я везде готов поселиться. Мне по моему соображению около полугодия надо остаться в Женеве — всех вопросов ради — от ноги до Генри. Мне кажется, что нога все-таки продолжает крепнуть и что через полгода будет, вероятно, гораздо способнее к перевозу, а Генри кончит ученье и поступит на работу. Мне бы хотелось быть тут. Далее — мне бы хотелось поселиться близ тебя; вместе — я боюсь, Герцен — и едва ли ты захочешь, ибо я М[эри] не брошу (пусть я у ней, или она у меня на руках умрет, ибо она человек более больной, чем я). Но вдали от тебя жить я не хочу — мне это и скучно и прискорбно. Но где поселиться? Это решай ты, ибо я еще меньше знаю; но я готов всюду — мне все равно, куда переехать или где остаться. Но прежде, чем это решить — я не думал заводить клавир. Куда с ним возиться? Ольге я послал ге-

нералбас, который она желала, но писать стану только завтра, *idem* и Саше.

Тебе сегодня послал (в 3 час[а]) «Вестник Европы»; а при сем прилагаю маленькое замечание, которое еще может разрастись, но мне прежде нужно твое одобрение и указание, куда его девать? Разве на еще прибавление к «Кол[околу»? Черн[ецкий] еще месяца полтора (или до мая) просидит на месте. (А вообрази, что мой «Восточн[ый] вопрос» вот уже целую неделю не готов). Так ты это реши — и продолжать ли? — Да напиши, именно что тебе кажется неясным в статье, посвященной Тате. А за сим я возвращусь к оной статье.

Сегодня получил из Кларанса брошюрку о излечении эпилепсии, т. е. апнопе с рекомендациями, д-ра Квантс. По надписи, по записочке карандашом — сколько ни отгадываю — должно быть Утин. — Весьма благодарен, но, воспользоваться не намерен; я ужасно боюсь подобных аптекарских объявлений.

Недельная история пробирает немножко морозцем по коже. Погоди — еще не знаешь, кого в самом деле винить и за что. Надо при-смотреться. — Но нам печатать все же следует где б то ни было⁴. —

Тутса в школе учат молиться. Но других школ — нет.

Addio! carissimi. Всех вас лобызаю.

Сегодня умер и сегодня хоронили процессией мимо нас — моего соседа, хромоногого католическ[ого] попа, которого я все звал товарищем по ноге. — В проливной дождь мальчишек одели в кисею; хорошо, что матери вступились и упросили попов одеть их, как следует в дождь, а не в церемонию.

КАЗНОВЛАСТИЕ⁵

(ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ)

Письмо первое.

Ты, вероятно, не подозреваешь, что я большой охотник читать журналы с доктринерским оттенком (только не подлые, в которых даже интерес противности до такой степени противен, что читать можно разве по обязанности). Благородные журналы с доктринерским оттенком я большой охотник читать, потому что в них есть возможность натолкнуться на что-нибудь существенное, с чем приходится поспорить. А это вещь чрезвычайно важная — и для полемики и для проверки собственного мнения.

К одному из таких журналов* я причисляю «Вестник Европы». Поэтому, получивши февральскую книжку, я тотчас раскрыл «Внутреннее обозрение», которое меня всего больше интересует — и тотчас наткнулся на несколько строк, которые невольно вытягивают из меня целую сеть полемики.

Меня всего больше поражает в этих строках, что императорская российская гласность — не может состояться; она не гласность, а при-зрак дозволения человеку высказывать свою мысль; она не гласность, а обман.

Вследствие этого человек, который желает только указать на то, что делается худо, и не желает сказать лжи, — вдруг начинает говорить страшнейшую путаницу, прикрытие чего-то — чего он не хочет скрыть, защиту вещей, которых

Хотя бы был и ум высокий —

оправдать нет никакой возможности.

* Почему они называются журналами, а не месяцесловами — я не знаю: французское слово *journal* — значит ежедневник [Примечание Н. П. Огарева].

«Почему же», — говорит пишущий господин, — цифра сметного дефицита... (см. «Внутр[еннее] обозр[ение], стр. 901—902 между двумя отметками карандашом).

Очевидно, что пишущему господину хочется защитить земледельческое сословие от совершенно обычной клеветы, возводимой проповедниками из смоленских дворян вроде Скарятина; но также очевидно, что пишущий господин не смеет сказать своей защиты просто, полным человеческим языком, желающим сказать правду; не смеет, потому что правительству до защиты мужиков (нравственной или иной), в сущности, никакого дела нет, а что оно само скорее держит сторону Скарятиных, чем мужиков, да еще вдобавок — в деле возвышения и сбора податей — должно признать себя виноватым.

Каким образом пишущий в «Вестнике Европы» нашел в неурожайный год развитие экономических сил в русском народе — это уже остается на его совести. Кто не знает, что правительства, особенно правительства, действующие помимо представительных собраний, увеличивают казенные доходы по своей правительственной надобности, а во все не спрашивают, увеличилось или уменьшилось экономическое благосостояние народа? И кто же не знает, что для сбирания увеличенных подушных и оброчных — местные управления (администрации) не только без всякого расспроса о благосостоянии, но даже без всякого исследования нищеты и голода, употребляли розгу и распродавали у крестьян все — и скот и последнюю курицу?

Кто станет в таком сбирании податей искать доказательства благосостояния, добропорядочности, экономических способностей и, тем паче, самостоятельности нашего крестьянства — в пользу ли, или в отрицание означенных качеств и означенного положения? Каждому слишком резко бросается в глаза, что в таком сбирании податей — никакого иного доказательства нельзя найти, кроме доказательства мерзости нашего управления (работающего корысти ради в пользу правительства) и мерзости самого правительства (поддерживающего, на высеченные из народа доходы, свое тухлое управление).

Если означенный способ взимания податей удержался, несмотря на освобождение крестьянства, это еще не доказывает экономического развития народа. Это только указывает на одну из сторон, которой народ попрежнему остался закрепощенным, и что эта одна из закрепощающих сторон — казна. Точно так же, как сборы в уплату помещикам доказывают не освобождение и преуспеяние крестьянства, а только указывают на остаток его закабаления и закрепощения. А там, на сколько преуспеяние крестьянства действительно бы совершилось, если бы не случилось неурожая и убийственного голода — это надо взвесить своим чередом и расчетом, и тогда, пожалуй, выведите заслугу освобождения; а не подсовывайте под освобождение дела, относящиеся к остаткам закрепощения. Это всегда останется ложью, усердием перед правительством, выдавание[м] черного за белое — и никому не поможет.

Если такое управление, которое взимало подати розгами и распродажей крестьянского имущества, сохранилось — даже несмотря на судебную реформу — то можно ли этим доказывать экономическое развитие народа? — Этим можно доказывать только крайнее бессилие народа, который не может отстоять себя от такого управления — ни просто своей собственной силой, ни своими новыми земскими учреждениями (потому что они барственные), ни своими новыми судами, которым правительство не дает права разбирательства крестьян против управления. Какую же вы хотите, чтоб в самом деле могли делать

оппозицию — люди, сдавленные до такого нуля, и какого вы ждете от них развития — экономического или иного? Если не все умерли с голоду, а заплатили подати — по распродаже последней курицы — это еще мало доказывает в пользу развития.

Я знаю, что найдутся господа, которые скажут, что это все — валуевщина, тимашевщина, шуваловщина и пр. и пр.; а что его величество про это ничего не знают. Так зачем же его величество про это ничего не знают? Пора бы задать ему себе серьезный, человеческий вопрос à la Hamlet: «быть или не быть»? Ведь человеческое еще не все в том, чтоб быть для того, чтоб хорошо пообедать!

Что касается до нападков на крестьянство (à la Скарятин), что оно спилось с кругу со времени учреждения акцизного питейного сбора, то его защищать, конечно, нельзя развитием его экономического благосостояния, которого нет. Его можно защищать тем, что в других европейских странах — пьют не меньше, если не больше, а еще от этого благосостояние не теряется; а если теряется — так от чего другого. Да и тут нельзя не указать, что если управление и правительство признают, что слишком большое увеличение кабаков губительно действуют на народ, кто же мешает правительству уменьшить их число, если не нужда в деньгах, для добывания которых оно способно на всякую наглость, не хуже контрабандиста?

На этот раз я останавлиюсь. В другом письме придется говорить о гораздо больших подробностях.

¹ Датируется по письму Герцена от 27 февраля 1869 г. (т. XXI, стр. 308).

² «Сат[ин] вам прислал 2550 фр[анков], — писал Герцен, — так что с прежними наверняка алтепо до нового года — в[аше] прев[осходительство] обеспечены, даже с обычными передержками. На-днях пришло Тх[оржевскому] чек в 1000 фр[анков] для твоих расходов на март и апрель...».

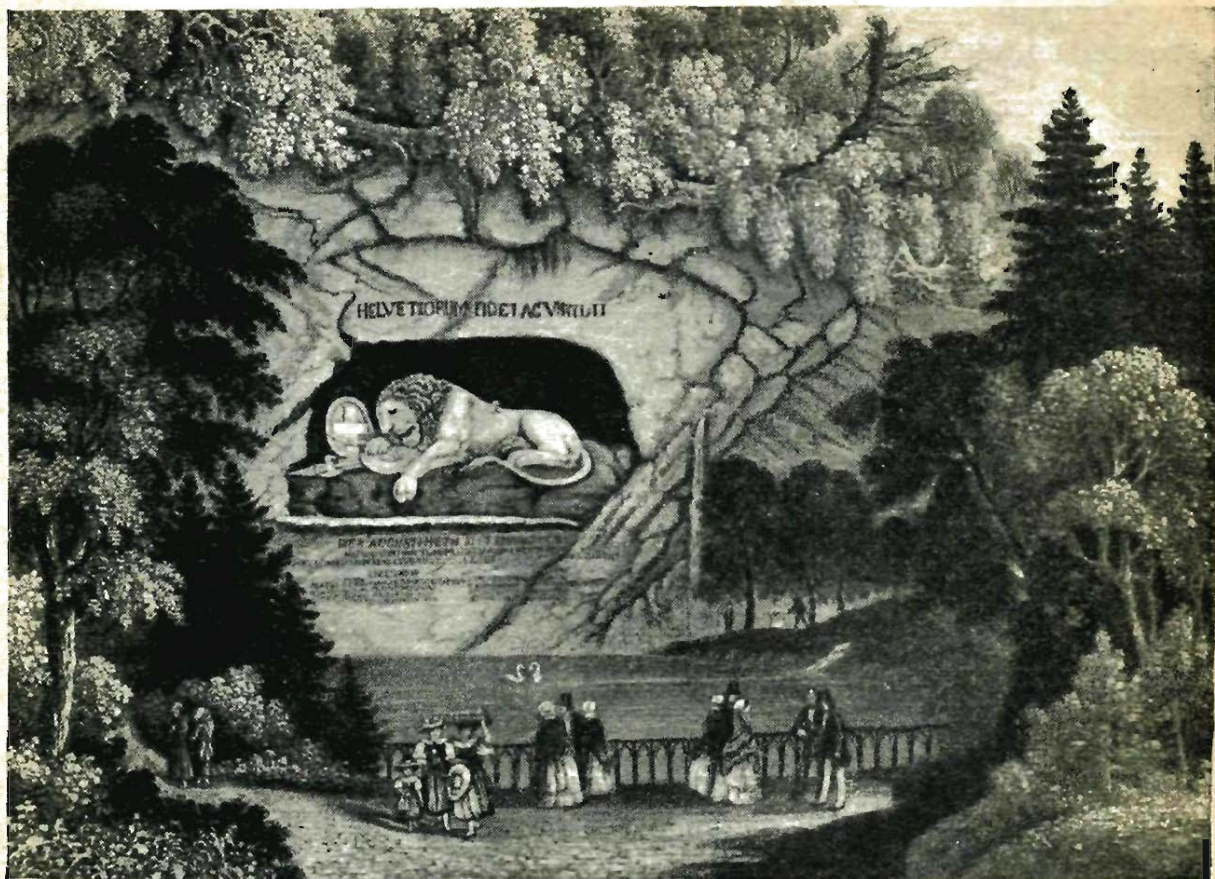
³ Этот вопрос был поднят в письме Герцена. «Надобно где-нибудь осесть, а где? Вопрос до того мудреный, что ты на него и не отвечаешь, да и я тоже...». В ответном письме от 4 марта 1869 г. Герцен писал (т. XXI, стр. 312): «...Об общей жизни я и не думал: она невозможна...».

⁴ Повидимому, Огарев пишет о напечатанной в «Неделе» статье Герцена под псевдонимом Нионского. В письме Герцена имеются следующие строки: «...Получил письмо от Марко Вовчка; опять о корреспонденции в «Неделю». Много шумят, как бы не наварили каши. Вероятно, весь Петербург знает».

⁵ Герцен дал отрицательную оценку этой статье Огарева:

«...Теперь о самой статье. Я часто нападаю на форму у тебя. Она шероховата, тяжела местами, и от этого мысль тускнеет. Чтоб показать тебе разницу, я сошлюсь на статью в «Приб[авлении]» о голоде. По-моему, она превосходна и написана хорошо. О новом письме я не могу сказать того же. Затем тяжелый приступ о подлых и не подлых доктринерских журналах: зачем развлекать подстрочным замечанием? И зачем там сям брани, Скарятин, не звучные слова? Ну, кто в наше время серьезно думает, что это валуевщина, шуваловщина и что госуд[арь] не знает? и что за старый оборот насчет «быть или не быть». Вся система, все сплетенье обществ и правительств виновато, и само собой разумеется, тот, кто во главе стоит... Ну, а затем, само собой разумеется, что фондовая мысль справедлива и ясна, и что, изменивши тон, можно продолжать...»

Нет, не дожدهшься их! Все жду Черн[ецкого] с напечатанным моим «Восточным вопросом», но еще до сих пор не готово. Где тут наладить какую-нибудь ассоциацию! Очевидно, сам себе человек подрезывает возможности: ведь на него смотрят. — Я еще вчера хотел тебе писать, получивши твое письмо; но подумал: подожду день — напишу как кончится моя попытка. Но, видно, и сегодня она еще у Черн[ецкого] не кончится. Ergo, похороним ее и давай толковать о другом.

ЛЮЦЕРН. УМИРАЮЩИЙ ЛЕВ, СКУЛЬПТУРА ТОРВАЛЬДСЕНА

Граюра Вебера по рисунку Винтермана

Литературный музей, Москва

Эк! тебя прорвало — смешать Шевелева с Леливой! Разве забыл квакера, который печатал брошюру, заказанную Мечникову². Рассчитался он со всеми честно. Книги в ход не пустил; жалуется, что она для народа слишком мудрено написана. Жалуется, будто там сказано, что освобождение крестьян произведено нами, и что это русских очень сердит. Я уверен, что он не шпион, но он немножко тронут, или никогда не мог сложиться мозгом. Написал венгерскую брошюру, которую здесь венгерцы чрезвычайно хвалят, выставляя ее как произведение совершенно социальное. Я не мог никого найти — кто бы мне ее прочел *texte en regard*. Если у тебя есть знакомый венгерец — пожалуй пришли. — Он уверяет, будто Клапка сообщил в Венгрию, что от тебя о нем слышал, что он шпион, чрезвычайно этим оскорблен и говорит, что его уже в Венгрии настолько знали, что этому не поверили и это ему не повредило. Теперь, на сколько он врет, или не врет, — за это ручаться не могу, потому что у него в языке есть что-то похожее на водоворот или на мельницу; но все же шпионских замашек нет ни малейших. Живет он не в Женеве, очень уединенно — и, если уже на что смахивает, то скорей всего на контрабандиста!

Вот тебе и отчет об Шевелеве. Но все же он мне кажется добрым человеком. О том, что ты Клапки не видал, я ему напишу завтра и спрошу, от кого он это слышал.

Тх[оржевскому] все, что следует, передал. Он сегодня получил от тебя чеки, за которые я приношу благодарность.

Доктора твоего жду и твою Женеву. Получил ли ты письмо, которое я послал на имя Таты?

Сегодня получил «Отечест[венные] Записки» февральс[кие]. Чья это там поездка в Испанию очень не...³.

6 м[арта] суббота. 12 час. — Вчера на той странице я приостановился и пошел ужинать. Вдруг приходит Жуковский, ужинал со мной и просидел до половины 12-го. — Затем я пошел спать. — Ничего, в Жуковском много хорошего, и работает он усердно; вероятно и «Народно[е] Дело» поставит на ноги. К унынию моему, я ничего не хотел намекать об ассоциации с Черн[ецким], прежде чем он сам заикнется. Но он об этом не говорил, хотя о своих хлопотах и заговаривал; да это и едва ли возможно, ибо прежде всего Чернецкий заламливает цены... Вдобавок, Жуковского прорвало ко мне прийти то, что он пришел прямо из типографии, где ему Черн[ецкий] дал «Восточн[ый] вопрос», который производит впечатление; стало, об ассоциации они могли бы уже говорить, если бы это было возможно; но, сомневаюсь, и не хочу вступить. — Жуковский много рассказывал, много интересного; я был очень доволен его визитом. Тебе он просил непременно написать, что твой ответ Вырубову производит восторг⁴. — Из разговоров теперь помню только, что следовало бы нам выписать «Космос», revue издав[аемое] Антоновичем⁵, Елисеевым⁶, Ю. Жуковским⁷, и пр., где должно быть много интересного. — Сегодня с утра читал «Отечест[венные] Зап[иски]». — Они мне кажутся на этот раз жидки; но я еще немного прочел. Любопытно мне знать твое мнение о рассказе Успенского (Разоренье)⁸. Тут есть промахи, но чрезвычайно оригинально, хотя и аляповато; а притом оно полезно. Начало хуже, но потом живее и резче. Очень желаю, чтоб ты прочел это, и пришлю «Отечест[венные] Зап[иски]» как можно скорее.

Теперь подожду Тхорж[евского]. — Может, что придется еще сказать.

Сию минуту пришло твое письмо от 4-го мар[та]. Merci за клавир, который у меня; для меня он и достаточен; 14 фр[анков] за него с радостью стану я платить. Но покупать его не стоит того, он и своих 500 фр[анков] не стоит. Жуковский пробовал и того же мнения. Если уже купить, то надо купить такое piano, которое было бы полезно и Тате, и Ольге, и Лизе, т. е. piano Плейеля в Париже за 1 200 фр[анков]. Иначе не стоит покупать. А я теперь с клавиром и бываю очень счастлив.

О моем «Восточн[ом] вопросе» — могу только сказать, что теперь половина первого, и что он еще из типографии в свет не выпущен; сегодня суббота, завтра воскресенье; ergo, дело остается до понедельника. Вот тебе и ассоциация.

Я тебе один вопрос на обдумание задаю: мне кажется, что, вообще, переезд наилучший в Брюссель. По крайней мере, там больше научных условий, чем в Италии и условия свободы прочнее?

После обеда. Тх[оржевский] пришел. «Восточн[ый] вопро[с]» вышел. Деньги получаю. Напишу завтра. —

¹ Датируется по письмам Герцена от 1, 4, 6 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 309, 312, 317).

² Этот абзац о Шевелеве позволяет установить тождество Шевелева с автором брошюры, изданной под псевдонимом «Молоканин» (см. комментарии к письмам 77 и 111).

³ «Поездка в Испанию» подписана инициалами Э. Д., см. комментарии к письму 122.

⁴ Речь идет о статье Герцена «Ответ г. Вырубову», напечатанной в февральском прибавлении к «Колоколу».

⁵ Антонович Максим Алексеевич (1835—1918) — литературный критик, после смерти Добролюбова заведывал критическим отделом «Современника».

⁶ Елисеев Григорий Захарович (1821—1881) — критик и публицист, сотрудник «Современника», «Русского Слова». С 1868 г. один из редакторов «Отечественных Записок».

⁷ Жуковский Юлий Галактионович (1822—1907) — известный публицист, сотрудник «Современника».

⁸ Повесть «Разоренье» Г. И. Успенского, печаталась в кн. 2, 3, 4 «Отечественных Записок», 1869 г.

114

9 мар[та 1869 г.]¹. Вторник

Второй день собираюсь писать к тебе и послать «Отечест[венные] Записки». Все думал их дочесть, но ближе сегодня вечером не одолеешь. Этот п^о слишком богат. Я не могу оставить его не dokonченным. Еще две статьи осталось докончить, а ведь читаю почти целый день. — Прочти Успенского — «Разоренье», как ни аляповато, но сильно меня волнует. — Прочел из любопытства комедию Потехина²: тема чрезвычайно ловкая, тенденция чрезвычайно хорошая, а лица — по моему мнению — бледны, и можно было бы из этого сделать что-нибудь пошире. — Статью о Спенсере³ советую прочесть Тате с тобой; может, потребуется и терпение, но она все-таки очень хороша. — Стихи Некрасова очень топорны⁴ — стихи М. (К родине) хороши. Библиографию, «Наши общественные дела» etc., не пропусти.

В[рангель] насчет переговоров о твоих старых статьях больше у меня не был, и здесь ли он и следует ли его найти — не знаю.

Тх[оржевский] послал тебе мою брошюру, но хорошо ли сделал — не знаю. О получении напиши. Твое письмо от 4 мар[та] я перечитываю несколько раз — все насчет переездов, и, право, ума не приложу. Я не боюсь ни тепла, ни холода, но ужасно боюсь несвободного помещения. Подумай об этом. А все вместе оставляет тяжелое чувство, от которого трудно отделаться⁵.

Если я тебе писал о Мэри, то не потому, что думал, чтоб она долго прожила; а потому, что она больна серьезно и неизлечимо. Что же касается до меня, то я теперь ее посылаю на почту, а сам обращаюсь к «Отечест[венным] Запискам».

Тх[оржевский] был. — Черн[ецкий] не был; если уже ему очень нужно — я ему отдам за Вихерского. Но Черн[ецкий] у меня еще не спрашивал, и я не напрашиваюсь. Деньги я взял все, потому что расплачусь легко, а на остальные два месяца проживу.

Цалую вас всех, мои милые.

От тебя сегодня писем не было.

А что твой диабет?

¹ Датируется по письмам Герцена от 4 и 14 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 312, 320).

² В письме от 14 марта 1869 г. Герцен писал о февральской книге «Отечественных Записок»: «...«От[ечественные] Зап[иски]» читаю. Комедия Потехина — сущая дрянь, и дрянь подлая по времени — теперь ругать немцев гадко; будто русские помещицы и пройдохи лучше? Характеры грубы, завязка пошлая, все экзажерировано, что же хорошего? Береги твой вкус...» (т. XXI, стр. 321).

Комедия А. А. Потехина, о которой пишет Огарев и Герцен, — «Рыцари нашего времени».

³ Статья Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?».

⁴ Речь идет о первых главах поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

⁵ Почти все письмо Герцена от 4 марта 1869 г. посвящено этой теме: «Жить следовало бы в Париже, если там гадко, то нет причины, бежать от беды; можно затем, но уже мелководно, жить в Брюсселе или Женеве. Затем я вижу одно уединение в теплом климате, и, конечно, не в Ницце. Мы едем на месяц в Геную. Изучу и посмотрю. Если что можно, к зиме решим, и тогда твой полгода bon poids остаются. Еще, саго mio, ты отчислил себя из умирающих и еще больше Мэри. К таким шуткам легко привыкает воображение. Было время, напр[имер], в конце 63... 65 и до

твоей ноги, когда я ждал ежедневно страшного результата твоего питья. Мой последний приезд в октябре убедил меня, что перелом твой спас тебя, и что ты от смерти дальше, чем в Буасьере. Но с чего же М[эри] ты зачислил по веннеринскому легиону бессменно умирающих? Сомнения нет, что все родившиеся имеют шанс умереть, но шанс этот ставится вне игры, или игру придется забастовать» (т. XXI, стр. 313).

115

15 мар[та] 1869 г.]¹. Понедельник

Вчера был Щерб[аков] и привез твою статью², которую я уже вчера прочел и сегодня перечитывал. В ней чрезвычайно много хорошего; но и с ней я не могу (пока) согласиться, как и с неопределенностью Бакунина. Главное, я одно тебе замечу, что вооруженное восстание обусловливается существующим войском, которое до сделки никогда не допустит. Едва ли ты в этом найдешь что-нибудь unpraktisch. Тут ничего теоретического нет, а история-то с этой дороги сойти не может. Но все же я сегодня писать об этом усиленно не буду, ибо имею сообщить тебе частный запрос Чернецкого, а времени уже не много.

Частный запрос Чернец[кого] в том, что точно ли ты будешь печатать мемуары, взявши дозволение де Лаво, а также и 4-ю часть. Черн[ецкий] говорит, что с мемуарами и «Полярн[ой] Звездой» — он еще год просуществует, что он ждал от тебя ответа и еще не получал. — Прежде всего, если ты можешь печатать, надо его спросить — как скоро будет напечатано. — Тх[оржевский] говорит, что ты ему писал, что не будешь печатать (ибо это = 12/т[ысячам] фр[анков]) и что он говорил об этом уже прежде с Чернец[ким]. Но Тх[оржевский] и Черн[ецкий] в таких отношениях, что эти отношения скорее мешают мне иметь собственное мнение, а не помогают. Дело в том, что Черн[ецкому] надо через пять недель покончить и потому он жаждет от тебя немедленного ответа. От ассоциаций он, кажется, уклоняется, а не то что ищет в них спасения; мне тут многое не нравится, но я не хочу теперь говорить, чтобы ты остался без всякого влияния и решил сам по себе: можно его поддержать давши ему работу — или пусть сейчас распродается (что будет также совсем в убыток)? — Напиши ему, что знаешь, или напиши мне так, чтоб я ему сказал — это omni casu будет лучше. Но сделай это тотчас, ибо ему в самом деле узлом пришлось и ждать нечего.

Вот тебе история! Право, устал даже от писанья ее; вдобавок, руки так гадко болят от chillblains'ов, что просто трудно писать; а охота большая.

Вчера Щерб[аков] был вечером; ужинать не остался (сегодня куда-то едет). Поэтому я ужинал после его ухода весьма вплотную; потом лег спать и видел во сне следующее: «Молитву православного чиновника богородице — на голос «Здравствуй милая хорошая моя». — Целое утро она меня не отпускала от тетради; я ее к[ончил], но еще слишком на-черно; а потом надо написать голос с аккомпанементом. К отъезду Щербак[ова] надеюсь слажу — а тогда пошлю тебе и посмотрю — что ты ругнешь или только посмеешься.

Сегодня здесь Ант[он] Рубинштейн³ дает концерт.

Самое печальное известие получил сегодня через Тх[оржевского] от Веньера⁴ (который сбирается ко мне): Мерч[инский] в Петербурге заболел холерой и лежал в клинике у Ботк[ина]. Но в последнее время стал вставать и курить. — Но каково-то это для него при всех скудных делах?

Ну! теперь до другого раза. Пора на почту. Цалую вас всех.

¹ Датируется по письмам Герцена от 11, 14 и 17 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 320, 328).

² «Посылаю тебе, — читаем в письме Герцена от 11 марта, — статью по поводу Бак[унина]. Прочти ее со вниманием» (т. XXI, стр. 320). Статья, о которой пишет Герцен — «К старому товарищу». В другом месте Герцен снова обращается к своей статье. «Сегодня, вероятно, у тебя будет Щербак[ов]. Я с ним послал статью о контроверзе с Бакуниным и письмо, в котором говорил о том, что баланс склоняется на Брюссель...» В ответном письме Герцен соглашается с замечанием Огарева: «Ты прав насчет замечания о войске, помешающем сделке — но где же сила против войска? Опять в пропаганде, учении и экономическом устройстве коммунного труда» (т. XXI, стр. 328).

³ Рубинштейн Антон Григорьевич (1828—1894) — знаменитый композитор и дирижер, много гастролировавший по Европе, и, в частности, в 1869 г. в Швейцарии.

⁴ Веньер, вернее Вениери — врач.

116

17 м[арта 1869 г.]¹ Середа

Сегодня погода превосходная, quasi лето; несмотря на то, у меня cold, затылок болит и голова кружится, но не в такой степени, чтобы мешало жить. Всего больше мне хотелось бы писать о твоей статье о Бак[унине]. — Но и то едва решусь. Она меня поглотила так, что все собственные работы с ней сливаются и отвечать я могу только или очень сознательно и разработанно, или вовсе нет. Я даже второй день перелистывал Прудона, с которым у тебя всего больше симпатий, хотя ты, может, этого и не знаешь. Словом, я так с взмаху о твоей статье говорить не хочу; дай лучше время на сколько мне его нужно. Так оставить я не могу ни твоей статьи, ни того, над чем сам работаю; но

ЦЮРИХ

Гравюра

Музей изобразительных искусств, Москва

оно так сливается для меня в одни итоги, что торопиться значило бы врать, — а это мне всего меньше хочется.

«Биржевые Вед[омости]» — Тх[оржевский] тебе сегодня отправил обратно. В «Моск[овских] Ведо[мостях]» еще не мог отыскать и сомневаюсь, чтоб там было помещено; скорее в «Голосе». — В «Петерб[ургских] Вед[омостях]» говорят есть ответ, что все это mistake и что это только Саша спрашивал у Венского попа² — может ли он получить паспорт в Россию, где ему нужно быть для получения какого-то наследства (?). — Это мне сказывал Тх[оржевский], но № «Петерб[ургских] Вед[омостей]» определить не умел. — Что же ты будешь отвечать, саго mio? Ведь тут нужно затрещину, пущенную во французские и английск[ие], даже и в немецкие журналы, наиболее ходячие, как на[пример], «Times» и т. п.

Тх[оржевский] мне принес посылку Тате, для отправки с Щерб[аковым] (который будет у меня завтра или послезавтра). Но Щерб[аков] мне говорил о каких-то книгах для Таты, а тут только посылка с платьями. — Поцалуй за меня Тату и Лизу. Желаю им такого же милого солнца, как сегодня здесь.

Тх[оржевский] взял у меня 140 фр[анков] для Черн[ецкого] в счет Вихерского — и пошел есть блины к Касаткиной, которая едет во Флоренцию и хочет видеть Ольгу.

Здесь Рубинштейн всех пианистов и Прокеша³ idem приводит в восторг и отчаяние. На концертах толпа, так что места нет и если он не даст концерта в реформацион[ном] зале, то мне невозможно побывать.

В заключение вот тебе нелепость, которая может идти только в потаенную литературу. Музыку писать — больно долго; это со временем, если оно тебе все-таки выйдет не противно comisch — а если противно, то я уничтожу.

МОЛИТВА РУССКОГО ЧИНОВНИКА БОГОРОДИЦЕ⁴

(на голос «Здравст[вуй] милая хорошая моя»)

Дева чистая и с платьем,
Со бессемянным зачатъем,
Богородица, заступница моя,
Помолися и вступи за меня!
У почтенного супруга
Попроси мне дом с прислугой,
У возлюбленного сына —
Генеральского мне чина,
А у голубя свят-духа —
Фунтик золота с осьмухой,
Чтоб я золотом громазден
Вышел сыт, и пьян и празден;
И тогда я обещаю,
Что тебя возвеличаю!

Самому сомнительно; а все же твой приговор мне необходим.

Когда я тебе хвалил комедь Потехина, я писал, что заставил себя прочесть из любопытства, но что в ней ни одного обделанного лица нет. — Пока addio! М[эри] идет на почту.

¹ Датируется по письму Герцена от 14 и 20 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 320, 329).

² Раевский — священник русского посольства в Вене. В марте 1869 г. распространились слухи о некоторых шагах, предпринятых Герценом с целью возвратиться в Россию, о его, якобы, хлопотах через Раевского. Сначала в «Kölnische Zeitung», «Neue Freie Presse», а затем в № 44 «Биржевых Ведомостей» и в № 39

«Московских Ведомостей» появились печатные заметки. «Отовсюду меня осыпают вопросами, правда ли, что я и ты едем в Россию, — писал Герцен Огареву 14 марта. — Мало что спрашивают, — получаю второе письмо от Марка Вовчка и второе от Тургенева с теми же вопросами... Это — целая интрига. Без ответа оставить нельзя...». В письме к И. С. Тургеневу Герцен просил: «Сделай одолжение, оборони меня языком, пером, негодованием, авторитетом от уморительного нареkania, что я хлопочу через Раевского, попа в Вене, о возвращении. В «Биржевых Ведомостях» целая статья с нравственными рассуждениями и ободрениями. Что я им за Кельсиев II достался. Разумеется, я в Россию ехать хочу и когда можно будет туда ехать без каудинских фурукул, поеду, но в Вене я не был, ни Краевского, ни Раевского, ни Евского не просил. Откуда это?» (т. XXI, стр. 324).

³ Прокеш — известный пианист.

⁴ Герцен так отозвался о ней: «...Молитву получил. Конечно, смешно, но *perhé?* Т. е. как Талейрана спрашивали: «*mais que gagne tu à cela?*». Нов будет старый напев, а мотив и пародия не новы. Мне кажется, это не наш род и не наш аж».

117

23 март[а 1869 г.]¹. Вторник

Еще вчера хотел к тебе писать, но с обеда и до ночи были гости. Тх[оржевский], потом Шевел[ев], потом Венъери. — Шев[елев] остается странною личностью (*inter nos* — все непременно), но не могу я его заподозреть, как другие господа; он мне скорее кажется торгашем. Он был вчера с 4-летним сыном; очень милая русская физиономия. А впрочем, чорт его знает; а разузнать постараемся. Но всего курьезнее, что вчера вечером Чернецкий с супругой приходил к воротам, но узнавши, что я не один, просил Тутса не сказывать, что он его видел, сказал, что он, вероятно, один зайдет сегодня. Я ему твое письмо послал и приписал приглашение потолковать; но кажется, ему не хочется и он вчера увернулся. Я сделал, что мог, дальше я навязываться не стану. Также не стану навязываться Бакун[ину] и пр. — Вот В.² пришел — ну и милости просим; а ухаживать, как бы прося прощения, безо всякой вины — слишком глупо. Бак[унин] имеет гораздо более повода ухаживать; он старался как-нибудь унижить — и если не придет, тем хуже для него.

Получил на-днях дружеское письмо Мальвиды, с просьбою о пересылке мемуаров. Пишет, что Саша читает прощальную лекцию. Не могу сказать, чтоб это мне нравилось и мало верю, чтоб он сделал больше в науке — отдельно про себя и без кафедры, которая всегда составляет сильный *stimulant*. Впрочем, он в возрасте действовать свободно — не то что Тутс.

О твоей статье против Бакун[ина] еще не решаюсь писать. Во 1-х, она меня слишком серьезно занимает; во 2-х очень занят в моем дне стихотворением, и оно — кажется — ладится, но не быстро. Надо немножко терпенья.

Теперь имею «Вести[ик] Европы». Едва ли найдется что-нибудь очень замечательное; но хочется прочесть так, чтоб завтра тебе послать и написать свой отчет. — Посмотри хорошенько в «Голосе» дело Плотицына³. Оно мне кажется безобразно разыгрывается. Катков, разумеется, держит сторону процедуры.

Вообще, как-то все обстоятельства смотрят печально. Или у меня такое настроение, потому что нездоровится — что грудь болит — простуда. И все были простужены — Генри был три дня в лихорадке; М[эри] нездорова. Только Тутс выдержал; чрезвычайно забавен и здоров, но шалит жестоко; мудрено ладить.

Вчера узнал, что Мерч[инский] совсем выздоровел, поступил на место и месяца через три приедет сюда.

Ну! Что Тата с Лизой? Что-то давно от них ничего нет и никаких

подробностей. Щербаков еще не возвращался. От Вихерск[ого] не имею известий и не знаю куда к нему писать.

Тх[оржевский] наелся вчера черного хлеба и опять был болен.

Фурор здесь производит Рубинштейн. (Сегодня последний концерт; я хотел идти, но зала маленькая, а толпа непроходимая; так что это будет невозможно). Прокеш говорит, что под его руками фортепьяно танцует. Тх[оржевский] это рассказывал — а Тутс пришел в пессию, чтоб непременно ему показать, что он никогда не видал как фортепьяно танцует.

Я не верю, чтоб в Брюсселе климат был хуже, чем в Женеве. Ergo, сам сообрази.

Я буду очень рад, если С[атины] вычитут с меня для Тат[ьяны] Ал[ексеевны] ⁴. — Я после тебя, ни к кому не был так привязан как к Серг[ею] Ив[ановичу] — со всеми его странностями. Последнее время я об нем ужасно часто вспоминал и грезил.

Прошайте, мои милые!

¹ Датируется по письму Герцена от 24 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 332), из которого видно, что дата написания поставлена не верно. «...Хотя я сильно подозреваю, что твое письмо, полученное вчера, написано не 23, и не во вторник, но все же, я его получил и за то посылаю вырезку из «Nord»...». В этом же письме Герцен объясняет смысл своей статьи против Бакунина. «...Смысл моей статьи против Бакунина прост. Мне хотелось бы, что б ты или я написали ему другое, т. е. допрос (не лично, а общий) для того, чтоб вытянуть от него определение, в чем его идеал, если бы я имел его речи или что другое, я сделал бы. Говорят, что он проповедует совершенное уничтожение собственности и семьи. Но ведь это вздор. И это было бы, действительно, превращение в обезьяны и в скуку однообразия, которую человечество, по своему фантастическому элементу, не вынесет. Как же он развивается это?..»

² Кто такой В., не выяснено.

³ «Дело» Максима Плотницина по обвинению в организации скопческой секты, подробно освещалось на страницах почти всех русских газет в марте — апреле 1869 г.

⁴ Т. А. Астракова.

День благовещенья! Но я тебе ничего особого благовестить не стану. Все эти дни не писал, потому что, то ждал кой-кого (на[пример], Чернецкого, который не был — но о нем после), то мешал этот дурак Шевелев, приходивший за советом как и где ему давать ответ по делу об огромном фальшивом завещании в России, при котором он был свидетелем и может дать все показания (говорит, что дело страшного варварства). Он вызван здесь для ответа. Но он ужасно много врет — и, мне кажется, что он должен быть помешан и что у него что-нибудь неловкое в жизни. Тебя он действительно не знает, но только знает в лицо, потому что Строганов ² тебя ему показывал на железной дороге. Если бы случилось, что этот Шев[елев] к тебе явится в Ниццу, то прими его так, что тебе некогда, и если он не уйдет, то уйди сам и уведи и брось его где-нибудь, ибо скука невыносимая, и нашему брату — которому уйти нельзя — ужасно трудно отделаться от продолжительности визита; а говорит этот господин всякую чушь без умолку. Что он такое — я решительно определить не могу. Поступают с ним все ужасно глупо. Доказать, чтоб он был шпион — нельзя; довести подозрение до его сведения — было совсем нелепо. Я думал, что все это канет в озеро, потому что он сегодня уезжает (дети у него миленькие, жена — родственница покойника Касаткина и Солдатенкова ³). Если тебе случится что об нем узнать — не дурно бы было; надо же causa sufficiens чтоб его отбоярить — иначе это нехорошо и бесчеловечно; а якшаться

с ним утомительно. Но я думал, что это покончено, а между тем, другая штука — нето что надоедает, а просто огорчает меня. Чернецкий (как ты мог видеть из «Journ[al] de Gen[ève]», посылаемого тебе Тх[оржевски]м) контролировал рабочий тариф в типографском обществе, а вотировал он и Данич с меньшинством, и, сверх, того, Чернецкий вотировал с хозяевами (хозяин — бо). Сверх ридикюльства вотирования с хозяевами человека, которого заведение состоит из него самого и из Данича, это, разумеется, помешало делу работников (которое, кажется, кончится ничем) и работники имеют право сердиться на Чернецкого⁴. — Тх[оржевский], который все эти дни нападал на него, сегодня защищает его. — Ну — мы и поспорили тем манером, как он обычно спорит,

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА ЛИЗА

Фотография, 1870-е гг.

Институт литературы, Ленинград

когда ничего не понимает. Пожалуй, пришлет ко мне еще Чернецкого самого спорить (чего мне вовсе не надо — но как угодно). Все это ужасно утомительно и не по моему здоровью. Разумеется, вынесу, но скучно страшно и мешает работать. Я очень рад, что остальные ко мне не ходят; будет и с этих — ведь и те не меньше из мемуаров Д-ра Крупова, только мешали бы работать!

Однако, Тх[оржевский] обещался постараться достать мне «Temps» и «Пет[ербургские] Вед[омости], но наперед уверен, что не достанет.

Как видишь — мне, собственно, никого из них не нужно — и намеренно я с Бак[униным] опять не сближаюсь (а история Луг[инина] еще лучше!⁵).

Тх[оржевский] тебе сегодня посылает «Штутгартскую газету», где из «Кельнской газеты» поправка, повторение «Пет[ербургских] Вед[о-

мостей]»⁶. — Вчера послан тебе «Вестн[ик] Евр[опы]», где прочти статью Костомарова — непременно; это почти интерес романа.

А тут еще Тутс шалит так, что вчера маленькая гувернантка из школы приходила жаловаться. Посмотрю еще и тогда напишу в чем дело.

Затем пора на почту. Прощайте, мои милые.

Здесь погода — это чорт знает что такое. Я хуже нигде ничего не помню. Надеюсь, однако, что я по крайней [мере] выдержу без больших неприятных влияний.

«Недели» я не получал. Ergo, пришли.

¹ Датируется по письмам Герцена от конца марта 1869 г.

² О каком Строганове пишет Огарев — неясно; в Швейцарии в эти годы часто бывал С. Г. Строганов.

³ Солдатенков К. Т. (1818—1898) — известный книгоиздатель.

⁴ В январе 1869 г. женевские рабочие предъявили своим хозяевам ряд требований (о сокращении рабочего дня на 2 часа, увеличение заработной платы на 20% и т. п.). В виду отказа хозяев удовлетворить эти требования, 24 марта вспыхнула всеобщая забастовка, которая продолжалась около 3 недель. Эта стачка проходила под руководством Женевской секции I Интернационала; большую роль в ней играл А. А. Серно-Соловьевич. Стачка кончилась незначительными уступками со стороны хозяев, но моральная победа женевских рабочих была несомненна. Это была первая большая стачка общеевропейского значения, проведенная I Интернационалом. Маркс и Энгельс оценивали ее как большую победу рабочего класса. История этой стачки довольно точно изложена в статье П. И. Якобия «Больные места Швейцарии», — помещенной в 1869 г., в «Деле», Чернецкий, как хозяин типографии, был вовлечен в этот конфликт и, как видно из этого письма Огарева, голосовал с хозяевами. Герцен писал по этому поводу: «...Какую глупость сделал Чернецкий, подписав со стороны хозяев типографов свое имя в деле гревы...» (т. XXI, стр. 347). В следующих письмах Н. П. Огарев неоднократно касается «гревы» (забастовки).

⁵ В письме Герцена к Н. П. Огареву от 27 марта 1869 г. имеется объяснение характера этой истории: «Когда Лугинин отправился за границу, отец его провожал и, расставаясь, снял с него клятву, что он не будет иметь сношения с нами, ни жить в одном городе и он дал ее...» (т. XXI, стр. 330 от 22 марта 1869 г.).

⁶ В «Петербургских Ведомостях» появилось опровержение слуха о возвращении Герцена в Россию, которое было перепечатано некоторыми европейскими газетами, в частности «Кельнской газетой».

Действительно, я ошибся, написав 23, вторник; было 22, понедельник. Простите великодушно! — Погода сегодня ужаснейшая: холод и биза, поднимающая пыль столбом. Я скорей болен, чем здоров; так ко сну и клонит, несмотря на то, что насилу проснулся давеча. — Тх[оржевский], вероятно, сейчас придет (12½ час.), передам ему твою записку и распоряжение послать письмо во «Время» (ах! бишь в «Норд») в «Конфедере» и в «Бунд». Постараюсь приписать, хотя это для меня самые мудреные штуки. Конец твой записки в «Норд» мне не нравится: если было отвечать не плевком, а холодно и презрительно, то к чему выставлять им чувство любви к отечеству и желание возвратиться на родину? Дураки, пожалуй, примут за намек и попытку. Неужели ты в самом деле думаешь, что есть возможность возвратиться? Это был бы и риск слишком огромный; а что вознаградит этот риск? Вид полей и Старой Конюшенной? Люди или слишком новы и чужды, или слишком стары и враждебны. Не верю я в возможность и нужду возвращения, Герцен! — Дети — другое дело — это вопрос, который предстоит решить им самим.

Как это Лиза пишет, что ты упал? Точно ли не ушибся? Напиши.

Dio santo! Четверть второго — а Тх[оржевского] еще нет. Пойду пообедать и после обеда dokonчу письмо. — Вчера мы с ним не спорили,

но я об Черн[ецком] и не разговаривал, чтоб не привести к спорному пункту. — Сейчас пришел и идет в город. О письме в «Конфедере» завтра распорядимся.

2¼ часа. Вот и Тх[оржевский] ушел. Ничего — мы опять приятели. — Ты ему чек пришел на 140 фр[анков], а если можно также и на 500 фр[анков] для мая месяца, потому что мне без Тх[оржевско]го получать будет мудрено, а он через 12 дней едет к вам; да оно, во всяком случае, уравновесит все мои делишки, и будет совершенно ловко и обойдется без кредитов — я же себе заказал платье, за которое иначе не расплатишься.

Бойни хозяин у нас, по моему требованию, не дозволил, и мясник, кажется, переезжает.

О бак[унинских] идеалах напишу завтра. Но ты, впрочем, не верь всякому вздору, который об нем говорят. Буржуазия, конечно, отчасти испугана, но это не резон обвинять интернациональное движение (которое кончается ничем) и защищать много помешавших великих буржуа — Чернецкого и Данича! Не подумай, чтоб я это говорил.

(Помешали — портной приходил примеривать весеннее платье — превосходное; кое-что немного взял опять поправить. Да еще старый пиджак вычистил — точно новый. Это портной Тх[оржевско]го).

Не подумай, чтоб я это говорил по какой-нибудь инсинуации — я никого не видал. Это заключение, которое я вывожу из враждебного рабочему движению Женевского журнала.

Теперь — addio!

Цалую мою Лизу за ее мушку с письмом и напишу ей завтра.

Сейчас Мэри жалуется, что со двора вонь непроходимая — и, должно быть, еще продолжается бойня. Посмотрим, что делать. —

Тутс ведет себя умнее. У меня никого не бывает — и мне легче жить.

¹ Датируется по письму Герцена от 24 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 332), в котором читаем: «Если ты думаешь полезным, пошли мое письмо «нордовское» в «Bund» или другую газету, в «Confédéré de Fribourg», и прибавь строку вроде: «comme mon nom a été mentionné dans la même correspondance, le m'associe à la déclaration de monsieur H... etc...». Конец письма Герцена, по поводу слухов об его возвращении в Россию, опубликованного в № 71 «Биржевых Ведомостей», звучит так: «...никаких шагов, чтобы возвратиться в Россию, я не предпринимал, несмотря на то, что возвращение на родину для меня, как для всякого человека, находящегося в моем положении, было бы одним из счастливейших событий в жизни...»

День недели указан ошибочно — нужно пятница.

Вот тебе и новости: сегодня, после обеда (т. е. перед вечером), был у меня Бакунин, а вечером был Чернецкий.

Что я ни писал прежде, но когда я увидал Бак[унина], я был внутренно так рад, что даже старался как можно меньше показать это². Твою статью он взял прочесть и принесет на-днях; я взял честное слово, что сбережет аккуратно. Я, между тем, перечту и мои письма к нему, и когда он на-днях придет, сверх того, предложу ему вопрос об его идеалах — и после разговора напишу тебе, и будет легче писать тебе ли, мне ли. Теперь, из его слов, я вижу, что очень работает против гревы, которую считает очень опасною, особенно примыкающую греву каменщиков; типографщики еще отчасти поддержаны иностранными ассоциациями, а каменщики ничем; но и типографщики, кажется, перейдут к меньшинству и грева лопнет; а каменщики так пострадают сильно, если сделают греву, хотя права на нее имеют еще больше (это даже

по словам Чернец[кого]). Ergo, Бакун[ин], в сущности, должен быть ближе к нам, чем сам думает. Но говорить сегодня я не пробовал, потому что он приходил не на довольно долгое время. Мне кажется, он боялся ко мне придти — и приходил попробовать — может ли он оставаться попрежнему в отношении старичков. Хотя мы так это и не постановили — но что ж я могу иметь против этого? Polemika не должна быть враждой, если она не проистекает из личной вражды.

С Чернецким я тоже не поссорился: он приходил сказать мне, что сам сознает, что сделал ошибку и больше потому, что не понимает хорошо по-французски. По наущению ли Тх[оржевско]го он это сделал, или сам по себе — этого не знаю; но во всяком случае, когда человек говорит — я виноват, тут и ссориться нельзя. Тебя он благодарит за письмо, но еще не писал, потому что ждет каких-то здесь объяснений и результатов по своим делишкам (каких не знаю) и ждет их на-днях, и тогда тебе напишет — на что решается.

Я писал тебе сегодня вечером, чтоб успеть еще больше написать завтра. Но теперь скоро 12 часов и потому иду спать, а то устанешь. Bonne nuit, mes enfants.

А Тх[оржевский] не был вечером, и письмо в «Конфедере» до завтра.

28, утром

Проснулся в 7 час[ов]. Все кругом бело. Снег валит как в России. Прелесть! Салев, Юра, крыши, деревья, улицы все под самым пушистым снегом. Но возвращаясь к вчерашней истории, а куда и снег стает.

Черн[ецкий] приходил вчера также советоваться о вновь предлагаемой ему компании на кооперативных началах: известный процент на капитал, а остальной барыш разделяется между рабочими. Компания выбрала своим предводителем некоего Перрон, который пользуется славой человека коммерчески ловкого, и который берет на себя руководство заведения и ответственность за капитал в 15 т[ысяч] фр[анков], который предложил Серн[о]-Сол[овьевич], недавно его получивший. Это мне сказывал Черн[ецкий], говоря, что он ожидает более подробного устава, чтоб присоединиться с своими вещами по оценке; но что его больше всего отталкивает то, что это диктатура и что он не может войти в компань, не имея хозяйского голоса. Я ему говорил, что определенный устав узнать следует, но о голосе едва ли ему очень нужно беспокоиться. Что из этого выйдет — не знаю. А Бак[унин] рассказывал мне, что Черн[ецкий] (которого он очень уважает) кобенится как хозяин вступить в компанию, между тем, как это для него здесь — наилучший исход. Но Бак[унин] от меня утаил, что деньги Сер[но]-Сол[овьевича] (нам-то, саго mio, какое дело до того чьи они). — Оттемок из круповщины сильно отзывается в этих утайках: Бак[унин] боится, что мне ненавистны деньги Сер[но]-Сол[овьевича]; а Черн[ецкий] — я убежден — в самом деле кобенится из хозяйской посадки, но передо мной он это скроет, и найдет другой резон; а между тем, этим наш разговор будет пресечен, а дело останется без результатов³.

Скоро жду Тх[оржевского] и тогда dokonчу. Читай Женевск[ие] газеты и «Эгалите». Вопрос стал действительно интересно.

У вас в Вятской губернии, с возвышением податей, распространяется секта немолельщиков; к ней присоединяются много из мужиков, которым объясняют наказание господне за неплатеж.

Бак[унин] позаполемизирова[лся] с Реклю и «Fraternité». Каким путем не знаю. Но знаю, что у меня был прежде пробный № «Fraternité»; я еще и не знал, что в нем участвует Реклю, но он мне показался ужасно

туп. Как это опять (после Прудона?) свести социологию на чувствительность сердца? Мне это совершенно непонятно и противно, ибо из этого ничего не сделаешь, доказательство 1869 лет чувствительного празднословия.

Тх[оржевский] обедал; писать к тебе будет во вторник. Мне сегодня с журналами больше некогда. Лизе завтра особо. Со всеми по обычаю христосуюсь.

¹ Датируется по письму Герцена от 31 марта 1869 г. (т. XXI, стр. 350).

² Герцен радостно ответил: «Я знал, что свидание с Бакун[иным] тебе будет и весело и полезно...»

ВИШИ. ИСТОЧНИК СВ. ЦЕЛЕСТИНА

Автолитография Г. Клерже

Литературный музей, Москва

³ «Употребил все, — писал Герцен, — лесть, подкуп, богу свечку, молитву, чтобы Чернецкого уткнуть в кооперацию, а там не только Серно-Солов[ьевич], но если Соловей-разбойник даст капитал. И отчего же он не будет иметь голос, внося типографией» (там же).

Хотел было писать вчера с вечера, но подумал, что тут разницы мало и вчера все время отдал «Космосу», и многое хочется сказать. — Тх[оржевский] вчера уехал в деревню к Кашперовскому; вероятно, сейчас придёт ко мне обратно — а если что есть нового, я припишу после обеда. Также жду «Конфед[ере]» и пр., где поместится наш ответ. Вчера не было, видно, не поспело. Сегодня посылаю тебе «Москов[ские] Вед[омости]», где такие чудеса рассказаны о Чарторижских, что я подумал лучше всего тебе послать, чтоб ты передал кому следует

или пропустил без внимания. Там же еще предостережение «Неделе»! Не верю я, caro mio, чтоб мы могли продержаться в русской печати под какой бы то ни было фирмой²; а заграничная пресса останется необходимостью — то пореже, то почаще, то много, то мало, то совсем молчание, но уничтожать возможности заграничной печати нельзя. Что касается до свободного возвращения в Русь³, о котором ты говоришь в каждом письме, чем больше об нем думаю, тем больше нахожу, что мы так поставлены, что худшего наказания для нас найти невозможно. — Что касается до Брюсселя, я понимаю, что Мальвида боится климата (который, однако, должен быть не хуже женевского), понимаю также, что Саша едва ли захочет основаться там, если будет искать специальной деятельности; но воспитывать итальянский народ (и в этом я не могу согласиться с Мальвидой) едва ли приведет к чему-нибудь, кроме некоего эффекта и аплодисмента — а потом и придется куда-нибудь уехать, чтоб иметь, действительно, полезное научное влияние. Я верю в красоту, хотя и не флорентинскую, а напр[имер], романскую — но в эдюкабельность понимания того и другого племени или итальянского народа — плохо верю. — Тх[оржевский] был, принес новые «Отеч[ественные] Записки», взял послать тебе «Моск[овские] Вед[омости]», но нового ничего, кроме того, что Цверцякевич⁴ убежал из больницы; Сер[но]-Сол[овьевич] его встретил, приютил в отель, дал знать его дяде; но он и из отеля убежал. А для меня самая важная новость, что мне сейчас мой бандажист принес новые сапоги, по моему плану, — просто прелесть — могу жить и ходить без боли; только проработал он за ними по-женевски — месяца два, и счета не прислал. — Возвращаясь к «Космосу»: полемические статьи о Некрасове⁵ и пр., по-моему, превосходны. Но статьей Антоновича, которую я успел прочесть (о единстве Космоса) я далеко не доволен. На сколько в 1-м № она хорошо выцежена, на столько во 2-м завралась до огромнейших противоречий, переполненных иностранными выражениями quasi недоступными массе русских читателей. — Но теперь 1/2 третьего, и я все же кончаю. — Бак[унин] еще не был; должно быть, сегодня или завтра придет. — Тх[оржевский] посмотрит «Bund»; я и забыл, что он не получается в книжных лавках. А «Confédéré» придет завтра.

День сегодня чудесный и я пойду в сад читать. Солнце греет лучше камина. Биза своротила на южный ветер.

Что вы все — как здоровы?

Я простужен сильно, но, вообще, недурно.

¹ Датируется по письмам Герцена от 20 марта и 3 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 330 и 354).

² В № 48 «Недели» была напечатана статья Герцена «Скуки ради» под псевдонимом И. Нионского, в связи с чем Герцен строил довольно широкие планы участия в русской легальной прессе под тем или иным псевдонимом. Огарев сомневался в возможности этого. И действительно: больше статьи Герцена в России не печатались.

«Может и в самом деле время печати в России не пришло, — отвечал Герцен. — Но что заграничной печати время прошло, — это тоже ясно. Если ты можешь поставить на ноги утячий журнал старыми «Московскими Вед[омостями]» это хорошо. Но как сделать чтоб утятам передать гусиный ум и лебединую белизну? Мне кажется, что все они представляют помойную яму самолюбия и бездарности...».

³ Поскольку письма Герцена сохранились за этот период не полностью, трудно судить о характере высказываний Герцена по этому вопросу. Повидимому, эта тема возникла у Герцена в связи с вымышленной историей с Раевским.

⁴ Цверцякевич — польский эмигрант; в 1868 г. заболел психически и находился на излечении в больнице.

⁵ Анонимные статьи «Вопрос, представляемый на разрешение легкой литературы» и «По поводу письма Белинского» в №№ 1 и 4 «Космоса», по всем данным принадлежат перу М. А. Антоновича. Точное заглавие статьи Антоновича: «Единство физического и нравственного космоса» (№№ 1, 2).

1 апреля [1869 г.]¹ Четверг

Не подумай, чтоб это была шутка; присягаю, что взаправду:

Сегодня едет или уже уехал к тебе Мечников и везет, вместо Щерб[акова], платье Тате и «Отечест[венные] Записки». Какой-то господин там у вас выиграл в рулетку 65 т[ысяч] фр[анков]² и выписал его в качестве сісегоне для путешествия по Италии. Ergo, ты его получишь, вероятно, вслед за сим письмом.

Его поездка в Испанию (в «Отечест[венных] Записках»)³ очень хороша; если стихотворение (signé Дуров) его же — оно превосходно. Честь ему и слава.

Грева⁴ здесь идет мерзко. Мне кажется, что Бак[унин] хорошо работает и теперь дела много, но сделать ничего нельзя. Статью твою он принес. Чувствительно из разговора, что он внутренне сердится, но показать этого не хочет; даже старается показать, что он к нам стоит наиболее. С «Народным Делом» он в разладе, ибо не признает, чтоб «оние господа могли позировать народными учителями и воспитателями, что таких господ нет, что есть только люди, могущие вести результаты из народной жизни и понимания». Это квазі его слова.

Он был у меня 3-го дня; всего переговорить (особенно при моей неспособности и при его непрерывной способности говорить) было невозможно и осталось до другого раза; вероятно, он на-днях придет.

Вчера пришло на твое имя письмо с просьбой напечатать послание к студентам от одного студента⁵, только что удравшего из Петропавл[овской] крепости. Послание, может, немножко экзальтировано, но не печатать нельзя; по моему глубокому убеждению оно, во всяком случае, поворачивает на воскресение заграничной прессы. Через некоторое время можно будет его напечатать в новом прибавлении к «Колоколу». В печать я отдам сегодня, а подробности лучше сообщу с Тх[оржевским]. — Мне так что-то страшно.

Твой доктор — изящен⁶, только печатают они плоховато. Все же я его читал два раза.

Заметь в «Отечест[венных] Записках» Щедрина — «Дикого помещика»⁷ — это совершенство. Да заметь статью Костомарова о молоканах⁸. И в остальных вещах много хорошего, но это два перла.

«Москов[ские] Вед[омости]» с своей перебранкой с «Вестью» — ужасно надоели: один другого гаже; просто взял бы да отшлепал по физиономии.

После обеда. Был Тх[оржевский], которому я поручил отдать студенческое послание в печать. Он сказывал, что в 2 час[а] (а теперь без 10 м[инут] два) придет Утин, который желает снять за 1/2 цены «Моск[овские] Вед[омости]», чтоб я посылал их по прочтении 2 раза в неделю. Издание «Народного Дела», кажется, принадлежит ему. Почему же не согласиться? Если что слишком интересно, я всегда могу тебе о том писать; а им это помощь, потому что средств у них все же, кажется, не много. Если они лопнут, то потому только, что никому не интересны, а мешать им пробовать силы не следует.

Сегодняшний «Journal de Genève» ужасен. Грева кончается гнусно. Вероятно, Тх[оржевский] тебе его послал — увидишь сам. Не могу не придти к заключению, что Черн[ецкий] уронил себя в общем мнении и упек бедного Данича. Да я думаю он и сам это чувствует.

Ужасно оскорбительно!

Однако, едва ли кто-нибудь будет нас в этом обвинять — разве скоты. Но, конечно, не Бак[унин], которого я теперь желаю видеть и для подробностей.

Confédéré напечатал наше заявление. Но Тх[оржевский] мне не велел его посылать; он у вас не приходит.

Теперь цалую вас всех, мои милые, и прощайте.

Боюсь как бы У[тин] не пришел и тогда только не успеешь на почту.

¹ Датируется по письмам Герцена от 3 и 5 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 354, 355).

² Речь идет о В. О. Ковалевском. В письме Герцена от 5 апреля 1869 г. сказано: «Вчера я был с Мечник[овым] и его макаронами в Монако. Его приятель, выигравший 65 000, отправил 50 т[ысяч] в Россию» и т. п.

³ В «Отечественных Записках», 1869 г., №№ 1—4 были помещены очерки «Поездка в Испанию» под инициалами Э. Д.

⁴ Грева — стачка.

⁵ Это прокламация петербургских студентов «К обществу», помеченная 20 марта 1869 г., начинающаяся словами: «Мы, студенты Медицинской Академии...» — напечатана в драгомановском сборнике «Писем М. А. Бакунина к Герцену и Н. П. Огареву» (Женева, 1896 г., стр. 460).

⁶ Повидимому, Огарев пишет о статье Герцена «Aphorismata, по поводу психиатрической теории д-ра Крупова», напечатанной в VIII книге «Полярной Звезды».

⁷ «Дикий помещик» М. Е. Салтыкова-Щедрина напечатан в №№ 2 и 3 «Отечественных Записок» за 1869 г.

⁸ «Воспоминание о молоканах» Н. И. Костомарова в «Отечественных Записках», 1869, № 3.

[3 апреля 1869 г.]¹

...Я подожду от тебя извещения о содержании его [Чернецкого] письма: тогда стану уговаривать и слаживать изо всех сил, но за успех не ручаюсь, его не скоро своротишь с чего-то, чего я не понимаю². — Благодарю тебя за деньги, которые получу сегодня. Все же надо стараться как можно постесниться; и Сат[ина] нельзя прижимать; вероятно, доходы трудны, а детей, кажется, четверо, да еще все растут и требуют с каждым годом больше. — Деньги же за Тутса я, право, получаю с большим нежеланием, хотя он поздоровел и ест отлично; но ведь — был бы он мой — ты не давал бы мне за него денег? А почему ж он не мой? Я этого не знаю; он даже больше мой чем Сашин. — Тх[оржевский] едет к тебе через неделю ровно.

...Ergo, о грее и о твоей статье в другой раз, а теперь мало места и много веса, да и Бак[унин] еще не высказался.

Я запер в столовой ставню от Шевел[ева], чтоб он меня не увидал и чтоб можно было сказываться больным.

Чернецкий спрашивал, получил ли ты его каталог (Spécimen des caractères de l'imprimerie russe etc.)? Ему это нужно знать, ибо из Ниццы кто-то спрашивает.

А студентское послание, caro mio, очень юно, очень юно, — не менее напоминает и свою молодость и подает надежду на новые силы.

А что Мечник[ов]?

¹ Датируется по письму Герцена от 31 марта, 3 и 5 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 350, 354, 355).

² Как видно из предыдущих писем, вопрос о вовлечении Чернецкого в какую-нибудь компанию, для спасения его от окончательного разорения, усиленно дебатировался в переписке Герцена и Огарева. Особенно на этом настаивал Герцен.

7 апреля [1869 г.]¹. Середа

Пишу к тебе несколько строк, мой новорожденный. — Русский юноша² приехал — на несколько дней. Вчера я его передал Бак[унину]. — Не думаю, чтоб было что очень широко развитое, но развита

энергия и много узнается и увидится нового — в этом я почти уверен; с Тх[оржевским] напишу тебе все категорично. — Бак[унин] издает в Интернационале еще сверх «Егалите» — новый журнал: «Прогре[сс]» и просил вчера чтоб ты и я подписались (4 фр[анка] в год). Их цель собрать 500 подписчиков и тогда можно издавать без особой сборки пожертвований и затрат. Я взял на свою ответственность твое согласие, потому что нахожу этот «Прогре[сс]» триумфом Бак[унина] и

С. ТХОРЖЕВСКИЙ

Фотография⁴

Литературный музей, Москва

работника Гильом[а]³, который, кажется, главный редактор. Издание 2 раза в месяц (с марта). При 1-й okazji тебе пришлю все, что вышло. Бак[унин] к тебе ныне относится очень дружески, но о статье твоей против говорит, что она несправедлива, просит не печатать и хочет отвечать на рукопись, но просит дать время пройти рабочим смутам, ибо в самом деле у него не может быть возможного времени, хотя жена его уехала к умирающей подруге в Италию. — Поэтому у него лишнее место и он юношу взял к себе ночевать; предварял его остречью знакомства с Эльп[идиным], о котором тут премерзкие факты⁴. — Бакунин также сильно не доволен Ут[иным] и тем, что их, вследствие самолюбий, связать нельзя. Впрочем, это только *inter nos*

до времени. — Из слов приезжего, из теперешнего преследования студентов, закрытия Мед[ико]-хир[ургической] академии, преследования «Недели» (которую я сегодня получил) и пр., очевидно, что заграничная печать скоро понадобится — но обо всем в следующий раз. — Получил ли ты странно набранную корректуру? — Я получил вчера деньги от Тх[оржевского] и весьма благодарен. — Тх[оржевский] сегодня пошел опять есть блины к Лизав[ете] Алекс[еевне]⁵, которая прислала мне превосходнейшей икры и собирается привести свою Ольгу и варенья. — Ну, теперь пора на почту, боюсь, чтоб кто не помешал. Обнимаю вас всех. — О Шевелеве все хуже слухи; я от него отделяюсь болезнью. Пожалуй, прими его (если он поедет в Ниццу) осторожно, на короткое время для проверки; или вовсе не пускай. Как хочешь.

¹ Датируется по письмам Герцена от начала апреля 1869 г.

² С. Г. Нечаев.

³ Гильом Джемс (1844—1917) — известный сподвижник М. А. Бакунина, автор истории I Интернационала, написанной с бакунинской точки зрения.

⁴ В Женеве в 1869 г. ходили упорные слухи о шпионаже Элпидина.

⁵ Е. А. Касаткина; Ольга, повидимому, её дочь.

[12 апреля 1869 г.]¹

Саго тіо, вот тебе копия с моей статейки, написанной по уговору. Подробности объясню, когда возможно. Она написана по случаю 82 п^о «Голоса»², который прошу сохранить, а если можно, — прислать. Копию же я тебе посылаю с запросом или требованием подписать твое имя, мое имя и вытребованное іdem мною имя Бак[унина]. Продаваться она здесь и распространяться не будет; но о твоём согласии прошу мне телеграфировать тотчас словом: ош! — Я не думаю, чтоб ты имел что против; она сегодня пошла в печать. Письмо это будет у тебя в среду; мне и телеграм[ма] нужна в среду.

Младшими я больше доволен. Они, пускай, еще диче, но только потому, что мужики; но отнюдь не самолюбивы, видят своих отцов в декабр[иста]х, говорят не много, а работают честнее и решительнее.

Тх[оржевский] едет завтра. Он будет у вас в субботу. Мне ждать некогда. Писать с ним стану еще. А Кас[атки]на говорит, что карманы шарят беспощадно.

От стариков молодым друзьям. — Русские студенты.

Полиция вас бьет, но этого «бдительному, умудренному опытом» начальству показалось мало: казённая литература принялась вас надувать. Вас хотят уверить, что в Европе нет ни одной живой народной потребности и всё застыло. Вас хотят уверить, что вы не вы, а поляки. Вас хотят уверить, что для вас требование права помогать бедным товарищам лишено основания, и требование права сходок неестественный мотив. Рассмотрим же, как люди неминуемо дружные, все эти казённые уверения, выработанные воровским умом, который выдает себя за здравый. — Случалось не раз нам самим указывать на Европу, которая замирает. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, государственная. — Поднимается, домогается, надеется, верит в свою будущность [та (?) Европа] соединяется, перерабатывает — Европа экономическая, угнетенная, голодающая, Европа труда, бессловная, безгосударственная. — Кто же это вам говорит, что в Европе нет живых элементов? — Это вам говорит нажившийся, исподлившийся литератор-чиновник. Как будто между

вами, юношами, кто-нибудь найдется, кто пойдет вослед такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не верим. — Вам говорят, что для вас немислимо помогать бедным товарищам, потому что про то знает умудренное начальство, да монаршая милость во сто тысяч серебром. — Литераторы-чиновники забывают несчастную повесть всякой казённой тысячи в России: выжатая из народного труда нагайкою, она ниспадает с великодушного верха под названием монаршей милости и расходится по разным боковым карманам, даже не достигая своего назначения. — Как же у студентов всех учебных заведений не родиться желанию спасти своих бедных товарищей, помогать им общими силами — прямо — помимо верхобокового начальства, а если можно — и помимо денег, выжатых нагайкою из народного труда? — К чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человеческое чувство и неиспорченный человеческий смысл? — Вам говорят, что для вас не нужно сходок? Про то знает то же умудренное начальство, а для вас это неестественный мотив (который, может, в самом деле казаться неестественным разным генералам Треповым, потому что им, сколько они между собою ни хитрят и ни лицемерят, а встречаться гадко). А вам, студентам, между собой встречаться не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чём перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу. — Неужто у вас потребность сходок не просто человеческий мотив (русский, прусский, польский, английский, а м е р и к а н с к и й и пр.)? К чему же тут влияние какой-нибудь Польшизы? — Если бы у вас такие потребности родились не из собственно[й потребности]го сознания, а чуждого влияния ради — вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да впрочем в этой казённой клевете все до такой степени глупо, что ее могут наклеветать только какие-нибудь жидовские уста за рубль серебром перешедшие в православие. — Нельзя к этому не присовокупить несколько слов о Польшизме, чтобы — насколько возможно теперь — отрезать этот вопрос от захвата казённой литературы. — Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и Литву — так как дворянская, чиновничья, казённая Россия губит народную Русь. Но из этого не следует, чтобы казённая Польша, казённая Литва, казённая Русь — были народною Польшею, народною Литвою, народною Русью. Кто станет доказывать такое тожество казённого и народного, влопается в грязь (конечно, не без казённого подарочка) и только. — Подробно о польском и литовском вопросе мы будем говорить в другой раз; также как в другой раз разберем отношения казённой литературы к студентам.

А теперь к вам, молодые друзья, последнее слово: учить вас мы не станем. Вы, собственно, для себя ничего не ищете и ничего не хотите помимо народных потребностей и движения народного. Мы это знаем и видим, и потому в ваше движение верим³.

Вот и все. Пришли мне свое «да» немедленно, друг мой, иначе поздно.

Сегодня еще стану писать, но получишь его в субботу. — Теперь отдохну — устал до-смерти. А погода чудесная, но похоже на грозу.

¹ Датируется по письму Герцена от 16 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 365).

² В «Голосе» № 82 была помещена клеветническая статья о студенческих беспорядках в Петербурге.

³ Прокламация «От стариков молодым друзьям», адресованная русским студентам, считалась принадлежавшей перу М. А. Бакунина. См. драгомановское издание, где она помещена на стр. 461; благодаря данному письму можно считать установленным бесспорное авторство Огарева.

Герцен так отвечал Огареву: «Что же сказать о статье? Если вы порешили и сделали, так и быть; если же нет, пусть ее вовсе без подписей. Верь, Огарев, моему такту: статья эта — журнальная *dix-huitième* *compte pas* — трех подписей, трех старых бойцов... Может, воззвание к юношам было бы хорошо, но уже, конечно, не это. Наш голос издали и из другого поколения опять-таки должен раздаться благовестом широким, сильным, а не «благосветловским» тоном. Действительно, ты подделался даже к их тону: «облопаться», «верхобокое начальство», «воровской ум», «жидовские уста» etc. etc. И потом старая фикция о шляхетной и нешляхетной Польше, где народная Литва? Да и что сделает сама по себе народная Россия? Это жаргон 1863 и Бакунина...» (т. XXI, стр. 365).

126

13 апр[еля] 1869 г.]¹ Вторник

В день отъезда пана
Для купанья в море —
Утром, но не рано,
Я пишу о вздоре²

Сегодня у *chanteur célèbre* наверху — родился сын.

Сегодня получил твое письмо от 10—11 апр[еля]. Если я тороплюсь, то потому, что почта отходит в известный час, а писать принимаешься всегда незадолго до оногo. Но из этого не следует, что послание студентам было печатано с печатного. Печатано оно с писаного и деньги получены. Корректуру я тебе и послал вместо писаного.

В чем Бак[унин] расходится это только разве в том, что подчас лишне волнуется. Сер[но]-Сол[овьевич] разве 15-ю т[ысячами] (в которых Черн[ецкий] сомневается) уже так велик, а то я ничего не знаю, кроме того, что, говорят, он принимает большое участие в рабочих интересах. Но в великой роли он, вероятно, хвастает. А что маленький Черкес? ³ Об Э[льпидине] говорят о затратах по типогр[афии] и о том, что сколько его ни просили не писать в отечество, он все-таки добился до сгубления многих. Это меня Б[акунин] просил не рассказывать. — Вчера с вечера я тебе послал письмо на имя Лизы и жду ответа. Видишь, каким образом случается, что длинного письма о многом ином и не подготовишь.

Вчера же вечером я поругался с Шевелевым, который меня полчаса с лишком промучил, так что я долго не мог успокоиться; думал даже, что буду болен, но при чудеснейшей погоде с рук сошло. А потом был Черн[ецкий], о котором, вероятно, сегодня надо будет писать тебе по почте. Также уж сегодня к вечеру приготовлю сцену моего ругательства с Шев[елевым]. Надо хорошенько припомнить. Это до такой степени было смешно, что я после, когда поуспокоился, хохотал до упаду — (т. е. в кресло, а не в обморок). Во всяком случае, теперь просьба: ты этого господина, если б он явился, к себе вовсе не пускай.

Теперь одиннадц[ать] час[ов], а Тх[оржевский] придет в 12-ть, а потом пойдет докончить укладки и поедет. К сожалению, я не могу писать без перерывов, все требуется ногу расходить по комнате (иначе неловко, т. е. больновато) и подумать. Вот и это много мешает. Но, впрочем, саго тіо, смейся надо мной, если хочешь — это иногда даже весело обоюдно. А часто надо, чтоб было весело. Об этом я поговорю в статье, посвященной Тате; но теперь переписывать написанное не могу. Много стихов, которые все же треб.. *interruptie*... уют поправок.

Иезуитская школа идет и останавливается перед моим окном. Безобразнейший учитель иезуит ищет между мальчишками, кто не так шел

в строю, и требует, чтоб ему дети сделали донос. Дети молчат и хохочут. Такого ослиного голоса, как у иезуита, я давно не слышал. Наконец, ушли.

А почему, впрочем, часто невесело? Да мало ли почему? Напр[имер], какое мне дело до Боке и до В. Гюго? До нелепости одного и до извращенного самолюбия другого? А вот когда «Бирж[евые] Вед[омости]» стараются основать целую гнусную статью на твоём заявлении о желании возвращения⁴ и указать будто ты можешь решиться просить милости — мне больно и я до такой степени взбешен, что желал бы отомстить за тебя, позоря их прямо во всех газетах — если только позволишь: но мою способность к спокойной веселости и это отнимает. И не худо бы, если б ты мне добыл газеты (кроме «Моск[овских] Вед[омостей]», т. е. «Голос», «Бирж[евые] Вед[омости]»), «Петерб[ургские] Вед[омости]» и «Весть» 22-й №, где она перепечатала студентские листки целиком и дала повод другим газетам все движение учебн[ых] заведений выдавать за польскую интригу, так что даже «Петерб[ургские] Вед[омости]» объявили известия и скр[ы]тия и искажения фактов в «Голос[е], «Моск[овских] Вед[омостях]» и пр. вздором — не худо бы, если б ты постарался собрать и прислать мне все это (потому что здесь никак не достанешь) да поскорее, ибо можно сделать очень хорошую вещь. В «Моск[овских] Вед[омостях]» вчера в подражание статье «Голоса» (23 марта, № 82) преподлейшая статья, также полная клевет⁵. Тх[оржевский] у меня позавтракал и пошел ехать. Мы решили так, что письмо пойдет по почте, ибо он будет только в субботу в Ницце: он останавливается в Лионе и в Марселе, он путешествует.

Вот видишь, таким образом, дошло до $\frac{3}{4}$ третьего. — Черн[ецкий] хотел мне прислать что-то, чтоб тебе сообщить. Я $\frac{1}{4}$ часа еще подожду, да и пошлю на почту, ибо позже 3-х поздно. А придет что позже — я пошлю вечером, и со всей сценой с Ш[евелевым] — оно пойдет завтра в 6 час. утра, или подожду до завтра до 3-х же час. А теперь пока, addio!

¹ Датируется по апрельским письмам Герцена 1869 г.

² Это четверостишие опубликовано в «Вестнике Европы» 1907, № 5, стр. 276.

³ Не выяснено; может быть Николадзе.

⁴ Огарев имеет в виду статью в № 71 «Биржевых Ведомостей», сопроводительную к письму Герцена.

⁵ Студенческим волнениям 1869 г. в Петербурге большинство русских газет посвятило отдельные статьи, а «Весть» в № от 22 марта даже перепечатала студенческие прокламации. Особенно много места студенческим волнениям уделяли катковские «Московские Ведомости» (в № 64, 65, 66 и др.), выступив с рядом огульных клеветнических обвинений по адресу русского студенчества.

Как ни торопился, не мог дописать моей забавной сцены с Ш[евелевым]. Должно быть, к уж[ин]у покончу. От Черн[ецкого] тоже ничего нет. От тебя тоже ничего. В «Моск[овских] Вед[омостях]» послание профессоров к студентам, которое должно быть и в «Голосе» в 1-х 80 №-ах (прежде 87, который ничего; и есть в «Петерб[ургских] Вед[омостях]» не знаю в которых. Все эти дни и вчера в особенности собирался отдать Тх[оржевскому] статью Нионского², да так и забыл; ergo, теперь же ее тебе и посылаю. — Нет ли у тебя какого порядочного знакомого в Марселе?

Еще я вчера забыл тебе написать, т. е. просто не поспел уже, о вашем поезде в Брюссель. Почему ты думаешь, имея целью жить в одном

месте, чтоб мне равнодушно было остаться в Женеве? Из чего же тогда все хлопоты? Или уже всем съехаться в Женеве, хотя бы на нескольких квартирах? Мой главный запрос в том, чтоб было — совершенно свободно и безопасно для здоровья, для кармана и для всего, и возможно для учения детей; а тут, кроме Брюсселя, чистого, спокойного, ровнотемпературного и со многими школами, и Женевы — я не знаю. Что касается до личных неприятностей, их нигде не оберешься.

Жду от тебя ответа и принимаюсь опять докончить мою сценку³.

Да еще, кстати, надо бы написать отдельно о деле учебных заведений в каком-нибудь французском журнале коротенькую сухую статейку. Мне бы хотелось, чтоб оно пошло от редакции. Куда бы адресоваться?

Стало, писать стану уже или завтра.

Погода чудесная и пока действует на меня хорошо.

¹ Датируется по письму Герцена от 16 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 365).

² Статья Герцена, помещенная в «Неделе».

³ «Мне можно заехать в Женеву до Брюсселя и осмотревши его, — писал Герцен. — Думаю, что второе рациональнее, потому что, если Брюссель окажется не того, а тебе все равно, то еще чего же и переезжать? Тогда надобно придумать другую комбинацию. Женевы мудрена, но я готов подчинить маленькие шероховатости и углы близости...»

128

Воскресенье 18 апр[еля] 1869 г.]¹

Терпежу не хватает. От тебя письма нет, а от Тх[оржевского] из Марселя от 16-го есть. Ты меня совсем осадил, не приславши своего согласия подписать свое имя под моею статьей. Я в этом вижу необходимость благородного влияния и воскресение твоей печати. Насколько мог — я объяснил. Но все нет и нет. Это совершенно обухом по голове.

За то тебе проект Чернецкого, на который никто не согласится, потому что нельзя. Может, он с этим намерением и тянет канитель. Он мне прислал (совета ради) первую французск[ую] рукопись. Я ему отвечал, что надо поставить в контракте — ясные доказательства, что Перрон имеет капитал в 15 т[ысяч], а затем не о чем спорить. Своей типографии Чернец[кий] не имеет права ценить в 10 т[ысяч]: ее оценить должны с обеих сторон равное число экспертов. Что же касается до его, Чернецкого, шефства, то оно только вводит его в лишнюю и невозможную ответственность. Я ему писал, что лучше бросить все маленькие ваникеты, и именно войти в согласие, где можно жить сыто и спокойно. Он мне отвечал, что мы увидим, что этих 15 т[ысяч] нет. Да разве он не понимает, что если их в контракте (как я говорил) доказать нельзя, то нечего ему и вступать в ассоциацию; а если можно — то он врет. — И прислал мне еще копию своего контракта для пересылки на твой совет, отбросив в сторону все мои замечания — как небывалые. Из чего же он хочет со мной разговаривать?

Мне бы ужасно хотелось подальше.

Вчера письмо от Саши и Терезины, очень милые. Тутс немножко кашляет, но милее и забавен чрезвычайно.

Теперь жду кой-кого и кончаю.

Посылаю еще два подлейших «Голоса». Есть и объявление о «Вестн[ике] Ев[ропы]», где статья Тургенева о Белинском². Но «Вестника» еще нет.

¹ Датируется по письму Герцена от 16 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 365).

² «Воспоминания о Белинском» в «Вестнике Европы», № 4 за 1869 г.

19 апр[еля] 1869 г.]¹. Понедельник

Сегодня, наконец, пришло твое письмо от 16-го. Конечно, я сделал глупость, телеграфируя. Но «Ich kann nicht mehr zurück, weil ich es gewollt» — как Валленштейн. Поэтому пользуюсь твоим так и быть, потому что вижу в этом необходимость поднятия молодых сил и воскресение (в скором времени) заграничной типографии. Вот все, что могу тебе сказать. Гнева я не могу иметь, да и любви особой к моей статье не имею. Но она с подписями дело необходимости — и только! Бакунинская статья, которую завтра тебе пошлю, гораздо лучше². Но эту надо отпечатать сегодня. C'est tout. Сегодня посылаю тебе «Голоса», «Прогресс» и пр. В одном «Голосе» несчастное предательство жен-

ПАРИЖ, УЛИЦА РИВОЛИ, НА КОТОРОЙ ПОМЕЩАЛСЯ ДОМ, ГДЕ УМЕР ГЕРЦЕН

Литография

Литературный музей, Москва

щиной (да, кажется, солгано Краевским). Впрочем, юноши самолюбием не страдают, на манер Утина (который с компанией в фуроре, что к нам, а не к ним обращение и лезет на всякие клеветы); но 3-е поколение верит в успех самопожертвования и всякую беду считает успехом. Это хотя и неистинно, но благородно — и потому — чорт знает — пожалуй и правда.

Позволь мне сегодня ничего специально не писать, а в другой раз — когда мне покажется более удобным. Это требует досуга. — В «Голосе» прочти статью Сологуба³ — экая все та же скотина! Напиши что-нибудь колкое ему в отместку. — Прочти в «Прогрессе» статью о Прудоне. Вот талантливый работник-то! Да и не уреклячивается как те. — Вчера я тебе тоже послал мои сцены. Если придется тебе 30 сентября приплатить — делать нечего. День воскресный и посылка была затруднительна, потому что мальчики представляли феатр. —

А письмо Тх[оржевского] из Марсея пришло вчера. Все это не больно утешительно.

Оставаться в Женеве или переезжать в Брюссель — мне все равно; даже лучше не двигаться. Но одно необходимо — это быть с тобою в одном городе. Иначе становится невозможно: И скучно, и грустно, и некому руку подать.

Мэри представляет мою Fidèle и я ей все больше и больше доволен; но в том, что страстно составляет мое дело — она помочь не может. — Ergo, решай как хочешь: Бак[унин] о Брюсселе дурного мнения — будто там преследуют; сказать это тебе я должен; а верить прямо не могу. Узнай поподробнее.

2 ч[аса] 20 м[инут]. Сейчас пришла телеграмма. Но я уже все ордера послал в 10 час[ов], вследствие твоего так и быть.

Мне больше останавливать нельзя, потому что некогда. —

¹ Датируется по письму Герцена от 16 и 24 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 365, 368.).

² Повидимому, статья Бакунина «Несколько слов дорогим братьям в России».

³ «Молодежь и будущность», — «Голос», № 91, 1869 г.

130

30 апр[еля] 1869 г.]¹. Середа

На сон грядущий

Сколько ни старался послать письмо давеча, нет — не в силах был написать; надо было покончить другие работы. Мне хотелось даже с тобой немножко побраниться; но, получивши твое письмо от воскресенья вечера — никакой охоты к полемике не оказывается. Я слишком чувствую, что все скверно, и слишком тебя люблю. Какая тут к чорту полемика!

Татино путешествие² и Тх[оржевского] промахи — довольно забавны; но все остальное вовсе не забавно. А если ты с «Голосами» и пр. получил № Егалитета, где напечатано, как солдат в Бельгии, преследуя бегущую женщину, спрятавшуюся за дверь, пырнул штыком в дверь, так что проткнул и дверь и женщину (это все по случаю гревы) — то едва ли тебе захочется искать приюта в Брюсселе, и остается Генф или Лондон, а все остальное нелепость.

Статью мою покончил я только сегодня³. Мне становится жаль, что ты не подписал моей прежней статьи из-за чувства изящной словесности. Тут была нужна скорость. Теперь моя статья имеет лучший тон. Умоляю тебя прислать согласие на подпись, ибо иначе — по моему мнению — это будет просто позор; ибо вместо вызова значит обессилить юношество. Содержание моей статьи следующее: «Пусть себе закрывают академии, или подчиняют их военному министерству (что совершается de facto) — рассылное юношество и по науке и по симпатии должно соединиться с народом. Заметь, что в Архангельской губернии 600 000 (т. е. полгуберний) взбунтовалось с голода. Пришли солдаты, и был карнаж. Неужто юношество не должно принимать участия? А это не одно место, а происходит повсюду. Если мы не поднимем словом дух юношества — это будет просто подло. Неужели же ты и тут не дашь подписи?

Я послал сегодня статью набирать, так чтоб 1-го мая послать тебе корректуры. А прислал бы ты просто согласие печатать с твоей подписью было бы гораздо лучше.

Чтоб мой внучек⁴ с тобой встретился — мне необходимо. Нельзя ли сделать это 7-го мая в Лионе? Или ты приедешь сюда вместо Брюсселя; но отвечай немедленно, ибо иначе невозможно.

¹ Датируется по письму Герцена от 27 апреля 1869 г. (т. XXI, стр. 370).

² В апреле 1869 г. Н. А. Герцен переехала во Флоренцию, где жил А. А. Герцен.

³ Герцен писал об огаревском «Воззвании к студентам»: «Перечитывая статью, с грустью вижу, что не могу сделать ничего. Отчего ты — поэт и музыкант, — потерял чутье формы и меры? Зачем искусственное vulgar в словах и выражениях? Что за битая вещь о Трепове и о том, что им гадко сходиться?.. Нет, caro mio, это не те звуки, которыми юный «Колокол» потрясал молодежь...»

⁴ Повидимому С. Г. Нечаев.

131

2 мая [1869 г.]¹. Воскресенье

Ergo, в последний раз пишу тебе в celebrated town Nizza, и, действительно, жду тебя к 10-му. Да! Оно необходимо. Найди пока в Ницце то, чего я не могу найти здесь — ибо у меня ног и от этого рук нет. (Иной не знает как найти, иной не хочет, Генри лежал в ревматической лихорадке и только вчера встал, я его еще не выпускаю. А журналы приходят скверно — и мне кажется, что виновата не почта, а хозяйка Тх[оржевско]го; напри[м]ер, сегодня «Голос» 105 № пришел от хозяйки в 9 час[ов] утра, а «Journ[al] de Genève» пришел от нее в 1 час пополудня без bande, т. е. она дает его читать кому-нибудь прежде, а может и русскими газетами распоряжается — чорт ее знает. Я это оставляю до приезда Тх[оржевского] — пусть распорядится как знает). Но дело в том — найди же «Indep[ena] belge», которая сюда пришла в пятницу, стало 29 или 30 апр[еля], где говорится об открытии в России огромного заговора. Стало, дела пойдут плохо, но, caro mio, carissimo mio, если мы тут не заявим ни помощи, ни сочувствия — это будет гнусно. Ergo — да, я жду тебя к 10-му. Жду с искреннейшей преданностью тебе и общему делу. — Писать, стало, теперь больше нечего, все ставит меня в страшное утомление. Дай вздохнуть свободно, тем больше, что погода чудесная. А свидимся — обо всем столкнемся. — Между тем, не сердись, если я у тебя попрошу 500 фр[анков] до 1 июля — это мне легче чем что другое. — Три «Голоса» тебе посылаю: 103—4—5. Отметь, если что пропало; но не истребляй, а, сохрани — если кой-какие указы необходимые. Küsse die Hände.

¹ Датируется по письму Герцена от 4 мая 1869 г. (т. XXI, стр. 374), в котором сообщается о получении данного письма.

132

5 мая [1869 г.]¹. Среда
9 час[ов] утра

Итак, вы, вероятно, сегодня выезжаете.

Я жду тебя, когда зефир игривый
Листочки роз в час утра шевелит,
Я жду тебя в час ночи молчаливый
Когда луна окрестность серебрит.
Я жду тебя (bis)

(Старый романс в воспоминание Марьи Павловны)

Сегодня от тебя письма не было. Два прошедших письма меня глубоко потрясли. Слезы душат, и, действительно, чувствуется, что самое реальное было бы околеть. — Выскажусь как можно короче. — Если ты находишь ошибки — можно поправить, можно полемизировать, но на них еще с высокомерием, которое не заменяет убеждения, отзываться нельзя. — Ты видишь какие-то влияния Бак[унина], который

лею напоминает тему «Шумим, братец, шумим», но которого я не стану обвинять, просто из личной несовместимости, в том, чтоб он поступал не так как бельгийская интернациональ (о которой ты говоришь). Здесь он в этом случае поступал совершенно так же и останавливал, и скорее боится несвоевременных волнений. В русском вопросе он, может, пошел дальше; я не могу сойтись, но и мешать не стану, ибо вред останавливания, мне кажется, в тысячу раз вреднее чего бы то ни было. Пусть Катков ругает за ошибку — беда не велика; беда была бы, если б похвалил. Как же вновь примирившийся с тобою кавказский сын², который будто бы постоянно имеет корреспонденцию, не понял из «Голоса» или иных газет — хотя бы одесское происшествие, что газеты врут по своему, а что юное движение в большинстве живо, и что если бы даже вело к несчастиям, все же останавливать грешно и позорно, и вреднее чем все, что может случиться. На кой-же чорт мы выставили пять голов на «Полярной Звезде», Герцен? — (Я поправил цифру, которая относится до Северо-восточн[ого] края). — Ехать в Архан[гельскую] губернию я скорее готов, чем в какой бы то ни было рай земной; но если на это сил уже не хватит — то я молодому поколению мешать все же не стану. — Мой мужичек³ тебе с первого взгляда, пожалуй, не понравится; мы с ним и сблизились только весьма постепенно; манеры у него уже совсем мужицкие. Но ведь выносили же мы бурмистров Плат[она] Богд[ановича]⁴, Ив[ана] Ал[ексеевича]⁵, Ал[ексея] Ал[ексеевича]⁶ — почему же не вынести мужика-юношу, который, вероятно, не уцелеет. А останавливать его я, без сомнения, не стану. Посылаю тебе корректуру статьи, которая до твоего приезда или приказания отпечатана не будет; я поправил все, что нужно; но я не могу понять в чем ты с ней не согласишься — и печатать хочу не самолюбия ради, а ради того, что в ее правде я убежден и убеждением также не пожертвую. — Бак[унин] подписываться не желает, боясь разойтись в убеждениях. — Мне приходится стоять как-то по середине между элементом шума и элементом консервативного социализма. Как это тяжело, мой, во всяком случае, страшно любимый брат, — ты себе этого представить не можешь. Вот, кстати, подвернулись на столе стихотворения Рылеева...

Не сбылись мой друг пророчества
Пылкой юности моей...

Почта сейчас приносит газеты, позитивную ревью — но прочесть успел только письмо «Journal des femmes», который извиняется, что не может теперь выходить, а только через некоторое время; письмо адресовано Madame Tchorzewski. Вот жуирующий пан обрадуется узнавши, что женат! — А от него вчера было письмо ко мне из Флорен[ции] — жуирует да и только — и слава богу! — До скорого свиданья, Герцен.

¹ Писем Герцена, непосредственно относящихся к этому периоду, не сохранилось; датируется по упоминаниям в письмах Герцена к другим лицам.

Письмо знаменует собою момент резкого расхождения Герцена и Огарева в оценке новой политической обстановки, в связи с усилением бакунинского влияния на Огарева и приездом С. Г. Нечаева. Как видно из этого письма, а также и из соседних писем, Огарев довольно быстро перешел на позиции Бакунина — Нечаева. Он радостно приветствовал наметившийся подъем революционного движения в России, не понимая скептицизма Герцена, видевшего слабые стороны нового движения.

«Огарев все шалит. Закусил удила да и только — шумит, бранится, еще написал манифест. Что с ним это? Ведает бог да Бакунин», — писал Герцен сыну 2 мая 1869 г. (т. XXI, стр. 372). Об огаревской статье Герцен отзывался тоже довольно холодно и отказался подписаться под ней. «Твоя статья, разумеется, лучше манифеста, но эта статья и может быть подписана только одним: она субъективна по языку, по форме, потому что она — вовсе не воззвание и не манифест. Я думаю, лучше к ней приписать мою *adhésion*, что я и сделаю, чем подписываться à la F. Puat с своими — все это битый путь. Я буду непременно писать и печатать» (т. XXI, стр. 374).

Сближение Огарева с Бакуниным и Нечаевым весьма не нравилось Герцену: он не мог разделить взглядов ни Бакунина, ни тем более Нечаева. Уже по приезде в Женеву, он писал Н. А. Тучковой-Огаревой, что Бакунин: «совсем закусил удила, и я привезу его новую статью, которая наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность...

...Бакунин, как старые нянюшки и попы всех возрастов, любит пугать букой, сам очень хорошо зная, что бука не придет. Для чего все это делается, пополю со... Бакун[ин] хотел за пояс заткнуть утячий клоповник и пустить такую дрожь на всю Россию, что там за университетом закроют типографии... О сущности я не говорю. Разумеется, я совершенно не согласен...»

² Повидимому, Николадзе.

³ С. Г. Нечаев.

⁴ Отец Огарева — П. Б. Огарев.

⁵ Отец Герцена — И. А. Яковлев.

⁶ Отец Наталии Алексеевны Тучковой-Огаревой.

ГЕРЦЕН НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Рисунок карандашом А. Спринка, 1870 г.

Институт литературы, Ленинград

Вчера воротился домой и не мог уснуть почти до утра. Как я ни ворочал вопросы в моем мозгу — прихожу к одному результату, Герцен — положения так натянуты, покой так мудрен, что всего проще, чище и лучше, чтоб я с тобой сказали Лизе теперь, чем чтоб она услышала что окольным путем, который нас перед нею поставит в дурном свете. Окольным путем я называю первого встречного — а ты думаешь, что охотников на это не найдется везде — в Женеве, в Брюсселе, в Париже, в Казани, в Пекине? Теперь же это на Лизу произведет впечатление как на ребенка, нас любящего, но все же как на ребенка — проходящее, не жестокое. Желание Натали было бы исполнено — и все могли бы остаться там, чего иначе достигнуть невозможно. Что касается до того, каким образом узнают развязку узла посторонние — ну их! Даже если бы это пало на нас ридикюлитетом — ну и чорт

с ним! В глазах порядочных людей оно отразится иначе. Как и кто узнает в России — и об этом я не вижу нужды беспокоиться. Но теперь, друг мой, мне кажется, что вопрос поставлен так, и именно относительно Лизы (которая — заметь это — ни прежде ни после какого бы то ни было разговора о Лондоне, бывши у меня, ни разу не назвала меня папа), что если б Натали захотела откладывать объяснения, то надо ее уговорить, чтоб она согласилась. Иначе вы никогда не достигните до спокойной жизни, и весь вопрос всегда останется спорным пунктом, который и тебя и Натали в прах разрушит. Теперь же, если мы скажем Лизе — пожалуй, уезжайте в Брюссель, пожалуй, оставайтесь здесь — но только раз навсегда не делайте себе из людских пересудов такого огромного призрака, который в сущности *ein gar nichts*.

Покажи это письмо Натали, если хочешь; я бы скорее желал этого. Но вызови в самом себе решение, увидите оба, что после станет легче всем.

Р. S. Уж, конечно, Ольге-то сказать не затруднительно; она же узнает и без вашего желания.

¹ Датируется по майским письмам Герцена 1869 г.

Это письмо посвящено одной из наиболее острых тем в жизни Герцена и Н. П. Огарева — теме детей и их официальному оформлению. Как известно, Лиза носила официально фамилию Огарева и считалась его дочерью. В мае 1869 г. решено было урегулировать внутренние взаимоотношения и открыть Лизе и остальным детям семейную тайну. В письме к Ольге от 13 июня Герцен писал: «Годы целые тяготит меня бремя, — твой возраст и некоторые мелкие соображения, которые все портят, заставили меня держать от тебя в секрете, что Лиза — твоя сестра, и что Натали, вы и Лиза составляете одну семью, в которой как брат и отец, как друг и близкий родственник остается Огарев, любящий вас всех, как он любил меня и вашу мать... Мы все трое долго обсуждали в Женеве этот вопрос, и Натали взяла на себя инициативу открыть тебе тайну, тяготившую нас всех... Моим идеалом было бы, чтобы никогда не уменьшалась взаимная любовь Огарева и Лизы. Лиза должна соединить оба наших имени и называться Герцен-Огаревой. Она должна проникнуть сквозь все наше существование...» (т. XXI, стр. 396).

134

[28 мая 1869 г.]¹

1) Странно, Герцен, как ты спрашиваешь меня — выкупает ли твое удовольствие жить со мною в одном городе, твою невыгоду нанять довольно далеко дорогую дачу? При этой даче должна быть также дорогая прислуга? Что же я тут могу рассчитывать? — Я думаю, нанял бы здесь хороший пансион — да и увидел бы по опыту — хорошо или дурно.

2) Если тебе хочется ездить — что же я могу против этого сказать? *De gustibus non disputandum*.

3) Переселяться мне не легко; но не такое же это непреодолимое обстоятельство, чтоб я не плюнул бы на него и не поехал бы туда, где тебе лучше (уже на юг мне бы вовсе не хотелось, т. е. просто коробит). Об одном я думаю положительно: а) мы вместе могли бы еще что-нибудь сделать; б) типографию мы или вовсе не должны бросать и сделать ее средством для поддержки русских сношений, или в) при переезде вовсе отбросить типографию Чернецкого и соединиться с русской типографией (хотя в Брюсселе).

¹ Повидимому, это письмо является ответом на письмо Герцена от 26 мая 1869 г. (т. XXI, стр. 387).

«Прежде, чем я пойду в дом Жеребцовой, мне необходимо иметь с тобой конференцию и прошу тебя приготовить ответы по совести и по мудрости беспристрастно.

1. Выкупается ли выгода и удовольствия жизни в Женеве, т. е. вблизи с тобой, на 6 месяцев большими невыгодами?

2. Не лучше ли ехать в Брюссель на лето и Женеву к зиме куда-нибудь на юг?

3. Не следует ли вовсе оставить мысль тебе переселяться куда бы то ни было, а мне поселяться где бы то ни было. Напиши обдуманно и поговорим...»

29 [июня 1869 г.]¹. Вторник

Хотя и не бывает тройки в корню², *саго mio*, но я думаю, что есть и четверка, если присоединить Чернец[кого]. Поэтому будь уверен, что я копейки не пропущу, чтоб держать дело на ногах. Теперь поправляю все, что нужно. В последнее время я три ночи не мог спать от волнений и (*ergo*) ждал припадка с обычным отвращением и боязливостью. Наконец, он вчера разрешился и теперь мне легче. Я стану работать как вол. — Тутс и Генри оба здоровы. По-моему, это незначительные катары и, кажется, я повел дело хорошо, так что обоим лучше. — Милая моя Лиза — стало, она дорогу переносит как следует. Да у ней весь *habitus* здоровый. Не знаю, как ты и Натали переносите дорогу — я решительно бы не мог и на будущее время предприму ее только с расстановками. — Завтра стану писать во Флоренцию. Герцен, Герцен! Для меня ни одного чужого ребенка нет. Пансионами же я не доволен. Хочет Натали где-нибудь завести пансион — Мэри берется быть надсмотрщицей по чистоте. Она больше добрый человек, чем ты думаешь. Рассудите, мой милые! Тогда бы можно и Тутса поместить без страха³.

Обнимаю вас всех.

Ваш Огарев

Одно хорошо, что вчера был детский праздник на Plain-palais. Барышня выиграла в лотерею урыльник — и семейство ее пило из него красное вино.

Сестрица уехала.

¹ Датируется по письму Герцена от 2 июля 1869 г. (т. XXI, стр. 403).

² Смысл этого абзаца ясен из письма Герцена, писавшего: «...Обязан протестовать, 1-ое против непризнания коренной в тройке. *Considérant*, что тройки без коренной не бывает; *considérant*, что ямщики кричат: «по всем, по трем, коренной не тронь», — я же сказал: «такую тройку, в которой ты коренной, стоит изучить». Протестую, что ты отнес и это к фонду и потому пристегнул Черницкого. Я же говорил о «психе» — Бакунин, Нечаев на пристежку и о тебе в корню».

³ На это Герцен отвечал: «Настоящий ты мой Робеспьер — с одной стороны грозный, с другой пасторальный и сентиментальный... Это насчет фантазии о фамильном пансионе. Я привык от N[atalie] слышать такого рода проекты — без базы и фундамента...».

2-е октяб[ря 1869 г.]¹. Суббота

Погода переменилась, небольшой дождь с громом. Это мне довольно тяжело. — Тх[оржевский] очень беспокоится о княжеских бумагах², и будет, вероятно, тебе писать. — Чернец[кий] беспокоится о том, чтоб оставить типографию и тоже, вероятно, будет к тебе писать; кажется хотел бы поместиться у Тессье³. Его мнение, что наша работа ему недостаточна, а иной он найти не может. В таком случае, мое мнение было бы поручить дело Даничу — может оно и пойдет лучше. Он глуп, но может быть деятелен. — Я беспокоюсь о переезде и об устройстве всего осторожно и аккуратно⁴. Это мне дает не мало забот и хлопот; надо все обделать *sain et sauf*. — Мэри беспокоится о чистке и о помощи мне и работает без отдыха. — Генри беспокоится о том, что ты ему обещал свою фотографию и ждет ее; потом беспокоится об окончании целых часов к ноябрю; он работает очень хорошо, да и в жизнь вдумывается не глупо; сегодня он отправился в *vilette* на обед, который Сордэ задает всем своим ученикам. Впрочем, я Сордэ не люблю — это такая буржуазная скотина, как нельзя хуже. — Тутс беспокоится об игрушках; он очень мил и неглуп, но шалит так, что мудрено его унять. — Я также беспокоюсь о писании стихов, которые, когда

обделаю, пришлю тебе. — О чем же вы беспокоитесь, мои милые, что-то уж ты давно не пишешь — хотя бы не длинное, а коротенькое письмецо.

За сим прощай — схожу на почту и примусь за укладку.

Мне так хотелось написать тебе немножко, хоть бы только пере-кликнуться, что не вытерпел и написал всякий вздор.

В «Моск[овских] Вед[омостях]» ничего особенного интересного нет, а пошлости отвратительные.

¹ Датируется по письму Герцена от 29 сентября 1869 г. (т. XXI, стр. 490).

² Бумаги, оставшиеся после П. В. Долгорукова у С. Тхоржевского. В письме Герцена по этому вопросу имеется следующее место: «Получил письмо Тхоржевского. Передай ему, что я безусловно советую ему продать бумаги Долгор[укова] или даже уничтожить». С. Тхоржевский поступил согласно совету Герцена и вступил в переговоры о продаже долгоруковского литературного наследства.

³ Тессье — заведующий химической лабораторией в Париже.

⁴ К этому времени Герцен обосновался в Париже, куда предполагал переехать Огарев, а также и Чернецкий со своей типографией.

137

Четверг 7 окт[ября] 1869 г.¹

Route de Carouge, Maison Schuh

Твое вчерашнее письмо Тх[оржевский] принес сегодня. Я переехал вчера. Здесь очень хорошо — воздух чист и комнаты просторны. — Желаю успеха «Былому и думам»² и надеюсь, что ты — не как Черн[ецкий] — если что подвертывается — будешь хлопотать и сквозь пальцы не пропустишь. А propos — мы с ним согласились — заплатить 124 фр[анка] за Бакста и пользоваться шрифтом. Я думаю, что всякая другая штука вгонит в большой расход. Положим, что Черн[ецкий] пошел бы надбивать цену на аукционе и надбил бы за 400 фр[анков] и осталось бы за ним: для шрифта это дешево, а для типографии дорого. Бакст, вероятно, шрифта назад не потребует, а при расчете разных помещений — обоюдный долг уравнивается.

Саша мне прислал № «l'Italie» с своей статьей о селезенке.

О крестьянстве напишу тебе, но дня через три, четыре. Задача весьма нелегкая.

Напиши мне что-нибудь обстоятельное о друзьях Вырубова.

8 октября. Пятница

Вчера не успел справить почты, был болен и занят квартирой. По свидании с старой m-lle Schuh³, оказалось, что адрес и № квартиры: — 249, Route de Carouge (Maison Schuh). Так и следует писать. Квартирой я очень доволен; но старуха должна быть чисто женевская скряга и надо о ней в расчетах быть осторожным; в инвентаре даже помечено, что решетка в огороде (т. е. месте для огорода) — сломана.

Тх[оржевский] принес мне сегодня твою записочку о Ег[оре] Ива[новиче]⁴ и костр[омском] имении⁵. Для меня тут самое замечательное, что правительство хочет тебя подкупить, но в успех его намерения я глубоко не верю.

Тх[оржевско]му, очевидно, хотелось бы очень продать бумаги за 20 или 25 т[ысяч]. Но он очень занят своим практическим смыслом и всерасчетом. — Не знаю, успеешь ли ты достигнуть для места Черн[ецко]му у Тессье; но мне кажется, что наконец, всего лучше остаться в Женеве с Даничем, который просто хороший работник и делал бы все по приказу.

Бак[унин] на три дня выехал; все мне говорил написать тебе, чтоб

ты не забыл повидаться с Хоецким, через которого можно знать всякую нужную мелочь.

Посылаю тебе один из листков. Время сегодня прошло страшно

ПАМЯТНИК ГЕРЦЕНУ НА ЕГО МОГИЛЕ В НИЦЕ

Фотография

Литературный музей, Москва

скоро и подвинулось к почтовому часу. — Холодно! Камин топится превосходно; моя комната просто прелесть.

¹ Датируется по письму Герцена от 6 октября 1869 г. (т. XXI, стр. 498).

² По приезде в Париж Герцен повел переговоры об издании на французском языке «Былого и дум»: «Вчера был у Таксиль Делора [французский журналист, один из редакторов «Le siècle»] и, кажется, всего ближе и вернее, что я почти целиком IV т. «Былого и дум» напечатаю в «Siècle», — сообщал Герцен Огареву в письме от 6 октября.

³ M-me Schuh — хозяйка дома в Женеве, в который в октябре 1869 г. переехал Огарев.

⁴ Герцен Егор Иванович (1803—1882) — брат Герцена, жил в Москве, последние годы жизни сильно нуждался, ослеп. Похоронен за счет приходского попечительства.

⁵ Герцену досталось от отца имение в Костромской губ., конфискованное правительством в 1852 г. после того, как Герцен стал эмигрантом. Записка Герцена о костромском имении не сохранилась, и потому трудно сказать, в чем выразилось желание правительства «подкупить» Герцена. Но, повидимому, предполагалась выдача некоторой денежной суммы за это взятое в казну имение.

138

11 окт[ября 1869 г.]¹. Понедельник
249, Route de Carouge, maison Schuh

Что Тату надо оттуда выписать — в этом я не сомневаюсь²; она увлекается добросердечием; но важного, кажется, ничего не может случиться, кроме того, что вся *Geschichte* для нее должна быть мучительна. Остальные (кроме Левые³, который лечит Пенизи) никто ничего не знает и ни в чем не участвует. Тата умоляет никому и из них не упоминать ни слова. Я третьего дня получил от нее письмо с обещанием скоро ко мне приехать и с присылкой своего очень милого портрета (т. е. карточки). Я к ней вчера писал.

Так это Мрочк[овский] у тебя еще не был? Бак[унин] в Нефшат[еле] — Перрон получил деньги или нет — я не знаю и никогда Тх[оржевский] не говорил, что Мрочк[овский] ему отдал деньги; он только дал ему право получения, а мне говорил о том, что получил из Италии известие о высылке денег. — К тебе завтра едет m-me Бар[ятинская], которая была у меня вчера с детьми. Разговор с нею меня привел еще в большее недоумение насчет дела Обол[енской]⁴. — Может долею Ут[ин] прав в подожданье; но это все так туманно, что, несмотря на записку Мроч[ковского], отшибает охоту что-нибудь сделать. — Бак[унин], вероятно, вернется сегодня; поговорю еще с ним.

Тх[оржевский] у меня еще не был сегодня. Он все странствует по обедам в Буасиере. Женить бы его на вдове! Дум[аю] и без нее обойдется.

Что мне страшно посылать кого-нибудь из вас в Россию костром[ских] денег ради — я не могу скрыть этого, потому что уверен, что потом ни человека ни денег не выпустят. Но советов, caro mio, давать не стану, ибо боюсь ошибиться и [по] привязанности и по ненависти.

Твою записку Черн[ецкому] pošлю по почте, ибо он у меня почти вовсе не бывает; а Тх[оржевский], видно, сегодня не придет (а то бывает всякий день). — Что за чепуху Черн[ецкий] тебе пишет о моем мнении насчет Эльп[идина] и Ут[ина] — я не понимаю; я говорил о недопущении букв до аукциона (который может взвести их в тридцатого) уплатою 125 фр[анков], которые конечно выгодно заплатить и из фонда. Вот что я говорил — стало он не понял.

Цалую Лизу в шейку, обнимаю вас всех и addio до завтра.

Квартирой продолжаю быть очень доволен. Здесь есть спокойствие.

¹ Датируется по октябрьским письмам Герцена 1869 г.

² Здесь впервые возникает тема Пенизи — Таты, получившая свое дальнейшее развитие в следующих письмах. Пенизи появляется в письмах Герцена еще в 1867 году. Так в письме от 8 февраля 1867 года к Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизе, читаем: «Я здесь познакомился с одним молодым человеком из Сицилии; он очень богат и граф или что-то такое. У него, когда ему было четыре года, была скарлатина, бросилась в глаза, и он совершенно ослеп и слепой жил в деревне у своего дяди, ему лет 25. Слушай же: он композитор, играет превосходно на фортепиано и поет. Говорит, сверх своего языка, совсем свободно на французском, немецком и по-английски пишет (т. е. диктует) стихи и статьи, знает все на свете: естественные науки

и пр. Я еще такого чуда не видывал... Фамилия его Penisi...» (т. XIX, 204). К сентябрю — октябрю 1869 г. относится осложнение во взаимоотношениях Таты и Пенизи; чувство Таты, повидимому, питалось состраданием.

³ Левье — врач, лечивший Пенизи.

⁴ Оболенская Зоя Сергеевна (род. 1828) — дочь графа С. П. Сумарокова, вскоре после замужества разошлась с мужем. Жила в Швейцарии. Была близка к русским эмигрантам, долго поддерживала М. А. Бакунина материально. Была фактической женой В. Мрочковского. В июле 1869 г. ее муж князь А. В. Оболенский при помощи швейцарской полиции отобрал у нее ее детей, что вызвало протесты русской эмигрантской колонии в Женеве. О какой Бартинской идет речь — выяснить не удалось.

139

22 окт[ября 1869 г.]¹. Пятница

Получил твое милейшее длинное письмо, друг мой, сегодня в 12 час[ов]. Но отвечать могу только коротко, ибо решительно некогда.

Тх[оржевский] сейчас только ушел. Его дело², по моему мнению, несомненно. Надо было кое-что подчистить в условии — но не важное. Статься может, что и Черн[ецкий] доставит работу.

Бак[унина] сегодня не увижу, а только завтра. Я о пассе³ тебе отвечал, что если этот идет — он очень рад. А покамест — от чего же с Кап[пом] не списаться, ведь за ответом пройдет год.

Благодарю за 500 фр[анков], но они теперь не нужны. Ура! 3-го дня Перрон принес вечером 500 фр[анков] за Мр[очковского].

Вот все, что мне хотелось тебе сказать, но в самом деле, сегодня совершенно некогда писать, так много счетов сводить пришлось, что голова трещит.

За сим обнимаю вас и addio!

А что же Лиза и Реклю⁴?

¹ Датируется по «длинному» письму Герцена от 21 октября 1869 г. (т. XXI, стр. 504—505).

² Его дело — Тхоржевского. «Сейчас получил вест от Тхоржевского, — пишет Герцен, — что он бумаги Дол[горукова] продал, — очень рад за него...».

История продажи долгоруковских бумаг издателю «Николаю Васильевичу Постникову», якобы предполагавшему «издать» их, а в действительности — агенту III отделения К. П. Роману, освещена в работе Р. М. Кантора «В погоне за Нечаевым» П. 1922 г. Это, несомненно, был блестящий ход III отделения, опасавшегося новых разоблачений, опубликования нежелательных документов, находившихся в богатейшем долгоруковском архиве. Дальнейшая судьба этих бумаг неизвестна, повидимому, они были уничтожены. Герцен всячески форсировал это дело, советуя Тхоржевскому не медлить. «Ну что Тхорж[евский] с бумагами? Этот Постников меня мучил, как кошмар. Брал бы Т[хоржевский] деньги, благо дают — и баста» (Письмо от 17 октября 1869 г., т. XXI, стр. 504).

³ Пасс — паспорт. В 1869 г. возник проект поездки Герцена в Америку, и даже переезда туда на жительство, в связи с чем в письмах Герцена и Огарева и возникает вопрос о получении паспорта, говорится о переписке с знакомыми (Каппом) в Америке и т. п.

⁴ В октябре 1869 г. Элизе Реклю дал несколько уроков Лизе Герцен.

140

31 окт[ября 1869 г.]¹. Воскресенье

Твое вчерашнее письмо, полученное сегодня утром, меня ошеломило. Мне стало дурно, но я в первый раз пересилил себя — и припадка не было.

Но не обо мне речь, а дело в том, что Тату надо увезти из Флоренции, хотя бы никто оттуда не уезжал. Во-первых, перемена местности для излечения необходима, во 2-х — оставаться там же опасно.

Я уже об этом писал и ей и тебе прежде. Жаль, что ты не хочешь понимать, что говорит другой.

Тх[оржевский] кончает дело, кажется, завтра. Он сейчас был у меня. Он хочет по окончании и по получении от вас известий — ехать куда б то ни было — во Флоренцию, в Париж etc. — Я сам бы поехал, но не знаю хватит ли ноги на поезд. Дело мудреное.

Посылаю тебе письмо Нефтеля, полученное Тх[оржевским] сегодня.

Письмо Саши ко мне, которое я послал тебе в Париж — совсем не то, что его телеграмма и твое письмо ко мне. К чему все эти пощады? Я не требую никакой. Я сумею вытерпеть и распорядиться как смогу — гораздо лучше когда мне пишут правду, а не маленькие обманчики. Я думаю, что я их не заслуживаю.

Конечно, я люблю Тату как мою старшую дочь, и потому хочу знать в чем дело и как вы распорядитесь.

P. S. Вчера встретил К. Фогта и Щербакова.

¹ Письма Герцена от 30 октября 1869 г. не сохранилось, но, повидимому, оно касалось нервного состояния Таты, вскоре перешедшего в кратковременное психическое помешательство. С этого письма в переписке Герцена и Н. П. Огарева начинает превалировать тема — болезнь Таты в связи с историей с Пенизи.

141

4 ноября [1869 г.]¹. Четверг
249, Route de Carouge, maison Schuh

Вчера получил телеграмму от Саши ко мне, сегодня телеграмму Натали к Тх[оржевскому] и твое письмо от 2 ноября. — Вчера же я телеграфировал Саше известить меня о твоем приезде — мне показалось что-то долго ничего не знать о тебе. — Теперь мне надо поскорее знать, что же правда — что Тате надо остаться до 15 ноября во Флоренции (от 3-го 12-ть дней — по телеграмме Натали) или Шифф действительно берется за излечение там во Флоренции²? Последнее и гальванизм для меня сильно сомнительны. Смотри в оба, Герцен. Со времени болезни моей бедной Таты мне все кажутся подлецы, и я бы охотно поехал придушить хотя одного. — Но если болезнь — последствие оспы, то, мне кажется, необходимы: перемена места, выжидание, успокоение и никакого лечения, которым я, вообще, не верю. Они физико-химического отношения мозговой патологии не знают, и лекарств у них на это нет. Чорт ли в их педантизме, хотя бы он теоретически был чрезвычайно либерален!

Когда я, по просьбе Саши и Таты, писал для Пинези статью по-французски, Бакун[ин] мне говорил: «Из чего ты хлопочешь? Пинези подлец и скотина».

Жду сегодня кое-кого, поэтому посылаю сейчас Г[енри] на почту. Ужо или завтра напишу. Вот Тр[оржевский] пришел, что-то скажет?

Ничего нового.

Прощай, Герцен!

¹ Письма Герцена к Н. П. Огареву от 2 ноября не сохранилось; датируется по смежным письмам.

² Вот что Герцен сообщал Н. А. Тучковой-Огаревой о своем выезде во Флоренцию, по получении телеграммы о заболевании Таты и о том, что он там нашел: «Положение Таты тише, но страшно. Меня она узнала и рада была бесконечно, но спросила только о Долгоруком и Стелле. Она Пен[изи] не любит, но он ее заставлял до того, что она везде боится убийц и его самого. Связи в разговоре никакой».

Ее лечит Шифф, с которым я говорил сейчас. Он думает, что дней десять ей надобно прожить во Флоренции для гальванического лечения, которое он еще не начинал. Он надеется.

Я до того сломан и устал, что ничего не скажу больше, кроме того, что Саша и Мальвида ни в чем не виноваты. Зато Левье — ужасный скот или злодей, да и Пенизи — презрительная бестия... (письмо от 2 ноября 1869 г., т. XXI, стр. 513).

142

5 ноября [1869 г.]¹. Пятница

Твое письмо и Сашину приписку от 3 ноября получил сегодня утром. Признаюсь, Герцен, что я тем более расстроен, что я не верю ни в какие леченья, особенно, если они химически неопределенны.

М. К. РЕЙХЕЛЬ и Н. А. ГЕРЦЕН

Фотография, 1890-е гг.

Собрание С. Герцацкой, Москва

Что во мне происходит — это ты можешь понять по себе самому. Меня спасает, наперекор всех болезней, огромная физическая сила. Вот и все. Иначе я сам сошел бы с ума. Но к делу: выпиши Biffi² из Милана и после серьезной консультации, — поезжай прямо в Париж, где наиболее сумасшедших и психиатров. Можешь даже проехать через Милан, но совещание Biffi с Шиффом было бы для меня гораздо серьезнее. А потребность мщения меня все-таки не покидает³.

Бак[унин] в Локарно⁴ (Мессино) — он больше всего отправился из семейных причин, где поступает совершенно благородно (это между нами исключительно).

Саше не пишу сегодня, а также и Натали, потому что просто сил нет. Хорошо что нет припадка. Обнимаю вас всех.

¹ Напечатано в «Архиве Огаревых», ГИЗ, М. — Л., 1930 г., стр. 69—70; здесь дается для связи.

² (Biffi) Биффи — миланский психиатр. «Консультации с Биффи, по совету Шиффа еще не делались...», — писал Герцен 11 ноября 1869 г. (т. XXI, стр. 517).

³ Об истории с Пеннизи мы находим сведения и в других источниках. «Пеннизи тот самый слепой итальянец, который желал жениться на Тате, а она, видя, что отец ее против такого брака, и опасаясь, по словам доктора Левье, что Пеннизи отравится, сошла с ума. Пеннизи не сделал себе никакого вреда, а, узнав о кончине Герцена, вложил в газету записку: «Вот плоды вашего кокетства, вы убили вашего отца». Она, прочитав это, сказала мне: «И я нашла своего Гервега» (Из письма Н. А. Огаревой к Е. С. Некрасовой. «Архив Огаревых», М. — Л., 1930 г., стр. 20).

⁴ В октябре 1869 г. М. А. Бакунин неожиданно уехал из Женевы в Локарно, что вызвало недоумение многих, в том числе и Герцена, спрашивавшего Н. Огарева в письме от 12 октября: «Отчего же Бакунин вдруг едет на покой?» В Локарно находилась А. К. Бакунина, к которой Бакунин относился с большой нежностью и вниманием, несмотря на то, что она уже давно была фактической женой К. Гамбуцци и как раз в это время ожидала от него второго ребенка.

143

6 ноября [1869 г.]¹. Суббота

Твое письмо от 4-го получил сегодня. Лучше? Лучше? Не утешай меня и не утешайся. А добиться надо до того, чтоб вывезти ее из этого проклятого места. И, конечно, я больше верю в психиатрию в Париже, чем в Сомо. Там нет итальянских преследований и больше человеческих развлечений. Но только обсуди хорошенько — можно ли везти ее морем; а если нельзя — то завези ее ко мне; а если можно — то выпиши меня в Париж, куда мне переезд все же легче, чем в Италию. Чувство мести я, само твое, не забуду; но только теперь, с этой проклятой ногой, пускаться в путь трудно, если не невозможно. Каким образом я все это время уцелел от припадков — я не понимаю, но жду с часа на час, по крайней мере, поутру; а как дошел до того, что пообедал, то и спасен до утра. Вот тебе и мораль.

Какая бы там мораль ни была, Герцен, увези Тату из Италии — как только можно скорее. Тут все — и напоминания и сами злодеи. Увези ее ради всего святого.

Может, мое письмо сегодня запоздает. Я слишком был встревожен, а потому у меня Тх[оржевский] сидел долго, так что я опоздал на почту. Добрейший человек! А многое я в нем не люблю, но охотно все ему прощаю за любовь к тебе. Больше прощаю, чем Чер[нецкому], у которого нет любви, да нет и трудолюбия.

Сегодня корректировал последний лист статьи Энгельс[она]², которую мой молодой друг³ непременно хотел напечатать отдельно. Признаюсь, несмотря на всю ее метафизику, я к ней получил сильнейшее пристрастие. Как этот человек погиб? Как это ты с ним разошелся? Самолюбие, конечно, порок; но он также имел и некоторое право на самолюбие.

Бак[унин] уехал. Адрес его: Canton Tessin Suisse, Locarno, al e greggio Signor Angelo Bettoli armajolo, per la Signora Stefania. Он поступает совершенно благородно. Но я ничего не хочу о нем писать, поняв, наконец, кто такое Шпёкин. Если вы будете близко, то приголубь его немножко. Он хотя и в восторге от природы и климата, но уже слишком одинок и без обычного движения. Робен⁴ теперь издатель «Егалите» и едва ли оставит это занятие. Я постараюсь его увидеть и разузнать, но сомневаюсь, чтоб он переехал, хотя бы была и выгода.

Биза прошла, южный ветер с туманом, мелким дождем etc. удушающий. У Мери, кажется, разовьется чахотка. Чорт знает к кому

обратиться — я здесь (после моей ноги) ни в Майора, ни в полковника не верю.

Натали и Лизе буду писать как скоро ты известишь о ее приезде. В Геную я не писал, потому после твоего известия о ее переезде во Флоренцию, не из чего было писать в *poste restante*.

За сим прощай до завтра, мой бе[дный] старый друг.

Завтра кое-что пошлю тебе.

Поцалуй за меня мою бесподобную Ольгу.

Чорт знает! Слезы так и хлещут, не могу сам с собою справиться.

¹ Датируется по ноябрьским письмам Герцена 1869 г.

² Энгельсон Владимир Аристович (1821—1857) — один из первых русских политических эмигрантов. Привлекался по делу петрашевцев. В 1850 г. выехал за границу, где в Ницце встретился с Герценом и очень близко сошелся с ним. В 1853 г. между ними произошел разрыв, потом несколько смягчившийся, но в мае 1855 г. все отношения были окончательно прерваны. Об Энгельсоне много в «Былом и думах». Его статья, о которой говорит Н. Огарев «Что такое государство», изданная отдельной брошюрой в 1870 г. в типографии Чернецкого. Издание было осуществлено С. Г. Нечаевым при помощи Огарева.

³ С. Г. Нечаев.

⁴ Робен Поль — французский бакунист, член генерального совета I Интернационала, впоследствии исключенный из его состава.

144

9 ноября [1869 г.]¹. Вторник

2 часа. Сегодня от тебя еще письма нет. Тх[оржевского] тоже еще нет. Жду доктора для М[эри]. — Сам перетерпел покамест все и остался здоров (кроме ноги).

Неужели же сегодня не придет никакой вести о Тате?

Тутс здоров. Все те же маленькие недостатки и все тот же достолубезный ребенок.

Как ты думаешь, Герцен — шильца в мешке не утаишь — дашь ли ты мне право написать старому другу Квадрио², от которого вчера получил письмо о Пенизи? Ведь скорей нас они его доконают — а я дела без отместки не оставляю.

Сейчас был доктор, которого прислал Тх[оржевский]. — Я им очень доволен, он умен и чрезвычайно старателен.

Ну — addio, carissimo. — Сегодня писать больше не хочется.

ХЛІ³

ИЗ ГЕЙНЕ

Во сне мне приснилась она
И робкий, встревоженный образ имела,
Худое и дряхлое стало у ней
Когда-то роскошное тело.

Ребенка несла одного на руках,
Другого вела за собою за руку;
Одежда и поступь, и взор у нее
Являли и бедность и муку.

И так она шла, вся дрожа, через рынок —
И тут повстречалась со мной,
Взглянула... Тогда ей спокойно
Сказал я о глубокой тоске:

Пойдем ты со мною, ко мне на квартиру —
За тем, что ведь ты и худа и больна,
А я же работой моей и стараньем
Достану тебе и обед и вина.

А также, увидишь, вскормлю, воспитаю —
Вот этих двоих я детенок,
А пуще всего я тебя успокою,
Мой бедный, несчастный ребенок.

Я даже тебе никогда не скажу,
С какою любил тебя страстною силой,
А если помрешь — то я плакать пойду
Над тихой твоею могилой.

¹ Датируется по письмам Герцена от 12 и 13 ноября 1869 г. (т. XXI, стр. 517, 522).

² Квадрио Маурицио (ум. 1877) — итальянский революционер, один из деятельнейших сподвижников Маццини. Участвовал в пьемонтской революции 1821 г., в польском восстании 1830 г.; в революцию 1848 г. — военный комиссар и секретарь римского триумvirата. В течение тринадцати лет редактировал «Единую Италию». Большой поклонник и друг Герцена и Н. П. Огарева, переписывавшийся с ними в 60-х годах. Принимал участие в истории с Гервегом. В ответ на желание Огарева написать Квадрио, Герцен писал:

«Квадрио написать можно и какая же это тайна, когда человек сто знает. Но что же он сделает. Помни, что если Пеннизи виноват, то Тата не права, — это очень важно...».

Во втором письме Герцен опять возвращается к вопросу о Квадрио:

«Теперь на досуге скажу несколько слов о твоём намерении писать к Кв[адрио]. Что он может сделать? То же, что он и Ос[ип] Ив[анович] (т. е. Маццини. — Ю. К.) сделали с Гервегом, т. е. ничего. Такой человек от слов не покраснеет, а от дел спасен слепотой. Глубже вникая, особенно в груды писем, я полагаю, что он, действительно, был увлечен, и сначала склонялся угрозой самоубийства, а когда не удалось — угрозой скандала, клеветы и мести. Так, вообще, поступают подлые натуры. Заметь, что это — совершенное повторение истории Гервега. У них своя логика. Наказывать их платоническими оружиями невозможно. Стоит ему переехать из Флоренции в Венецию, в Неаполь — и все кончено, но он и этого не сделает. Я даже остановил Сашу от некоторых демаршей. Позорное поведение Левые гораздо легче учитывается, и он сам потерял голову от рассказа и от положения, в котором очутился, отталкиваемый близкими ему людьми. Он ездил к Пен[низи] и в глаза сказал ему, что он «подлый комедиант»; вероятно, тот похохотал и назвал его «подлый идиот». Я, Огарев, холодно и с пассивностью смотрю на жизнь. Как тут мстить на выбор, когда виноваты все...

...Последней истории вовсе не было бы, если б Саша выждал свой год (обещанный мне). Ни в каком доме, где есть серьезная женщина, все случившееся с Пен[низи] было бы невозможно. Терезина — милая проказка, которая, конечно, меньше Мэри знает пределы, грани; Тата к ней не могла иметь доверия; невнимательность Саши ее оскорбляла (все это я тебе предсказывал письменно). Идеалистическое тупоумие Мейзенбург, ее нравственная слепота и хватание звезд сделало легкими притворство и ложь. Тата решилась сказать Саше правду, когда оборвалась, когда испугалась, видя, что из уступок и игры в великодушное потворство вырастает чудовище с угрозами. Она постоянно говорила Пен[низи], что ни на что не решилась, что подождет еще год и два и тогда скажет ответ, что она не равнодушна к его страданиям и любви. Мои письма заставили ее одуматься. Пен[низи], видя сборы в Париж, потребовал прямого ответа; она отказала. Кандидат в самоубийцы явился холодным палачем и злодеем...».

³ Напечатано в «Вестнике Европы», 1907 г., № 5, стр. 274.

Здравствуй, моя старая Натали. Я уверен, что ты хочешь спасти больную: увозите же ее даже из этого места. Дальше! дальше! Шагом в карете, но лишь бы была перемена места и лиц.

Письмо твое, Герцен, получил сегодня в 9-м часу утра (письмо от

8-го). Уж не Шпёкин ли в чем участвует, что из разных местностей, где следует почте приходить на другой день, она приходит через три или четыре дня. Во-первых, заметь мою записочку к Натали еще раз; я уже об этом вопросе писал и не верю, чтоб ее нельзя было увезти — конечно, не по железной дороге и не морем — но ведь пути земные бесчисленны.

Во-вторых, Тх[оржевский] готов тебе передать деньги и помнит о 7% ломбардных билетах.

В 3-х, Чернец[кий] и его супруга свидетельствуют вам всем свое почтение и сочувствие. Но он все же просит меня напомнить тебе, что не имеет от тебя никакого ответа далее — как, что ты был согласен на

БРАТ ГЕРЦЕНА, ЕГОР ИВАНОВИЧ

Фотография, 1870-е гг.

Литературный музей, Москва

приобретение типографии, в уменьшенном виде, а теперь и у Черн[ецкого] нет работы, и Данич уже 2 недели без работы. Успеешь — напиши к нему; не успеешь — напиши мне, что ему сказать.

Вчера у меня был новый хороший человек и привез тебе от прошлого года книги: биографию Грановского² (Станкевича) — Стихи Никитина³ — и перевод Макиавелли⁴. Я ничего к тебе не пошлю без приказа, ибо тебе должно быть не до того. — Биографию Грановского читал и вчера и сегодня. Это ужасная книга, классическая, идеалистическая, с каким-то казенным слогом мемуаров, унижающая память Грановского при желании возвысить. Но дочту ее до конца.

Черн[ецкий] так меня задержал, что не знаю успею ли на почту. Постараюсь.

Прощайте, все мне близкие!

Р. S. Доктор прописал Мэри мышьячно-кислое железо. Вид у ней становится плоше и плоше.

¹ Датируется по письму Герцена от 14 ноября 1869 г. (т. XXI, стр. 525), в котором читаем: «Письмо твое от 11 получил сейчас, 14-го, в 9 утра. Я полагаю, задержка от дороги, снега и таких вещей. Да полноте же писать о нелепом путешествии в карете. Где же останавливаться, где же ночевать...

...Типографии покупать не хочу; я просил пока Тхор[жевского] дать Чернецк[ому] авансу 500 фр[анков], потом увидим. Да пусть он продаст, если может, все за 4000...»

² Биография Грановского — книга Александра Владимировича Станкевича (р. 1821) — брата Н. В. Станкевича — «Т. Н. Грановский», СПб., 1869 г.

«Читали ли вы книгу Станк[евича] о Грановском, — писал А. И. Герцен М. К. Рейхель 28 ноября. — Плох он, т. е. Станк[евич], и плохо написал и много напутал, но мне напомнил время лекций и светлые годы 45, 46. Но не такого биографа нужно было Грановскому» (т. XXI, стр. 527).

³ Никитин И. С., Сочинения, изд. А. Р. Михайлова, Воронеж, 1869 г.

⁴ В 1869 г. в Петербурге почти одновременно вышло два перевода Макиавелли: Н. Курочкина «Государь и рассуждения на первые три декады ливия» и Фед. Затлера «Монарх». Какой из этих двух переводов имел Н. П. Огарев, не ясно.

146

2 часа. Вторник 23 [ноября] 1869 г.]¹

Телеграмму и письмо от 20-го получил сегодня. Тх[оржевский] только что сейчас приходил. — Перестанем спорить, Герцен, это меня слишком обижает и слишком лишает покоя и приводит во что-то болезненное.

Пишу тебе несколько слов, чтоб они еще застали тебя в Генуе. Адреса по телеграмме не могу разобрать. Пишу р. г. — Вчера уже писал р. г. в Геную. Что же писать во Францию — это только отдалит получение писем. Еще раз повторяю, что лучше быть в Париже, чем долго оставаться в Ницце. Ницца не может не произвести худого впечатления на Тату. Да и, кажется, ты со всем с этим согласен. — Если бы было мудрено ужиться с Мальв[идой]² — лучше же иметь две квартиры, цена выйдет почти одна и та же. А занятий и развлечения в Париже все же больше, чем где-нибудь; только будь осторожен. — Черн[ецкий] обижался, что ты не прямо к нему пишешь и Тх[оржевский] настаивает, что б ты прямо к нему писал. — Я пока все же довольно здоров, несмотря на ужаснейшую погоду. Обнимаю тебя, Тате пишу на след[ующей] странице.

¹ Напечатано с Сб. «Архив Огаревых», М. — Л., 1930 г., стр. 70; дается здесь для связи.

Письмо Герцена от 20 ноября не сохранилось; датируется по смежным письмам.

² В письме от 13 ноября 1869 г. Герцен писал: «Кстати, спасать надобно Ольгу: какое доверие к глазам Мейз[енбург] можно иметь после бывшего и какое доверие к Саше. Я, с божьей споспешествующей милостью и с молитвами святых отец, это и сделаю. Наконец, пора и мне платить старые долги...» (т. XXI, стр. 524).

147

8 дек[абря] 1869 г.]¹

Среда — ¾ второго

Вчера Черн[ецкий] принес твое письмо к нему, которое было почти равно твоему предшествующему письму ко мне. Сегодня в 12 часов пришло твое письмо от понедельника. Ну! caro mio — спасибо. Теперь отлегло — и я буду способен усиленно работать. — Итак, она выздоравливает, моя милая Тата. Скажи ей, что если я хотел, чтоб она мне написала, хотя бы свое имя, — это потому, что тогда я получаю уверенность, что начинается выздоровление; это было бы доказательство силы возрождающейся. Теперь, кроме твоего письма, я имею ее две строки — и мне становится спокойнее, я тоже прихожу сам в себя.

А я все же сегодня ночью был болен, и от этого есть сегодня немного усталости. Припадок повторился на 13-й день. А причину я тебе

объясню, чтоб и о моем здоровье дать тебе утешительность. Я вчера производил операцию, которая сошла с рук очень легко, несмотря на всю мою неловкость. Но я устал от одного упражнения и ждал чего-нибудь. Я, вообще, сомневаюсь в зависимости припадка от уретры, т. е. это составляет для меня далеко не решенный вопрос; но усталость от занятия операцией весьма располагает к припадку. Только к вечеру мне стало гораздо легче — и я ничего не ждал, а между тем случилось внезапно (но в постели). Вот видишь ли — насчет Майора: как он сладил с моей ногой — не знаю; но после Девил[евской] операции, он один поставил лечение структуры на путь. Честь ему и слава! Да! забыл сказать — я на этот раз операцию производил через шесть (если не семь) недель; а производилось все превосходно! Вот тебе и о моем здоровье. Нога все так же, ходить могу даже без палки (при новых сапогах), но очень недолго. Вот это мне всего затруднительнее для переездов, ибо я до Ниццы едва ли могу доехать ближе недели. Теперь лучше уже это совершить — как-нибудь весной. — Тх[оржевский] хочет непременно теперь ехать. Ему нужно прокатиться. Наследство он вчера получил и дня в два дела покончит. Милейший он человек; я, однако, вижу, что и болезнь Таты и желание ехать к вам, да и дела, может быть — его восстановили так, что он эти два дня был совершенно здоров. Но о его делах после, теперь пора на почту. Дела его хороши — вот и все.

А для меня, если б вы куда поближе приехали — была бы огромная разница!

Ты говоришь о переезде на юг², и тебе, как будто, Тутс и Генри мешают. Не знаю, насколько последнее правда, Герцен. Но об этом напишу завтра, теперь боюсь запоздать. Также и о Бак[унине], где с твоим мнением никак согласиться не могу, а как и почему, о том в следующем письме будут следовать пункты.

Лизу обнимаю за ее письмецо. Писать ей стану завтра, теперь некогда. Тате стану писать, когда, по моему чутью, она будет читать в силах. — Нат[али] скажи, что эпидемия и прилипчивость столько же имеют общего с простудой — как мышьяк. Надеюсь это ясно. — Прощай — пока. —

¹ Письма Герцена от 6 декабря не сохранилось: датируется по письму Герцена от 13 декабря 1869 г. (т. XXI, стр. 534), в котором последний сообщил, что 15-го он со всей семьей выезжает в Париж.

² «Спорить с тобой, — писал Герцен, — саго тію, не хочу и не буду. И возражал тебе сильно не потому, что Тутс в школе или нет, а чтоб положить предел грубому поклепу, что я советую изгнание твоих измаилов в степи аравийские, тогда когда я стремлюсь их выгнать на чистый воздух и работу, на ту новую жизнь, о которой ты так рьяно проповедуешь с Бакун[иным], о выводе из Содомы и Гоморры нашей жизни. Я их хочу спасти от страшнейшей беды — полубарского воспитания, идущего навстречу нищете, нужде — от размягчения слабых нерв, сентиментальной старости. Оцени раз мужественно мой простой взгляд, а затем кладу судьбу их в твои руки, и делай, что знаешь. У меня своей заботы через голову и силы. Только о Париже и не думай, пока ты не освободишься от измаилов. Вот и финал...».

Вот собирался писать много писем, но не собрался. Почему ты мне пишешь и не отвечаешь на последние два письма². Здоров ли ты сам? Что Тата? — За полученные деньги весьма благодарю, но остальные дела больно плохи. Я даже послал Жука³ за Женеву осведомиться что и как случилось, какие аресты в Петерб[урге], что за обыск у Черкес[ова]⁴ в лавке и т. д. Если ты что услышишь в Париже — сообщи немедленно.

Больше писать не хочется, саго тiо. Прощай. Тх[оржевский] сегодня не приходил еще, а уже 2 часа. Он обычно приходит в 12. Только что я написал это — Тх[оржевский] пришел. Но нового ничего.

¹ Датируется по письму Герцена от 23 декабря 1869 г. (т. XXI, стр. 540).

Напечатано в сб. «Архив Огаревых». М.—Л., 1930 г., стр. 70; дается здесь для связи.

² Герцен отвечал: «Что вы это, батюшка Николай Платонович, в гнев изволили взойти за то, что не пишу о здравиях Таты и родителя ее, в то время, как пишу и много...

...Вчера был Брока, сидел более получаса, — писал Герцен. — Тата с ним была очень мила; его заключение такое, что мозг явным образом был поражен; что глаза до сих пор ясно обозначают, что болезнь не совсем прошла. Он находит ее в полном выздоровлении, но следует бояться всякого сильного потрясения и даже умственной работы, читать вздор и писать вздор, пока мозг укрепитя..».

Брока Поль — известный французский хирург.

³ Жук — Н. И. Жуковский.

⁴ Черкесов Александр Александрович — участник революционного движения 60-х годов. В 1862 г., находясь за границей, участвовал в попытках организации объединенного эмигрантского издательства. По возвращении из-за границы был арестован по обвинению в сношении с эмигрантами. Имел книжную лавку в Петербурге, ставшую центром «неблагонадежных» элементов. Вторично был арестован в связи с нечаевским делом в конце 1869 г.

«Черкесов арестован, об этом я читал в тобою присланном «Голосе». Если что узнаю, сообщу; я еще не видел ни Выр[убова], ни Боборык[ина]...» — писал Герцен.

149

3 янв[аря 1870 г.]¹. Понедельник

Письмо твое и письмо Натали от 1-го янв[аря] получил сегодня. Ждал Тх[оржевского], читал Стюарта Милля и математику (вот и смейся надо мной!) — и, наконец, хочу написать тебе несколько строк. Тх[оржевский] — премилый человек, но — *inter pos* — какой у него характер банкира или дворецкого — это меня иногда поражает. Он теперь преследуем мыслью о дешевизне и выгоде, ergo, о переезде не знаю куда — в Брюссель, в Дрезден etc. Денег здесь, кажется, на твои распоряжения не хватит после посылки 300 фр[анков] Бак[унину]. — Тх[оржевский] сейчас пошел в банк справляться. — Я почти здоров, кроме кашля и одышки. Зато Рейнах², которому в Париже полъязыка отрезали (с канцером), умирает от канцера в животе. — «Зачем ты хочешь дать Тате итальян[скую] грамматику, от которой ее следует удалить?» (Замечание Тх[оржевского]). — Лизу мою цалую. Натали благодарю за письмо и напишу и ей и тебе к завтраму. А теперь хочется, чтоб эта записка поспела на почту. Да и погода превосходная, хочу пройтись.

Получаешь ли ты «Егалите?» Прочти речь Перрона над могилой Сер[но]-Сол[овьевича]³.

¹ Письма Герцена от 1 января не сохранилось.

² Рейнах — повидимому, Жак Рейнах, известный парижский финансист.

³ А. А. Серно-Соловьевич покончил жизнь самоубийством 16 августа 1869 г. в Женеве. На похоронах с речью выступил Шарль Перрон — редактор «Egalité» и один из ближайших сподвижников Бакунина.

150

5 янв[аря 1870 г.]¹.

Среда — вечером

Хотел писать тебе сегодня до 3-х часов, но не успел по *n* причинам. Разные известия с разных сторон. Но прежде всего, чтоб не забыть — Тх[оржевский] ждет от тебя письма и думает, что дешевле купить итальян[скую] грамматику и лексикон в Париже, чем купить здесь и переслать; а распаковывать уже запакованные ящики, где ему итал[ьянской] гр[амматики] не помнится, еще труднее. Он ждет от

тебя приказа, что переслать, что перевести к Чернец[кому], который, во всяком случае, остается здесь до мая. — Сам же он, кажется, собирается в Париж, и хотел бы все вещи сбыть с рук. Вот в чем и его дело. Но, вероятно, он ближе 2-х недель или месяца не уедет. Деньги я получил — спасибо. У нас продолжается самый душливый туман, так что дышать трудно; вот уже 4 дня.

Теперь к делу. Я получил письмо от твоего² от 20 дек[абря]; а по другим известиям твой тоже в тюрьме. Что из этого заключить, совершенно не знаю. Всего арестовано до 70 человек в Петербурге да в Москве 10, а в провинции сколько-то. Говорить о твоем никому не нужно. Он если не в тюрьме, то умер — и будет здесь*. Хочется видеть тебя и Б[акунина]. А точно ли он свободен — ничего не знаю.

В Женеву будто бы прислали 5 человек русских шпионов и несколько дам. Я до сих пор никого не встречал; но рекомендуют осторожность. — В Париже есть очень хороший человек — Озеров. Отыщи его непременно и тотчас, и скажи ему, что я его письмо получил, но раньше двух недель отвечать не буду. Адрес: rue Bria, 19. — Прими его отечески. Впрочем, я думаю ты его знаешь. —

«Егалите» тебе был послан с «Голосом» — напиши, получил ли?

Как ни скверно положение, но мне работать хочется, и задач так много, что не знаю как и сладить.

Почему ты не хочешь выписывать «Московские Ведомости»? Мне кажется, они чрезвычайно нужны, как своего склада противники. Да я уверен, что надо опять придти к изданию «Колокола» и съехаться, где и как тебе угодно³.

Итак, у тебя Жан-Батист⁴; а я послал тебе его письма. Получил ли?

Больше теперь писать не стану. Устал и спать пора. Прощай! Ужасно жутко на сердце.

Письмо твое Жуковскому послал, но я уже и прежде ему говорил в том же духе. Увижу его в субботу. Боюсь предложить ему заем у Тхоржевского, может Тхоржевский не захочет дать. Увидим. Но Жуковский писал тебе, потому что не мог поступить иначе; а сам он понимает, что ты в затруднении и понимает, что из фонда никакой заем невозможен, тем более, что, пожалуй, понадобится скоро для совсем реальных помощей.

¹ Датируется по письму Герцена от 7 января 1870 г. (т. XXI, стр. 548), в котором Герцен сообщал: «Получил твое письмо от 5-го...».

² Воу — прозвище С. Г. Нечаева. Под этим псевдонимом Нечаев фигурирует в переписке М. А. Бакунина с Герценом и Н. П. Огаревым. Аресты, о которых пишет Огарев, — разгром нечаевской организации в связи с убийством студента Иванова.

³ Герцен отвечал: «На счет «Колокола» еще не знаю... Для возобновления «Колокола» нужна программа, даже для нас. На таком двойстве воззрений, которое мы имеем о главном вопросе, нельзя создать журнала. Читать нас никто не хочет. Сделаем опыт издать «Полярную Звезду».

⁴ Жан-Батист-Боке — см. комментарии к предыдущим письмам.

15 янв[аря] 1870 г.¹

Письмо твое получил, саго твое! Надо будет дать 5 тысяч франков. — Я с твоим мнением не согласен, да во многом и с ним не согласен; но мешать нельзя. Из этих денег надо будет заплатить за работу Чернецкому, что можно будет вычесть, так же как и 300 франков, если я их займу у Тхоржевского. — Вот и всё покамест. А деньги ты на днях приготовь, т. е. чем скорей, тем лучше. Завтра pošлю тебе «Голос».

¹ Датируется предположительно по упоминаниям Герцена о какой-то выплате 5 тысяч франков в январских письмах 1870 г.

* Так в тексте.

II. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА П. Л. ЛАВРОВУ

Предисловие и комментарии Ю. Красовского

Последний период жизни Н. П. Огарева, особенно 70-е годы, до сих пор остается сравнительно малоизвестным и малоисследованным. Кроме нескольких желчных и явно пристрастных строк в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой, кроме воспоминаний Е. Ф. Литвиновой, а частично и Т. П. Пассек, об этом периоде жизни Огарева почти ничего нет в нашей мемуарной литературе. Но воспоминания, как известно, вещь очень субъективная, и к тому же, они касаются преимущественно жизни Н. П. Огарева в личном плане и очень мало говорят об общественном лице Огарева в последние годы его жизни. Некоторую поправку в этом отношении вносит публикация огаревских материалов, хранившихся в рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина («Герцен и Огарев. Новые материалы», — «Звенья», сб. 6, стр. 338—412). Но материалы этой публикации настолько отрывочны и не полны, что не позволяют сделать каких-либо выводов. Данная публикация, таким образом, является фактически первой большой публикацией на тему об общественно-политической физиономии Огарева во второй половине 70-х годов; 48 писем Н. П. Огарева к П. Л. Лаврову за 1875—1877 гг. дают в этом отношении достаточно богатый и интересный материал.

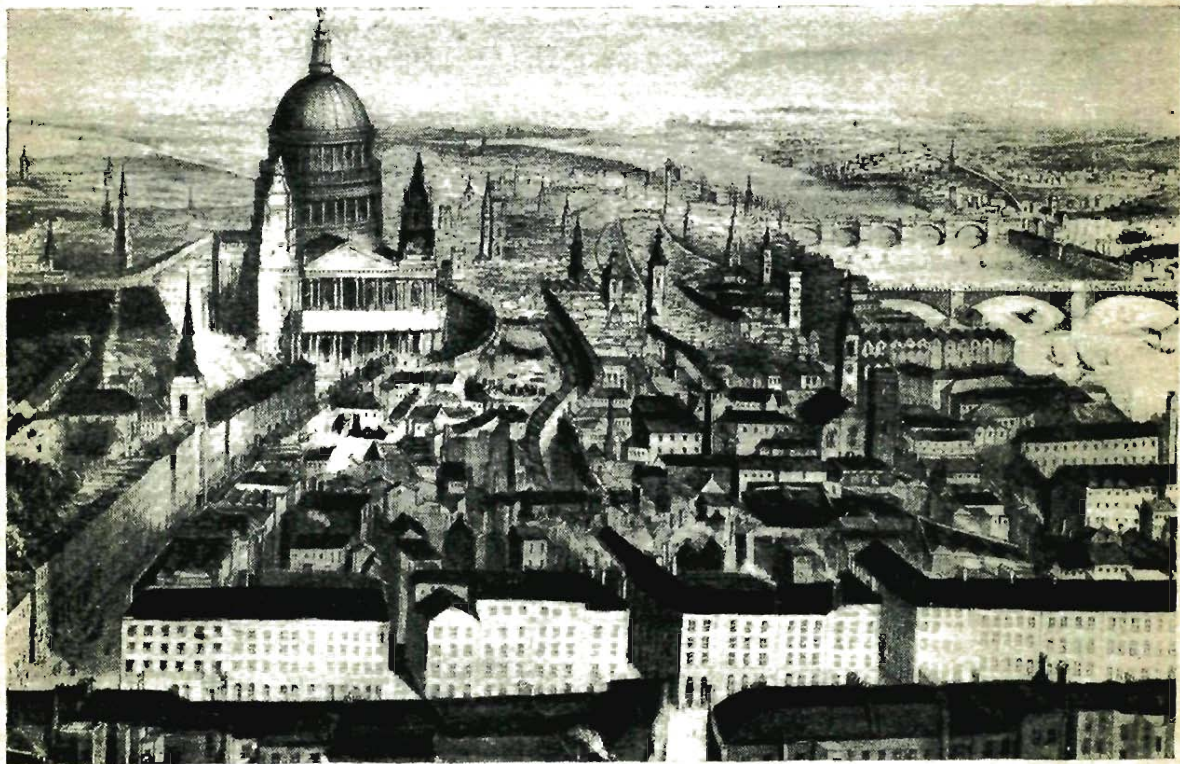
Образ Н. П. Огарева 70-х годов зафиксирован в нашей исторической литературе в очень определенном, традиционно-канонизированном виде. Представление об Огареве этих лет неизменно ассоциируется с образом усталого и сломленного борца-революционера, отошедшего от всякой революционной работы и целиком ушедшего в свою личную жизнь, отгородившегося в своем гринвичском отшельничестве от всего мира и медленно умирающего, вдали от революционных бурь и подлинной живой жизни. Историю жизни Огарева этих лет обычно рассматривают, как историю его взаимоотношений с Мэрн Сэтерленд, с которой он сошелся еще в 1859 г. и которую он решил спасти от лондонского дна, «возвысить», как он выражается в одном из писем к Герцену, и с которой он прожил до самой смерти. Несомненно, что после смерти А. И. Герцена, после разрыва с С. Г. Нечаевым Огарев силой обстоятельств оказался вне политической борьбы. Воспоминания А. Баулер «Одна из дорогих теней» («Минувшие годы». 1908 г., IV, стр. 108—115) о посещении ею совместно с П. Л. Лавровым гринвичского отшельника в 1877 г., т. е. незадолго до его смерти, как раз и дают умирающего Огарева, целиком погруженного в прошлое. «Какой тяжелый конец жизни, — как ему, должно-быть, тяжело жить так одному среди своих, мертвых», — так передает А. Баулер впечатление П. Л. Лаврова от посещения ими Огарева. Но тем не менее было бы неверно целиком и полностью стать на эту точку зрения. Публикуемые письма показывают нам Огарева в несколько ином освещении, пусть усталого, больного, умирающего, но в то же время живо интересующегося всеми общественными и политическими вопросами, Огарева, еще не утратившего темперамента борца и политика-мыслителя. Эти письма позволяют выяснить взаимоотношения Н. П. Огарева и П. Л. Лаврова и степень участия Н. П. Огарева в лавровском «Вперед» — факт значительный и знаменательный.

Наша публикация дает точную дату личного знакомства П. Л. Лаврова с Н. П. Огаревым — май 1875 г., т. е. почти тотчас по переезде Огарева в Англию. Обращение П. Л. Лаврова с призывом принять участие во «Вперед» было встречено Огаревым, как видно из его писем, очень сочувственно и было воспринято им как начало нового периода общественной деятельности. В первом же письме Огарев указывает, что посещение Лаврова и его предложение сотрудничества «снова дает надежды на деятельность». В последующих письмах много положительных отзывов о «Вперед», а в письме от 28 мая 1875 г. Огарев пишет: «Вашим «Вперед» я совершенно удовлетворен и, насколько понадобится и хватит сил, приму в нем деятельное участие, а мне необходимо участие — иначе существование становится тяжело». Почти в каждом письме имеются упоминания о подготовляемых для «Вперед» стихах и статьях на самые разнообразные политические темы.

Первое посланное стихотворение «Свидание» П. Л. Лавров поместил сейчас же, но в дальнейшем стал воздерживаться от помещения огаревских стихов, находившихся на низком художественном уровне. Стихи Огарева этих лет нельзя считать стихами в полном смысле этого слова, это скорее рифмованная проза без соблюдения ритма и размера. Характерно, что сам Огарев понимал и чувствовал слабость своих стихов. Так, в письме от 8 марта 1876 г. он пишет: «А все же не могу не послать вам последних стихов, хотя не знаю, успешны или нет, потому что, вообще, моих последних стихов не люблю» [разрядка моя. — Ю. К.]. Но, помимо стихов и статей, участие Огарева во «Вперед» выражалось в самых разнообразных формах. То он присылает Лаврову «объявление об открытии (химическом) сына Герцена. Может, оно всем нам пригодится», то шлет тот или иной иностранный журнал, где отмечает крестиком интересную статью, то трогательно переписывает из

«Daily Telegraph» телеграммы о России, то хлопочет о переводе статей «Вперед» на английский язык.

Мы попытались проследить степень публикации посылаемого Огаревым материала, — полностью огаревский материал П. Л. Лавров помещал очень редко; большей частью он использовал присылаемые материалы в своих передовицах. Это, повидимому, не всегда удовлетворяло Огарева (иногда в письмах в связи с этим как будто проскальзывают пессимистические нотки); тем не менее, он до самых последних дней усиленно снабжает Лаврова материалом, мы бы сказали, очень «держится» и ценит свою связь с «Вперед». Он, повидимому, боится снова остаться один. Он болезненно реагирует на отсутствие писем от Лаврова. «Но, прежде всего, пришлите хоть строчку, доходят ли до вас мои письма», — читаем мы в письме от 28 июля 1876 г.

ЛОНДОН, ОБЩИЙ ВИД

Цветная литография

Исторический музей, Москва

Но было бы совершенно неверно считать роль Огарева во «Вперед» незначительной, исходя из количества напечатанного материала. Надо учесть то, что Огарев передал Лаврову ряд статей, названия которых нам неизвестны, а потому отыскать их во «Вперед» не удалось. А таковые, несомненно, были. Затем следует указать еще на роль Огарева, как «друга» и, в какой-то степени, «вдохновителя» лавровского «Вперед». В своих письмах Огарев отзывается, хоть и весьма кратко, на многие серьезные вопросы, высказывает свои мнения и пожелания, например, о герценовском издании 1875 г., о деле Дьякова и т. п., причем в этих случаях мы должны констатировать совпадение высказываний Огарева со многими положениями лавровских статей.

Если публикуемые письма и не дают исчерпывающего представления о политических взглядах Огарева в 70-х годах, то, во всяком случае, они говорят о том, что Огарев в значительной степени остался тем же борцом-революционером, каким он был в расцвете своей политической деятельности, во времена «Колокола». Его отзывы о новом социалистическом элементе, который он видит в России, его непогасшая ненависть к деспотизму, к царским тюремщикам — все это дает прекрасный образ борца и мыслителя, хоть и надломленного болезнью и несчастьями личной жизни, но не сломленного. Об этом в его письмах говорит многое, и прежде всего большое внимание к вопросам революционной пропаганды и агитации. Огарев очень настойчиво указывает на огромное значение языка, неоднократно говорит о необходимости простоты и «народности» в языке, видя в этом залог успеха всякой пропаганды. «Я опять возвращаюсь к моему газетному вопросу, — читаем мы в одном из писем к Лаврову, опубликованном в «Звеньях», — как нам дойти до слога понятного

вообще для простолюдина». «Нельзя ли почти все иностранные слова, — читаем мы в другом письме, — ...перевести на русский?». Поэтому понятно, что Огарев крайне отрицательно относится ко всякой подделке «под народность», ко всякому революционному «пейзанству». «Я не могу сойтись с его диалектом», — пишет он Лаврову 15 ноября 1875 г. о женевском журнале «Работник». «Признаюсь, Лавров, — читаем мы в письме от 11 мая 1876 г., — все еще сил или терпения нехватает дочитать. Эта подделка под народный язык ни к чему не приведет. Мужик не поймет... Это не в помощь ему».

Точно так же Огарев-революционер ярко сказывается и в его отзыве об историческом журнале Моно. «Наше дело разрушать современное, а благоговение перед историей помешает будущему» (письмо от 4 апреля 1876 г.).

Из других интересных моментов, которые следует отметить в письмах Огарева, — это указание на его постоянную переписку с Озеровым, связь с Моно и, видимо, с И. С. Тургеневым. Это опять-таки до некоторой степени разрушает общепринятое представление о полной изоляции Огарева. Любопытно сообщение о попытке писать мемуары, по настоянию П. Л. Лаврова. Но, конечно, помимо общественной стороны, наиболее интересующей нас, в письмах Огарева немало о личной жизни, о настроениях и т. п.; есть и кое-какие новые биографические данные.

В общем, надо считать, что, несмотря на то, что публикуемые письма Огарева не отличаются обширностью, — последний период жизни Огарева рисуется в них достаточно полно, и, таким образом, биография Огарева наконец-то получает свою необходимую законченность и четкость.

Публикация писем Огарева к Лаврову сделана по подлинникам, хранящимся в ИМЭЛ, в фонде Лаврова. Нами опущены некоторые письма, не имеющие значения ни в общественном, ни в биографическом плане: главным образом, мелкие и незначительные записки. Точно так же мы опустили все стихотворения, приложенные или входившие в состав писем, так как в 1939 г. вышло в свет полное собрание стихотворений Н. П. Огарева под редакцией С. А. Рейсера, в серии «Библиотека поэта», на которое мы всюду и ссылаемся.

Свои письма Огарев обычно датирует только числом и днем недели. Сопоставление этих данных с содержанием писем позволило датировать письма более или менее точно.

1

Greenwich. 16 мая [1875 г.] Воскресенье
Ashburnham road, № 35

Истинное спасибо вам за посещение, Лавров¹. Оно мне снова дает надежды на деятельность. Тотчас после вашего посещения, кажется, совладал с поэмкой, которую вам и посылаю. Если думаете, что можно напечатать, напечатайте; если думаете, что надо кое-что исправить, скажите. Изданий ваших еще не получал, должно-быть, придут завтра. Сегодня ночью мне нездоровилось, но, как обычно после припадка, здоровье свежее и крепче. Оно странно под старость лет, но успокоительно.

Итак, жду с нетерпением ваших изданий, а сам надеюсь быть в Лондоне в конце недели.

Ваш новый старый друг Огарев

¹ Это — первое письмо Н. П. Огарева к П. Л. Лаврову, позволяющее точно установить время их личного знакомства — середина мая 1875 г. «Поэмка», о которой говорится в письме, — стихотворение «Свидание», напечатанное в № 10 «Вперед», от 1 июня 1875 г., стр. 298, см. «Стихотворения», под ред. С. А. Рейсера, т. I, стр. 271.

2

Вторник 18 мая [1875 г.]

Любезный Лавров, если «Вперед» не пришел в субботу, то в воскресенье не мог придти по англиканской религиозности; поэтому и опоздал. Теперь я его имею и читаю с большим удовольствием, находя в нем больше необходимых фактов, чем многосложного красноречия. По-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА
ОГАРЕВА П. Л. ЛАВРОВУ ОТ

16 МАЯ 1875 г.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина,
Москва

Greenwich. 16 Mar. 60. From
Ashburnham road N° 35.

следнего я немножко боюсь, как произведения теорий, которые мудрено разублачить, а говорить в них можно что угодно и никуда не придешь. Это прием, который портит социализм. А как дойти до определения чего-либо серьезного в социальном направлении, — это другой, более серьезный вопрос. Покамест, кажется, остается (что я и нахожу в «Вперед») перечень фактов, т. е. той дребедени, которая истинному направлению мешает. А это теперь необходимо.

Мне кажется, этой мере «Вперед» истинно поможет.

Но вот уже и вечер наступает. Спешу вам записать еще гриввичские стихи, так [как] вам «Свидание» понравилось.

Ваш Огарев!

¹ К письму были приложены два стихотворения — «На улице» (Играл котенок — так себе дитя) и «Послание к соседнему псу» (С утра ты лаешь, бедный пес, до ночи). — «Стихотворения», т. II, стр. 408—409.

3

Greenwich 28 мая [1875 г.] Пятница
Ashburnham Road. № 35

Думал быть у вас на сей неделе, побезный Лавров, но, во-первых, у меня Мари¹ была больна так, что с трудом могла двигаться; а вчера я был болен обычной болезнью. Мне же вообще одному у ездить

опасно, да и старуху мою больную одну оставить не хотелось. По неволе поезд[ку] в Лондон отложил до начала июня. Вашим «Вперед» я совершенно удовлетворен и, насколько понадобится и хватит сил, приму в нем деятельное участие, а мне необходимо участие в журнале, иначе существование становится тяжело. Недеятельность сбивает с толку.

Скажите, пожалуйста: не знаете ли вы, где находится Благосветлов² и в каком он отношении в нашей отчизне?

Преданный вам Огарев

Прилагаю еще недавние маленькие стихи³.

P. S. Одно бы еще хотел заметить: если русские мужики читают кое-где «Вперед», нельзя ли почти все иностранные слова, даже слово «эксплуатация», перевести на русский? Иначе оно будет непонятно. Я сколько ни старался, прежде известных книжных средств, не могу*.

¹ Мэри, или «старуха», как шутливо называл ее Огарев, — Мэри Сэтерленд, подруга Огарева.

² Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880) — известный публицист и редактор «Русского Слова» и «Дела».

³ О каких стихах идет речь, не ясно.

4

1 июня 1875 г.

Ashburnham Road, № 35

Вчера получил ваше письмо, многоуважаемый Лавров, а сегодня июньский «Вперед». Приезжайте когда хотите и с товарищем. Я на этой неделе, вероятно, не выеду. До двух часов и вечером я — всегда дома; между двумя и семью часами в неопределенное время выхожу подышать воздухом. На будущей неделе мне все-таки непременно нужно быть в Лондоне.

А «Что делается на родине» меня приводит в восторг омерзения¹.

Не имеете ли известий об Озере? Я так давно не получал, что мне страшно за его здоровье².

Ваш друг Н. Огарев

¹ «Что делается на родине» — так назывался в «Вперед» отдел, где помещались корреспонденции из России. В частности, в № 9 и 10, в этом отделе были помещены статьи: «Народ и студенчество», «Из жизни рабочего люда», «Из жизни села Павлова» и др., особенно подробно останавливавшиеся на репрессиях и гонениях царского правительства.

² Озеров Владимир Александрович — в эмиграции Шаховской, бывший офицер, участник польского восстания 1863 г. Был близок к М. А. Бакунину.

5

Greenwich, 7 июня [1875 г.]. Понедельник

Ashburnham Road, № 35

Почтеннейший Лавров!

Здоровье еще куда бы ни шло, но вижу, что по всем иным обстоятельствам ближе пятницы в Лондон съездить не могу. Последний

* Так в оригинале.

«Вперед» перечитывал не раз с искренним удовольствием. Посылаю вам на поклон «Муху»¹.

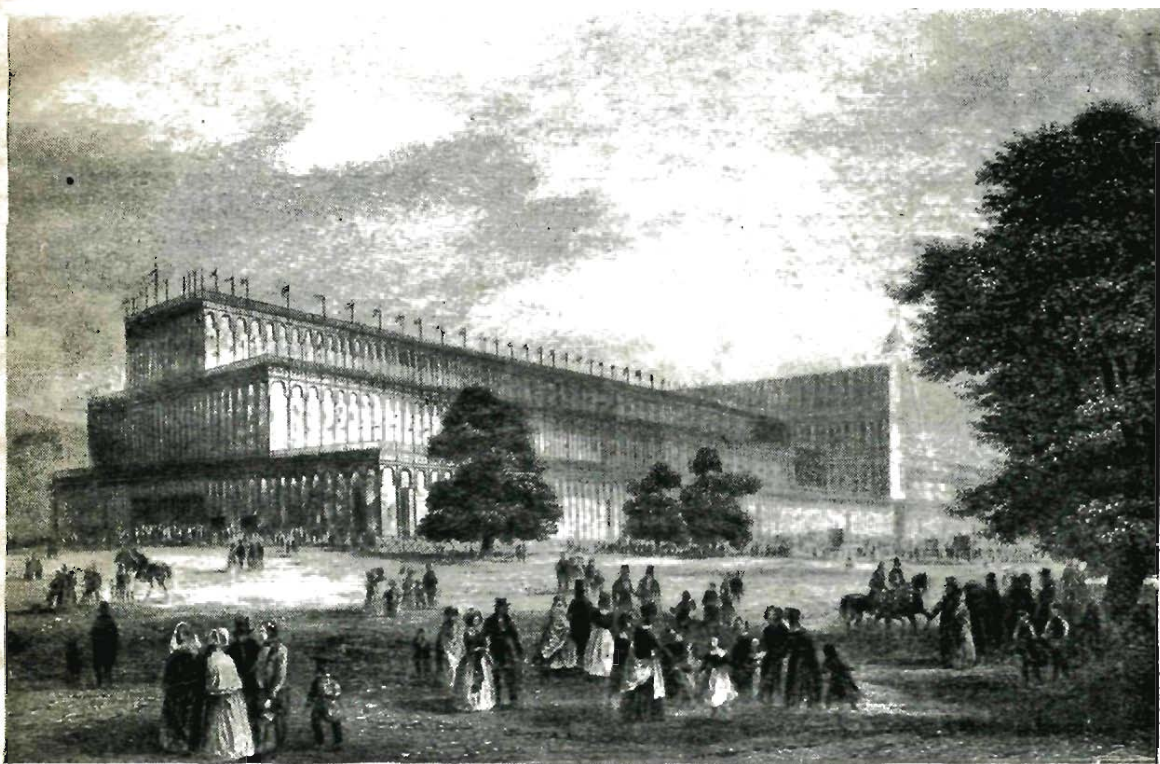
Ваш преданный Огарев

¹ К письму было приложено стихотворение «Муха» (Жужжащую муху к окну привлекло. — «Стихотворения», т. II, стр. 410).

6

17 июня [1875 г.], среда¹

Вчера получил 11 № «Вперед», за который искренно благодарен вам, почтеннейший Лавров, а в особенности за статью из Петербурга².

ЛОНДОН. ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

Гравюра, 1860-е гг.

Музей изобразительных искусств, Москва

В Лондон все не было средства съездить, но дальше пятницы или субботы откладывать не могу. Готовлю статью во «Вперед»; хотя и трудновато, но надеюсь, что скоро поспею.

Писал вам два раза, но помнится, на ваши отдельные адреса.

Ваш старый Огарев

¹ День недели указан неверно — в действительности четверг.

² № 11 «Вперед» вышел 15 июня 1875 г.; в отделе «Что делается на родине» была помещена корреспонденция «Из Петербурга» — о нарастании революционного подъема и кружке долгушинцев (стр. 327—330).

7

21 июня [1875 г.]

Понедельник. Вечером

Сейчас получил ваше письмо, почтеннейший Лавров. Хотел приехать к вам в субботу, да нездоровилось. Так жизнь и идет под ста-

рость, — то нездоровится, то обстоятельства мешают. От этого и остался дома. Жду вас завтра, если же не будете, надеюсь поехать в Лондон после. Кажется, старческое здоровье лучше. На всякий случай посылаю вам теперь же объявление об открытии (химическом) сына Герцена¹. Может, оно всем нам пригодится.

Теперь тороплюсь. Ваш старый друг Огарев.

¹ Сын Герцена — Александр Александрович Герцен (1839—1906), известный физиолог, с 1877 г. — профессор физиологии во Флоренции; автор «*Anaesi fisiologici del libero arbitrio umano*» и «*Lezioni sulla digestione*». О каком объявлении говорит Огарев, не ясно.

8

1 июля [1875 г.]. Четверг

Сейчас получил вашу записку, любезный Лавров. В Лондон не приезжал, потому что не мог сладить с обстоятельствами; теперь жду со дня на день возможностей. А эти дни я чрезвычайно доволен, что имею письмо от Озерова, который жив и здоров, во Флоренции и читает «Вперед». Я готовлю еще несколько стихотворений; не знаю, как удастся. Во всяком случае, скоро увидимся.

Ваш старый Огарев

9

7 июля [1875 г.]. Середа

Вот и опять, милый Лавров, ежедневно собирался в Лондон и не собрался. И это по двум причинам: 1) пустота кармана, которой жду поправки каждый день, и 2) после припадка обычной болезни боль в плече; ходить могу и даже брэнчать на клавире, а ехать ни на каком инструменте не решаюсь.

Получили ли вы № «Morning Advertiser», где я отметил крестиком статью о предполагающейся войне между Англией и Россией, и, отметив статью крестиком, послал № вам¹.

Преданный Н. Огарев

¹ «Morning Advertiser» — английская газета; Лавров не использовал указанную Огаревым статью.

10

10 июля [1875 г.]. Суббота

Вот и опять, почтеннейший Лавров, не попал в Лондон, сколько ни нуждаюсь. Плечо болит так, что не могу решиться влезать в вагон или в карету. Все, что остается, — пройтись пешком до почты или до парка. Это, как обычно, возможно между двумя и шестью часами — как случится, а к вечеру опять дома.

Телеграммы в журналах очень тоскливы.

Стараюсь писать, что возможно. Увидим.

Ваш друг Огарев

11

13 июля [1875 г.]. Вторник

В Лондон все еще по нездоровью не попаду, почтеннейший Лавров, но писать вам спешу, может сия вещь еще попадет в ближайший №; я думаю, это было бы полезно. Я оное встретил в сегодняшнем №

ОГАРЕВ

Фотография, 1870-е гг.

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

«Daily Telegraph», переписал в свою книжку и перевожу для вас, чтоб уже не было никаких хлопот. Если вам придумается какое примечание, или если имеете какие дальнейшие известия — это было бы очень хорошо, но этого так в стороне оставить нельзя. Сами увидите.

«Daily Telegraph. July 13 Thesday. Russian socialism. (From our own correspondent) St.-Petersboungh, July 8».

«Дознание в русском социальном заговоре прошедшей осени — сейчас покончено, и министр юстиции составил свой рапорт. 788 человек обвинены. Мое сообщение было во время оно показано ложным в официальных телеграммах. Но министр народного просвещения издал теперь циркуляр, предписывающий воздерживать юношество от коммунистических учений и признающий коммунистические заговоры в 37 губерниях. Это обнародование произвело великое впечатление. Правительство открыло революционные пропаганды в Московском полку, в конной гвардии и в саперном батальоне, все в гвардии его величества».

Вот и вся телеграмма из России в «Daily Telegraph»¹. Боюсь, что уже поздно; но тороплюсь, может, это придет к вам завтра рано утром. Я думаю, подобную вещь из рук выпускать не следует.

Ваш старый Огарев

¹ Телеграмма «Daily Telegraph» была помещена в № 13 «Вперед», от 15 июля 1875 г., в сокращенном виде.

12

Ashburnham Road, 35, Greenwich

19 июля [1875 г.]. Понедельник

Много спасибо вам, многоуважаемый Лавров, за «Вперед» 15 июля, в особенности за русские корреспонденции. При свидании обо всем оном потолкуем. Теперь моим плечам лучше, но все же я не могу решиться на поездку в Лондон прежде начала августа, и все же конец июля мне остается только пройти пешком короткое время. Хотя на мой последний припадок Мэри и прибежала тотчас поднять меня и уложить на отдых, но, вероятно, я зашиб плечо при падении; хорошо еще, что все цело как следует и я тотчас могу работать. Напишите мне свое мнение о русской корреспонденции в «Daily Telegraph». — От Озерова в субботу вечером получил милое письмо. Действительно люблю этого искреннего и преданного делу человека. Ergo, до свиданья.

Ваш старый Огарев

13

28 июля [1875 г.]. Середа

Посылаю вам, почтенный Лавров, № вчерашнего журнала, где заметьте статью о тирании в воспитании¹. Она меня весьма заинтересовала, но не могу решиться, что из нее сделать.

— Как идет «Forwards»? Мое здоровье плоховато.

Преданный вам Огарев

¹ О каком журнале идет речь, не выяснено; Лавров не использовал этой статьи в своей газете.

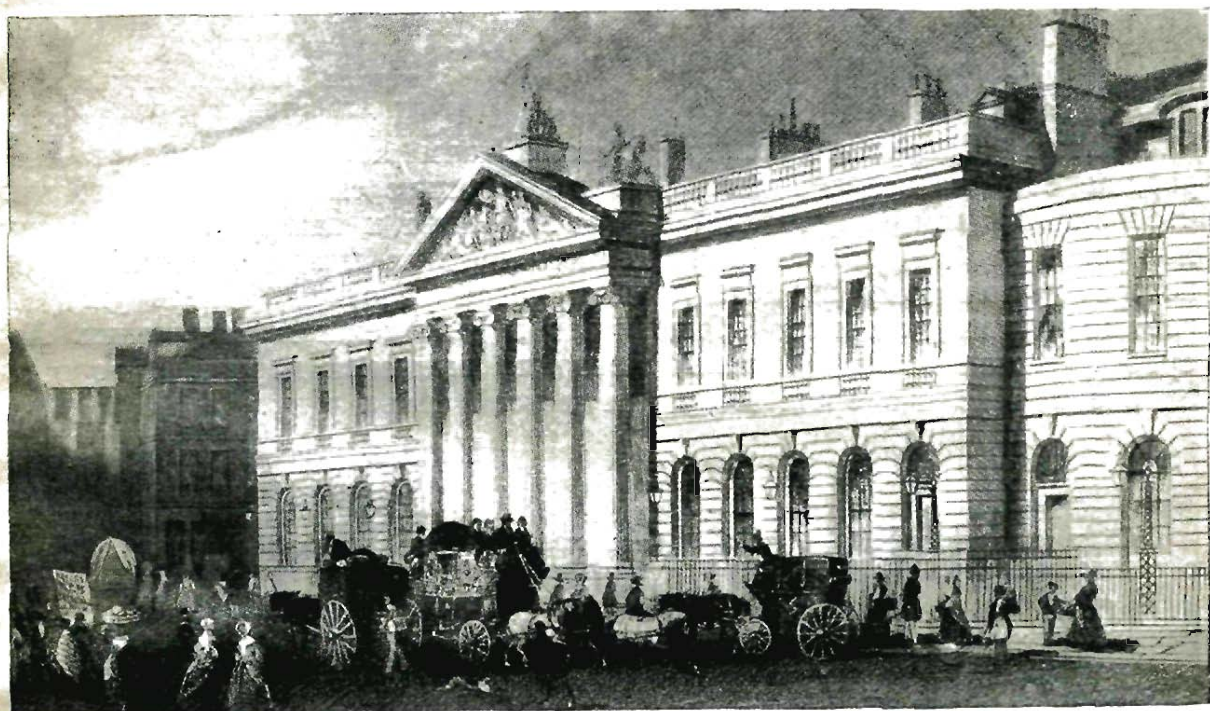
14

2 авг[уста] 1875 г.]. Понедельник

Много и много благодарю за 14 № «Вперед»¹, любезный Лавров! Известия из России великолепно составлены и горьки. Сегодня читаю

в «Daily Telegraph» следующую телеграмму из Рейтера (от 31 июля, из Питера, под заглавием «The girian conspirasy»): «Следующее решение сегодня прошло в сенате над людьми, сужденными под обвинением в высочайшей измене: два студента и два гражданина (cit. zens?) приговорены к каторжной работе на сроки от 6 до 10 лет; два солдата к военному заключению на 21 месяц; а два студента на 6 и 10 дней ареста». — В чем же дело и как достать имена?

А как вам нравится тюремное дело в Италии? Скоро ли же это мы этих господ, хоть бы с мягкосердием французского офицера, примем в штыки?

ЛОНДОН. ДОМ ВЕСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ

Гравюра, 1860-е гг.

Музей изобразительных искусств, Москва

Сбираю, т. е. przygotowляю, разную коллекцию писаний для «Вперед». — Здоровье все плохо, и по обычному недугу и по простуде.

Надеюсь все нужные известия получить на сей неделе и на следующей быть в Лондоне, слишком необходимо.

Ваш искренний друг Огарев

Я писал к вам недавно.

¹ № 14 «Вперед», от 1 августа 1875 г., был, главным образом, посвящен долгушинскому делу: было помещено несколько корреспонденций из Петербурга.

15

14 августа [1875 г.]

В деле Дьякова¹ надо обратить внимание на работников и мещан, которые, подпавшись под допросы тайной полиции, развращаются правительством до роли доносчиков и подлецов. Тут уже не то, чтоб толковать о мудрости или немудрости законодательства, а следует толковать о бедственном положении низших классов и предательских мероприятиях правительства.

Н. Огарев

Р. S. Хотел сегодня к вам ехать, но нет возможности, отлагаю до понедельника.

Оставшиеся у меня ведомости сегодня же вам посылаю, тороплюсь.

¹ Дело Дьякова — процесс Вячеслава Михайловича Дьякова, активного участника «хождения в народ», ведшего пропаганду среди петербургских рабочих и арестованного 12 апреля 1875 г., а 17 июня 1875 г. приговоренного к каторжным работам. В процессе Дьякова фигурировали двое рабочих: Н. Кондратьев и М. Тарасов, оказавшиеся предателями и шпионами. «Вперед» посвятил много места дьяковскому процессу, в частности, заострил вопрос на организации царской полицией шпионства среди неустойчивых рабочих и мещанских элементов. Так, в № 18, от 1 октября 1875 г., была помещена большая статья «По поводу Дьяковского дела».

17

17 августа [1875 г.]. Вторник
New Ashburnham Road, 35

Читаю «Самарский голод»¹ с полнейшим сочувствием, друг Лавров, но сегодня более ничего об этом не успею сказать. Пишу только, чтоб сказать вам, что от субботы до вторника к нам не ездите. Я нахожусь в необходимости съездить взглянуть на младшего брата Мэри, которого знал тому 20 лет. Добрый моряк работник; теперь уж умирает в чахотке, и доктор объявил его в безнадежном положении. А в субботу к нам особый дешевый поезд по железной дороге. Я воротился вчера, жив и здоров. Жму вам и всей семье руку.

Преданный Огарев

¹ «Самарский голод» — брошюра П. Л. Лаврова, изданная 2-м изданием в 1875 г. и являвшаяся перепечаткой из второго тома журнала «Вперед»; на тему о голоде в Самарской губ. — житнице Поволжья — и причинах этого голода.

18

26 августа [1875 г.]. Четверг

Вот и опять, Лавров, не могу остановиться чтоб не написать вам, по случаю корреспонденций «Daily Telegraph'a». Может, вам удастся написать кое-что об этом, т. е. о том, как великие правительства играют в дети. Вырезаю вам статью из «Daily Telegraph'a», посылаю. Хотя теперь уже вечер, но, вероятно, завтра рано к вам пойдет.

Ваш Огарев

19

Пятница 10 сентября [1875 г.]

Вот, друг мой Лавров, статейка: «После чтения «Знания»»¹. Если найдете ее полезною, поместите. Если что захотите изменить или откинуть, поступите, как заблагорассудите. Мне самому мудрено что-то, а, между тем, кажется, вещь не без пользы.

Ваш старый Огарев

¹ «Знание» — еженедельный научный и критико-библиографический журнал, издававшийся в Петербурге в 1870—1877 гг. И. А. Гольдсмитом.

16

Greenwich, Ashburnham Road, 35
8 октября [1875 г.]. Пятница

Собирался к вам сегодня, дражайший Лавров, но не могу решиться на езду по железной дороге или в каком бы то ни было экипаже. Все, что могу, — похромать по парку и даже там отдохнуть с записной книжкой. Читаю неустанно последний № «Вперед» и повторяю по поводу «Самарского голода». Хотелось бы послать его Озерову, но вот

в чем вопрос: не найдется ли ему работа в Лондоне? Во Флоренции ему на два урока не прожить и тоска одолевает. Остановиться он, конечно, может у меня, но вопрос — в возможности работы.

Пожалуйста, дайте ответ поскорее.

Ваш друг Огарев

20

13 окт[ября] 1875 г]. Середа

Вот уже три дня, дражайший Лавров, собираюсь к вам писать в ответ на ваше субботнее письмо и наконец решаюсь. Я перечел предисловие к женевскому изданию Герцена и рад, но оно меня все меньше и меньше удовлетворяет. Может-быть, автор одного не заметил, что он умаляет память Герцена для того, чтоб поговорить в общих фразах, даже не всегда ясных. К этому заключению прихожу невольно и с огорчением. Отвечать на предисловие еще не могу, потому что не знаю всей обстановки издания. Но перечту и еще и еще. Надо решиться сказать несколько строк или страниц. Но, что вы называете второй статьей о Герцене, ищу, ищу и не нахожу да и только¹.

Грустно мне ваше мнение об Озере. Я думал, что он мог бы поселиться у нас, и даже климат для его расширения сердца был бы лучше юга. Это человек, которого я очень люблю и уважаю. Подумаю еще и на-днях стану ему писать.

Дружески жму вам руку.

Ваш Огарев

¹ В 1875—1879 гг. в Женеве были изданы сочинения Герцена в 10 томах с предисловием Г. Н. Вырубова. В трех номерах «Вперед» — 18, 19 и 22 — была помещена подробная рецензия, дающая критическую оценку этого издания. Особенно подробно П. Л. Лавров остановился на предисловии в заключительной части своей рецензии, где, в своих утверждениях, он в значительной степени повторил высказывания Огарева.

21

Понедельник 15 ноября [1875 г.]. Вечером

Сегодня, друг Лавров, получил ваше доброе письмо. Мое письмо пошло завтра, а также и «Знание». Одна из самых замечательных статей в «Знании», на мой взгляд — это в IV № перевод с английского, под заглавием «Состояние умственных способностей при обыкновенных болезнях» (ст. Дж. Милльнера Фотерджилля). Если вы в Лондоне встретите английское заглавие и кто такой Дж. Милльнер Фотерджиль, сообщите мне. Мне бы хотелось статью проштудировать получше. Сегодня получил женевский «Работник», № 10¹. В нем много лучшего, и все же я не могу сойтись с его диалектом — тут что-то есть кашеваренное, с которым не могу сойтись, да и только, а между тем много есть хорошего. Я ваш новый «Вперед» жду с большим нетерпением и уважением, но все мне кажется, что работа и жизнь людская сворачивает с толку, да и только.

По вашему внушению я старался писать мои воспоминания, но толку выходило мало. Вдруг добился до мысли о драме и прихожу к следующей программе: «Трагедия моей жизни (из моих воспоминаний). Комедия в пяти действиях. Действие 1-е — Детство; действие 2-е — Юность; действие 3-е — Зрелые годы; действие 4-е — Старость; действие 5-е — Перед смертью». Вот что еще вам скажу: прадед мой умер 63 лет, дед мой умер 63 лет, отец мой умер 63 лет, мне теперь 62 года. Ужасно хочется, чтобы моя комедия удалась хорошо и скоро, но боюсь, чтоб не удалось. А удастся — вам предоставляю.

Сегодня мне было плохо, т.-е. был припадок. Конечно, Мэри при-сматривает, когда предполагает, что у меня может быть припадок, для того, чтобы меня поддержать и чтоб я не ушибся. [Не разобр.]

(т. е. эпилепсия) у меня с 17-летнего возраста, а теперь 62 года. С Мэри мы живем 20 лет, и она постоянно наблюдает за моими припадками. А все же есть друзья, которые становятся нам врагами. Плохо!

Не помню, послал ли вам стихи, которые, может быть, покажутся возможными; лучше напишу еще раз.

Засим, на сегодняшний день кончаю, друг Лавров, и иду спать, усталость страшная.

Ваш Огарев²

¹ «Работник» — газета, издававшаяся в Женеве в 1875—1877 гг. группой народников под ред. Н. И. Жуковского, З. К. Ратли и Э. Л. Эльсница.

² В письме было стихотворение «На улице» (С телегой лошадь в ворота вошла). («Звенья», VI, стр. 407).

22

Вторник, 16 ноября [1875 г.]

Сегодня здоров, кроме затылка, который проболит дня два-три. Посылаю вам при «Знании» № 10-й «Работника», — может, у вас его нет.

Вам преданный Н. Огарев

Мне пишут о России, что там дочери Остен-Сакена арестованы и посажены в тюрьму за то, что пели с крестьянками народные песни¹.

¹ Никаких указаний на этот факт в исторической литературе мы не нашли. В частности ничего нет и в «Био-библиографическом словаре революционных деятелей в России».

23

2 дек[абря] 1875 г.]. Четверг

Друг Лавров,

Вчера вечером получил от вас № 22, дек[абря] 1-го, где с восхищением прочел 3-ю статью о Герцене, которая великолепна. Много раз спасибо вам за нее.

Ваш друг Огарев

24

11 дек[абря] 1875 г.]. Суббота

На всякий случай, друг Лавров, посылаю телеграммы о России в «Daily Telegraph»¹. Мне вещи кажутся достаточно нелепы, что вам захочется сказать о них два слова к новому году. А у меня при сегодняшнем свете глаза ужасно утомлены.

Ваш друг Огарев

¹ К письму были приложены четыре выписки из «Daily Telegraph» о России.

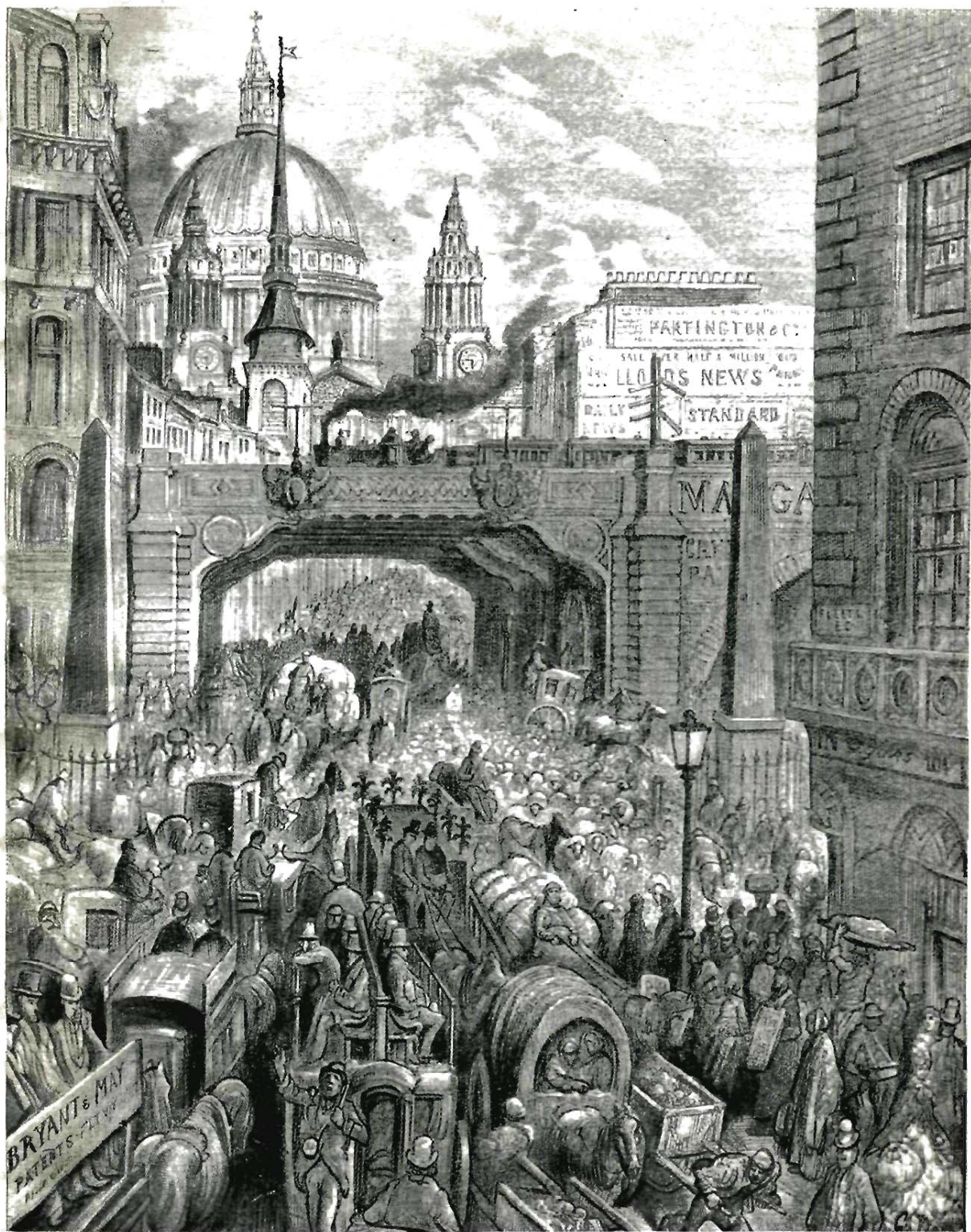
25¹

1876. Вторник 4 января

С новым годом, друг Лавров! № 24 «Вперед» читаю радостно. Он умно создан. Я против него ничего не имею, а все за все. Но личная жизнь приводит к другому концу: свои болезни и много близких умирающих, так что уже не пособишь.

Но возвратимся к «Впереду». Вы упоминаете о Петре Бибикове². Мне кажется, что я его давно помню, да и вас в оное время. Может, я ошибаюсь, а стараюсь о нем вспомнить с искренней дружбой. Он, кажется, был чистосердечный человек. Хорошо, что вы о нем вспомнили. Просто отрадно.

Что же тут делать, Лавров! Поневоле память как-нибудь собьется: спина расстроена с 17-летнего возраста, а теперь 62 года, тюрьма и ссылка и падучая болезнь. А заграничное житье, сколько ни сладостно, я все же считаю ссылкой, и, сам не знаю, как и почему, хотелось бы на Русь. В самом деле, я новый социальный элемент вижу там, и только там. Поместите ли во «Вперед» об этом статью? Все, что я теперь

ЛОНДОНСКАЯ СУЕТА

Гравюра Г. Дорэ

Музей новой западной живописи, Москва

при моих силах могу сделать, вышло бы довольно верно. Это уже сами оцените.

Ваш Огарев

P. S. О какой «Думе» говорится в журнале? То ли, что я послал, или что другое? ³.

¹ Письмо опубликовано в № 6 «Звеньев», повидимому, по невыправленному черновику; помещаем его здесь для связи.

² В передовой № 24 «Вперед» от 1 января 1876 г. о смерти Петра Алексеевича Бибикова (1832—1875), радикального журналиста и критика 60-х годов, сотрудника «Искры» и «Русского Слова», писалось: «Занесем на наши страницы с почетом и имя не столь крупного погибшего борца, но который тоже честно сделал свое скромное дело и тоже никогда не служил враждебным силам, — это имя Петра Бибикова».

³ В почтовом ящике № 24 «Вперед» есть ответ некоему X. Y. Z.: «Стихотворение «Дума» и корреспонденция о технологическом институте получены». Повидимому, этот ответ не относится к огаревской «Думе».

26

[5 января], Бристоль
«Daily Telegraph» № 5. Среда. 1876

Сегодня магистраторы приговорили вдову (Анну Слай) к трехмесячному тюремному заключению за жестокосердное обращение с детьми 3, 5 и 7 лет от роду, содержание их без надлежащей одежды и пищи. Полиция заявила, что комната, где они жили, была без мебели и отопления и они спали на связках из тряпок, как бы погода ни была, сырая или теплая.

Подумавши, на всякий случай посылаю вам и перевод с английских строк из «Daily Telegraph» ¹. Я, вероятно, к английск[ому] языку привычнее всех, — говорил в детстве и говорю под старость.

¹ К письму были приложены выписка из «Daily Telegraph» и стихотворение «Вдова кормить детей средств не имела...». («Стихотворения», т. II, стр. 404.)

27

16 января [1876 г.]. Воскресенье

Еще вчера хотел отвечать на ваше доброе письмо, Лавров, да не смог, — шибко нездоровилось припадком. А сегодня постараюсь положить письмо в почтовый ящик, но пойдет оно, во всяком случае, только завтра, потому что сегодня в здешней стране день господу богу твоему. Впрочем, ведь надо же дать работнику отдых, но как бы приладить это к другому резону? Не знаю, успеем ли мы? А вы хотите, чтоб я бросал более светлый взгляд на вещи? С чего же?

17 янв[аря] 1876 г.]. Понедельник

Вчера не дописал и не послал письма, — все равно пошло бы сегодня. А сегодня меня занимает «Daily Telegraph», извещающая из России, что вчера умер адмирал Краббе и на его место назначен адмирал Лесковский ¹. Конечно, я от этого более светлый взгляд на отечество не бросил, но и не плакал. Я так давно от отечества далеко, что об этих людях понятия не имею. Если вам что известно, все же скажите.

Да! Сберетесь ко мне приехать, накануне напишите строку — день и час, я так и останусь дома ждать вас, в какое бы время дня ни было. А то, пожалуй, хоть и на короткое время, а выйдешь подышать воздухом именно в то время, когда вы захотите повидаться, а уже этого мне бы не хотелось.

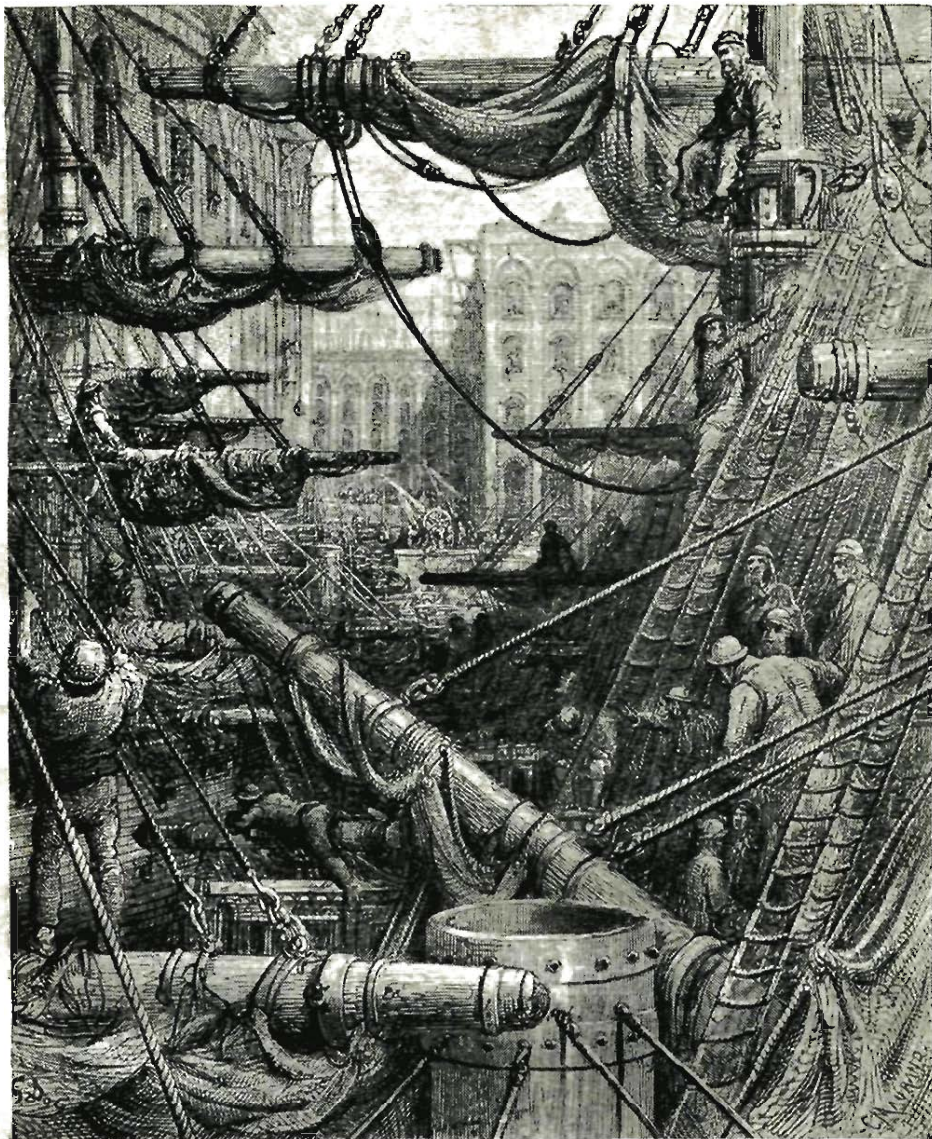
Искренно вам преданный старый Огарев

¹ Управляющий морским министерством Н. К. Краббе умер 3 января 1876 г.; его заменил вице-адмирал С. С. Лесовский (а не Лесковский, как ошибочно пишет Огарев).

28

26 февр[аля] 1876 г.]. Суббота

Не могу не написать хоть несколько строк, друг Лавров. Вчера поздно вечером получил 2 № «Работника», 2 № Народных: «Слово на

ЛОНДОНСКИЕ ДОКИ

Гравюра Г. Дорэ

Музей новой западной живописи, Москва

великий пяток» — 1 книжку «Правды и кривды»¹. До сих пор всего больше увлекаюсь одним № Народного (первые века христианства). Более еще прочесть не успел (теперь полдень субботний). Но на будущей неделе поделюсь с вами, если вы еще не имеете.

Ваш старый Огарев

¹ «Слово на великий пяток преосвященного Тихона Задонского» с подзаголовком «О правде и кривде», — брошюра, написанная С. М. Кравчинским и изданная в 1875 г. в Женеве, в типографии газеты «Работник».

29

2 марта [1876 г.] Четверг

Получил и читал «Вперед», друг Лавров, и, хотя и поздно вечером, не могу остановиться, чтоб не сказать несколько слов. Все же

статьи о родине написаны превосходным русским языком, а передовые совершенно foreign. Уже не собратсья ли нам, чтоб определить русский язык по части социологии, а то право будет для читателя непонятно? Жду на этот вопрос ответа.

Ваш Огарев

30

8 марта [1876 г.]. Середа

Получивши ваше пятничное письмо, друг Лавров, в субботу, в субботу же хотел и писать вам, но думал, что уже поздно, а воскресенье все же господу богу твоему, а не почте. В понедельник и вторник нездоровилось простудой, то ли это последние зубы болели, то ли томился отсутствием старческих зубов, уж не знаю, но сегодня лучше. Тяжело только одно: недели три тому назад приезжал из Лондона англичанин, который мне очень нравился и казался умницей и нам сочувствующим. Мы и подумали, почему же не дать комнату; может, даже будет a risi in position. Он комнату искал для жены, с которой прожил 20 лет и развелся. А ведь не сказал нам, что она больная женщина и больна такою же болезнью, как я, т.-е. падучкой; и вот теперь лежит в постеле без принятия пищи и без всякого понимания. Мэри, конечно, не оставляет ее без попечения, но от этого сама утомлена так, что я боюсь, чтоб не стала больна.

А все ж не могу не послать вам последних стихов, хотя не знаю, успешны или нет, потому что, вообще, моих последних стихов не люблю¹.

Ваш друг Огарев

Написано сбоку 1 листа:

Вот и весь успех.

¹ К письму было приложено стихотворение «Мартовская песня» (По небу звезды безвестно летающие. — «Стихотворения», т. II, стр. 405).

31

Понедельник 13 марта [1876 г.]

Друг Лавров,

Субботний № «Daily Telegraph», где начало прилагаемого происшествия, никак не могу у себя отыскать, кому-то отдал. Сегодняшнюю вырезку вам посылаю и несколько строк к оной¹.

Ваш друг Огарев

«Как-то неприятно взирается на воровство. Но все же все банки и прочее разжились на обкрадывании бедных рабочих посредством их труда и собиранием пошлин. Отчего же кому-нибудь и не украсть у другого? А все это так и останется, пока люди не состроятся в общину».

¹ К письму была приложена газетная вырезка из «Daily Telegraph» от 11 марта 1876 г. о банковых спекуляциях.

32

29 марта [1876 г.]. Середа
Greenwich, Ashburnham Road, 35

Вот, друг Лавров, хотя вы меня и забросили, но тороплюсь послать вам вырезку из сегодняшнего «Daily Telegraph», чтоб вы как-нибудь не пропустили¹. Не забудьте, что этот г-н цесаревич только что украл 7 миллионов рублей из кассы. Оно, видно, царскому брату позволено а человеку победнее, которому есть нечего, и украсть нельзя! Эка жизнь какая, друг мой! А уж в регенты не попадешь даже к оркестру.

Ваш старый Огарев

¹ К письму была приложена вырезка из «Daily Telegraph» о предполагаемом регентстве цесаревича.

П. Л. ЛАВРОВ
Фотография, 1860-е гг.
Институт литературы, Ленинград

33

4 апр[еля] 1876 г.]. Вторник

В обеих телеграммах, друг Лавров, мне бы не хотелось, чтоб вы пропустили великороссийские путешествия. Я давно ничего не видывал более забавного и менее интересного для публики.

Получил 1 апр[еля] «Revue Historique» Моно¹. Есть ли оно у вас? Может, и найдется что интересное. Только мудрено натянуть на себя сочувствие к истории! Наше дело разрушить современное, а благоговение перед историей помешает будущему. Может, я и ошибаюсь, только кажется, что так.

Первое апреля «Вперед» читаю и перечитываю.

Ваш старый Огарев

¹ «Revue Historique» — исторический журнал, основанный в 1876 г. известным французским историком и педагогом Габриэлем Моно (1844—1912). Моно — муж дочери Герцена, Ольги; сочувствовал деятельности Герцена и после его смерти поддерживал связь с Огаревым.

34

8 апр[еля] 1876 г.]. Суббота

«Revue» Моно послал вам 3-го дня, друг Лавров. Впрочем, это мой единственный экземпляр, ergo по прочтении возвратите. Но самому Моно писал вчера, получив от него письмо, в котором он меня извещает, что вы были в Париже и навестили Тату¹. У самого Моно, кажется, издание удесятерилось, и он в Лондоне ближе октября побывать не может. У нас, в Гринвиче, погода установилась чудная и парк распустился. А, между тем, мой приятель, старик в параличе, который всегда стоял на углу улицы, исчез; должно быть, его хватил третий и до конца.

Про себя же скажу, что

Стар, но живу довольно здорово²

Крепко жму вам руку, добрый друг.

Ваш старый Огарев

¹ Тата — дочь Герцена, Наталья Александровна, жившая в 1876 г. в Париже.

² Далее помещено четверостишие «Стар, но живу довольно здорово...».

35

На почту посылаю в четв[ерг]
11 мая [1876 г.]

Собирался писать к вам еще в понедельник, друг Лавров, да вот не написалось до середины, все был занят письмами, а левая рука все же не развилась, так что правая, сломанная, мне напоминает запад, а левая, неразвитая, восток. Ни с которой стороны ничего порядочного и не выходит. Получили ли мое письмо и пр., посланное на адрес «Forward» (помнится) в субботу? На-днях получил 14 и 15 № (февраль и март) «Работника». Признаюсь, Лавров, все еще сил или терпения нехватает дочесть. Эта подделка под народный язык ни к чему не приведет. Мужик не поймет, начиная с картинки, а пальтошнику надоест. Это между нами. Цели хороши, камня бросать не хочется, но жаль до смерти. Это не в помощь делу.

Записки Тани вам пришлю обратно на-днях¹. От них сердце поюнело. Перечитайте в «Посмертных сочинениях Герцена» статьи о Кетчере и Боткине². Это так цельно, что тут память ничего не прибавит к характеристике.

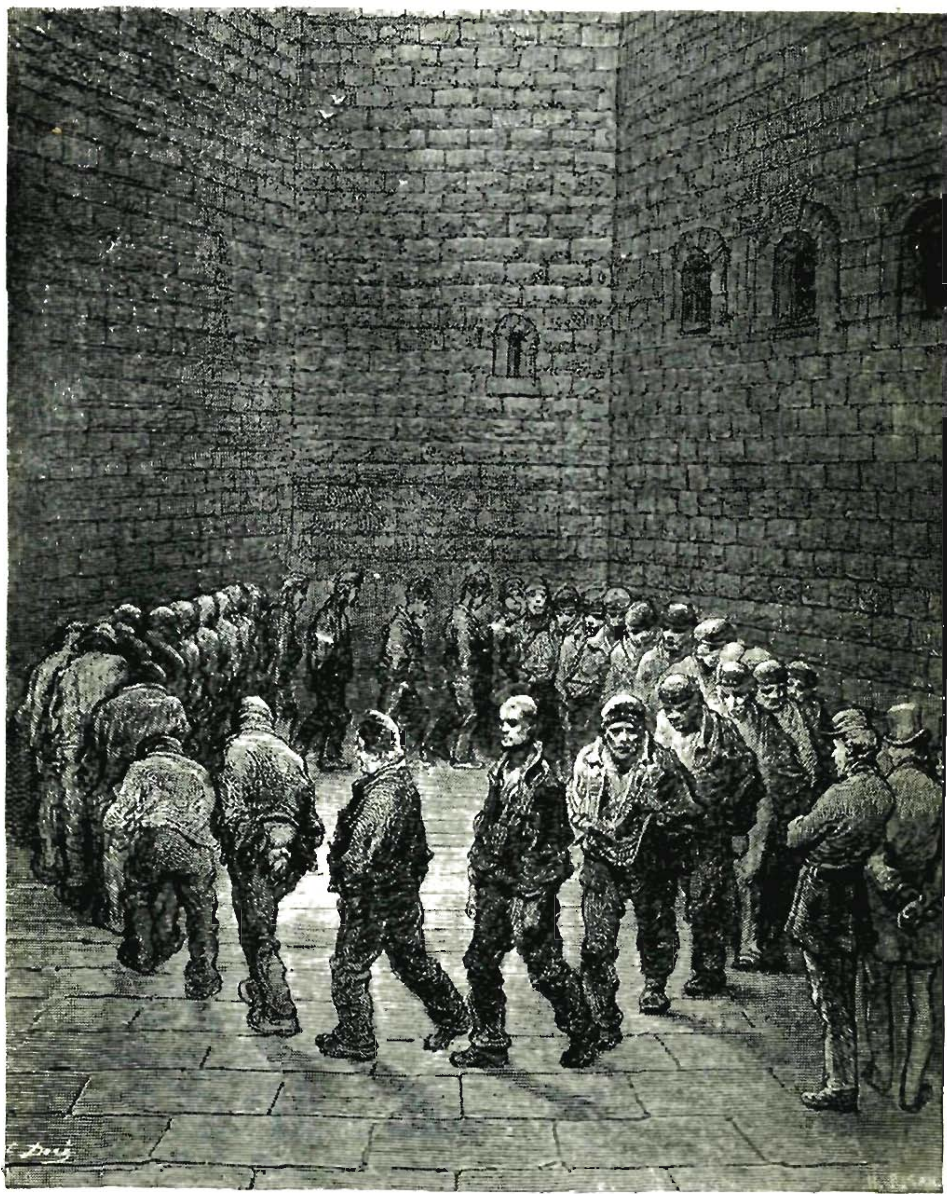
В Гринвиче тихо, и этим я доволен, только на прошлой неделе нам слух и голову утомил церковный звон с двух часов пополудни до одиннадцати вечера. Это с четверга до субботы звонарь звонил для

практики на мотив первых 4-х такт[ов] из песни «здравствуй, милая хорошая моя», а в воскресенье звонил уже пореже, но во славу господню.

Левая рука еще чернилами писать не может. Теперь устала. До другого раза, друг Лавров.

Телегр[амма] 9 мая: Андра[ши³] на съезд с Горчак[овым⁴] и Бисмар[ком⁵].

Ваш Огарев

ТЮРЕМНЫЙ ДВОР

Гравюра Г. Дорэ

Музей новой западной живописи, Москва

¹ Записки Тани — записки Т. П. Пассек «Из дальних лет», публиковавшиеся в «Русской Старине» в 1872—1879 гг.

² Огарев имеет в виду соответствующие главы «Былого и дум».

³ Андраши Юлий (1823—1890), австро-венгерский дипломат, с 1871 г. — министр иностранных дел.

⁴ Горчаков Александр Михайлович (1823—1890) — министр иностранных дел, а с 1867 г. государственный канцлер.

⁵ Бисмарк Отто (1815—1898) — «железный канцлер», знаменитый германский государственный деятель.

36

19 мая [1876 г.]. Пятница

Вот в чем вопрос: не перевести ли из «Forward'a» какие из русских корреспонденций на английский для поставки в английскую ежедневную или еженедельную газету? Статьи и газету мы бы выбрали, за перевод я бы взялся; кажется, к языку довольно привык? А, ведь, польза для «Вперед» была бы.

Пишу еще левой, но правая поправляется превосходно. За то Мэри у меня захворала серьезно.

Ваш Огарев

37

Понедельник 29 мая [1876 г.]

Вашу записку, друг Лавров, в пятницу получил. Вчера пересматривал «Reynold»¹. Лучше бы найти ежедневную газету, очень распространенную; главное дело — русские корреспонденции из «Вперед». Многие газеты примут охотно, по вражде к России, и у нас отсюда возникли бы полемики со всякой катковщиной.

Ваш старый Ник².

¹ «Reynold» — английский журнал.

² В письме — четверостишие «Я в королеве видел не злодейку...».

38

5 июля [1876 г.]. Середа

Сейчас получил 36 «Вперед» с известием о смерти Бакунина¹. Он умер 62 лет, мне будет 63 года в декабре. Обнимаю вас в его воспоминание.

Теперь пишу «Пустынника».

Ваш старый Ник.

¹ М. А. Бакунин умер 1 июля 1876 г. в Берне.

39

19 июля [1876 г.]. Середа

Друг Лавров,

С нетерпением ждал нового «Forward» и до сих пор не имею, так что решился напомнить вам о моем хотя и выздоравливающем, но все еще болезненном существовании. Правая рука разбинтована и даже могу ею писать, но еще с трудом. Теперь пишу «Пустынника»¹, хотел посвятить памяти Бакунина, но еще не решился. А что это как мне европо-славяно-турецкие дела кажутся гадки! И вражды и нейтралитеты — все отвратительно.

Не забудьте же «Вперед» по старой дружбе.

Ваш старый Огарев

¹ Благодаря этому письму, мы можем точно установить дату написания «Пустынника» — июль 1876 г. До сих пор это стихотворение ошибочно датировалось 1873 г.

40

28 июля [1876 г.]. Пятница

Второй день собираюсь к вам писать, добрый друг Лавров, но все еще локоть побаливает, хотя уже и пишу правой рукой. Да, сверх то-

го, боюсь, не перевираю ли я вашего адреса и доходят ли до вас мои письма? От вас не получаю ни строчки, только «Вперед» доходит аккуратно. Последний № вчера послал в Швейцарию новому незнакомому корреспонденту, который мне прислал письмо и фотограф[ию] старого (юного) русского друга. Все мне пришлось по сердцу. Из письма я вижу, что царь хотел отказаться от престола — по устали, но наследник не согласился. А из вчерашнего «Daily Telegraph» вижу военно-казацкий бунт в Киеве, требующий войны против Турции и зовущий покровительство наследника. Что вы об этом знаете и ду-

ЛОНДОН. УЛИЦА В РАБОЧЕМ КВАРТАЛЕ

Гравюра Г. Дорэ

Музей новой западной живописи, Москва

маете? В письме же есть два известия из России, которые к 15 авг[уста] надо напечатать. Но, прежде всего, пришлите хоть строчку, доходят ли до вас мои письма!

Ваш старый Огарев

41

11 авг[уста] 1876 г.]. Пятница

Из хорошего письма из Питера от 11 июня н. с.

Дошли ли до вас вести о бывших тут похоронах политических? В следственной тюрьме помер политический арестант Чернышев от чахотки. Ему устроили похороны, за которыми шли 800 человек. Поп струсил и сбежал. Толпа взяла гроб на плечи, снесла на кладбище, по-

хоронили рядом с Добролюбовым, поставили крест с надписью: «борцу за правду и свободу». Конечно это случилось потому, что полиция прозевала. Но такого ничего и в 60-х годах не было. У нас смелости больше становится¹.

Пригодится ли вам, друг Лавров, сами подумайте и решите.

Что в вашей стороне за пожар был вчера?

Что это за штука из сегодняшних телеграмм «D[aily] Tel[egraph]»?

Ваш Огарев

¹ Похороны активного участника «хождения в народ», П. Ф. Чернышева, привлекавшегося по процессу 193-х — 30 марта 1876 г., вылились в большую антиправительственную демонстрацию. «Вперед» уделило очень много внимания этому крупному факту революционного движения 70-х годов, — в №№ 32, 33, 34 было помещено несколько корреспонденций и статей; в частности, было использовано и упоминаемое письмо к Огареву. К письму была приложена вырезка из «Daily Telegraph».

42

17 ав[густа] 1876 г.
Четверг вечером

Вчера вечером получил и «Вперед» 15 ав[густа] и «Государст[венный] элемент в будущем»¹. Искренно благодарен вам, друг Лавров, и за присылку и за дружеский привет. Хотел еще поутру сегодня писать к вам, да *больная рука уставала до вечера. А теперь вечером пишу, чтоб послать писание завтра утром.* На обороте найдете стихи², только, должно-быть, придется их исправить.

Ваш верный Огарев

¹ «Государственный элемент в будущем» появился сначала в IV томе журнала «Вперед», а затем, в 1876 г., был выпущен отдельным изданием.

² На обороте письма — стихотворение «Война» (Странное, странное дело...). («Стихотворения», т. II, стр. 398).

43

6 октября [1876 г.], пятница

Вчера получил № 42, за что много и много благодарю, друг Лавров. Первую статью прочел тотчас же и не радовался ей¹. Выходит дело, что мы во всем согласны! Третьего дня получил октябрю-декабрьскую «Revue Historique», которую завтра pošлю вам, — она в ваших руках полезнее, чем в моих. Сегодня кое-что пересмотрю из любопытства и не без интереса, но удерживать долго не стану.

Ваш old Nick

¹ Передовая № 42 «Вперед» была посвящена «восточному вопросу» и допустимости участия социалистов «в освобождении славян».

44

23 окт[ября] 1876 г]. Понедельник

Дражайший Лавров,

№ 43 получен в субботу вечером. Горячее спасибо. По моему мнению, все превосходно: и обе статьи о Бутовской, и корреспонденция из Орла, и за две недели, и все остальное. Это будет, несомненно, читано и принесет пользу¹.

Ну! как вы? Здоровы ли? Я еще живу крепко, хотя и прихожу под конец.

Ваш старый Ник.

¹ В № 43 «Вперед», от 15 октября 1876 г., были помещены две статьи об участнице революционного движения 70-х годов Александре Андреевне Бутовской, арестованной в Одессе в 1874 г. и приговоренной 23 сентября 1876 г. к четырем годам каторжных работ, — под заглавием «Суд над А. Бутовской» и корреспонденция «Из Орла» (письмо третье).

45

14 ноября [1876 г.]. Вторник

Вчера получил стихотворение, дражайший Лавров¹! На пакете — Holloway² и рукопись, несомненно, ваша. Читаю его и перечитываю, и слезы навертываются на глаза на старые. Оно меня трогает, и юная дружба меня трогает. Спасибо вам!

Ваш старый Огарев

¹ Повидимому, речь идет о стихотворении П. Л. Лаврова, посвященном Огареву, «Поклон борцу минувших лет», впервые опубликованном в «Новом сборнике революционных песен и стихотворений», Париж, 1899.

² Holloway — предместье Лондона.

46

1877, январь 11. Четверг

Вчера вечером пришел «Вперед» 31 дек[абря], друг Лавров. Много спасибо, но прочесть еще успел только первые страницы. Вчера обычный припадок (днем) заставил идти на отдых тогда именно, когда «Forward» пришел вечером. Первыми страницами вообще я глубоко доволен, но до смысла, лучше сказать — формы, новой формы издания еще не добрался. Хотелось бы знать ясно да еще вперед.

Сегодня несколько строк от Озерова. У него головные боли. Адрес его: Fierenze, Via della Piarra, 2, piano 2.

Тороплюсь (на обороте) написать вам последние стихи¹ (5 янв[аря] 1877) и снести письмо на почту, ибо вижу, что до запираения почты весьма не долго. Ваш Огарев.

¹ На обороте письма известное стихотворение «Сон» (Вот сон: Въезжаю с Мэри в край родной...).

47

Воскресенье, 4 марта [1877 г.]

Глаза ужасно болят, друг Лавров, но все же прочел «Новь» Тургенева и хотел ее вам послать; но в письме из Парижа увидел, что мне этот экземпляр надо возвратить, потому что Тургенев его кому-то обещал. Во всяком случае, произведение замечательное, и прочесть его необходимо. Читали ли вы его и можно ли его достать в Лондоне? Во всяком случае, ответьте поскорее.

Ваш Огарев¹

Записку посылаю 5 марта.

¹ В начале письма было написано шестистишие, начинающееся словами: «На Гринвич облако нашло...» («Стихотворения», т. II, стр. 411).

Это письмо интересно указанием на какую-то связь Огарева с И. С. Тургеневым, существовавшую в 1877 г.

48

22 апреля [1877 г.]. Воскресенье

Сегодня, друг Лавров, зима, кажется, действительно своротила на лето. Можно будет ходить без шинели и жаловаться на тепло и на его влияние на нервы. Посылаю вам стихи, смороженные 3-го дня. Пожалуйста, напишите, как придутся по вкусу и по сердцу и что поправить. Подлаживаю к ним музыку. Удастся ли, увижу, или все придется бросить¹.

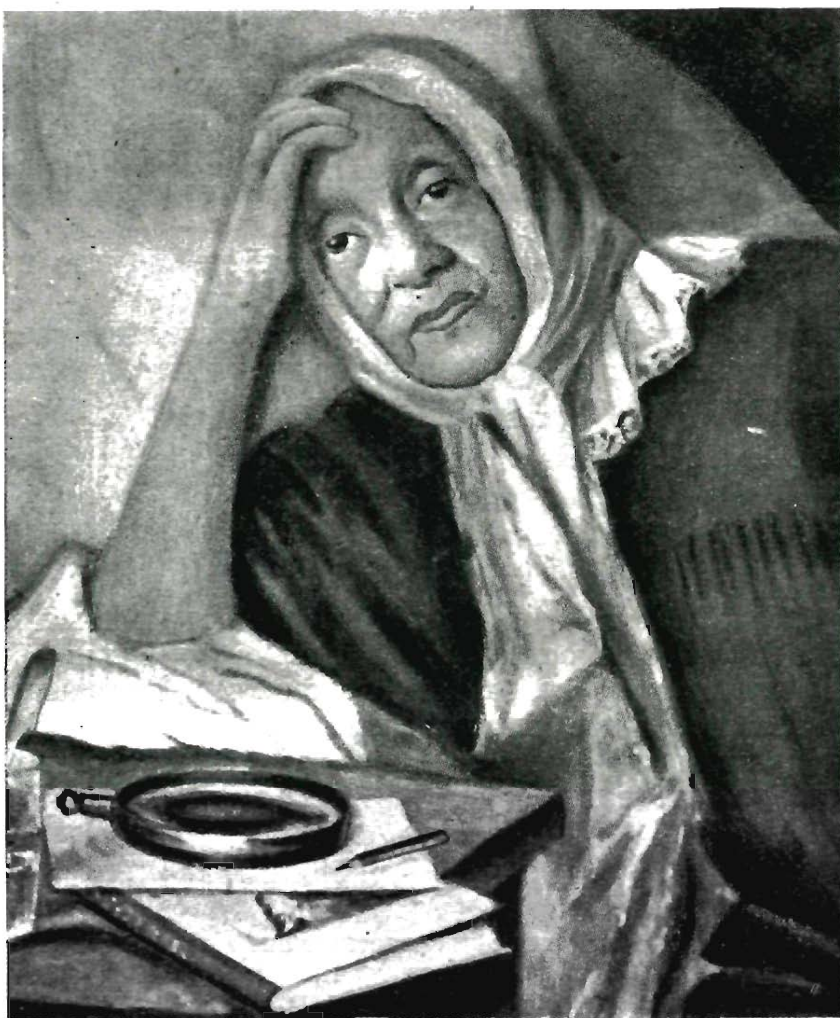
¹ Это — последнее сохранившееся письмо Огарева к Лаврову; до самого дня смерти Огарева — 12 июня 1877 г. — мы не имеем больше ни одного письма.

В письме — стихотворение «Моя улица в Гринвиче» (Старик, параличом хваченный, «Стихотворения», т. II, стр. 273).

III. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Т. П. ПАССЕК

Публикация Б. Козьмина

Татьяна Петровна Пассек, урожденная Кучина (1810—1889), — двоюродная сестра Герцена, друг его детства, автор известных воспоминаний «Из дальних лет». В 1873 г. она с семьей сына поехала в Вену, на всемирную выставку. Оттуда она послала Н. П. Огареву письмо с приглашением приехать в Вену для свидания с нею. В ответ на это Огарев уведомил ее, что болезненное состояние не позволяет ему выехать из Женевы. Так между Пассек и Огаревым завязалась переписка, продолжавшаяся в течение всего пребывания Пассек за границей, за исключением короткого промежутка, когда Пассек, находясь в Швейцарии, специально заехала в Женеву для

Т. П. ПАССЕК

Картина маслом неизвестного художника, 1880-е гг.

Институт литературы, Ленинград

свидания с Огаревым. 22 письма, полученные ею от Огарева, она напечатала в своих воспоминаниях «Из дальних лет» (изд. 1905 г., т. I, стр. 234, т. III, стр. 16—19) и в журнале «Полярная Звезда» (1881 г., № 3, стр. 69—76; № 4, стр. 124—128, 132, № 5, стр. 134—136). Однако, оказывается, что письма, полученные Пассек от Огарева во время ее пребывания за границей, не исчерпываются этими 22 письмами, опубликованными в названных изданиях.

В Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (Москва) хранится 9 писем Огарева к Пассек, из коих до сих пор было опубликовано лишь одно (от 29 декабря 1873 г.) и притом с значительными искажениями. Эти письма и публикуются нами ниже.

1

24 февр[аля] 1873 г.]. Воскресенье
Rue de Conseil général, 20

Вот, мой старый друг Таня, пишу тебе еще записочку. С сею же почтою посылаю тебе том моих стихов¹. Последнее относится к моим воспоминаниям². Если ты можешь оным воспользоваться, тем лучше. Если нет — то я во всяком случае желаю, чтобы ты имела их для себя. Поэтому выписал экземпляр из Лондона, и милый Трюбнер пометил его мне в 11 шиллинг[гов] 10 пенсов. Я думаю их никогда не заплатить. Каково! Он половины не стоит. — Но не все еще: действительно русская работа начинается в Цюрихе³, а может быть и здесь начнется. Я жажду работы, ибо без оной смерть. А я же теперь шибко болен, да это все ничего и пройдет. —

Напиши мне тотчас — получила ли sous bande * том моих стихов. Февральской книжки «Р[усской] С[таринны]»⁴ я получил два экземпляра. Хорошо было бы, если б они присылали (все на имя моего Генри⁵) по два экземпляра, я один посылал бы в Цюрихскую русскую библиотеку, которая очень полезна.

Странное, странное дело,
Жить мне давно надоело,
Смерть же как будто беда,
Нет в ней нужды никогда.
Я же в бессмертье не верю,
Где тут бессмертие зверю,
Будь он пожалуй двурог,
Или хоть просто двуног.
Я же не верю и в бога,
Мне, знать, иная дорога:
Как бы к свободе людской
Шаг хоть подвинуть какой.
Хватит иль нет до могилы
Нужной для этого силы,
Тут вот и смерть то страшна,
Тут вот и жизнь то скушна⁶. Твой Ага

Приписка:

Посылаю тебе обратно письмо, боясь, что оно тебе нужно.
Какие у вас понятия о Нечаеве?⁷

¹ Имеется в виду сборник стихотворений Огарева, изданный в 1858 г. в Лондоне Н. Трюбнером и К^о.

² Т. П. Пассек настойчиво убеждала Огарева заняться писанием воспоминаний.

³ В начале 70-х годов в Цюрихе образовалась многочисленная колония русской учащейся молодежи, завязавшей связи с эмигрантами, основавшей русскую читальню и организовывавшей диспуты на политические темы в связи с происходившей в то время борьбою между «бакунистами» и «лавристами». Как приверженцы Бакунина, так и сторонники Лаврова были заняты налаживанием издания русского революционного органа. «Бакунистам» наладить его не удалось; Лавров же с 1873 г. начал издавать журнал «Вперед».

⁴ Этот журнал интересовал Огарева потому, что в нем печатались в то время воспоминания Т. П. Пассек «Из далекой старины».

⁵ Генри Сэтерленд — сын Мэри Сэтерленд.

⁶ Это стихотворение впервые было напечатано Т. П. Пассек в ее «Из дальних лет», но с цензурными сокращениями и искажениями; полностью — в т. II стихотворений и поэм Огарева в серии «Библиотека поэта», Л., 1938 г., стр. 393—394 под заглавием «Вопрос».

⁷ Огарев поставил этот вопрос в связи с тем, что 8 января 1873 г. в Московском окружном суде рассматривалось дело по обвинению выданного России швейцарским правительством С. Г. Нечаева в убийстве студента Иванова, причем Нечаев был приговорен к каторжным работам на 20 лет.

* Бандеролью.

2

Пятница вечером 7 марта [1873 г.]
Rue de Conseil général, 20

Сегодня утром, старый друг Таня, получил твое письмо от 4-го м[арта]. Хотел было тотчас же отвечать, но как-то [не]здоровилось, поэтому отложил писать до вечера, а письмо могу отправить только завтра. Надеюсь, что оно еще застанет тебя в Дрездене. О том, что ты получила том моих стихов, я уже тебе отвечал. Неужто ты моего ответа не получила? В том и дело тогда, Таня, что надо быть весьма осторожными. Я ни направо, ни налево доверия не имею, т. е. ни во Фр[анции]¹, ни в Рос[сии]. Может дело от этого становится не успешнее, а затруднительнее. Но что же делать? Что имеет свое время выживки, то изменить трудно, а хлопотать надо со всех концов со всевозможными силами и способами.

Жду от Ипполита² «В[естник] Е[вропы]», которого еще не получал. — Что это такому человеку, как Ип[полит], вздумалось служить по такому министерству, как оное? Ведь умел же Володя³ проложить себе путь механика.

Жду тебя и твоих.

Адрес Натали⁴ вот где: France. Basses Pyrénées, Pau. M-me Herzen.

Ольга⁵ сегодня вышла замуж за Monod.

Тата⁶ воспитывает во Флоренции Kindergarten.

Саша⁷ совсем ученый.

А я все такой же недовольный собою добрый малый — как и прежде.

Твой Ага

Сегодня воспоминание о нем⁸ так сильно во сне и на яву, что слеза навертывается.

¹ Огарев не решался поселиться во Франции в виду реакции, господствовавшей там после подавления Парижской Коммуны.

² Ипполит — Пассек Ипполит Диомидович — племянник Т. П. Пассек.

³ Володя — сын Т. П. Пассек, Владимир Вадимович Пассек, служил в департаменте неокладных сборов Министерства финансов.

⁴ Натали — Наталья Алексеевна Огарева, урожд. Тучкова, жившая в то время во Франции под фамилией Герцен.

⁵ Ольга — дочь Герцена, Ольга Александровна, по мужу Моно. В настоящее время живет во Франции, в Версале.

⁶ Тата — дочь Герцена, Наталья Александровна.

⁷ Саша — сын Герцена, Александр Александрович.

⁸ О Герцене.

3

26 авг[уста] 1873 г.]. Вторник

Спасибо тебе за твое доброе письмо, старый друг Таня.

Твоя дружба ко мне и к моей старой Мэри и моему Генри меня трогает до глубины сердца. Я твое письмо перечитывал несколько раз со слезами на глазах. Стар я становлюсь, Таня, но теперь здоровье еще получше. Я рад, что в октябре перееду на тихую квартиру; здесь уличный шум совершенно мне кружит голову. — Генрих¹ хотел мне написать из Вены, но еще не писал. А тебе не след идти к нему с визитом; он у меня был два раза; раз, чтобы дать прочесть свои брошюры, другой раз, чтобы взять их обратно — и уехал. Вот все, что я о нем знаю. Но если встретишься на улице или в кабачке, то познакомься. Вот и всё.

Мы с Генри уже решились принять киевское предложение², а

24 Сел. воскресенье

Rue du Conseil général, 20.

375 Вотъ, мой старинъ другъ
Милъ, пишу тебе еще разъ

[illegible]

Оно готовитъ насъ. — Но
не все еще: Иностранно
русская работа начинается
въ Царскомъ, а мастеръ Виль-
ямъ маркетъ. Я спрашиваю
работы, но Вильямъ мнѣ
А я же теперь ушкоachen,
да не все твое и продиже.

если там будет не удобно, дай мне адрес Менделеева³ — он и поможет.

Мэри и я тебя цалуем и Генри тебя обнимает, а я обнимаю твоих юношей. Напиши, что Ипполит делает в Яссах. Это интересно по обеим причинам — и по делу, и по моей дружбе к нему.

Прощай, моя милая, надеюсь до близкого свиданья. Все же устал: кроме всех шумов, кто-то напротив учится на флейте. Просто мозги трепещат.

Твой старый Ага

Действительно у меня друзей только осталось двое: ты да Мэри*.

Это письмо написано после того, как Т. П. Пассек посетила Огарева в Женеве и познакомилась с Мэри и Генри Сэтерленд. Своею заботливостью об Огареве Мэри понравилась Пассек, хотя последняя понимала, что Мэри не могла «разделять интересов его интеллектуальной жизни» (Т. П. Пассек, «Из дальних лет», т. III, СПб., 1889 г., стр. 18).

¹ Личность не установлена.

² Г. Сэтерленд получил предложение поступить воспитателем в семью киевского помещика Янковского и, приняв его, вскоре уехал в Россию.

³ Повидимому, знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев, с которым Т. П. Пассек была знакома с 1859 г., когда они встретились в Гейдельберге.

4

28 сент[ября] 1873 г.] Воскресенье

Вчера вечером получил твою добрую записку, старый друг Таня, и спешу сказать тебе несколько слов.

Я тебе писал на днях, но моя Мэри полагает, что я писал тебе какой-нибудь вздор, потому что у меня во время оно был припадок¹ и Мэри, как обычно, привела меня в чувство и нашла у меня в руке твое старое письмо, на которое я, вероятно, и отвечал. Впрочем, мое здоровье не дурно, я не могу пожаловаться, ем, пью, сплю и хожу хорошо. Читаю теперь отличную книгу² по-русски (т. е. переделка из Erckmann-Chatriann). Она недавно здесь издана, если у тебя нет, я достану и пришлю, если в Вену можно послать (?)³. Отвечай мне на это. Свои записки я сообразил как продолжить и кое-какие стихи пришлю на днях. 3 дня тому назад мы хоронили старого Жихоня⁴, corefugié. Все как-то на душе не ладно, Таня. Затем сегодня и кончаю. М[эри] и Г[енри] тебя обнимают. Ген[ри] еще здесь. О нем напишу в следующем письме.

Твой Ага

¹ Огарев страдал эпилепсией.

² Огарев имеет в виду изданную в 1873 г. в Женеве в типографии кружка чайковцев книгу «История одного французского крестьянина». Книга сия написана французским крестьянином в знак братской любви к русским крестьянам. Это издание являлось переделкой известного романа Эркмана Шатриана «Histoire d'un paysan 1789» и предназначалось для пропагандистских целей. Автор этой переработки в точности неизвестен: по одним сведениям — Д. А. Клеменц, по другим — Л. А. Тихомиров, и по третьим — П. В. Засодимский.

³ Т. П. Пассек жила в то время в Вене у сына Владимира, находившегося там в служебной командировке.

⁴ Жихонь — поляк, эмигрант, друг С. Тхоржевского, помогавший ему в деле распространения герценовских изданий.

* Приписка карандашом под началом письма. — Ред.

5

30 сент[ября 1873 г.]. Вторник

Наконец-то, от тебя два милые письма, старый друг Таня! Они меня воскресили, и я принялся за чтение переписок¹. Но прежде недели едва ли что-нибудь отыщу. Из той переписки ничего нельзя послать; кроме дел семейных и разладов с соотечественниками, ничего не найдешь; а из этого ничего теперь нельзя печатать. Сегодня пишу запрос к Натали, а завтра к Саше и к Тате. Может что и найдется. — У меня ничего нет. Стихотворений несколько к тому же времени переправлю и приготовлю. — Сам я ни здоров, ни болен; это неважно. — Мэри тебя благодарит за дружбу, которую сама имеет к тебе и обнимает тебя. Генри надеется получить место (это только между нами) и шлет тебе дружеский shakehands. Это, вероятно, случится во второй половине октября, и тогда я с Мэри перееду и сообщу тебе настоящий адрес. А покамест пиши по-прежнему. Крепко обнимаю тебя и юношей.

Твой друг Ага

¹ Своей переписки с Герценом, часть которой он впоследствии передал Пассек.

6

18 окт[ября 1873 г.]. Суббота
Rue de Conseil général. 20

Сегодня, старый друг Таня, получил от Саши посылку. Это мои старые письма к нему¹, а не его ко мне. Но все же они настолько воскрешают юность, что и работа воскреснет. Вот все, что сегодня могу сказать.

Твой Ага

На новую квартиру (10 Rue Villereuse) мы вероятно переедем 25-го окт[ября] и я тотчас извещу. Мы — т. е. я и Мэри, а у Генри дело, но все еще неопределенно и сегодня сказать ничего не могу.

¹ Письма Огарева к Герцену, полученные Огаревым от А. А. Герцена.

7

23 дек[абря 1873 г.]. Вторник

Наконец, вчера пришло твое письмо, старый друг Таня. Я к тебе давно не писал не только по лени, но боялся, что мое письмо тебя не застанет. А после контракта об экстрадиции между Швейцарией и Россией¹ — надо быть поосторожнее. Не пиши больше на имя Мэри, а пиши в Женеву на имя M-me Jaillet (наша хозяйка), chemin Villereuse № 16. Моего имени на конверте совсем не поминай, а внутри поставь: Pr. mr Nicolas. Вот все что нужно; это и из России дойдет. Адрес Генри: Киевской губернии, Канёвского уезда, в деревне Хлодове, у помещика Янковского. Я его письмом и положением очень доволен. Вероятно, отправляясь на юг, вы там проедете. Заезжайте к нему, осведомьтесь, что нужно и что и как идет, и напишите мне. Это будет истинно дружеское одолжение. Он славный человек.

Ты, кажется, славянофильствуешь, старый друг²! Я и не славянофильствую и не европействую. Все порядочно опротивело. Остаюсь почти один (кроме Мэри). Даже последний друг Озеров³ уехал лечиться от расширения сердца. А мне уже 60 лет.

Мэри тебя целует и поздравляет с новым годом. Я же тебя с новым годом поздравляю, но не целую, потому что ты меня поцеловать не хотела.

Записки помещика продолжаю⁴. Чтобы им напечатать первую главу; силы воскреснут.

Твой старый друг Ага

Обнимаю твоих.....

¹ В 1873 г. между Россией и Швейцарией был заключен договор о взаимной выдаче уголовных преступников. В действительности под понятие «уголовных преступников» иногда подводили политических эмигрантов, как это было с С. Г. Нечаевым, которого Швейцария выдала русскому правительству еще задолго до заключения договора.

² В этот период своей жизни и последующий Т. П. Пассек по своим политическим воззрениям была близка к лагерю М. Н. Каткова.

³ Озеров — см. прим. на стр. 579.

⁴ Уступая настояниям Т. П. Пассек, Огарев принялся за воспоминания, озаглавив их «Записки русского помещика», но скоро бросил эту работу. Написанная им часть воспоминаний была использована Пассек в ее «Из дальних лет». Полностью «Записки русского помещика» опубликованы в журнале «Былое», 1925 г., № 27—28.

8

14 января [1874 г.]. Середа

Сейчас получил твое письмо, старый друг Таня, и тороплюсь отвечать, может еще эти строки и застанут. Не беспокойся — письма твои получены исправно. Поэма мне нравится¹. Я думал, что я уже отвечал; это моя вина, если я ошибся. Ты знаешь, что я безобразнейший из смертных. Жить может не долго, а сделать надо еще много.

Действительных друзей у меня остались ты да Мэри. У меня тоже катар, и она за мной ухаживает. Пиши мне просто на имя M-me Jaillet, а внутри Pr. mr Nicolas или pr. M-me Mary. Больше ничего не нужно. Обнимаю тебя и твоих и тороплюсь кончить, чтоб не опоздать.

Твой Ник[олай]

Мэри тебе жмет руку и желает счастливого пути, и просит тепло одеваться.

¹ Какую и чью поэму имеет в виду Огарев, определить трудно — возможно, свою поэму «Матвей Радеев», опубликованную Т. П. Пассек с многочисленными цензурными изъятиями в ее «Из дальних лет», т. III, СПб., 1889 г., стр. 46—63.

9

13 июля [1874 г.]. Понедельник
Chemin Villereuse, № 16

Милый мой старый друг Таня. Спасибо тебе за твое добрейшее и милейшее письмо! Я к тебе до сих пор не писал из какой-то боязни, которую не мог преодолеть. Мне предстоит из Женевы выехать¹. По вызову русского правительства женевским эмигрантам возвратиться — женевское правительство нам прислало предписание выехать. Как тебе это понравится? Если бы даже такое предписание и не состоялось, но я после того оставаться здесь не хочу, потому что это слишком скверно. В Россию, сколько бы ни хотелось, я не возвращусь по недоверию. После 60 лет отправиться на каторгу не желательно. А стало быть здесь всякое новое печатание прижмут.

Вдобавок, здесь от тепла и света разболелись глаза — у Мэри немножко, а у меня невыносимо, так что писать трудно, а читать без увеличительного стекла невозможно, но все еще труднее чем писать. Жду на днях Сашу, и также вскоре Генри, к которому ты, моя милая, была так добра. Он своим положением очень доволен. А потом куда же ехать? Тата мне предлагает переехать во Флоренцию или в Париж. Но в Италии мне тепло и свет были бы еще невыносимее, да язык итальянский я совсем забыл. Французский народ мне надоел, и я жду

шамборства². Конечно, я к Тате заеду, если там не будет междоусобной драки. Но мне одно остается — возвратиться в Лондон.

Мне более холодный климат для здоровья необходим. Да там я могу начать работу и никто мне не мешает.

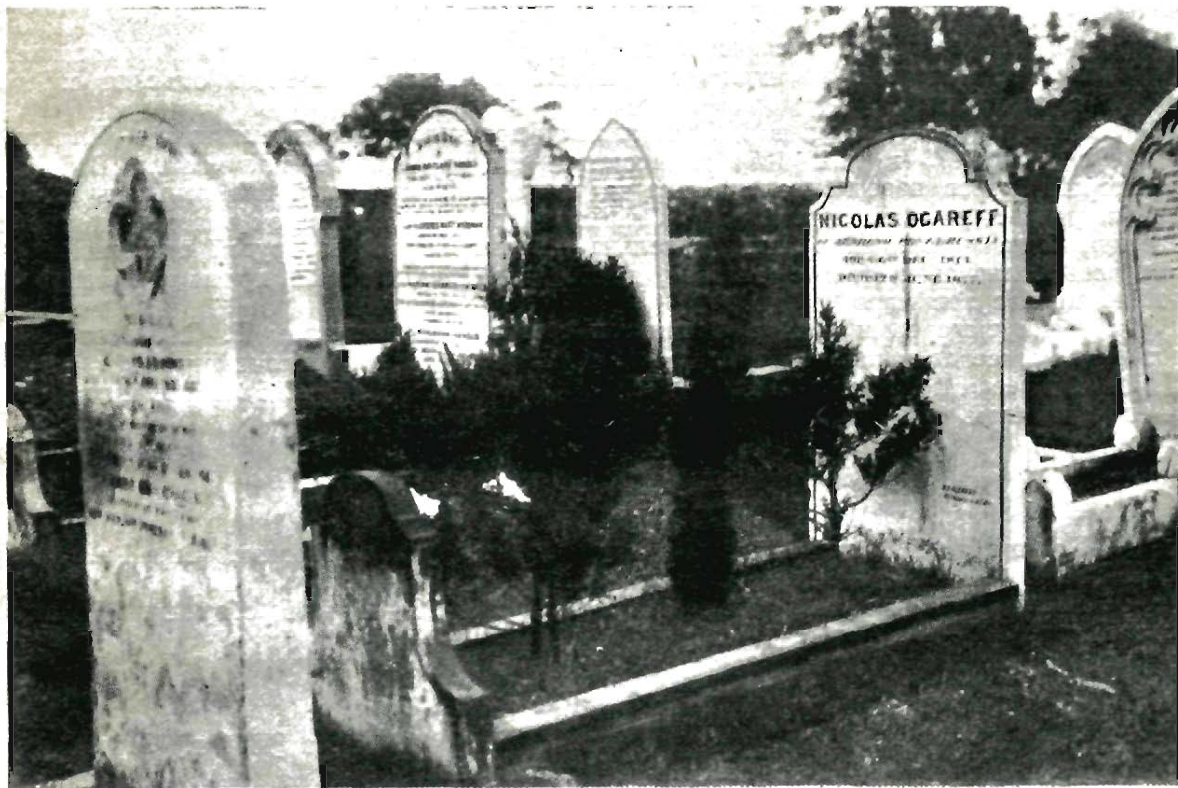
Вот тебе моя Биография³.

Напиваясь брагой кроткой,
Напиваясь вином,
Напиваясь просто водкой,
Шёл я жизненным путем.
И сломал себе я ногу,
И хромающий поэт
Все же дожил понемногу
До шестидесяти лет.

Прощай, мой старый друг.

Мэри тебя целует и любит больше чем кого-нибудь.

Твой старый друг

МОГИЛА ОГАРЕВА В ГРИНВИЧЕ

Фотография

Всесоюзная библиотека им. Ленина Москва

¹ 5 мая 1874 г. русское правительство опубликовало предложение 19 политическим эмигрантам, в том числе Огареву, в течение шести месяцев возвратиться в Россию. Стремявшееся поддерживать хорошие отношения с Россией швейцарское правительство потребовало от русских эмигрантов оставить пределы Швейцарии. Хотя вскоре это требование было отменено, Огарев решил расстаться со Швейцарией и переехал в Англию.

² Шамбор, граф (1820—1883) — последний представитель старшей линии династии Бурбонов, претендент на французский престол под именем Генриха V. В условиях политической реакции, восторжествовавшей во Франции после подавления Парижской Коммуны, восстановление монархии во Франции представлялось весьма вероятным.

³ Это стихотворение Огарева впервые было опубликовано в воспоминаниях Т. П. Пассек, напечатанных в журнале «Полярная Звезда», 1881 г., № 4, стр. 131.

IV. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА А. П. ПЛАУТИНОЙ

Публикация С. Переселенкова

I

Анна Платоновна Плаутин (1808—1886), родная сестра Огарева, получила светское образование, типичное для детей русских аристократических фамилий первой четверти XIX столетия. Насколько можно судить по немногим сохранившимся данным, она обладала, повидимому, незаурядным развитием и знаниями, но, по собственному ее признанию, за свою долгую жизнь не могла преодолеть трудности родного языка, и до конца дней своих предпочитала вести переписку с родными и знакомыми по-французски.

Муж ее, Сергей Федорович (1798—1881), помещик Костромской губернии, обучался первоначально в пансионе при Московском университете, а затем в ярославском Демидовском высших наук училище. Не окончив там полного курса, он поступил на военную службу, где состоял по кавалерии и некоторое время числился в Комиссариатском штате. В марте 1850 г. Плаутин, в чине полковника, за болезнью был уволен в отставку и поселился в своем имении.

У Плаутиных было девять человек детей — два сына и семь дочерей.

Отношения между Огаревым и его сестрой все время были дружеские. Их не могли охладить ни разница в философских и общественных их взглядах, ни многолетняя разлука.

Такие же отношения установились между Огаревым и молодым поколением Плаутиных, с которым он имел возможность сблизиться еще до отъезда своего в 1856 г. за границу.

За границу, в Лондон, в 1862 г. к нему приезжали оба племянника — Платон¹ и Федор, а в 1873 г. или 1874 г. посетила его в Женеве племянница Варвара, с которой Огарев переписывался, пока та жила в Италии, где она лечилась и, кажется, училась пению. Переписка с Огаревым после того, как он навсегда покинул Россию, была чрезвычайно затруднительна — письма с той и другой стороны пересылались большей частью с оказией, и это, вероятно, главная причина, почему их дошло до нас так мало².

Публикуемые нами письма Огарева к сестре были известны Е. С. Некрасовой, которая, не всегда точно, цитировала их в своей статье «О последних годах жизни Н. П. Огарева» («Русская Мысль», 1902 г., № V, стр. 205—215). Печатаются они по подлинникам черновиков (из архива А. А. Герцена).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По агентским сведениям он ошибочно именуется Сергеем. См. Герцен, т. XV, стр. 379—381, 384 и т. XII, стр. 323.

² Напечатаны они в «Архиве Огаревых», стр. 98—99 и в сборнике «Звенья», кн. VI, стр. 399—406.

1

18 марта [1874 г.] Середа

Наконец я собрался, старый друг, отвечать на твое письмо от 15 ф[евраля]. Давно хотелось, да много было забот и хлопот и нездоровье, т. е. бронхит — если теперь еще не теснит — но все утомляет порядком; но это бронхит, который при теперешней теплой погоде, вероятно, пройдет. Мэри¹ за мной ходит с перевязывания больных ног до всех подробностей жизни. Сына ее² я воспитал с его пятилетнего возраста; теперь он приискал себе положение, но об этом напишу в другой раз. Я им чрезвычайно доволен за верность моему направлению и благородство характера. Со временем, т. е. вскоре, не забудьте взглянуть на него. Но об этом напишу еще раз.

Итак, бедный М[ихаил] Ф[едорович]³ умер. Понимаю все горе, но как быть, друг мой, нас всех туда тянет: «что за странное, странное дело, жить мне давно надоело, смерть же как будто беда, нет в ней нужды никогда!» Он из потомства или из семейства, стало, никого в бедность не оставил на гибель; так умирать легче⁴, а умереть все же надо, это закон хоть не литературы, а природы — не отбояришься.

Вот я к тебе еще обращаюсь с просьбою: не можешь ли выслать мне фр[анков] 400? Мне надо съездить поговорить с юношами — больными в чахотке — поговорить о моих делах. Съездить недалеко — на юг страны⁵, но сколько будет стоить — не знаю; конечно, я не один поеду, потому что один не слажу с путешествием. Разреши мне помощью этот узел, который меня держит.

Ногам моим сегодня лучше, а грудь еще сильно страдает; но это все ничего и еще проживется, больше чем нужно; но близких жаль и надо взять меры. Обнимаю тебя и всех твоих.

Твой друг Н.

Нина была и я ею очень доволен, это доброе и довольно интеллигентное существо. — Мэри тебе кланяется.

¹ Мэри Сэтерленд. Переписка Огарева с М. Сэтерленд напечатана в «Архиве Огаревых» (1930 г., ГИЗ, М. — Л.). См. также А. В. Баулер. «Одна из дорог теней» («Минувшие Годы», 1908 г., апрель, стр. 108—115).

² Сын Мэри — Генри Сэтерленд.

³ Плаутин Михаил Федорович — родной брат Сергея Федоровича, родился в 1799 г. Участвовал в 1828 г. в Турецкой кампании и в 1831 г. в подавлении Польского восстания. В начале 1840 г. вышел в отставку с чином генерал-майора. Умер в Петербурге 10 февраля 1874 г. «Голос», 1874 г., № 42.

⁴ Огареву не давала покоя мысль о том, что, умирая, он «оставляет на плохую долю подругу нищую преклонных лет» (Стихотворение «Проклятие»). Одно из его стихотворений, написанных в последние годы жизни, заканчивается такими строками, обращенными к друзьям:

«Умру-то я скоро, но после меня
Не забудьте же вы моей преданной Мэри».

(Сборник «Литература», 1931 г., Изд. Академии Наук СССР, стр. 192).

⁵ Вероятно, в Давос, где в то время лечились больные чахоткой 20-летний Алексей Николаевич и 16-летняя Мария Николаевна Сатины, дети Николая Михайловича, друга Огарева, и Елены Алексеевны, урожденной Тучковой, родной сестры Н. А. Огаревой. См. И. [Е. Ф. Литвинова]. «Незаконная семья» — «Наблюдатель», 1901 г., № IX, стр. 248—294. А если так, то Огарев, очевидно, имел намерение поговорить с юношами «о задолженности ему покойного их отца за село Старое Акшино».

2

26 марта. [1874 г.] Четверг

Спасибо тебе, старый друг, за доброе и милое письмо, которое пришло вчера, и за все твои хлопоты обо мне. Я писал 18 марта и М-ме L. должна была писать. Вероятно, ты уже письмо получила. Как же я рад, что у вас все, кажется, дома идет хорошо и что Н[ина] была и даже привезла пудинг. Конечно, смерть М[ихаила] Ф[едоровича] не забудется, но что же тут поделаешь. Мне после смерти Г[ерцена] так и осталось трудно, и дела нет, и многое плохо. Хорошо еще, что есть юноши, которые меня любят. Еще хочется прожить дольше, не знаю — насколько сил хватит. Теперь здоровье поправилось, благодаря усердному уходу. Напиши мне, чем заняты Пл[атон] и Федя; я порядочно не знаю, а знать хочется. По получении писем напиши скоро, в особенности сегодняшнего. Я сегодня пишу коротко, чтобы знать, что ничего не пропало.

Еще раз благодарю тебя и крепко обнимаю тебя и всех твоих. М[эри] тебе кланяется.

Твой старый друг

3

10 Mai [1874 г.] Dimanche

Вот уже несколько дней собираюсь писать к тебе, мой добрый старый друг. С твоею помощью я совершил поездку благополучно (конечно, не один). Мне кажется, что больные юноши мне искренне преданы и что обстоятельства поправятся¹, но все же мне хотелось бы знать, как дела идут в старом доме². Пишу тебе эти несколько строк, чтоб не отлагать далее. Вот все, что могу сказать сегодня. Твой старый друг и брат.

Обнимаю вас всех. Май у нас так скверен, что я фотографию должен отложить до июня. Иначе мне это дело трудное по здоровью.

¹ Повидимому, неопытные «юноши», не имеющие представления о том, в каком плачевном состоянии находились их хозяйственные и денежные дела, дали обещание Огареву в ближайшее время начать ликвидацию задолженности своего отца, и Огареву, измученному нуждой, стало казаться, что обстоятельства его поправляются.

² В селе «Старое Акшино», в доме, где он рос и где прожиты наиболее счастливые годы его юности. В этом доме теперь жили Сатины.

4

9 ф[евраля] 1876 г.]

Твое письмо от 1 ф[евраля], добрый старый друг, пришло благополучно 5 ф[евраля], стало пути благонадежны. Рад я видеть из твоего письма, что несмотря на холода, вы все же скорее здоровы, чем что иное. Только что же такое с Варей? Напиши мне пояснее. Да напиши, как и что и где старшие? Желал бы я иметь фотогр[афии] Платона и Лизы; лица их я помню, как были давно тому назад, а с тех пор чай много изменилось. И С[ергея] Ф[едоровича] фотографии у меня нет. — Моя грудь здорова; причиною кашля было давление желудка на грудобрюшину; во время оно, этого рода кашель назывался желудочным. Но теперь у меня и он прошел, и насморк имел свое существование, но и тот исчез. Сегодня у нас снег, и я рад, глядя на почву, *que je vois tout en blanc*¹. Известия из наших сторон для меня, конечно, прискорбны, друг мой, по всем человеческим и мирским причинам; но документов у меня нет, и, вероятно, там ничего не выкроишь, так что едва ли не лучше не хлопотать². Если можно, не стесняя себя, прислать небольшую толику — это было бы очень хорошо, ибо я предчувствую или просто чувствую безотменные надобности. — Счастливо еще, что я здесь поселился за $\frac{1}{4}$ часа от столицы по железной дороге³, так что я всегда могу по делам съездить, как только чувствую себя достаточно здоровым и при обычном попечении. Дома я теперь хочу писать свой «Much ado about nothing»⁴; не знаю как удастся. Обнимаю тебя, друг мой, и всех твоих, друзей моих. Жду от тебя известий во всяком случае.

Твой верный друг Ник.

¹ Что я вижу все в белом.

² Это ответ Огарева на предложение его сестры о взыскании задолженности Н. М. Сатина судебным порядком. См. в книге Я. З. Черняка, Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. «Academia», М. — Л., 1933 г.

³ В Гринвиче.

⁴ «Much ado about nothing» — «Много шуму из ничего», известная комедия Шекспира.

[1877 г.]

5

Милый друг и сестра! Вот уже много дней собираюсь писать к тебе после твоего доброго письма, которому был рад бесконечно. Но все хворалось так, что трудно было приняться особенно за что-нибудь сердце глубоко движущее. Руки и ноги еще ничего бы, но нервы мешают. Теперь же дожди и насморк! Что ж тут делать, друзья! Всякая вещь ждет кончины. Хорошо еще, что есть попечение и силы все же хранятся. Но вот, по здешнему 6 декабря, мне минет 64 года, а давнишние болезни не уменьшаются, а увеличиваются. Ну!.. да что об этом! Бери свой венец, да и неси до конца. — Все же еще пишу «Железнодорожную симфонию»... Не знаю, удастся ли? Вот бы хотелось, наконец, чтоб то оказалось не нелепостью.

Газеты читаю ежедневно, но результата не предвижу. Кажется, больше дойдут до драки, чем до мира. Чем все кончится? Опять все тем же: концом¹. Хотелось бы взглянуть на вас всех. Прощай, милый друг! Обнимаю вас всех и Полину. Твой старый друг.

У меня осталась кошка, которая меня любит с человеческой привязанностью².

¹ Очевидно, что настоящее письмо написано не позже 12(24) апреля (день объявления Русско-турецкой войны 1877—1878 г.). О том, как реагировало общественное мнение Западной Европы на события, совершающиеся тогда на Балканском полуострове, богатейший материал имеется в переписке К. Маркса с Ф. Энгельсом. Об отношении современной русской периодической печати к этим событиям см. книгу Г. А. Бялого, В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1937 г.

² Этой кошке посвящено стихотворение Огарева «Моей кошке».

II

В дополнение к пяти письмам Н. П. Огарева к А. П. Плаутиной, опубликованным выше, печатаем еще три письма к тому же адресату, по черновикам, находящимся в записных книжках Огарева, хранящихся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Эти три письма относятся к последним годам жизни Огарева. Точная датировка их затруднительна.

Редакция

1

Вот я и нашел другую квартиру у русского приятеля, который переезжает в Париж. Она попросторнее и поудобнее, даже по лестницам мне ходить не тяжело. Но надо заплатить вперед за наем. Можешь ли ты прислать мне франков двести прежде 1-го мая, потому что Звездаков должен уехать и сдать квартиру прежде 1-го мая. Если это возможно, то пособи мне немедленно и пришли мне 200 фр., иначе для меня это станет невозможно. А после мы сочтемся во всем.

2

10 августа

Писал к тебе старый друг, и давно жду известий. Ужасно тягостно не получать их, не знаешь, насколько можно писать. Поэтому пишу несколько строк. Дай о себе весточку. У нас дела не плохи. Мое здоровье, конечно, старческое, а Мэри хоть и помоложе, страдает грудью, и тут не мало забот, а работает она все же неутомимо. Вот все, что могу тебе сказать, и жду от тебя известия, иначе писать трудно.

Все, что могу сказать о себе в этих положениях: «Стар, но живу довольно здраво, или не то чтоб болен, это уж поверьте, и как бы люди жизнь мне ни томили, а все же проживу до смерти». Хорошо еще, что Мэри наблюдает за моими припадками, так что поддерживает, и я, падая, не ушибаюсь. Пишу теперь комедию, начиная с эпиграфа, что «У человека два возраста, один где он до ума не достиг, а другой где он из ума выжил». Не знаешь ли что-нибудь о моем приятеле Кашперове¹, который был чиновником особых поручений, когда я был в Симбирске, но под моим влиянием удалился от службы и обратился к музыке, к которой имел талант, и поставил оперу (помнится в Москве), обещался прислать, но давно известий от него не имею. Если что узнаешь о нем — напиши.

¹ Кашперов Владимир Никитич (1827—1894) — композитор, Огарев познакомился и подружился с ним в начале 1850-х гг. в Симбирской губ. По его просьбе Огарев написал либретто к его опере «Цыганы», оставшейся незаконченной. Письма Огарева к Кашперову опубликованы в «Звеньях», сб. 6, стр. 364—377. В 1861—1872 гг. Кашперов был профессором Московской консерватории.

V. ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА РАЗНЫМ ЛИЦАМ*

Публикация Б. Козьмина и С. Переселенкова

1. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА А. В. ГОЛОВНИНУ

[Июнь — июль 1858 г.]

Милостивый Государь Александр Васильевич,

Посылаю вам проект об освобождении от крепостного состояния, покорнейше вас прошу представить его его высочеству в. кн. Конст[антину] Ник[олаевичу].

Я не знал, что вы путешествуете с его выс[очество]м, и уже посылал этот проект вместе с проектами о преобразовании чиновничества прямо на имя его выс[очества] в Ниццу с надписью: *Confié aux soins du Consulat Russe*. Этот пакет по странному случаю не дошел до назначения.

Но мое терпение выше этой случайности, и я теперь обращаюсь к вам с моим проектом. Я хлопочу не из пустого самолюбия, а потому что убежден в истине и современной прилагаемости моего проекта.

Уверенный в вашей любви к благу общему, я не сомневаюсь, что мой проект найдет в вас благородного ходатая.

Но я умоляю вас — отвечайте мне откровенно: как принял в. кн. мой проект, желает ли, чтобы я прислал проект о преобразовании чиновничества и еще проект о учреждении народных школ, и если желает, куда мне выслать эти проекты?

Если же мой проект не нравится в. к., и в. к. не желает иметь его продолжение, то равно умоляю вас отвечайте мне откровенно. По моему болезненному состоянию мой труд мне не легко достается и трудиться напрасно было бы горько.

Не желая ввериться какому-нибудь писарю, я переписывал мой проект как умел.

Надеюсь, что искренность моего обращения к вам найдет в вас сочувствие, с истинным почтением имею быть, м[илостивый] г[осударь] ваш п[окорный] с[луга].

Адрес мой: London, City... Имя мое Николай Платонович, чин мой — коллежский регистратор.

* Комментарии к письмам №№ 1, 3 и 5 принадлежат Б. Козьмину, к письмам №№ 2 и 4 — С. Переселенкову.

Печатается по черновику, находящемуся в одной из записных книжек Н. П. Огарева, хранящихся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки имени Ленина (записная книжка № 22).

Письмо это относится к 1858 г., когда Огарев составил проект об освобождении помещичьих крестьян от крепостного права с обеспечением их земельными наделами. Этот проект он отправил на имя великого князя Константина Николаевича, который был известен, как сторонник отмены крепостного права, и который в это время находился за границей, куда он был вынужден отправиться по настоянию своего брата, императора Александра II, удалившего Константина Николаевича на время из Петербурга для успокоения заядлых крепостников, считавших Константина Николаевича инициатором и главным вдохновителем постановки вопроса об уничтожении крепостного права. Как видно из настоящего письма, проект Огарева, посланный через русское консульство в Ницце, до адресата почему-то не дошел. Тогда Огарев решил сделать вторичную попытку ознакомить великого князя со своим проектом, прибегнув для этого к помощи А. В. Головнина, одного из виднейших представителей петербургской либеральной бюрократии того времени, впоследствии (в 1861—1866 гг.) министра народного просвещения, а в то время — личного секретаря Константина Николаевича, сопровождавшего последнего в его заграничной поездке. 3 июня 1858 г. Герцен писал П. В. Анненкову: «Нельзя ли узнать двух вещей: 1, Огар[еву] еще хотелось бы переслать проект Конст[антину] Ник[олаевичу], то как лучше. 2, не возьмется ли Т[ургенев] переслать через Головнина или просто пусть даст адрес Гол[овнина]» («Звенья», № 3—4, М., 1934 г., стр. 393). Как видно из дальнейших писем Герцена к тому же Анненкову (там же, стр. 398, 400, 408), ни Анненков, ни Тургенев адреса Головнина почему-то не сообщили. Таким образом, повидимому, письмо Огарева Головнину, черновик которого мы печатаем, послано не было.

Недошедший до Константина Николаевича проект Огарева, в несколько «исправленном» виде был опубликован в № 14 «Колокола», от 1 мая 1858 г., под заголовком «Еще об освобождении крестьян».

Письмо Огарева Головнину датируется приблизительно по датам цитированных выше писем Герцена к Анненкову.

2. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА А. А. ТУЧКОВУ

Любезный друг Алексей Алексеевич

Сделай одолжение, друг мой, покончи мои дела с Бодмером, если Ник[олай] Мих[айлович] Сатин их еще не покончил. Бодмер передал здесь кому-то мое заемное письмо, по которому, как ты знаешь, из Казани послана уплата. Бодмер дал на меня вексель в 1768 р. 63 к., по счету, с которым я не согласен, и потому векселя не принимаю на Лондон. Я прошу Бодмера, если Сатина нет в Москве, адресоваться к тебе. Рассуди нас и покончи это дело. Во всяком случае, какую бы ты ни присудил сумму, платеж надо сделать на месте, потому что теперь курс на Лондон дает 300 убытку. Если же вы не сойдетесь, извести меня, какую мне прислать доверенность для иска о неправильном требовании, или я прямо отсюда пошлю прошение в надлежащее присутственное место в Москву.

Прости меня, что я тебя беспокою, но мне иначе делать нечего. Мы здоровы.

Тучков Алексей Алексеевич (1800—1879) — пензенский помещик, сосед по имению Огарева и отец второй его жены. Получил образование в Муравьевской школе для колоновожатых, а затем слушал лекции в Московском университете. Служил в свите е. и. в. квартирмейстерской части. В 1818 г., отправленный в Одоевский уезд Тульской губернии для собирания топографических и статистических сведений, вел дневник (напечатан в «Вестнике Европы», 1900 г., № 8), в котором указывал на целый ряд фактов, свидетельствующих о тяжелом положении крепостных. Горячо возмущаясь беззащитностью последних, он приходил к заключению, что «ни раба, ни господина быть не должно», и что только «рабы любят иметь рабов, ибо они не ищут своей собственной свободы, а довольствуются тем, что могут угнетать других». Восемнадцати лет от роду Тучков вступил в Союз Благоденствия. В январе 1826 г. он был арестован. В середине апреля того же года, по докладу Комиссии, «высочайше повелено его, продержав месяц под арестом, выпустить» (Центр. архив. «Восстание декабристов», т. VIII, Л., 1925 г.). Поселившись после этого в своем имении Яхонтово, Инсарского уезда Пензенской губернии, он «жил не так,

как жили помещики того времени, а как-то по иному, не по-русски». Даже его деревенский дом совсем не был похож на обыкновенные помещичьи дома. Никто никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из крепостных людей его враждебно к нему относился, а, напротив, все любили его и отзывались о нем, как о самом «простом» барине (И. А. Салов, «Умчавшиеся годы». — «Русская Мысль», 1897 г., VII—VIII).

С середины тридцатых годов, в течение пятнадцати лет, он служил по выборам, уездным предводителем дворянства до тех пор, пока в 1850 г., по проискам крепостников и местных чиновников, с которыми все время вел ожесточенную борьбу из-за интересов крестьян, не был арестован, вместе с Огаревым, Сатиным и Селивановым, по обвинению в принадлежности «к коммунистической секте». Однако, после кратковременного заключения при III отделении, был освобожден, но отставлен от должности, с запрещением в течение двух лет возвращаться в имение, и отдалей под секретный надзор. С Огаревым связывали Тучкова не только дружеские и родственные отношения, но и отношения чисто делового характера. «Необыкновенно развитой, практический ум» Тучкова, за который так высоко ценил Герцен последнего, все время помогал Огареву разбираться в его делах по устройству крестьян и в его промышленных предприятиях. С 1841 г. по 1846 г., когда Огарев находился за границей, Тучков управлял его имениями.

Автограф — черновик, с которого печатается настоящее письмо, — находится в тетради с такою надписью: «Ник. Платоновичу для писания, нам для чтения. 22 июля 1859 г. А. Герцен» (Лозаннский архив Герценов).

Вернее всего, что написано оно во вторую половину 1859 г., так как в конце этого года началось, согласно высочайшему повелению, дело о предании Огарева суду за отказ возвратиться, по требованию русского правительства, на родину, т. е., иначе говоря, сложились условия, при которых нелегально было ни посылать доверенности Тучкову, ни подавать прошения «в надлежащее присутственное место в Москву».

3. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА И. И. КЕЛЬСИЕВУ

[Апрель 1864 г.]

Любезный И[ван] И[ванович]

Наши друзья из великоруссов поручили нам избрать из наших общих друзей за границей человека, который мог бы явиться на съезд славянских деятелей и участвовать в нем от нашего общего имени. Для нас всего удобнее просить вас взять на себя это поручение, объяснить на съезде славянских деятелей содержание этого письма и просить их с своей стороны сказать нам — как и в чем мы им можем быть полезны; все что в наших силах мы, за границей живущие, и наши друзья в России будем готовы исполнить с полным сочувствием и искренней преданностью.

Мы, великоруссы, считаем себя братьями всех племен славянских. Мы убеждены, что это чувство братства таится и во всем нашем народе. Мы и наши друзья видели с ужасом и отвращением действие нашего правительства в Польше. Но, между тем, мы не можем не признать, что на эту минуту польское восстание возбудило, особенно в наших высших сословиях, такую реакцию против всего свободно-мыслящегося, что практически теперь наши действия связаны...

Настоящее письмо печатается по черновику, находящемуся в записной книжке Огарева № 12, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Конец письма не сохранился.

Из неопубликованных писем Н. И. Утина к Н. П. Огареву, фотокопии которых имеются в Государственном литературном музее, выясняется, что весной 1864 г. в Константинополе предполагался всеславянский съезд, на который ожидалось представители революционных партий всех славянских народностей. По поручению русской эмиграции в этом съезде в качестве делегата русских революционеров должен был принять участие И. И. Кельсиев. И. И. Кельсиев, видный участник московских революционных кружков и студенческого движения в Москве в 1861 г., весной 1863 г. бежал из-под ареста за границу. В 1864 г. он вместе со своим старшим братом В. И. Кельсиевым жил в Тульче, где, по поручению русской эмиграции, должен был наладить переправу в Россию русских заграничных революционных изданий. Состоялся ли предполагаемый съезд и участвовал ли в нем Кельсиев, выяснить не удалось.

Письмо Огарева датируется по вышеупомянутым письмам Н. И. Утина.

4. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА А. А. ГЕРЦЕНУ

Среда 5 мая [1876 г.]

Вчера еще хотел писать к тебе, друг мой Саша, так давно не писавши к тебе и не получавши от тебя писем. Но нездоровилось и не решился, а просидел в нашем саду, который Мэри развела на нашем дворике, и отдохнул. Хорошо еще, что болезнь все реже и реже, и, при наблюдении, я, падая, не ушибаюсь, как прежде. Погода все же сохранилась весною дышащей, несмотря на солнечное затмение и туман. Парк все же бесподобен и есть стороны в Гринвиче, где уединение меня удовлетворяет.

А. А. ТУЧКОВ

Фотография, 1850-е гг.

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

Герцен Александр Александрович (1839—1906) — старший сын Александра Ивановича. Профессор физиологии в университетах, сначала во Флоренции, а затем в Лозанне. После смерти отца, вместе с сестрами, материально поддерживал Огарева, к которому всегда питал дружеское расположение. Принадлежавший ему архив Огарева в начале нынешнего столетия почти целиком был передан им в дар Румянцевскому музею в Москве (ныне Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина).

5. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА НЕИЗВЕСТНОМУ

Главный вопрос учреждение общины. Главный путь к тому уничтожение властей повсюдное, чтобы потом община могла учредиться народным смыслом и соглашением. Может, прийти к подобному пере-

вороту в какой-нибудь местности — начала ради, было бы полезнее всякой печати, читаемой не народом, а полуиностранными. Немец полатыни seit, а русский человек seit по-русски, говорил мой друг Герцен.

Теперь я более ничего не могу прибавить.

Ваш старый Огарев.

Печатается по черновику, заимствованному из записной книжки Огарева № 33, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Начало письма не сохранилось, и это затрудняет датировку его. Ясно только, что оно написано после смерти Герцена, т. е. в 70-х годах.